

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

ПОЛИТИКА,
ЭКОНОМИКА,
ИДЕОЛОГИЯ

1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

КИТАЙСКАЯ
НАРОДНАЯ
РЕСПУБЛИКА
в 1978 году

V¹
— Кит

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА,
ИДЕОЛОГИЯ

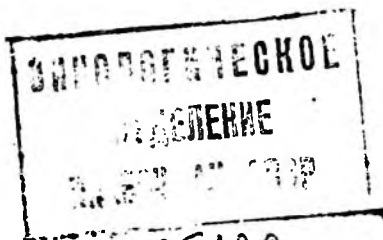
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

3211
К45

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — чл.-кор. АН СССР М. И. СЛАДКОВ-СКИП, заместитель главного редактора — канд. экон. наук В. И. ПОТАПОВ, д-р истор. наук Г. В. АСТАФЬЕВ, д-р истор. наук А. М. ДУБИНСКИЙ, д-р истор. наук Е. Ф. КОБАЛЕВ, д-р истор. наук В. А. КРИВЦОВ, канд. филос. наук В. Ф. ФЕОКТИСТОВ, канд. геогр. наук К. Н. ЧЕРНОЖУКОВ, канд. истор. наук А. Г. ЯКОВЛЕВ; ответственный секретарь канд. истор. наук Д. Т. КАПУСТИН.

ДЕК 2020
ПРОВЕРЕНО

25166к к

Китайская Народная Республика в 1978 году.
К45 Политика, экономика, идеология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1980.

367 с.

В книге содержатся основные сведения информационно-справочного характера о внутривосточном положении, идеологии, науке и культуре КНР, ее экономическом положении, внешней политике, важнейших событиях, происходивших в Китае в 1978 г.

К 11103—159
013(02)—80 98-80. 5000000000

32И+33И+37И

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

В очередном выпуске справочно-информационного издания «Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология» освещаются основные события, характеризующие положение в стране в 1978 г. Этот год дал убедительные доказательства того, насколько далеко зашло перерождение политики пекинского руководства, как глубока идейная деградация наследников и последователей Мао, сколь опасен для дела мира нынешний курс Пекина. 1978 год характеризовался прежде всего тем, что маоистское руководство КНР продемонстрировало отчаянную решимость любыми средствами добиться выполнения своих амбициозных гегемонистских планов — превратить Китай к началу XXI в. в мощное милитаристское государство. Раскрытию и анализу этого процесса, охватившего как внешнюю, так и внутреннюю политику Китая, посвящены разделы данного сборника.

Внешняя политика КНР стала ныне составной частью курса самой крайней империалистической реакции, направленного на срыв процесса разрядки и нагнетание международной напряженности. Как показывают материалы ежегодника, в своем антисоветизме китайские руководители откровенно сомкнулись с мировым антикоммунизмом и Пекин полностью проявил себя как провокатор международных конфликтов и поджигатель новой мировой войны.

Острой и сложной продолжала оставаться внутривнутриполитическая обстановка в КНР. Политическая нестабильность в стране и постоянная борьба за власть внутри правящей верхушки накладывали существенный отпечаток на все стороны жизни Китая. Материалы справочника показывают, что вопреки стремлению китайских лидеров приукрасить фасад маоистского военно-бюрократического режима, декларировать «демократизацию» общественно-политической жизни страны им не удалось добиться реальной «стабильности и сплоченности» в КНР. Ситуация в стране продолжала оставаться напряженной и потенциально взрывоопасной.

Целям достижения «мирового величия» Китая была подчинена и экономика КНР. В феврале — марте 1978 г. сессия ВСНП приняла план развития народного хозяйства КНР на 1976—1985 гг., конкретизировавший известную программу «четырёх модернизаций», направленную не на удовлетворение материаль-

ных потребностей трудящихся, а на усиление военно-промышленного потенциала Китая. В 1978 г. в ряде отраслей промышленности отмечен рост производства. Однако заявления китайских лидеров о «наведении порядка» в экономике на самом деле не означали ее оздоровления. По-прежнему экономике КНР были присущи кардинальные противоречия и трудности, порожденные маоистским курсом на милитаризацию страны, осуществляемую при относительной ограниченности материальных ресурсов. Это неизбежно ведет к сдерживанию прогресса во многих отраслях и к новым материальным невзгодам для трудящихся. Следует также отметить, что развитие сельского хозяйства, где занято свыше 70% самостоятельного населения и которое дает более половины бюджетных поступлений, не отвечало реальным потребностям страны и тем более амбициозным планам маоистов. Как показывают приведенные в справочнике расчеты, радужная картина положения дел в сельском хозяйстве в 1978 г., нарисованная пекинской пропагандой, не соответствовала действительности.

В данный выпуск ежегодника, построенного, как и предыдущие, по проблемному принципу, включен ряд статей обобщающего характера, которые выходят за рамки рассматриваемого периода. К ним относятся статьи «Центрально-Южный Китай» (продолжение серии «Экономические районы КНР»), «Изменения в размещении производительных сил» (охватывает последнее десятилетие), а также отчасти статьи о социальной структуре КНР и о политике Пекина в пограничных вопросах.

В разделе «Приложения» продолжается начатая в 1976 г. публикация персоналий высших руководителей КНР, а также приводятся краткие биографические сведения о некоторых членах нового руководства Постоянного комитета ВСНП.

Начиная с данного выпуска, редколлегия ввела новый раздел «Наука», учитывая то значение, которое придается ныне этим вопросам в Пекине.

Предлагаемый вниманию читателей выпуск ежегодника «Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология» написан и подготовлен к печати большим коллективом научных сотрудников Института Дальнего Востока АН СССР. Отсутствие опубликованных официальных данных во многом осложняло задачу исследования. Редколлегия и авторский коллектив не претендуют на исчерпывающее освещение затронутых в книге проблем, тем более что многие из них еще находятся в развитии. Редколлегия будет признательна всем читателям за высказанные замечания и пожелания в связи с выходом данного издания.

В подготовке рукописи к печати принимали участие канд. экон. наук Г. С. Цимбалов и В. В. Демченко.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Территория — 9 597 520 кв. км. Протяженность страны в широтном направлении — 5700 км, в меридиональном — 3650 км.

Протяженность границ — 36,5 тыс. км, в том числе свыше 21,5 тыс. км — по суше, около 15 тыс. км — морские границы. Протяженность советско-китайской границы — 7518 км. КНР граничит с КНДР, СССР, МНР, Афганистаном, Индией, Непалом, Бутаном, Бирмой, Лаосом и СРВ.

Рельеф преимущественно гористый: $\frac{2}{3}$ территории расположено выше 1000 м над уровнем моря, и лишь $\frac{1}{6}$ территории — равнины. Высшая точка — Джомолунгма в Гималаях (8882 м), низшая точка — Турфанская впадина (154 м ниже уровня моря).

Крупнейшие реки: Янцзы (5800 км), Хуанхэ (4845 км), Сицзян (2195 км).

Крупнейшие города: Пекин — 8,5 млн. человек, Шанхай — 12,3 млн., Тяньцзинь — 7,2 млн., Гуанчжоу — 5 млн.¹.

Население: Китай занимает 1-е место по численности населения, которое составляет 22—23% населения земного шара.

Численность населения КНР (млн. человек) ²:

1949 г. — 542,0	1959 г. — 673,0	1969 г. — 809,0
1950 г. — 552,0	1960 г. — 686,0	1970 г. — 827,0
1951 г. — 563,0	1961 г. — 692,0	1971 г. — 846,0
1952 г. — 575,0	1962 г. — 703,0	1972 г. — 866,0
1953 г. — 588,0	1963 г. — 718,0	1973 г. — 885,0
1954 г. — 602,0	1964 г. — 732,0	1974 г. — 903,0
1955 г. — 615,0	1965 г. — 746,0	1975 г. — 919,0
1956 г. — 632,0	1966 г. — 761,0	1976 г. — 933,0
1957 г. — 647,0	1967 г. — 777,0	1977 г. — 947,0
1958 г. — 659,0	1968 г. — 792,0	1978 г. — 958,0

Средняя плотность населения в 1978 г. составила 99 человек на 1 кв. км.

Административное деление. Сведений об изменениях в административном делении за 1978 г. нет. По-прежнему в Китае имеется 22 провинции (с Тайванем), 5 автономных районов, 3 города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь и Шанхай), 90 городов провинциального подчинения и 96 городов ок-

ружного подчинения; насчитывается 211 административных единиц окружного ранга и 2136 административных единиц уездного ранга.

ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗМЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Начиная с 1971 г., когда страна в какой-то степени начала возвращаться к плановому развитию (четвертая пятилетка — 1971—1975 гг.), можно отметить новые серьезные изменения в размещении производительных сил страны, которые были связаны с открытием и освоением нефтяных месторождений на востоке страны, созданием ракетно-ядерного потенциала Китая, с организацией баз товарного земледелия, с расконсервацией и завершением строительства ряда крупных промышленных объектов.

До середины 60-х годов основная добыча нефти сосредоточивалась в Северо-Западном Китае и в пров. Сычуань. В середине 60-х годов с открытием нефтяного месторождения Дацин в пров. Хэйлунцзян произошли значительные сдвиги в размещении нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Китая. Выявление нефтеносных районов, прилегающих к Бохайскому заливу, привело к созданию крупных нефтепромыслов Данган (вблизи Тяньцзиня) и Шэнли (пров. Шаньдун). Сейчас эти промыслы дают более $\frac{2}{3}$ всей нефтедобычи Китая. Новые перспективные районы нефтедобычи выявлены в западной части пров. Ляонин, в районе Паньшань-Инкоу (пров. Ляонин), в районе Фошань (пров. Гуандун). Открытие и разработка этих месторождений привели к строительству крупных нефтеперерабатывающих предприятий в Дацине, Люйда, Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Гуанчжоу и других пунктах. Для транспортировки нефтяного сырья были построены крупные нефтепроводы: Дацин — Циньхуандао — Пекин, Дацин — Люйда, Даган — Тяньцзинь — Пекин, Шэнли — Циндао и др. Для увеличения экспорта нефти за границу были построены нефтепроводы Дацин — КНДР, а также к морским портам Далянь, Циньхуандао, Циндао, Чжаньцзян, в которых были сооружены нефтеналивные причалы. В старых нефтеносных районах Северо-Западного Китая добыча росла медленно (Цинхай, Карамай) либо вообще оставалась на прежнем уровне (Юймэнь). Перспективы расширения нефтедобычи связаны с нефтеносностью шельфов залива Бохай и Южно-Китайского моря. Таким образом, центр нефтедобывающей промышленности переместился с запада на восток.

Сдвиги в противоположном направлении — на северо-запад и юго-запад, в глубинные районы страны, — связаны с созданием ракетно-ядерного потенциала Китая. В связи с ложным тезисом об «угрозе с севера» в пограничных с СССР и МНР районах ведется интенсивное военное и транспортное строительство,

некоторые предприятия перебазированы во внутренние районы страны. Там также создаются предприятия-дублеры.

Ракетно-ядерное производство, по данным иностранной прессы, сейчас сосредоточено преимущественно в Северо-Западном Китае, в частности в районе Ланьчжоу (заводы — оз. Лобнор (полигон)). Иностранные источники приводят сведения о том, что аналогичный комплекс-дублер создается в Юго-Западном Китае, где заводы сосредоточиваются в пров. Сычуань (Чунцин—Чэнду), а полигон — в Тибете.

В размещении сельскохозяйственного производства сдвиги носят другой характер: имеет место почти полный отказ от освоения крупных массивов целинных земель (определенные меры в этом направлении предпринимаются только в пров. Хэйлунцзян). Взамен этого происходит интенсификация земледелия в отдельных очагах, которые превращены в государственные базы производства товарного зерна и размещаются в наиболее благоприятных для развития земледелия старопашотных восточных районах Китая, причем сельскохозяйственное производство в этих базах развивается за счет значительной прямой помощи со стороны государства, тогда как на остальной территории Китая развитие сельского хозяйства по-прежнему ведется лишь в расчете «на собственные силы» (т. е. без государственных дотаций). Базы товарного земледелия (дельта р. Янцзы, приозерные равнины Дунтинху и Поянху, Цзянханьская равнина, равнина Чэнду, низовья и дельта р. Сицзян, низовья р. Ляохэ, Пекин-Тяньцзиньский район, правобережье р. Хуайхэ и др.) дают гарантированные урожаи и, занимая около 33 млн. га (менее $\frac{1}{3}$ всей пашни), производят основную массу товарного зерна страны. Произошли изменения в размещении отдельных сельскохозяйственных культур: посевы хлопчатника продвигаются в районы среднего и нижнего течения р. Янцзы, сахарной свеклы — во Внутреннюю Монголию и т. д.

Наконец, еще одним процессом, отражающим определенные сдвиги в размещении производительных сил Китая в западном направлении, является расконсервация, достройка и реконструкция ряда ранее законсервированныхстроек и их ввод в эксплуатацию. Примером тому могут служить введенные в эксплуатацию ГЭС: Люцзяся (1225 тыс. кВт), Саньмэнься (200 тыс. кВт), Цинтунся (900 тыс. кВт) и др. Благодаря этому увеличилось количество электроэнергии, передаваемой по построенным ЛЭП в крупные промышленные центры, находящиеся в среднем течении Хуанхэ и Янцзы, а также улучшились условия ирригации в районах, прилегающих к этим новым гидросооружениям.

Хотя все указанные процессы в некоторой степени способствуют развитию экономики внутренних частей Китая, развитие западных районов КНР еще остается нерешенной проблемой и задача более рационального размещения производительных сил

страны до сих пор остается, так как большая часть продукции всех отраслей народного хозяйства по-прежнему производится в восточных приморских провинциях страны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ КНР

ЦЕНТРАЛЬНО-ЮЖНЫЙ КИТАЙ

Центрально-Южный Китай — район с относительно низким уровнем хозяйственного развития. По промышленному потенциалу он занимает 4-е место среди шести районов страны, а по валовой сельскохозяйственной продукции 2-е место после Восточного Китая. Удельный вес Центрально-Южного Китая в промышленности и сельском хозяйстве КНР соответственно составляет, по оценкам, 15 и 27%. При этом по численности населения (26,5% населения КНР) и его плотности он занимает 2-е место после Восточного Китая.

Специализацию района в масштабах страны определяют развитые здесь горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия, легкая и пищевая промышленность, его крупная продовольственная база и разветвленная транспортная система.

На территории района расположены крупные промышленные, научные и культурные центры КНР — Ухань и Гуанчжоу с их многоотраслевой индустрией и развитыми транспортными связями.

Географическое положение, природные условия, естественные ресурсы

Центрально-Южный Китай протянулся более чем на 1500 км с севера на юг от р. Хуанхэ до берегов Южно-Китайского моря. Район занимает среднее положение в стране и граничит со всеми экономическими районами КНР, за исключением Северо-Восточного Китая.

В состав района входят провинции Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуандун и Гуанси-Чжуанский автономный район (ГЧАР). К Центрально-Южному Китаю относятся многочисленные острова Южно-Китайского моря. На его территории находятся английский Гонконг и португальское Макао. Площадь экономического района — 1 млн. кв. км (10,8% территории КНР).

Территория района представляет собой в основном равнинно-холмистую местность с отдельными массивами средневысотных гор (преимущественно в западных и южных частях), не препятствующими внутрирайонным связям.

Большая протяженность с севера на юг определила значительные внутрирайонные природно-климатические различия. Се-

верная часть района находится в зоне умеренного климата, а его крайний юг — в зоне тропического климата. В самой северной провинции Хэнань средняя температура января составляет $0-2^{\circ}$, июля $+25-27^{\circ}$. Безморозный период длится свыше 210 дней, за год выпадает свыше 500 мм осадков. В самой южной провинции Гуандун показатели соответственно составляют: температура $+10^{\circ}$ и $+28-30^{\circ}$, безморозный период — весь год, осадки — около 1800 мм.

Почвенно-климатические условия Центрально-Южного Китая благоприятствуют произрастанию различных сельскохозяйственных культур, особенно риса, соевых бобов, сахарного тростника, рами, джута, хлопчатника, кунжута, многих тропических культур.

Район имеет развитую гидрографическую сеть со значительными водными ресурсами, способствующими развитию поливного земледелия, водного транспорта. По его территории протекают крупнейшие реки страны: Янцзы, Хуанхэ, Чжуцзян и др. В районе находится одно из крупнейших озер страны, Дунтинху, и многие другие крупные озера. Велики запасы гидроэнергии. Только в ущелье Санься на р. Янцзы возможно сооружение гидроэлектростанций суммарной мощностью около 13,4 млн. кВт³.

Площадь лесов в районе в целом невелика, составляя до 5% территории Хэнань и Хубэй и до 20% южных частей района⁴. Здесь, в горах Наньлин, расположен один из крупных лесных массивов страны. Основные древесные породы — сосна массивная, куннингамия, тунг, камфарное дерево и другие специфические субтропические и тропические породы деревьев.

Центрально-Южный Китай богат минеральным сырьем, особенно рудами цветных и черных металлов. Наиболее крупные запасы железной руды (около 2,5 млрд. т)⁵ сосредоточены в пров. Хубэй. Гуанси занимает 1-е место в КНР по запасам марганца. Большая часть запасов сурьмы в КНР приходится на пров. Хунань, где одно только месторождение Сикуаншань содержит 1 млн. т сурьмы⁶. Месторождения олова в Гуанси и Гуандуне — вторые по значению в стране после Юньнани (Юго-Западный Китай). В горах Наньлин находятся крупнейшие в КНР месторождения вольфрама, большая часть которых приходится на Хунань и Гуандун. Хунань богата свинцово-цинковыми рудами. Гуанси занимает одно из первых мест в стране по запасам бокситов. Велики запасы урана, редких металлов, редкоземельных элементов (особенно в Гуандуне).

Район имеет крупные запасы горючих сланцев (6,25 млрд. т, или 550 млн. т в пересчете на искусственное жидкое топливо — ИЖТ)⁷. Месторождения нефти обнаружены в дельте р. Чжуцзян. Поиски нефти ведутся у о-ва Хайнань и на шельфе Южно-Китайского моря. Крупные запасы угля выявлены в пров. Хэнань.

Центрально-Южный Китай богат неметаллическими полезными ископаемыми: известняком, пиритами, фосфоритами, пьезокварцем, плавиковым шпатом, гипсом и др.

Для района характерно наличие многочисленных территориальных сочетаний разнообразных природных ресурсов, позволяющих создать горнопромышленные узлы и в целом крупный многоотраслевой народнохозяйственный комплекс.

Население

По численности населения и его плотности Центрально-Южный Китай уступает только Восточному Китаю. В середине 70-х годов в районе проживало, по оценочным данным, 225 млн. человек, или 26,5% населения КНР (в том числе в Хэнани — 60 млн. человек, в Хубэе — 40 млн., в Хунани — 40, в Гуандуне — 55, в ГЧАР — 30 млн.).

По национальному составу население района практически однородное — ханьское. Только ГЧАР выделяется высоким удельным весом неханьских народов (главным образом чжуан), составляющим около трети всего населения автономного района. Плотность населения в Центрально-Южном Китае в 2,44 раза превышает среднекитайскую.

Несмотря на высокую плотность населения, уровень урбанизации в районе заметно ниже среднекитайского. Немногочисленные крупные и средние по численности города выросли как центры, обслуживающие обширные земледельческие зоны. Последние расположены в долинах и дельтах рек. Здесь концентрируется основная часть населения.

В 60-х годах широкое развитие в районе получила «сельская индустриализация». Ее результатом стал заметный рост многочисленных мелких уездных центров (скрытая урбанизация).

В целом район является трудоизбыточным. Особенно велики «избытки» населения в городах. Проводится выселение горожан в сельские слабоосвоенные части района и за его пределы.

Общая характеристика хозяйства

Центрально-Южный Китай относится к районам с низким уровнем экономического развития. В прошлом, как и многие другие внутренние и южные приморские районы страны, он не достиг заметного хозяйственного роста. До известной степени исключениями были только Ухань и Гуанчжоу. Однако эти города не играли ведущей роли в индустриализации страны.

После 1949 г. удельный вес района в экономике страны несколько возрос (особенно заметно это было в 50-е годы).

Сельское хозяйство и транспорт развиты здесь в большей мере, чем промышленность. В целом хозяйство района носит индустриально-аграрный облик, хотя удельный вес промышленно-

сти, если судить по совокупной продукции, близок к удельному весу сельского хозяйства.

Доля тяжелой индустрии лишь ненамного превышает удельный вес легкой промышленности в валовой промышленной продукции, что отражает тесную связь экономики района с сельским хозяйством. Для промышленности характерен высокий удельный вес мелкого производства, в том числе в базовых отраслях.

В 70-е годы наметилась определенная тенденция к сооружению крупных мощностей в электроэнергетике, топливной, металлургической, нефтехимической промышленности. Заметно ускорилось также развитие транспортной системы района. Подобные изменения в подходе китайского руководства к экономическому развитию Центрально-Южного Китая, несомненно, связаны со стремлением превратить район в опорную военно-экономическую базу страны.

Промышленность

Центрально-Южный Китай имеет низкий уровень промышленного развития. Производство промышленной продукции на душу населения здесь на 40% ниже, чем в среднем по стране (см. табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес Центрально-Южного Китая в промышленном производстве КНР *, %

Провинция	1952 г.	1957 г.	1965 г.	1971 г.	1975 г.
Хэнань	1,4	2,2	2,6	3,1	3,2
Хубэй	2,8	3,6	2,9	3,2	2,7
Хунань	2,2	2,3	2,0	2,4	2,2
Гуандун	5,1	5,1	5,5	4,8	5,4
Гуанси	1,0	1,0	0,9	1,1	1,3
Весь район	12,5	14,2	13,9	14,6	14,8

* R. M. Field, N. R. Lardy. I. Ph. Emerson. Provincial industrial output in the PRC: 1949—1975. Wash., Sept. 1976, с. 11, 14, 20.

Хотя масштабы развития ряда базовых отраслей (на фоне других районов) и внушительны, значительная часть мощностей (в производстве черных металлов, цемента, электроэнергии, угля, удобрений) приходится на мелкие предприятия, играющие незначительную роль в индустриализации района. Поэтому развитие базовых отраслей остается трудной и наиболее важной

задачей⁸. Уровень развития обрабатывающих отраслей тяжелой промышленности низок, удельный вес кустарного производства высок.

Как явствует из таблицы 2, Центрально-Южный Китай выделяется развитием горнодобывающей промышленности, цветной и черной металлургии, лесохимической, легкой и пищевой промышленности, а также некоторых отраслей машиностроения (производство тракторов, текстильных машин, судов, подшипников и др.).

Таблица 2

Удельный вес Центрально-Южного Китая в промышленном производстве КНР (по состоянию на 1975 г.)

Вид продукции	В процентах от КНР
Валовая продукция	14,8
Уголь	10,0
Электроэнергия *	20,3
Цемент	20,0
Сталь *	25,8
Химические удобрения	29,0
Тракторы (в 15 л. с. исчислении)	50,0

*Установленные и производственные мощности.

Слаборазвитая топливно-энергетическая база района затрудняет его развитие. Углем район обеспечивает только $\frac{2}{3}$ своих потребностей. Свыше половины всего угля Центрально-Южного Китая добывается в пров. Хэнань. Здесь расположены крупнейшие шахтоуправления района — Пиндиншаньское и Цзяоцзо (добыча, по данным Синьхуа, соответственно 11 и 5 млн. т угля в год).

Нефть добывается в дельте р. Чжуцзян в пров. Гуандун. Вблизи г. Маомин ведется добыча нефтеносных сланцев, из которых на местном сланцеперерабатывающем комбинате ежегодно получают около 1,5 млн. т искусственного жидкого топлива (ИЖТ). В Гуанчжоу, Маомине, Ухани сосредоточены основные нефтеперерабатывающие мощности района. Всего на район приходится не более 10% нефтеперерабатывающих мощностей страны. Нефть и нефтепродукты ввозятся из северных провинций страны и из-за рубежа.

В районе ощущается недостаток крупных электроэнергетических мощностей, единая электроэнергетическая система отсутствует. Отдельные значительные системы имеются в пров. Гуандун (общей мощностью 1100 тыс. кВт) и в пров. Хубэй (1330 тыс. кВт)⁹.

Черная металлургия является отраслью индустриальной специализации района. В середине 70-х годов в Ухани, Гуанчжоу, Шаогуани, Лючжоу, Хуанши и других городах имелись мощности по выплавке около 10 млн. т чугуна, 8 млн. т стали, производству 5 млн. т проката. Развитие топливной и сырьевой базы отстает, поэтому часть сырья и топлива ввозится из других районов страны, и мощности по производству черных металлов используются не полностью. Осуществляется расширение Уханьского металлургического комбината, что значительно увеличит потенциал отрасли.

Важной отраслью специализации Центрально-Южного Китая является цветная металлургия. Высок удельный вес района в выплавке олова, свинца и цинка, сурьмы, в производстве концентратов вольфрамовой, урановой руд, редких металлов и редкоземельных элементов. Основной район добычи руд цветных металлов расположен в горах Наньлин (Хунань, Гуандун, Гуанси). Всекитайское значение имеют такие центры цветной металлургии, как Чжучжоу, Шуйкоушань, Сикуаншань, Чанша, Хэньян, Шаогуань, Фучжун. Важным условием развития отрасли является укрепление энергетической базы южных частей района.

Машиностроение остается слабым звеном экономики Центрально-Южного Китая. Общекайское значение имеет только производство судов (Гуанчжоу), тракторов (Лоян), подшипников (Лоян), ткацких станков (Чжэнчжоу), тяжелых станков (Ухань). Заводы района выпускают многие другие виды оборудования и машины. Однако объемы их производства невелики. В целом масштабами развития промышленности выделяются такие многоотраслевые центры машиностроения, как Ухань, Гуанчжоу, Лоян.

Химическая промышленность не обеспечивает потребности района в соответствующей продукции. Район как крупная продовольственная база нуждается в расширении производства удобрений, инсектицидов. Слабо развита промышленность органического синтеза. Благоприятные условия для развития отрасли складываются в районе Гуанчжоу и Маомина (где расширяется нефтепереработка), в Ухани с ее удобными транспортными связями.

В Центрально-Южном Китае создана крупная строительная база, представленная предприятиями по производству цемента в Гуанчжоу (1,5 млн. т в год), Хуанши (1 млн. т), Лояне (0,45 млн. т), кирпича и других строительных материалов.

Горные районы Центрально-Южного Китая — одна из главных лесозаготовительных баз КНР. Леса этого района — важный источник получения канифоли, скипидара, древесных масел, латекса и других продуктов лесохимии, по производству которых район занимает ведущее место в стране.

Крупное производство хлопка, джута, шелковичных коконов стало основой создания в районе развитой текстильной про-

мышленности всекитайского значения. Только предприятия пров. Хэнань производят около 8% хлопчатобумажных тканей в стране¹⁰. Дельта р. Чжуцзян — один из трех главных районов производства шелковых изделий в КНР.

Центрально-Южный Китай имеет многоотраслевую пищевую промышленность общекитайского значения. Производство сахара (более 65% общекитайского производства) сосредоточено в Гуандуне и Гуанси. Здесь же (в Гуанчжоу, Шаньтоу, Хайкоу, Наньнин) сосредоточены крупные консервные заводы. Повсеместно работают рисорушные, мукомольные, чаеобрабатывающие, табачные и другие предприятия отрасли.

Сельское хозяйство

Для Центрально-Южного Китая характерна высокая интенсивность использования земельных ресурсов. Несмотря на неодинаковую по району распаханность земель (от 53—54% на севере до 11—12% на юге)¹¹, практически все пригодные для обработки участки уже давно используются в сельском хозяйстве. В районе имеется всего 3,2 млн. га целинных земель (или 15% пахотной площади региона), освоение которых не требует значительных затрат¹². Поэтому перспективы развития земледелия прежде всего связаны с повышением эффективности использования старопахотных земель.

Центрально-Южный Китай имеет развитое сельское хозяйство с интенсивным, преимущественно поливным земледелием. Высок коэффициент повторности посевов: от 1,6 на севере до 3 на юге района. В результате здесь с пашни, составляющей только 19,5% пахотных земель страны, собирают 27% продовольственных культур (включая сою¹³), около 30% хлопка¹⁴, свыше 65% сахароносных культур (по содержанию сахара), 30% рами, свыше 20% табака. Район также выделяется производством арахиса, джута, кунжута, сбором чайного листа, шелковичных коконов, выращиванием масличной камелии, тунгового дерева и т. д. На Гуандун и Гуанси приходится почти 100% сбора эфиромасличных и тропических культур, от 50 до 100% цитрусовых и тропических фруктов.

В Центрально-Южном Китае собирают, как правило, стабильные урожаи, что еще более повышает значение этой сельскохозяйственной базы.

Здесь также развиты свиноводство, рыбоводство и рыболовство (свыше 25% общего улова в КНР).

Наиболее интенсивно ведется сельское хозяйство на юге района, особенно в дельте р. Чжуцзян — одной из главных продовольственных житниц страны.

В больших объемах продовольствие и другая сельскохозяйственная продукция вывозится в другие районы страны, а частично и за рубеж.

Транспорт и экономические связи

За годы существования КНР транспортная сеть района получила значительное развитие, что связано с его центральным экономико-географическим положением и ростом его роли как центральной военно-экономической базы КНР.

Большая часть грузооборота приходится на железные дороги, протяженность которых в 1978 г. достигла 7600 км, или 14,3% протяженности всех железных дорог Китая. Плотность дорог в районе в 1,3 раза выше среднекитайской. Наибольшую нагрузку несут меридиональная дорога Пекин—Гуанчжоу и широтная Лунхайская железная дорога. По ним осуществляются в основном массовые межрайонные перевозки. Железная дорога Пекин—Гуанчжоу крайне перегружена. Вступившая в строй в 1978 г. параллельная ей дорога Цзяоцзо—Лючжоу имеет важное значение для развития слабо развитых западных частей района.

Определенное развитие получила сеть шоссейных дорог. Их густота в районе в 2,5 раза выше, чем в среднем по Китаю, а протяженность к 1978 г. достигла 180 тыс. км, или 24% общей длины шоссейных дорог КНР¹⁵.

Видное место в грузоперевозках занял быстро развивающийся водный транспорт. Крупнейшими судоходными артериями являются реки Янцзы и Чжуцзян. На них расположены крупнейшие речные порты страны—Ухань и Гуанчжоу. Реки широко используются для внутрирайонных перевозок, обеспечивая связи с труднодоступными отдаленными частями Центрально-Южного Китая.

Через морские порты района осуществляются внешнеэкономические связи не только Центрально-Южного и Юго-Западного Китая, но и северных провинций КНР. Порты Гуанчжоу—Хуанпу (грузооборот около 10 млн. т в год)¹⁶ и Чжаньцзян (5 млн. т в год) принадлежат к числу крупнейших в стране. Другие, особенно важные порты—Шаньтоу, Басо (остров Хайнань), Бэйхай.

Трубопроводный транспорт не получил развития. Известен только один сравнительно крупный (диаметр—1000 мм) нефтепровод Чжаньцзян—Маомин протяженностью 140 км. По зарубежным сообщениям, из Сычуани в юго-восточные районы страны прокладывается газопровод, который достиг г. Чанша в пров. Хунань¹⁷.

Важнейшие города района связаны авиарейсами с главными центрами страны. Аэропорты местного значения имеются в ряде других городов. Кроме того, Гуанчжоуский аэропорт обслуживает дальние международные рейсы КНР.

Узловое транспортное положение района, его соседство почти со всеми экономическими районами КНР, имеющими различную структуру хозяйства, стимулируют дальнейший рост транс-

порта Центрально-Южного Китая, расширение его экономических связей.

Из района в другие части страны доставляются продовольствие, сельскохозяйственное сырье, продукция горнодобывающей промышленности, черные и цветные металлы, строительные материалы, продукция лесохимической, пищевой, легкой и бумажной промышленности, тракторы, подшипники, тяжелые станки, текстильные машины, горно-шахтное и другое оборудование. Заметная часть вывозимой продукции идет на экспорт, прежде всего в Гонконг и страны Юго-Восточной Азии.

В район ввозятся уголь, нефть, химические удобрения, различные машины и оборудование.

Важнейшие экономические зоны

На территории Центрально-Южного Китая еще не сложился единый народнохозяйственный комплекс с развитыми внутрирайонными связями. Для района характерна значительная удаленность друг от друга основных экономических центров, слабо развиты их хозяйственные связи, внутрирайонная специализация и кооперация.

Наиболее важные экономические зоны имеют развитое сельское хозяйство, промышленность и транспорт. Расположенные в них значительные промышленные центры района являются к тому же главными узлами транспортной системы.

Особенности экономико-географического положения таких зон, как Северохэнаньская, Уханьская, Чанша-Сянтань-Чжучжоуская и Гуанчжоуская, благоприятствуют их дальнейшему преимущественному развитию и расширению.

Северохэнаньская зона в основном протянулась вдоль р. Хуанхэ. Здесь сконцентрирована значительная часть посевов пшеницы, соевых бобов, кукурузы, хлопчатника, арахиса, табака и других культур в пров. Хэнань. Из минеральных ресурсов наиболее значительны запасы каменного угля, железной руды и серы.

В данной зоне развиты машиностроение, текстильная и пищевая промышленность, добыча угля. Продукция этих отраслей (каменный уголь, металлургическое, горно-шахтное, текстильное оборудование, подшипники, тракторы, хлопчатобумажные ткани, пищевые продукты) имеет общекитайское значение.

Важнейшие экономические центры зоны — города Чжэнчжоу, Лоян, Кайфын, Аньян, Пииньшань, Цзяоцзо.

Чжэнчжоу — крупнейший экономический центр Хэнаня. После образования КНР город значительно вырос. Его население увеличилось со 150 тыс. до 1 млн. 700 тыс. человек, а количество промышленных рабочих — с 0,5 тыс. до 210 тыс.¹⁸. В Чжэнчжоу находится около 100 предприятий, в том числе более 30 текстильных фабрик, один из крупнейших в стране заводов

текстильных машин, крупные предприятия по производству шахтного оборудования, электрокабеля, станков, тракторов, абразивов и др.

Тяжелая промышленность дает 46% промышленной продукции города, в том числе машиностроение — 20%. 30% продукции приходится на текстильную промышленность¹⁹.

Текстильные фабрики ежедневно перерабатывают 100 т хлопка, выпускают 1000 кип пряжи и 1 млн. м тканей (т. е. около 4% общекитайского производства) и дают половину всей продукции хлопчатобумажной промышленности провинции²⁰.

Третье по значению производство города — пищевая промышленность с крупными мясоперерабатывающими, маслобойными, мукомольными, табачными предприятиями.

Чжэнчжоу — один из важнейших железнодорожных узлов страны, находящийся на пересечении Лунхайской и Пекин-Гуанчжоуской железных дорог.

Лоан (500 тыс. жителей) — центр машиностроения всекитайского значения. В городе сооружены крупнейший в стране тракторный завод (свыше 22 тыс. тракторов и бульдозеров в год), один из наиболее производительных подшипниковых заводов (10 млн. комплектов в год), завод горнорудного оборудования, предприятия по выпуску станков-автоматов, паровых турбин, цементный завод (450 тыс. т цемента в год), текстильный комбинат и др.

Кайфын (400 тыс. жителей). Здесь расположены заводы клапанов высокого давления и автотракторного электротехнического оборудования, завод химических удобрений. Широко представлена кустарная промышленность.

Пиндиншань (свыше 300 тыс. жителей) — центр угольного бассейна общекитайского значения годовой мощностью свыше 11 млн. т высококачественного коксующегося угля.

Уханьская экономическая зона

Зона находится у слияния р. Янцзы с ее притоком р. Ханьшуй, в районе с высокой плотностью населения, развитым орошаемым земледелием. Здесь открыты железорудные месторождения. На территории зоны перекрещиваются крупнейшие транспортные артерии Китая — Пекин-Гуанчжоуская железная дорога и судоходная река Янцзы.

Экономическое значение зоны определяется высоким уровнем развития черной металлургии (10% общекитайских мощностей), тяжелого машиностроения, цементной (около 3% всех мощностей КНР) промышленности. Промышленность зоны сконцентрирована в городах Ухань и Хуанши.

Ухань (3,5 млн. жителей) — один из крупнейших городов и экономических центров КНР. Его рост связан с развитием здесь металлургического производства. Расположен в городе ме-

таллургический комбинат (УМК) имеет значительные производственные мощности, в том числе по выплавке стали около 2,5 млн. т в год. Предполагается, что в ближайшие годы при содействии фирм Японии и ФРГ мощности УМК возрастут в 2—3 раза, в том числе по производству проката превзойдут 5 млн. т.

В Ухани сосредоточены заводы по выпуску тяжелых станков, паровых турбин, вагонов и многие другие машиностроительные предприятия. Широкое развитие получила текстильная (свыше 10 предприятий) и пищевая индустрия. В городе находится один из крупнейших в стране мясокомбинатов.

Ухань — узел сухопутных и водных перевозок, а также значительный культурный и научный центр КНР.

Хуанши расположен в районе разработок флюсов и железной руды, используемой для УМК. С расположенного здесь Дасекого месторождения ежегодно поставляется 5 млн. т железной руды. Местный металлургический комбинат имеет производительность 700 тыс. т стали в год. В Хуанши сооружен также один из крупнейших цементных заводов КНР мощностью около 1 млн. т в год.

Чанша-Сянтань-Чжучжоуская экономическая зона

Зона расположена в низовьях судоходной реки Сянцзян, на пересечении железнодорожных магистралей Пекин — Гуанчжоу и Гуйчжоу — Хунань, в районе интенсивного земледелия. Прилегающие к ней земли богаты рудами черных и особенно цветных металлов. Предприятия зоны специализируются на добыче минерального сырья, выплавке цветных металлов, производстве горнорудного оборудования и переработке сельскохозяйственного сырья.

В *Чанша* (800 тыс. жителей) находится половина всех риноочистительных мощностей Хунани. Здесь построены также предприятия по выпуску железнодорожных вагонов, горнорудного оборудования, станкостроительный и другие заводы.

Сянтань (400 тыс. жителей). В городе расположены металлургический комбинат средней мощности, кабельный завод, завод электродвигателей и другие предприятия по выпуску промышленного оборудования, текстильный комбинат.

Чжучжоу (400 тыс. жителей) — важный центр цветной металлургии страны (выплавка свинца, цинка, меди). В городе построены крупный завод фосфорных удобрений, локомотиво-вагоностроительный завод, большая углемечная фабрика.

Гуанчжоуская экономическая зона

Зона занимает территорию плотно заселенной дельты р. Чжучзян с интенсивным поливным земледелием и полосу вдоль Пе-

кин-Гуанчжоуской железной дороги до г. Шаогуаня, расположенного в горнопромышленном районе пров. Гуандун.

В пределах зоны разведаны месторождения нефти, угля, железной руды, многих руд цветных металлов, пиритов, известняка и другого минерального сырья. Зона имеет развитую транспортную систему и единую энергосистему. Основные экономические центры: Гуанчжоу, Фошань, Цзянмынь, Шаогуань.

Гуанчжоу — крупнейший экономический центр на юге Китая. Население — 3,2 млн. человек, в том числе 0,8 млн. рабочих²¹. Предприятия города производят около 2,5% промышленной продукции страны²². Важнейшие среди них: судостроительные верфи, металлургический комбинат (мощностью около 1 млн. т стали в год), завод тяжелого машиностроения, два цементных завода (общей мощностью более 1 млн. т в год), фабрика газетной бумаги (1/4 производства в стране), крупные текстильные, пищевые и многие другие предприятия. Строится нефтехимический комбинат. Удельный вес тяжелой индустрии в продукции города достиг в 1975 г. 38%²³. Гуанчжоу — узел шоссейных и железных дорог, крупный морской, речной и воздушный порт страны, один из ее важнейших научных и культурных центров.

Фошань (230 тыс. жителей — центр нефтехимической, фарфоро-керамической и текстильной промышленности района).

Шаогуань (100 тыс. жителей) — растущий центр черной и цветной металлургии страны с крупными предприятиями металлоемкого машиностроения и строительной индустрии.

В Гуандуне и Гуанси имеется ряд крупных промышленных центров, расположенных на значительном расстоянии друг от друга: Чжаньцзян (машиностроение, химическая промышленность, крупный морской порт), Маомин (нефтяная и нефтехимическая промышленность), Шаньтоу (машиностроение и пищевая промышленность, крупный порт), Лючжоу (черная металлургия, машиностроение), Наньнин (машиностроение, легкая и пищевая промышленность).

* * *

Направление дальнейшего развития Центрально-Южного Китая определяется политикой китайского руководства по превращению района в центральную военно-экономическую базу КНР. Это, очевидно, приведет к некоторому повышению его удельного веса в экономике КНР. Еще более отчетливой станет сложившаяся специализация района в хозяйстве страны. Особое внимание будет уделено росту базовых отраслей промышленности.

Существенное расширение должна получить Уханьская металлургическая база, в Гуандуне и Гуанси планируется создание новых баз горнодобывающей промышленности и цветной

металлургии. В Гуандуне дальнейшее развитие получит нефтяная промышленность.

Это, в свою очередь, требует значительного роста энергетики, увеличения добычи минерального сырья и топлива, дальнейшего расширения железнодорожной сети, портового хозяйства, что усложняет решение главных задач по развитию района.

Не исключено дальнейшее развитие экономических связей района с Гонконгом и Макао.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С населением сельских уездов, входящих в городские территории (точных данных по населению других городов нет).
- ² Без Тайваня. Население Тайваня более 16 млн. человек.
- ³ Сунь Паньшоу и др. Центральный Китай. М., 1961, с. 103.
- ⁴ Там же, с. 82, 244; Лян Жэньцай и др. Южный Китай. М., 1962, с. 75.
- ⁵ «Чанцзян жибао», 1.VII.1958.
- ⁶ «Mining Annual Review — 1978», L., 1978, с. 430.
- ⁷ «Чжунгун няньбао 1971», Тайбэй, 1971, ч. I, с. 48—49.
- ⁸ См., например, выступление секретаря Хубэйского провинциального комитета КПК от 3 июня 1977 г. и первого секретаря Гуандунского провинциального комитета КПК от 27 января 1977 г. — «Daily report. The People's Republic of China», 1.II, 10.VI.1977.
- ⁹ «The China Business Review», 1978, № 5, с. 30.
- ¹⁰ Оценка на основании: «Дили чжиши», 1976, № 5.
- ¹¹ Цит. по: «Сельское хозяйство КНР. 1949—1974». М., 1978, с. 204.
- ¹² «Дили чжиши». 1956, № 4.
- ¹³ «People's Republic of China. A handbook of economic indicators». CIA, Aug., 1976, с. 12.
- ¹⁴ «Сельское хозяйство КНР 1949—1974». М., 1978, с. 293.
- ¹⁵ «Чжунгун няньцзю», 1978, февраль, № 134, с. 62.
- ¹⁶ «Жэньминь жибао», 10.I.1977.
- ¹⁷ «Mining Annual Review — 1978», L., 1978, с. 428.
- ¹⁸ «Дили чжиши». 1976, № 5; «Китай на стройке». 1977, № 11.
- ¹⁹ «Дили чжиши». 1976, № 5.
- ²⁰ «Китай на стройке». 1977, № 11, с. 18—22.
- ²¹ «Daily Report. PRC». Wash., 7.VI.1977.
- ²² Оценка на основании: «Гуандун дили гайкуан». Гуанчжоу, 1973, с. 60 (на кит. яз.).
- ²³ «China Trade Report». 1976, № 3, с. 7.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

1-я СЕССИЯ ВСНП 5-го СОЗЫВА

Важнейшим событием года стала 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 5-го созыва, принявшая новую конституцию КНР. В соответствии с задачей, поставленной XI съездом КПК (август 1977 г.), сессия законодательно закрепила ряд важнейших государственных институтов, необходимых для усиления эффективности государственного аппарата с целью проведения в жизнь программы «четырёх модернизаций». Государственное строительство велось в условиях продолжавшейся борьбы между группировками в китайском руководстве. Сессия ВСНП проводилась под лозунгом установления «всеобщего порядка» в стране, обеспечения «стабильности и сплоченности». Сложность и противоречивость происходивших в КНР политических процессов нашли отражение в документах сессии ВСНП.

Подготовка к сессии сопровождалась активизацией кампании «разоблачения и критики „банды четырех“», в ходе которой группировки в пекинском руководстве и поддерживавшие их политические силы на местах старались добиться преимуществ для себя. Борьба велась в связи с решением кадровых проблем в центре и на местах. Статьи, опубликованные центральной печатью незадолго до сессии ВСНП, содержали осторожную критику в адрес тех руководителей КНР, которые «не добивались последовательного проведения» установок XI съезда партии в области кадровой политики¹.

Судя по прежним официальным сообщениям, созвать сессию ВСНП предполагалось в 1977 г. Задержка произошла из-за незавершенности политической чистки, а также из-за разногласий в пекинской верхушке относительно дележа государственных постов.

Постановление о созыве сессии ВСНП весной 1978 г. было принято на 4-м заседании Постоянного комитета ВСНП 4-го созыва, состоявшемся 23—24 октября 1977 г.² Таким образом, полномочия ВСНП 4-го созыва аннулировались за два года до истечения установленного конституцией срока. Вскоре после заседания Постоянного комитета начались (завершившиеся в феврале 1978 г.) сессии собраний народных представителей (СНП) провинций, автономных районов, городов центрального подчинения.

ния, на которых путем «демократических консультаций» избирались (фактически назначались) депутаты ВСНП 5-го созыва. По существу эти сессии явились средством проведения чисток в провинциальном звене руководства КНР.

Китайское руководство пошло на очевидное нарушение ранее принятого в КНР порядка формирования высшего представительного органа государственной власти на основе многостепенных выборов. В соответствии с формально не отмененным в то время законом о выборах (1953), а также сложившейся политической практикой вначале должны были быть сформированы собрания народных представителей низового звена (в сельских народных коммунах, городских районах и городах без районного деления и поселках), которые на своих сессиях должны были избрать представителей в СНП вышестоящего (уездного) звена, а последние — депутатов СНП провинциального звена. Однако, судя по докладу Хуа Гофэна на сессии ВСНП, сессии собраний народных представителей ниже провинциального звена не проводились вовсе. При формировании высшего представительного органа государственной власти в КНР не соблюдались таким образом даже элементарные нормы демократии.

Подготовительную работу к сессии ВСНП фактически завершил 2-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (18—23 февраля 1978 г.). Как указывалось в официальном коммюнике, задача пленума состояла в том, чтобы «завершить политическую, идеологическую и организационную подготовку, необходимую для успешного проведения» сессии. Выступивший на этом пленуме с речью Хуа Гофэн возложил на сессию ВСНП «ответственную историческую миссию по претворению в жизнь линии XI съезда КПК»³.

Пленум, как указывалось в коммюнике, обсудил и одобрил документы, представленные на его рассмотрение Политбюро: «Доклад о работе правительства», «Проект основных положений десятилетнего плана развития народного хозяйства на 1976—1985 годы», «Проект исправленной конституции Китайской Народной Республики». Пленум постановил представить эти документы на рассмотрение сессии ВСНП. Было также принято решение по кадровым вопросам: одобрен список кандидатов в члены Постоянного комитета ВСНП нового созыва, кандидатуры премьера и других членов Государственного совета КНР, председателя Верховного народного суда и Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры. Пленум одобрил и новый текст государственного гимна КНР.

Отказ от подлинно демократических выборов как способа формирования высшего представительного органа государственной власти определил особенности персонального состава ВСНП 5-го созыва. Состав ВСНП отразил заметное усиление роли вооруженных сил в политической жизни страны за последние

годы. Из 3500 мест в составе ВСНП представители армии, насчитывающей около 4 млн. человек, получили 503 места, в то время как население трех провинций (Сычуань, Цзянсу, Шаньдун), составляющее более 170 млн. человек, оказалось представленным всего 494 депутатами. Хотя численность промышленных рабочих по меньшей мере в 10 раз превышает общее количество военнослужащих в стране, в ВСНП попало всего 934 рабочих и профсоюзных активиста.

Этот факт знаменует собой отказ китайских лидеров от квот на представительство военнослужащих в ВСНП, установленных до начала «культурной революции» (60 человек до 1963 г. и 120 человек с 1963 г.). Обращает на себя внимание расширение представительства в ВСНП китайской буржуазии («патриотически настроенные деятели» и «возвратившиеся из-за границы соотечественники» — почти до 10% депутатов). Рост влияния китайских буржуазных кругов связан со стремлением пекинского руководства привлечь их капиталы и технические знания для более эффективного осуществления программы «четырёх модернизаций».

Судя по официальным сообщениям, число депутатов от рабочих, крестьян и солдат уменьшилось в ВСНП 5-го созыва до 61,7% по сравнению с 72% в ВСНП 4-го созыва⁴. Вместе с тем впервые после «культурной революции» в официальном сообщении говорилось, что представители интеллигенции составляют 15%. Это отражает некоторую перемену отношения руководства КПК к интеллигенции, чьи знания и опыт теперь собираются использовать для проведения «модернизаций». Доля кадровых работников составила 13,4%, что свидетельствует об отступлении от ранее применявшегося принципа «соединения трех сторон», в соответствии с которым представители «революционных» кадров должны были составлять в органах государства примерно одну треть. Обращает на себя внимание равномерное распределение депутатов ВСНП по возрастам: депутаты среднего и молодого поколений составили 62,9%, т. е. около двух третей. Тем самым проводится в жизнь установка руководства о пропорциональном сочетании представителей старшего, среднего и молодого поколений в государственных органах. В ВСНП 5-го созыва заметно некоторое сокращение представительства национальных меньшинств — с 15—16 до 10,9%.

Нормы представительства в ВСНП от общего числа граждан, пользующихся избирательным правом, были неодинаковы в различных провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения. В Пекине, Шанхае, Тяньцзине избирался один депутат от 3—5 тыс.; в провинциях и автономных районах со сравнительно малочисленным населением — один депутат от каждых 170 тыс. жителей; провинции с высокой численностью и плотностью населения направляли одного депутата от 400 тыс. человек; Тибет выдвигал одного депутата от каждых 50 тыс. жи-

телей; многие другие провинции и автономные районы — одного представителя от каждых 350 тыс. жителей⁵. Это явилось результатом отсутствия в КНР единой избирательной системы, устанавливающей нормы представительства.

Проведение сессии ВСНП и существо ее решений. 1-я сессия ВСНП 5-го созыва проводилась в Пекине с 26 февраля по 5 марта 1978 г. Ее официально открытию предшествовало подготовительное заседание ВСНП, которое избрало президиум сессии (254 человека), ответственного секретаря (Ли Сяньнянь), утвердило повестку дня, а также кандидатуры на посты председателя, заместителей председателя и членов мандатной комиссии⁶. В повестку дня были включены следующие вопросы: 1) доклад премьера Госсовета Хуа Гофэна о работе правительства; 2) внесение изменений в конституцию КНР; доклад Е Цзяньина об изменениях в конституции; 3) назначение руководящих работников государства; 4) рассмотрение проекта «Основных положений десятилетнего плана развития народного хозяйства на 1976—1985 гг.»; 5) обсуждение и принятие текста гимна КНР.

Работа сессии состояла из трех пленарных заседаний (26 февраля, 1 и 5 марта 1978 г.) и собраний групп депутатов, где «обсуждались» основные документы. На пленарных заседаниях кроме депутатов ВСНП присутствовали ответственные работники аппарата ЦК КПК, Государственного совета КНР, военных ведомств и учреждений, а также все участники проводившейся в то же время 1-й сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) 5-го созыва.

На первом пленарном заседании был заслушан доклад Хуа Гофэна о работе правительства, озаглавленный «Сплачивайтесь на борьбу за построение могучей современной социалистической державы»⁷. Судя по докладу и выдвинутым в нем лозунгам, нынешнее китайское руководство видело основную цель в «сплочении всех сил, которые можно сплотить», для осуществления гегемонистских планов превращения Китая в современную великую державу на основе выполнения программы «четырёх модернизаций». В докладе в общих чертах были охарактеризованы предполагаемые мероприятия в области государственного строительства, по ускорению развития экономики, науки, просвещения, культуры, здравоохранения. Важной частью экономической и социальной программы был назван десятилетний план развития хозяйства КНР на 1976—1985 гг. Вместе с тем программа «модернизации» тесно увязывалась в докладе с планами «разработки, освоения и выпуска в еще большем количестве и еще лучшего качества современных видов обычного оружия и оружия стратегического назначения». Говорилось о «стимулировании» подготовки войны, о стремлении «выиграть время у врага», «быть всегда готовыми уничтожить всех врагов».

Программа «четырех модернизаций» связывалась с едва прикрытыми великодержавными планами китайского руководства на международной арене, с «активным развертыванием» его внешнеполитической деятельности на основе «теории» Мао Цзэ-дуну о «трех мирах», со стремлением расширить «международный антигегемонистский единый фронт» под эгидой Китая — иначе говоря, укрепить сотрудничество с ведущими империалистическими державами и всеми силами, враждебными СССР и мировому социализму.

В канун открытия сессии ВСНП китайские пропагандисты старались создать видимость, будто она созвана в «обстановке стабильности, сплоченности и бурного подъема социалистического строительства», сессию называли «важнейшим форумом подготовки к новому великому походу»⁸. Подводя итоги политического развития страны с осени 1976 г., Хуа Гофэн утверждал, что в ходе выполнения задачи по «установлению всеобщего порядка» в стране «положение дел оказалось лучше, чем предполагалось». Однако подобный вывод в докладе фактически ничем не аргументировался. Напротив, в нем указывалось, что продолжение борьбы за «разоблачение и критику „банды четырех“» остается первостепенным делом» на ближайший период⁹.

За внешним фасадом «единства» были заметны разногласия между китайскими лидерами, связанные с выбором методов достижения поставленных «стратегических» целей, а также решением кадровых проблем. Накануне начала работы сессии в печати неоднократно раздавались призывы не допускать на руководящие государственные должности различного рода «приспособленцев», выдвигались требования завершить реабилитацию всех кадровых работников старшего поколения, пострадавших в период «культурной революции» и в ходе последовавших за ней политико-идеологических кампаний. Подобного рода критика была фактически направлена против выдвиженцев «культурной революции», занявших важные партийные и государственные посты.

Вопрос о кадровых работниках, подвергавшихся в прошлом репрессиям, рассматривался еще ранее — на 2-м пленуме ЦК КПК, принявшем решения по основным вопросам повестки дня сессии. Во время его работы в «Жэньминь жибао» была опубликована статья «специального комментатора», призывавшая кадровых работников старшего поколения не добиваться выдвижения в первые ряды руководства, а передавать свои обязанности «более молодым и энергичным», давать им «возможность развивать способности, допуская, что они совершат те или иные ошибки, позволяя им расти в процессе борьбы»¹⁰. В канун сессии ВСНП подобные высказывания могли относиться прежде всего к представителям старшего поколения пекинских руководителей, подвергавшимся в прошлом репрессиям.

В документы сессии и материалы печати, связанные с ее ра-

ботой, проникли некоторые разночтения по принципиальным вопросам, отражавшие разногласия в пекинском руководстве. Так, в докладе Хуа Гофэна¹¹ и передовой статье трех центральных изданий¹², посвященной открытию сессии ВСНП, приводились различные формулировки основных задач, стоящих перед страной. Если, например, Хуа Гофэн призывал «идти по указанному председателем Мао Цзэдуном пути», то в передовой говорилось лишь о необходимости «высоко поднять великое знамя председателя Мао Цзэдуна», что не обязательно равносильно требованию проводить в жизнь его политический курс. Хуа Гофэн делал акцент на применении для руководства процессом общественного развития методов «продолжения революции при диктатуре пролетариата», говорил о необходимости дальнейшего «усиления государственной машины» — прежде всего армии, органов безопасности. Передовая же указывала, что следует «сделать конституцию основным законом для управления государством в новый период». По существу, речь шла о различных средствах обеспечения программы «четырёх модернизаций»; в первом случае упор делался на методы насилия, нажима на общество под лозунгами маоизма; во втором проявлялся более реалистический подход к стимулированию производственной активности трудящихся.

На 2-м пленарном заседании 1 марта 1978 г. Е Цзяньин, позднее избранный сессией председателем Постоянного комитета ВСНП, сделал доклад «О внесении изменений в конституцию». На деле речь шла о совершенно новой конституции, отвечающей требованиям руководства в «новый период».

В докладе Е Цзяньина¹³ сообщалось о том, что проект «исправленной конституции» был подготовлен конституционной комиссией, в которую вошли все члены Политбюро, избранного XI съездом КПК в августе 1977 г. во главе с Хуа Гофэном. Только после окончания работы комиссии и утверждения проекта конституции 2-м пленумом ЦК КПК (февраль 1978 г.) было объявлено, что комиссия «не раз запрашивала мнения широких партийных и беспартийных масс», причем не непосредственно, а через руководящие органы провинциального звена, командование больших военных округов и центральные органы государственного управления. До рассмотрения проекта конституции сессией ВСНП он на всенародное обсуждение не выносился, и о его содержании было известно в Китае лишь немногим лицам.

Говоря о причинах пересмотра прежней конституции (1975 г.), Е Цзяньин откровенно сформулировал цель руководства — внести в основной закон некоторые положения о демократических правах народа с целью его мобилизации на осуществление «генеральной задачи нового периода». При этом указывалось, что речь идет лишь об участии масс в «управлении» в низовых организациях, причем на основе «демократии»

военного образца. Творцы новой конституции предпринимали попытку создать видимость расширения резко сузившейся социальной базы государства от широких слоев общества; наряду с этим ставилась задача повысить эффективность государственного руководства экономическим строительством.

На сессии ВСНП также выявился неодинаковый подход руководителей к решению проблем государственного строительства, отразивший политическое соперничество среди китайских лидеров. В своем докладе Хуа Гофэн указывал на необходимость опираться прежде всего на систему ревкомов, которые он вопреки конституции назвал «местными органами власти», а не «исполнительными органами местных собраний народных представителей». В отличие от него Е Цзяньин призывал к расширению полномочий СНП всех ступеней, к более эффективному выполнению ими функций органов государственной власти.

3-е пленарное заседание сессии ВСНП (5 марта 1978 г.) формально утвердило состав Постоянного комитета ВСНП, Государственного совета КНР, а также заранее произведенные назначения на должности председателя Постоянного комитета ВСНП (Е Цзяньин), премьера Государственного совета КНР (Хуа Гофэн), председателя Верховного народного суда (Цзян Хуа), Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры (Хуан Хоци), президента Академии наук (Го Можо) и президента Академии общественных наук КНР (Ху Цяому). На пленарном заседании был также утвержден измененный текст государственного гимна КНР.

Таким образом, сессия зафиксировала результаты чистки, проведенной после маоцзэдуновским руководством КПК в высших органах государственной власти и управления.

В сформированных сессией ВСНП государственных институтах большинство мест оказалось в руках реабилитированных кадровых работников, потеснивших выдвинутых «культурной революции» и активистов маоистских идейно-политических кампаний. Целый ряд заместителей председателя Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва относится к реабилитированным или подвергавшимся нападкам в период «культурной революции». Из 37 министров, председателей госкомитетов и руководителей других центральных ведомств 22 человека подвергались «чистке» во время «культурной революции», причислялись к «правым». В то же время остаткам группировки, осуществившей «культурную революцию», приспособившись к новой обстановке, удалось сохранить известные позиции. Это обстоятельство сказывалось на положении в органах власти, внутри которых сохранялось соперничество, продолжались чистки. Сессия ВСНП, по существу, констатировала существование разногласий в китайском руководстве и отсутствие подлинной стабильности в политической жизни страны.

КОНСТИТУЦИЯ КНР 1978 г.

Принятая 1-й сессией ВСНП 5-го созыва новая конституция КНР состоит из 60 статей (в конституции 1975 г. было только 30 статей, в конституции 1954 г. — 106 статей). Конституция 1978 г., отражая политическую линию китайского руководства, сочетает декларацию верности маоизму со стремлением проводить прежний националистический и гегемонистский курс более тонкими средствами, с использованием некоторых рациональных установок и методов, с маскировкой подлинной сущности этого курса. Основу текста новой конституции составляют главные положения конституции КНР 1975 г. с привлечением некоторых формулировок первой конституции КНР (1954 г.). Подтверждая в законодательной форме свою политическую линию, руководящая китайская группировка вместе с тем использует основной закон для создания более эффективного аппарата управления государством, а также для украшения фасада режима, придания ему более призывательного облика в глазах населения страны и мирового общественного мнения.

«Отцы» конституции позаботились о том, чтобы она стала своего рода клятвой верности маоизму. Только в преамбуле конституции имя Мао Цзэдуна упоминается шесть раз. С его именем непосредственно связывается вся история народно-революционной борьбы, основание КНР и последующее ее развитие. «Коренная гарантия» доведения до конца дела революции согласно конституции состоит в том, чтобы «всегда высоко держать и решительно защищать» знамя Мао Цзэдуна. В преамбуле отдается должное «культурной революции», однако в качестве «генеральной задачи» выдвигается проведение «четырех модернизаций», т. е. превращение Китая к концу столетия в мощное государство «с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной, современной наукой и техникой». Программа «четырех модернизаций» на деле является программой строительства военно-промышленной державы. Именно для достижения этой цели послемаоцзэдуновским руководством поставлена задача «привести в движение все активные факторы внутри и вне партии, внутри и вне страны». Среди этих «активных факторов» два получили непосредственное закрепление в преамбуле новой конституции: так называемые «революционный единый фронт» и «международный единый фронт против гегемонизма сверхдержав». Первый из названных «фронтов» пришел на смену народно-демократическому единому фронту, фактически ликвидированному в период «культурной революции», и представляет собой националистический блок, в котором немалую роль наряду с объединенной «патриотическими демократическими партиями» буржуазией и буржуазной интеллигенцией внутри страны большую роль играют представители эксплуататорских слоев китайских общин за

границей, в Гонконге и Макао. Формально в этот фронт включены и «тайваньские соотечественники» (из числа тайваньцев, проживающих на материке). «Революционный единый фронт» должен, согласно конституции, сплотить со всеми указанными группами «широкие массы интеллигенции и другие трудящиеся массы».

Второй из названных «фронтов», по мысли авторов конституции, должен быть международным объединением антисоветского характера, в которое, согласно маоистской «теории трех миров», также упоминающейся в преамбуле конституции, должны под эгидой китайского руководства войти все готовые к сотрудничеству с ним силы, лишь бы они выступали против СССР и мирового социализма. Принимая на себя роль организатора международного антисоветского и антисоциалистического фронта, маоизм из резерва империализма и реакции превращается в активного их пособника. Поэтому независимо от содержащихся в дальнейшем тексте конституции псевдодемократических деклараций она является прежде всего документом, фиксирующим дальнейший сдвиг вправо в политике китайского руководства.

С программой «четырёх модернизаций» связана нашедшая отражение в конституции новая политика в отношении интеллигенции, которой отводится более важная роль, чем прежде. Отдельная статья конституции посвящена вопросам развития науки и технического творчества (ст. 12); ставится задача всемерного развития дела просвещения и повышения культурного уровня народа (ст. 13)¹⁴. В ст. 14 конституции включен лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», имеющий целью привлечение на сторону новوماоистского режима интеллигенции различной идеологической ориентации (о провокационном характере этого лозунга в маоистских кампаниях 1956—1957 гг. сейчас никто не вспоминает). Были восстановлены и ранее исключённые (в 1975 г.) положения конституции 1954 г. о свободе научно-исследовательского, литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности, а также о поощрении государством творческой работы граждан (ст. 52). Контрастом недавнему поношению интеллигенции прозвучали слова Дэн Сяопина на всекитайском совещании по вопросам развития науки и техники, начавшемся вскоре после принятия конституции: «Подавляющее большинство работников умственного труда уже стало частью пролетариата»¹⁵.

Авторы конституции позаботились и о том, чтобы исключить из основного закона наиболее однозвучные маоистские постулаты. Например, в конституции 1978 г. не говорится о подготовке к войне и даже упоминается о борьбе «против новой мировой войны» (правда, в связи с «международным единым фронтом против гегемонизма сверхдержав»). Исключено и положение о «всеобщей диктатуре в отношении класса буржуазии в области надстройки», которое наиболее активно использовалось стори-

никами свергнутой «четверки». Такая же судьба постигла и еще один маонистский постулат: «неизменно ставить пролетарскую политику на командное место» (ст. 10 конституции КНР 1975 г.).

В новой конституции были восстановлены некоторые формулировки первой конституции КНР о положении национальных меньшинств и национальной автономии, о правах граждан и статусе государственных органов. Значительно расширены по сравнению с конституцией 1975 г. ст. 4 (раньше ст. 3) и раздел IV гл. II, регулирующие организацию самоуправления в районах национальной автономии. В ст. 4 восстановлено исключенное в 1975 г. положение первой конституции: «Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплочения национальностей... Все национальности пользуются свободой... сохранения или изменения своих нравов и обычаев». В разделе IV вновь говорится о праве органов самоуправления разрабатывать положения об автономии и отдельно действующие положения (т. е. местные законы). При этом, однако, не было восстановлено важное установление конституции 1954 г. о праве определения на местах формы органов самоуправления районов национальной автономии «в соответствии с волеизъявлением большинства населения той национальности, которая осуществляет районную автономию» (ст. 67 конституции КНР 1954 г.). Ныне (как и в 1975 г.) формами национального самоуправления могут быть лишь собрания народных представителей и ревкомы*. Районы национальной автономии не имеют и ранее предусматривавшегося в конституции права формировать отряды общественной безопасности и особых финансовых прав (ст. 70 конституции 1954 г.). Вместе с тем в отличие от двух прежних новая конституция вменяет в обязанность вышестоящим по отношению к районам национальной автономии органам «всемерно готовить национальные кадры» (ст. 40). Это отражает начатую еще в начале 70-х годов политику широкой подготовки маонистского актива из представителей неханьских национальностей. Следует также отметить, что при формировании сессией ВСНП Государственного совета (правительства) был восстановлен Государственный комитет по делам национальностей. Постоянная комиссия национальностей ВСНП восстановлена не была, как, впрочем, и другие его постоянные комиссии.

Особенно была расширена глава III конституции «Основные права и обязанности граждан», в которой восстановлены исключенные в 1975 г. материальные гарантии социально-экономических прав. Эти гарантии в новой конституции декларированы в виде программных положений, не соответствующих реальности современного Китая.

В целях создания эффективного аппарата управления новая

* По конституции 1979 г. ревкомы заменены местными народными правительствами.

конституция вернулась к более четкому определению статуса государственных органов, для чего были восстановлены многие положения первой конституции КНР. Так, полномочия ВСНП изложены почти так же, как в конституции 1954 г., за исключением пунктов, относившихся к упраздненному посту председателя КНР. Полномочия Постоянного комитета тоже изложены близко к тексту первой конституции КНР, однако в числе функций комитета уже нет права объявлять всеобщую или частичную мобилизацию в стране и вводить военное положение на всей территории страны или на ее части. Значит, такого рода ответственные решения могут теперь приниматься административными органами или военным командованием. Характерно также, что не восстановлено положение конституции КНР 1954 г. о выполнении международных договорных обязательств по совместной обороне от агрессии. Кроме того, в перечне прерогатив Постоянного комитета ВСНП сейчас отсутствует право присваивать воинские звания и награждать орденами.

Перечень полномочий Государственного совета восстановлен в несколько ином виде по сравнению с конституцией 1954 г. Из перечня полномочий исключены, например, вопросы внутренней и внешней торговли, дела национальностей, строительство вооруженных сил и т. п. Должностной состав Государственного совета восстановлен почти в том же виде, каким он был до «культурной революции»¹⁶. Восстановлено и право этого органа на законодательную инициативу. Более того, он даже поставлен в этом отношении в привилегированное положение, поскольку ни для каких иных государственных органов или лиц такое право конституцией прямо не предусмотрено.

Новой конституцией внесено важное изменение и в статус местных государственных органов — ревкомов. По конституции 1975 г. ревкомы были «постоянно действующими органами местных собраний народных представителей и вместе с тем местными народными представительствами». Последнее название за ними сохранено, однако они, как и народные комитеты по конституции КНР 1954 г., «являются исполнительными органами местных собраний народных представителей, государственными административными органами на местах». Иначе говоря, ревкомы не имели более статуса органов власти.

Впервые в конституционной практике КНР в новую конституцию внесено установление о делегированных органах провинциальных правительств — административных управлениях в округах. Такие управления, называвшиеся в прошлом окружными управлениями особоуполномоченных, были в период «культурной революции» заменены окружными ревкомками. Сейчас произошло возвращение к прежней системе. Из доклада Е Цзяньина о проекте конституции следует, что делегированные органы могут также создаваться в районах уездного подчинения. О судьбе еще одной категории делегированных органов — квартал-

ных (в городах) — в докладе не упоминалось. В городских кварталах времен «культурной революции» также функционировали ревкомы. Они заменяются квартальными канцеляриями.

Ревкомы (до очередного изменения конституции в июле 1979 г.) оставались лишь в конституционных административно-территориальных единицах, т. е. там, где, по конституции, создаются собрания народных представителей. В низовых хозяйственных, учебных, лечебных и других единицах ревкомы ликвидировались и восстанавливалась система личной ответственности администраторов под руководством парткомов. В докладе Хуа Гофэна оговаривается исключение из этого правила для тех «промышленных предприятий, где органы власти слиты с администрацией». По некоторым данным, здесь имелись в виду предприятия дацинского типа. Но эта оговорка не означала, что на таких предприятиях в 1978 г. продолжали функционировать ревкомы. Например, на Аньшаньском комбинате (это предприятие дацинского типа) еще задолго до сессии ВСНП ревком был фактически заменен производственным штабом во главе с первым секретарем парткома комбината (он же первый секретарь аньшаньского горкома). Судя по политической практике, непосредственно предшествовавшей сессии ВСНП и после нее, в КНР продолжает широко применяться совмещение партийных и административных постов. Сессии СНП провинций повсеместно избрали председателями соответствующих ревкомов первых секретарей партийных комитетов, эти же лица в большинстве случаев заняли посты председателей провинциальных комитетов Народного политического консультативного совета Китая, т. е. органов единого фронта, а также получили ответственные назначения в местных военных округах. Одновременно постепенно разделялись функции аппарата партийных и административных органов. В структуре последних давно уже существуют звенья, не являющиеся одновременно аппаратом равных по ступени парткомов. С другой стороны, в уставе КПК, принятом XI съездом, говорится о создании парткомами различных ступеней своего рабочего аппарата. Таким образом, происходило восстановление раздельного аппарата при широком совмещении руководящих партийных постов с административными.

Новая конституция КНР вновь ввела в число государственных институтов прокуратуру, упраздненную в период «культурной революции». Однако местные органы прокуратуры подчиняются не только вышестоящим прокуратурам (как это было по первой конституции КНР), но также и местным органам власти. Иначе говоря, введено именно такое подчинение прокуратуры, против которого применительно к РСФСР возражал В. И. Ленин в известном письме «О „двойном“ подчинении и законности»¹⁷. Следует отметить также, что хотя по тексту конституции прокуратура является органом надзора за соблюдени-

ем конституции и законов, однако в докладе Е Цзяньина ее функциям дано более широкое толкование: в ее задачи включена и борьба с нарушениями дисциплины. Таким образом, прокуратура, видимо, выполняет некоторые функции государственного контроля. Так уже было в КНР после упразднения в 1959 г. министерства контроля и передачи его функций прокуратуре (до ликвидации самой прокуратуры во время «культурной революции»).

Новая конституция более широко регулирует судебную систему. В ней восстановлены положения конституции 1954 г. о гласности суда и праве обвиняемых на защиту, народных заседателях, называемых в отличие от первой конституции КНР «представителями масс». Их статус никак не определяется. Отсутствует содержащееся в конституции КНР 1954 г. положение о независимости судов и подчинении их только закону. Не включено и положение о национальном языке судопроизводства, обеспечении перевода для сторон в процессе, не владеющих языками и письменностью, распространяемыми в данной местности. Вместе с тем в тексте новой конституции сохранено и расширено положение конституции 1975 г. о «линии масс» в судебной работе. В новой конституции говорится: «По крупным контрреволюционным и уголовным делам следует мобилизовать массы на обсуждение и высказывание мнений насчет того, какой приговор следует вынести» (ст. 41). Китайская практика такого «высказывания мнений» хорошо известна. Этим положением конституция, в сущности, закрепила массовые судилища в качестве «законного» института.

Новая конституция закрепляет инструментарий «культурной революции», при помощи которого маоисты осуществляли дискредитацию своих политических противников, проводили широкий террор. В ст. 45 среди прав граждан значатся пресловутые *сы да* («четыре больших»), которые в официальном переводе Синьхуа формулируются так: «широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао». В этой же статье в числе прав граждан упомянуто и право на забастовки. Как известно, забастовки экономического характера в КНР всегда жестоко подавлялись. Безнаказанными для участников были лишь «забастовки» цзаофаней времен «культурной революции», при помощи которых маоистами «свергались» неугодные им хозяйственные руководители. Таким образом, и право на забастовки в маоистском его понимании является частью испытанного инструментария «культурной революции», который может быть в нужное для китайского руководства время введен в действие.

В докладе о проекте конституции Е Цзяньин призвал к продолжению практики «приклевывания ярлыков» («ярлыки помещика, кулака, контрреволюционера или вредного элемента»), что в условиях современного Китая означает, во-первых, лега-

лизацию существования постоянных «живых мишеней» для классовой борьбы в маоистском ее понимании; во-вторых, не ограниченную никакими нормами внесудебную расправу над политическими противниками китайского руководства, которым, конечно же, очень легко приклеить ярлыки контрреволюционеров или вредных элементов.

Существенным изменениям подверглось конституционное регулирование роли вооруженных сил КНР. Этим вопросам посвящена статья 19 основного закона. Формулировка ее заметно изменена и существенно дополнена по сравнению со ст. 15 конституции 1975 г. Теперь в самое начало статьи внесено положение о том, что вооруженные силы страны возглавляются председателем ЦК КПК, и лишь потом повторены ранее открывавшие статью фразы о руководстве армией со стороны КПК и о том, что НОАК является вооруженными силами рабочих и крестьян. Статья дополнена положением о том, что армия является опорой диктатуры пролетариата, снято утверждение, что армия и ополчение являются «вооруженными силами всех народов страны». Вооруженные силы определяются как «триединая система, соединяющая в себе полевые войска, местные войска и народное ополчение» (ранее говорилось о вооруженных силах, состоящих из НОАК и народного ополчения). Статья о вооруженных силах дополнена фразой о том, что государство всемерно усиливает строительство армии «по линии ее революционизирования и модернизации»; исключены слова: армия «является боевым отрядом, а также рабочим и производственным отрядом». Армия недвусмысленно ориентируется на усиление боевой подготовки, что, разумеется, ни в коей мере не отражается на ее роли основной опоры режима.

Таким образом, в новой конституции КНР была законодательно оформлена политика послемаоцзэдуновского руководства страны, в основе которой лежит проведение в жизнь прежних маоистских установок более «квалифицированными» и изощренными методами.

ПОСТОЯННЫЙ КОМИТЕТ ВСНП

Постоянный комитет ВСНП 5-го созыва избран в составе 196 человек: председатель, 20 заместителей и 175 членов (см. Персоналии). В ПК ВСНП 4-го созыва входили 167 человек: председатель, 22 заместителя и 144 члена.

Председателем Постоянного комитета ВСНП (вместо умершего в июле 1976 г. Чжу Дэ) избран Е Цзяньпин.

Заместителями председателя ПК ВСНП 5-го созыва избрано 20 человек. При этом 18 из них (включая вдову Чжоу Эньляя Дэн Инчао, избранную одним из заместителей председателя ПК ВСНП в декабре 1976 г.) сохранили свои посты. Новыми за-

местителями председателя ПК ВСНП избраны члены ЦК КПК Цзи Пэнфэй (начальник секретариата ПК ВСНП) и Ляо Чэнчжи (советник МИД КНР, председатель общества китайско-японской дружбы). Оба были членами ПК ВСНП 4-го созыва.

Из заместителей председателя ПК ВСНП прошлого созыва не переизбраны¹⁸ Ли Сувэнь — одна из бывших руководителей организации КСМК пров. Ляонин, а также Яо Ляньвэй — профсоюзный деятель пров. Шэньси. Оба они были выдвинутыми «культурной революции». Их исчезновение с политической арены в конце 1976 г. было связано с чисткой органов власти от сторонников «четверки». Кроме того, заместителем председателя ПК ВСНП не переизбран Сюй Сянцзянь, назначенный заместителем премьера Госсовета и министром обороны КНР.

В состав руководства (председатель, заместители председателя) Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва вошли 17 членов ЦК КПК (в том числе 6 членов и один кандидат в члены Политбюро), один человек представляет Революционный комитет гоминьдана, один — Общество 3-го сентября и один — Ассоциацию демократического строительства государства.

В составе руководства ПК ВСНП представлены 17 ханьцев, один монгол, один тибетец, один уйгур, один представитель национальности чжуан.

8 человек из состава руководителей ПК ВСНП являлись военными (хотя некоторые из них в настоящее время официально и не занимают армейских постов, однако их связи с высшим командным и политическим составом НОАК сохраняются).

Что же касается состава членов ПК ВСНП, то на сессии ВСНП он претерпел значительные изменения. В связи с этим обращают на себя внимание следующие моменты:

в состав ПК ВСНП 5-го созыва избраны 18 членов и 2 кандидаты в члены ЦК КПК 11-го созыва; из членов ВСНП 4-го созыва в новый состав Постоянного комитета ВСНП включено 75 человек (Дэн Инчао, Ляо Чэнчжи, Цзи Пэнфэй стали заместителями председателя ПК ВСНП, а остальные 72 человека сохранили должности членов ПК ВСНП);

новыми членами ПК ВСНП утверждены 103 человека, т. е. примерно 60% состава;

в ПК ВСНП преобладают лица преклонного возраста, многие из них подвергались критике и гонениям во время «культурной революции»;

в состав ПК ВСНП введены и выдвинуты «культурной революции», активисты различных политических кампаний, проведенных в стране до устранения «четверки». Правда, их значительно меньше, чем среди членов ПК ВСНП прошлого созыва;

в ПК ВСНП 5-го созыва около 30 военных (причем некоторые из них не являются депутатами от НОАК);

не введены в состав Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва 65 членов ПК ВСНП прошлого созыва¹⁹, т. е. 46,7% числив-

шихся живыми членов ПК ВСНП 4-го созыва. Большинство из них — деятели профсоюзных, комсомольских и женских организаций провинциального уровня, активисты, выдвинувшиеся во время «культурной революции» и (не без помощи «четверки») попавшие в Постоянный комитет ВСНП 4-го созыва. Поэтому их вывод из состава ПК ВСНП вполне объясним.

Однако среди этих 65 есть и люди (около 10), известные в Китае задолго до «культурной революции». Их исключение из состава членов ПК ВСНП определенно связано с активным участием в политических кампаниях, проведенных в свое время по инициативе «четверки».

Приведенные данные дополняют ранее известные факты о том, что развернувшаяся после устранения «четверки» кампания очередной чистки кадров приняла весьма широкие масштабы.

НОВЫЙ СОСТАВ ГОССОВЕТА

5 марта 1978 г. 1-я сессия ВСНП 5-го созыва утвердила состав Госсовета КНР в количестве 45 человек (в январе 1975 г. 1-я сессия ВСНП 4-го созыва утвердила состав Госсовета КНР в количестве 39 человек).

В новый Госсовет вошли лишь 19 человек из прежнего состава, т. е. около 42% (их имена отмечены звездочкой в списке состава Госсовета). Кан Шиэнь, Фан И и Хуа Гофэн были перемещены на другие должности с повышением.

В Госсовет было включено 26 новых (по сравнению с январем 1975 г.) руководителей, т. е. примерно 58% всего состава.

Не считая бывшего министра обороны Е Цзяньниа, который стал председателем ПК ВСНП, а также трех умерших деятелей (Чжоу Эньлая, Чжоу Жунсиня и Сюй Цзиньцяна), в новый состав Госсовета КНР не попали следующие лица: Бянь Цзянь, Ван Ян, Вань Ли, Ли Цзитай, Ли Чэнфан, Ли Шуйцин, Лю Сянпин, Сунь Цзянь, У Гуйсянь, Фань Цзыюй, Цяо Гуаньхуа, Чжан Чуньцяо, Чжуан Цзэдун, Чэнь Шаокунь, Ша Фэн, Юй Хуэйюн²⁰.

Ряд перечисленных бывших министров лишены своих постов за связь с «четверкой»; некоторые же переведены на другие должности по деловым соображениям, о чем свидетельствуют, например, назначение Вань Ли первым секретарем комитета КПК и председателем ревкома пров. Аньхой, а также назначение Ли Шуйцина вначале заместителем командующего Накинским региональным военным округом, а затем командующим ракетными войсками.

Хотя в марте 1978 г. состав Госсовета КНР был более чем наполовину обновлен, тем не менее в течение всего 1978 года продолжали происходить изменения как в составе Госсовета

КНР, так и среди заместителей министров и руководителей ведомств системы Госсовета.

В сентябре 1978 г. стало известно о смещении с поста министра торговли (внутренней) Ван Лэя и о назначении на его место Яо Илня (до этого занимал пост заместителя министра внешней торговли). На 5-м заседании ПК ВСНП (декабрь 1978 г.) заместителем премьера Госсовета КНР был назначен Ван Жэньчжун, министром железных дорог — Го Вэйчэн (вместо Дуань Цзюньи), министром связи — Ван Цзыган (вместо Чжун Фусяна, входившего в состав Госсовета в 1975—1978 гг.).

В августе 1978 г. скончался министр 4-го министерства машиностроения Ван Чжэн и на его место был назначен Цянь Минь.

Таким образом, уже после 1-й сессии ВСНП 5-го созыва (март 1978 г.) до конца года в состав Госсовета КНР введено 5 новых лиц (один заместитель премьера и 4 министра).

В течение 1978 г. (главным образом после сессии ВСНП) заместителями министров, заместителями председателей государственных комитетов и руководителей других ведомств системы Госсовета было назначено около 100 человек.

Приведенные факты свидетельствуют, что после сессии ВСНП 5-го созыва перетряска руководящих работников системы Госсовета продолжалась.

В целом же изменения в составе Госсовета КНР, происшедшие в 1978 г., отражают общую тенденцию кадровой политики пекинских лидеров на современном этапе, суть которой сводится к замене выдвинутых «культурной революции» деятелями старшего и среднего поколений, имеющим определенный опыт практической работы в государственных органах до 1966 г.

По состоянию на 31 декабря 1978 г., Госсовет КНР действовал в следующем составе:

Премьер Госсовета — Хуа Гофэн*.

Заместители премьера**: Ван Жэньчжун, Ван Чжэнь*, Гу Му*, Гэн Бяо, Дэн Сяопин*, Кан Шиэнь, Ли сяньнянь*, Сюй Сянцянь, Фан И, Цзи Дэнкуй*, Чэнь Мухуа (женщина), Чэнь Силян*, Чэнь Юнгуй*, Юй Цюли*.

Министр иностранных дел — Хуан Хуа.

Министр обороны — Сюй Сянцянь.

Председатель Государственного планового комитета — Юй Цюли*.

Председатель Государственного экономического комитета — Кан Шиэнь*.

Председатель Государственного комитета капитального строительства — Гу Му*.

* Входили в состав Госсовета 1975 г.

** Шесть заместителей премьера были назначены на этот пост впервые: Ван Жэньчжун, Гэн Бяо, Кан Шиэнь, Сюй Сянцянь, Фан И, Чэнь Мухуа.

Председатель Государственного комитета по делам науки и техники — Фан И *.

Председатель Государственного комитета по делам национальностей — Ян Цзинжэнь.

Министр общественной безопасности	— Чжао Цанби.
Министр гражданской администрации	— Чэн Цыхуа.
Министр внешней торговли	— Ли Цян *.
Министр внешних экономических связей	— Чэнь Мухуа.
Министр сельского и лесного хозяйства	— Ян Лигун.
Министр металлургической промышленности	— Тан Кэ.
Министр 1-го министерства машиностроения	— Чжоу Цыцзянь.
Министр 2-го министерства машиностроения	— Лю Вэй.
Министр 3-го министерства машиностроения	— Люй Дун.
Министр 4-го министерства машиностроения	— Цянь Минь.
Министр 5-го министерства машиностроения	— Чжан Чжэнь.
Министр 6-го министерства машиностроения	— Чай Шуфань.
Министр 7-го министерства машиностроения	— Сун Жэньцюн.
Министр угольной промышленности	— Сяо Хань.
Министр нефтяной промышленности	— Сун Чжэньминь.
Министр химической промышленности	— Сунь Цзиньвэнь.
Министр водного хозяйства и электроэнергетики	— Цянь Чжэньпин *.
Министр текстильной промышленности	— Цянь Чжигуан *.
Министр легкой промышленности	— Лян Лингуан.
Министр железных дорог	— Го Вэйчэн.
Министр коммуникаций	— Е Фэй *.
Министр связи	— Ван Цыгань.
Министр финансов	— Чжан Цзиньфу *.
Директор Китайского банка	— Ли Баохуа.
Министр торговли	— Яо Илнь.
Председатель Всекитайской федерации снабженческо-сбытовых кооперативов	— Чэнь Годун.
Министр культуры	— Хуан Чжэнь.
Министр образования	— Лю Сяо *.
Министр здравоохранения	— Цзян Ичжэнь.
Председатель Государственного комитета по делам физкультуры и спорта	— Ван Мэн.

Кроме того, в течение года соответствующими ведомствами руководили (назначенные 1-й сессией ВСНП 5-го созыва):

Председатель Верховного народного суда — Цзян Хуа.
 Генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры — Хуан Хоцин.
 Президент Академии наук Китая — пост вакантный (Го Можо умер в июне 1978 г.).
 Президент Академии общественных наук — Ху Цяому.

ИЗМЕНЕНИЯ В КОМАНДОВАНИИ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

В ходе кампании борьбы против «четверки» и ее сторонников, сопровождающейся «чистками», в руководстве НОАК в 1978 г. произошли значительные изменения.

Командование видов вооруженных сил и родов войск

Наименование родов войск	Командующий	Первый политкомиссар
Военно-морские силы	Сяо Цзиньгуан	Су Чжэньхуа
Военно-воздушные силы	Чжан Тинфа	Гао Хоулянь
Бронетанковые войска	Хуан Сипьтин	Мо Вэньхуа
Артиллерийские войска	Сун Чэньчжи	Цзинь Жубай
Артиллерия-2 (ракетные войска)	Ли Шуйцин	Чэнь Минцяо
Инженерные войска	Тань Шаньхэ	Ван Люшэн
Железнодорожные войска	Чэнь Цайдао	Люй Чжэнцао

Командование региональными военными округами

Округ	Командующий	Округ	Командующий
Гуанчжоуский	Сюй Шю	Синьцзянский	Лю Чжэнь
Куньминский	Ван Бичэн	Уханьский	Ян Дэчжи
Ланьчжоуский	Хань Сяньчу	Фучжоуский	Ян Чэнью
Нанкинский	Не Фэнчжи	Цзинаньский	Цзэн Сыюй
Пекинский	Чэнь Силян	Чэндуский	У Кэхуа
		Шэньянский	Ли Дэшэн

Ян Чэньбу переведен с поста заместителя начальника Генштаба НОАК на пост командующего Фучжоуским региональным военным округом. Сян Чжунхуа, занимавший пост заместителя начальника Генштаба, стал политкомиссаром Гуанчжоуского регионального военного округа. Смещены со своих постов в НОАК многие военные деятели, в той или иной степени скомпрометировавшие себя связями с «четверкой». К их числу относятся, в частности, бывший командующий артиллерией НОАК Чжан Дачжи; бывший политкомиссар ВВС Ван Хункунь, бывшие заместители командующего ВВС НОАК Фу Чуаньцзо и Цзоу Янь; занимавшие посты политкомиссаров региональных и провинциальных военных округов Цзэн Шаошань (Шэньянский региональный военный округ), Лю Гуантао (военный округ пров. Хэйлунцзян), Лю Цзяньсюнь (военный округ пров. Хэнань), Се Сюегун (гарнизон г. Тяньцзиня); командующие военными округами провинций: Хэ Гуанъюй (пров. Ганьсу), Чжан Вэньби (пров. Хэнань), Вань И (пров. Шаньдун), Ю. Тайчжун (Автономный район Внутренняя Монголия), Чжоу Чуньлинь (гарнизон Шанхая) и др.

В течение 1978 г. были произведены назначения на освободившиеся посты. Чжан Чжэнь стал начальником Главного управления служб тыла (занимал пост заместителя начальника этого управления); Сун Чэнчжи — командующим артиллерией (был заместителем командующего); Чэнь Цзайдао — командующим железнодорожными войсками НОАК; Ду Идэ — политкомиссаром ВМС.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ПОЛОЖЕНИЕ В КПК

Анализ деятельности КПК за 1978 г. показывает, что характер, программа и курс партии оставались маоистскими, хотя в ходе претворения в жизнь ряда маоцзедуновских установок вносились определенные коррективы. Идеино-теоретической основой КПК служили все те же «идеи Мао Цзэдуна». Неизменной оставалась также великодержавно-шовинистическая, милитаристская, антисоветская направленность политики, проводимой послемаоцзедуновским руководством партии. Обстановка в целом внутри КПК, как и во всей стране, была сложной, противоречивой и беспокойной.

Новое руководство Китая нуждалось в дееспособной политической организации, которая прикрывала бы своим авторитетом антимарксистскую, антинародную сущность военно-бюрократического режима в стране, поэтому оно предпринимало всемерные усилия для «наведения порядка» внутри партии, которое проходило в нескольких направлениях.

Прежде всего в самых широких масштабах осуществлялась чистка среди партийных руководителей — от уровня провинции до низовых организаций. В 1978 г. было заменено, например, 9 из 29 первых секретарей парткомов провинциального уровня: в городах Пекине и Тяньцзине, в провинциях Хэнань, Хубэй, Ляонин, Шэньси, Гуандун, СУАР, Автономном районе Внутренняя Монголия. Наряду с заменой главных руководителей отмечены перемещения и замены в руководящем составе практически всех партийных комитетов этого уровня.

Под видом «укрепления руководства партии» (эта задача была поставлена в традиционной статье трех редакций по случаю наступления 1978 г.) большое внимание уделялось и чистке орготделов партийных комитетов различных уровней. Особое внимание, уделявшееся орготделам, руководство КПК объясняло тем, что «четверке» в свое время удалось внедрить значительное количество своих сторонников в эту часть партийного аппарата, в основном занимающуюся подбором и расстановкой кадров.

Перестраивание руководящего состава проходило также и на уездном уровне и ниже. Например, в Шанхае было проведе-

но «упорядоченне» 80% руководящих звеньев этого уровня²¹. Полная перестановка в руководящих звеньях всех единиц, полная реорганизация всех низовых парторганизаций была произведена в министерстве культуры²².

В течение всего года парткомами различных уровней нередко при участии нескольких тысяч и даже десятков тысяч людей организовывались митинги «разоблачения и критики „четверки“». На митингах сводились счета со «сторонниками свергнутой четверки», на которую списывались все ошибки, просчеты и грубейшие нарушения норм партийной жизни; оглашались результаты деятельности «рабочих групп» и «групп по расследованию», направленных на места орготделами парткомов; объявлялись решения об отстранении партийных руководителей от постов, исключении их из рядов КПК и т. п.

В 1978 г. отмечены случаи публичного снятия партийных руководителей «со всех постов внутри и вне партии», а иногда и роспуска всего состава парткома. В основном это были руководители уездных, районных парткомов, а также парткомов низовых организаций²³. Снятым с постов руководителям предъявлялись обвинения в нарушении партийной дисциплины и законов государства, в злоупотреблении служебным положением, в стремлении отомстить и «нанести удары» в ходе кампании критики «четверки».

Важной частью «наведения порядка» внутри партии была широкая кампания по реабилитации. Тысячи партийных кадровых работников по всей стране, подвергшиеся репрессиям в ходе «культурной революции», реабилитировались и снова привлекались к активной деятельности, при этом большей частью на те же посты, которые они занимали раньше. Реабилитация многих была посмертной. Чтобы представить себе масштабы этой кампании, следует напомнить, что она коснулась всех ступеней партийной иерархии — от бывших членов Политбюро Пэн Дэхуая, Тао Чжу, Бо Ибо, о реабилитации которых было объявлено в коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, до партийных руководителей низового звена. Только Шанхайским горкомом было реабилитировано более 10 тыс. человек, которые были названы «жертвами четверки». На многочисленных митингах, проводившихся во всех районах страны, оглашались специальные решения партийных комитетов о реабилитации, пересмотре «несправедливых» и «сфабрикованных» «четверкой» дел, об отмене наказаний и т. п. Массовая реабилитация опытных партийно-административных работников и назначение их на посты в государственном и партийном аппарате служили укреплению влияния группировки руководителей старшего поколения в руководстве КПК.

В 1978 г. были проведены пять партийных съездов на уровне провинций — в Шаньси, Гуйчжоу, Гуандуне, Чжэцзяне и Нинся-Хуэйском автономном районе. Осталась неизменной практи-

ка информирования о состоявшихся партийных форумах только по завершении их работы. Обращало на себя внимание то обстоятельство, что проведение провинциальных партийных съездов после XI съезда КПК непомерно затянулось: за год с лишним (с октября 1977 по конец 1978 г.) они были созваны всего в 9 территориальных единицах провинциального уровня. Это можно расценивать как показатель неблагоприятного, беспокойного положения в партийных организациях на местах. Подобное предположение подтверждается и сообщением о том, что в ряде провинций (например, Хэйлуцзян, Сычуань, Фуцзянь) весной 1978 г. велась подготовка к съездам, намечались делегаты, объявлялось о том, что съезды будут созваны, однако до конца года провести их так и не удалось.

Материалы состоявшихся провинциальных съездов в целом повторили выдвинутую XI съездом КПК программу; в докладах от имени парткомов давался обзор событий за истекший со времени предыдущего съезда период, отмечались успехи в движении по «разоблачению и критике „четверки“», непременно говорилось о задачах экономического строительства на местах. Итоги выборов новых составов парткомов и их руководителей свидетельствовали о том, что в 1978 г. сохранялась практика совмещения руководящих постов в партийном и административном аппарате провинциального уровня: первый секретарь парткома являлся и председателем ревкома, а секретари парткома — заместителями председателя ревкома. На пленумах вновь избранных составов партийных комитетов организовывались также комиссии по проверке дисциплины (создание этих комиссий, как известно, обусловлено в уставе КПК, принятом на XI съезде в 1977 г.).

По данным китайской центральной печати, численность КПК за год и четыре месяца (после XI съезда КПК) увеличилась на 1 млн. и составляла к концу 1978 г. 36 млн.²⁴ В течение года были проведены определенные мероприятия по «улучшению» состава КПК: из партии исключались сторонники свергнутой «четверки», которым вменялись в вину «хулиганские и подрывные действия» в ходе «культурной революции» и после нее, восстанавливались в рядах КПК репрессированные старые партийно-административные кадры, активнее стали принимать в члены партии представителей интеллигенции и т. д.

Целый ряд признаков свидетельствует о том, что вопреки утверждениям маоистов в нынешней КПК нет сплоченности, что она по-прежнему поражена фракционной борьбой, что для нее по-прежнему характерны сектанство и местничество.

Полнейшим диссонансом заявлениям пекинского руководства о единстве и сплоченности являются поступающие из различных районов страны сообщения о сопротивлении центру и неподчинении на местах. Например, в решении Аньхойского провинциального парткома о снятии с поста секретаря Линцюаньского уездного парткома (август 1978 г.) говорилось, что он задержи-

вал инструкции отдела пропаганды ЦК КПК, оказывал противодействие линии XI съезда КПК. О сопротивлении линии XI съезда «некоторых ответственных лиц» в Тяньцзиньском горкоме на протяжении 20 месяцев после свержения «четверки» рассказывалось в статье «Тяньцзинь жибао» от 4 августа 1978 г.

Отсутствие единства внутри КПК фактически признавала центральная печать²⁵; еще более откровенна в этом отношении местная пресса: «...до сих пор есть лица, игнорирующие партийную дисциплину и государственные законы... есть еще небольшое количество руководителей, которые рассматривают свои районы как „независимые княжества“... массы называют их „местными императорами“»²⁶.

Несмотря на то, что руководству КПК, объединяемому общими великодержавными, гегемонистскими целями, удалось провести в 1978 г. 2-й пленум ЦК КПК, последовавшую за ним сессию ВСНП 5-го созыва, а в конце года 3-й пленум ЦК КПК, противоречия между отдельными группировками не стали менее ожесточенными. Недвусмысленными доказательствами этого были настенные газеты — дацзыбао, появлявшиеся в течение всего года и особенно в связи со второй годовщиной апрельских событий 1976 г. на площади Тяньаньмэнь. В них резкой критике подвергались не только председатель ЦК КПК Хуа Гофэн, члены Политбюро У Дэ, Чэнь Силян, Ван Дунсин и др., но и Мао Цзэдун.

Косвенным показателем имеющихся расхождений в руководстве партией можно считать отсутствие передовой статьи в центральных газетах по случаю 57-й годовщины со дня основания КПК. Вместо нее была опубликована речь Мао Цзэдуна на расширенном рабочем совещании ЦК КПК от 30 января 1962 г.

Расхождения в руководстве КПК проявляются и в различном отношении к наследию Мао Цзэдуна: «реалистический подход», при котором маоцзэдуновские установки претворяются в жизнь с прагматическими поправками применительно к требованиям реальной обстановки, противостоит «буквальному претворению» их в новых условиях.

Для многих кадровых работников КПК характерны страх, боязнь допустить промах, нерешительность. Об этом, в частности, говорилось в статье комментатора Цицилинской провинциальной газеты под названием «Только уничтожив страх, можно хорошо претворять в жизнь политику»²⁷. О путанице и дезориентированности кадровых работников заявляли и руководители на местах: первый секретарь парткома Автономного района Внутренняя Монголия, первый секретарь парткома пров. Гуйчжоу и др.²⁸. Естественно, что результатом боязни, дезориентированности, нерешительности являются пассивность и безынициативность многих руководителей, которые уклоняются от выполнения руководящих функций, от принятия принципиально важных решений.

В 1978 г. состоялись два пленума ЦК КПК 11-го созыва. Основной задачей 2-го пленума ЦК (18—23 февраля, Пекин) было обсуждение вопросов, связанных с проведением 1-й сессии ВК НПКСК и 1-й сессии ВСНП 5-го созыва. Как сообщалось в коммюнике, пленум одобрил основные документы, которые должны были быть представлены сессии ВСНП: «Доклад о работе правительства», «Проект основных положений 10-летнего плана развития народного хозяйства на 1976—1985 гг.», «Проект исправленной конституции КНР»; пленум наметил также кандидатуры для назначения на руководящие посты в правительстве.

Значительным событием в жизни КПК стал 3-й пленум ЦК (18—22 декабря). Хотя пленум по установившейся маоистской практике проводился тайно, он во многом отличался от предшествовавших ему пленумов за ряд лет. В частности, в повестке дня стояли конкретные задачи развития экономики, открыто была признана ошибочность некоторых прежних решений и т. п. Противоречивый, компромиссный характер принятых на 3-м пленуме решений отразил сложные процессы, происходящие внутри КПК, и борьбу группировок в руководстве партии. В преддверии пленума по всей стране прошли расширенные заседания постоянных комитетов парткомов на уровне провинций, на которых с речами выступали главные партийные руководители. На этих заседаниях подводились итоги кампании по «разоблачению и критике Линь Бяо и „четверки“», выдвигались конкретные задачи экономического развития на местах и т. д. Пленуму предшествовали рабочее совещание ЦК, на котором были обсуждены все вопросы и подготовлены решения, утвержденные затем на пленуме, а также широкая кампания дацзыбао, которая использовалась в качестве дополнительной меры воздействия на противников в борьбе с группировками в пекинском руководстве.

Среди обсуждавшихся на пленуме вопросов и принятых им решений наиболее существенны следующие: о завершении массового движения по «разоблачению и критике Линь Бяо и „четверки“» и перенесении центра тяжести работы партии на выполнение «программы четырех модернизаций»; объявление внешнеполитических установок КПК и правительства «правильными и эффективными»; обсуждение и одобрение в принципе плана развития народного хозяйства на 1979 и 1980 гг., признание того факта, что в народном хозяйстве существует «немало проблем», «явления серьезной диспропорции», ряд трудностей в жизни народа, серьезные недостатки в системе экономического управления; принятие проекта решения об ускорении развития сельского хозяйства; переоценка ряда важнейших политических событий «культурной революции» и предшествовавшего периода, «надежда» подход к которым назван «крайне необходимым» для «создания стабильности и сплочения; высокая оценка деятельно-

сти Дэн Сяопина в 1975 г. (т. е. накануне его отстранения от руководства по указанию Мао Цзэдуна); переоценка событий на площади Тяньаньмэнь, которые стали именоваться «великим революционным массовым движением»; признание в косвенной форме ошибок Мао Цзэдуна: «Требовать, чтобы тот или иной вождь революции был свободен от недостатков и ошибок,— значит придерживаться немарксистской позиции». К числу важных решений пленума по организационным и персональным делам относится реабилитация видных партийных деятелей — Пэн Дэхуая, Тао Чжу, Бо Ибо, Ян Шанкуня и др., которая названа «пересмотром и исправлением ошибочных оргвыводов», сделанных в свое время.

На пленуме обсуждались вопросы развития демократии и законности, «оздоровления» внутрипартийного демократического централизма и норм партийной жизни, укрепления партийной дисциплины. Особо указывалось на необходимость соблюдения принципа коллективности руководства в ЦК партии и в парткомах всех ступеней. На пленуме была избрана центральная комиссия по проверке дисциплины из 100 человек, во главе которой был поставлен видный в прошлом деятель КПК Чэнь Юнь.

В целом материалы пленума свидетельствовали о том, что руководство КПК сохранило верность «знамени маоизма», гегемонизму и антисоветизму, курсу на милитаризацию Китая. Одобрив внешнеполитические установки, направленные на сближение с империализмом и раскол со странами социалистического содружества, пленум, таким образом, подтвердил, что нынешние руководители продолжают следовать антисоциалистическим курсом.

Хотя в коммюнике пленума содержится косвенное признание ошибок Мао Цзэдуна, в то же время делаются попытки всячески уберечь его «высокий авторитет». Мао Цзэдуна не обвиняют, но «подправляют», сваливая вину за просчеты и промахи на «четверку»; маоизм «очищают» и приспособливают для более эффективного применения в современной обстановке. Ошибки Мао Цзэдуна хотя и признаются, но не анализируются; при этом принимаются решения, в корне противоречащие его прежним «указаниям», например о реабилитации Пэн Дэхуая и др., дается высокая оценка деятельности Дэн Сяопина, снятого по указанию Мао, и т. д.

Материалы 3-го пленума, носящие компромиссный характер, свидетельствовали о том, что решения принимались в обстановке борьбы соперничающих группировок; при этом, однако, очевидно, что позиции старых кадровых работников усилились в результате реабилитации и кооптирования ряда видных деятелей в состав Политбюро и ЦК КПК.

Хотя в коммюнике многократно повторялась формулировка о стабильности и сплоченности, содержание самого коммюнике подтверждало отсутствие таковых в действительности. Не будь

фракционной борьбы и групповщины, не потребовалось бы и «восстановления нормальной политической жизни партии и страны».

Те процессы, которые отмечены в течение этого периода, — определенные усилия по «наведению порядка» в партии, активизации деятельности кадровых работников, укреплению партийной дисциплины, «улучшению» состава партии, признание просчетов в хозяйстве и внесение насущных проблем развития экономики в повестку дня пленума ЦК и т. д. — проходили на основе маоизма, от которого руководство КПК не отказывается. Поэтому эти меры не могли привести к оздоровлению партийной жизни.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПК

В 1978 г. в составе Политбюро ЦК КПК произведены следующие изменения: 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва «дополнительно избрал» в члены Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь, Дэн Инчао, Ху Яобана и Ван Чжэня. Чэнь Юнь одновременно введен в состав Постоянного комитета Политбюро и утвержден заместителем председателя ЦК КПК (решением того же пленума Чэнь Юнь назначен первым секретарем, Дэн Инчао — вторым, а Ху Яобан третьим секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины).

Лица, введенные на пленуме в состав Политбюро, хорошо известны не только в Китае, но и за рубежом; у них большой партийный стаж и определенный опыт практической работы. Каждый из них в той или иной мере пострадал в годы «культурной революции».

Вместе с тем нельзя не видеть, что по масштабам и опыту работы это разные люди и введение их в состав Политбюро является результатом компромисса, достигнутого группировками правящей верхушки Китая к моменту созыва 3-го пленума ЦК КПК.

Таким образом, на 31 декабря 1978 г. Политбюро ЦК КПК состояло из 30 человек — 27 членов и 3 кандидатов в члены Политбюро.

Члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК

Председатель ЦК КПК

Заместители председателя ЦК КПК:

Хуа Гофэн

Е Цзяньин, Дэн Сяопин,
Ли Сяньнянь, Чэн Юнь,
Ван Дунсин (в этом порядке эти имена перечисляются в китайской печати)

Члены Политбюро
(в алфавитном порядке)

Ван Чжэнь	✓	Сюй Сянцзянь
Вэй Гоцинь (чжуан)		Сюй Шию
Гэн Бяо		У Дэ
Дэн Инчао		Уланьфу (монгол)
Ли Дэшэн		Фан И
Лю Бочэн		Ху Яобан
Не Жунчжэнь		Цзи Дэнкуй
Ни Чжифу		Чжан Тинфа
Пэн Чун		Чэнь Силян
Су Чжэньхуа (умер 7 февраля 1979 г.)		Чэнь Юнгуй
		Юй Цюли

Кандидаты в члены Политбюро
✓ Сайфуддин (уйгур), Чжао Цзыян, Чэнь Мухуа.

СЕССИЯ ВСЕКИТАЙСКОГО КОМИТЕТА НПКСК

Руководствуясь стремлением расширить сузившуюся в результате «культурной революции» социальную основу политической власти, привлечь к осуществлению гегемонистской программы «четырех модернизаций» более широкие слои населения КНР и китайцев за рубежом, пекинские лидеры рассчитывали использовать в этих целях массовую организацию единого фронта — Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). Об этом свидетельствуют и созыв пекинским руководством 1-й сессии Всекитайского комитета НПКСК 5-го созыва (24 февраля — 8 марта 1978 г.) и ее ход.

Первоначально высшим органом Единого народно-демократического фронта была пленарная сессия НПКСК, которая проводилась лишь один раз (в сентябре 1949 г.). Затем высшим органом Единого фронта стал избранный ею в составе 180 человек Всекитайский комитет НПКСК 1-го созыва (1949—1954 гг.), проводивший свои сессии. В дальнейшем в состав Всекитайского комитета (ВК) стали непосредственно делегироваться представители демократических партий и групп, народных организаций, а также приглашаться отдельные лица. Особое внимание обращалось при этом на представительство от национальных меньшинств и китайских граждан, проживающих за границей. При этом отмечалась тенденция к неуклонному расширению состава ВК НПКСК: в ВК 2-го созыва (1954—1959 гг.) было делегировано 559 человек, в ВК 3-го созыва (1959—1964 гг.) — 1071, а в ВК 4-го созыва (1964—1965 гг.) — 1199. На местах также действовали комитеты НПКСК (на провинциальном и нижестоящих уровнях).

В период с 1949 по 1965 г. почти ежегодно созывались сессии ВК НПКСК. Текущая работа в промежутках между сессиями возлагалась на Постоянный комитет Всекитайского ко-

митета НПКСК. Первый устав НПКСК, заменивший действовавший ранее Организационный статут НПКСК (1949 г.), был принят 1-й сессией ВК НПКСК 2-го созыва 25 декабря 1954 г. В дополнение к принципам и формам деятельности НПКСК, указанным в уставе, начиная с 1-й сессии ВК НПКСК 3-го созыва (1959 г.), члены ВК стали присутствовать на пленарных заседаниях сессий ВСНП в качестве гостей.

Обычная, уставная деятельность органов Единого народно-демократического фронта прекратилась вскоре после 1-й (и единственной) сессии ВК НПКСК 4-го созыва (20 декабря 1964—5 января 1965 г.), т. е. с началом «культурной революции», которая почти на 13 лет парализовала нормальную работу этой организации. Правда, руководящим органом Единого фронта, о существовании которого китайская пропаганда упоминала неоднократно, номинально оставался Постоянный комитет ВК НПКСК. В его состав 1965 г. было избрано 159 человек, многие из них подвергались репрессиям в период «культурной революции» и маоистских чисток. Постоянный комитет, по существу, выполнял лишь представительские функции и служил для «украшения фасада» военно-бюрократической диктатуры.

ПОДГОТОВКА К 1-й СЕССИИ ВК НПКСК 5-го СОЗЫВА

Впервые после смерти Мао Цзэдуна и смещения «четверки» вопрос о созыве сессии ВК НПКСК был поставлен в политическом отчете Хуа Гофэна XI съезду КПК (1977 г.). Как указывалось в его докладе, ЦК КПК постановил созвать сессию ВК НПКСК одновременно с сессией ВСНП «в подходящее время»²⁹. На 4-м заседании Постоянного комитета ВСНП 4-го созыва (23—24 октября 1977 г.) Хуа Гофэн сообщил о решении руководства ЦК КПК одновременно созвать обе эти сессии весной 1978 г.³⁰. Всекитайский комитет НПКСК был фактически провозглашен организационной формой «революционного единого фронта», который, по объяснению Хуа Гофэна, включает в себя, наряду с массовыми организациями китайских трудящихся, национальной буржуазией и буржуазной интеллигенцией, объединенными в «патриотические демократические партии», и китайскую буржуазию в других государствах — Гонконге, Макао, а также «тайваньских соотечественников». Таким образом, речь шла о формировании националистического фронта, призванного объединить разношерстные в классовом отношении элементы на основе реакционного великоханьского шовинизма, не имеющего ничего общего с социалистической идеологией.

Сессии ВК НПКСК предшествовали заседания комитетов НПКС провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, проводившиеся с ноября 1977 по февраль 1978 г., где были сформированы новые постоянные бюро местных коми-

тетов. В большинстве случаев председателями этих органов «избирались» (фактически назначались) руководители соответствующих ревкомов, подобранные вышестоящими властями в ходе повсеместно проводившейся чистки.

27—29 декабря 1977 г. состоялось 7-е заседание Постоянного комитета ВК НПКСК, обсудившее вопрос об организационной подготовке к сессии ВК НПКСК. Выступивший на этом заседании в качестве заместителя председателя ВК НПКСК Е Цзяньин изложил установки руководства КПК относительно роли Единого фронта, направлении его деятельности и задачах³¹. Эти установки и были затем положены в основу работы сессии ВК НПКСК.

16—18 февраля 1978 г. в Пекине проводилось 8-е заседание Постоянного комитета ВК НПКСК 4-го созыва, принявшее решение об открытии 1-й сессии ВК НПКСК 5-го созыва 24 февраля 1978 г. Заседание наметило повестку дня сессии: 1) доклад о работе Постоянного комитета ВК НПКСК 4-го созыва; 2) изменения в уставе НПКСК; 3) избрание председателя, заместителей председателя, начальника секретариата, членов Постоянного комитета ВК НПКСК; 4) вопрос о присутствии на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва³².

На заседании были утверждены доклад о работе Постоянного комитета, проект измененного устава НПКСК, персональный состав ВК НПКСК нового созыва (с соответствующими «разъяснениями» выступил член Политбюро ЦК, заведующий отделом единого фронта ЦК КПК Уланьфу), список членов президиума сессии и кандидатура начальника секретариата. Все выступления участников заседания, судя по официальным сообщениям, были выдержаны в духе решений XI съезда КПК, а также установок партийного руководства, высказанных в речи Е Цзяньина на предыдущем заседании Постоянного комитета.

Вопросы, связанные с работой 1-й сессии ВК НПКСК 5-го созыва, рассматривал 2-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (18—23 февраля 1978 г.). Как указывалось в коммюнике пленума, он даже утвердил состав Постоянного комитета ВК НПКСК³³. Таким образом, сессии осталось лишь проштамповать заранее принятые решения.

ПОРЯДОК РАБОТЫ СЕССИИ И ХАРАКТЕР ПРИНЯТЫХ ЕЮ РЕШЕНИЙ

Официальному открытию сессии Всекитайского комитета предшествовало подготовительное заседание, формально подтвердившее заготовленную повестку дня, «избравшее» президиум сессии и начальника секретариата.

Доклад о работе Постоянного комитета ВК НПКСК 4-го созыва сделал старейший деятель Единого фронта Сюй Дэжэнь. Судя по содержанию его доклада, деятельность органов еди-

ного фронта на протяжении последних 20 лет в основном сводилась к изучению принятых «наверху» решений, ознакомительным поездкам, приему иностранных делегаций и т. п.

В докладах на проводившейся одновременно I-й сессии ВСНП 5-го созыва Хуа Гофэн и Е Цзяньин³⁴ призывали к повышению роли Единого фронта путем применения установки Мао Цзэдуна о «сплочении всех сил, какие только можно сплотить». С помощью такого рода мероприятий китайские лидеры, по существу, стремятся совершить поворот вправо от левацкого мелкобуржуазного революционаризма. Ссылаясь на «учение» Мао Цзэдуна, Е Цзяньин утверждал, что пролетариат «беспомощен» в осуществлении своей диктатуры, если он не опирается на «массового союзника». В действительности за этим скрывалось намерение заменить марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата маоистской концепцией «демократической диктатуры народа», предполагающей политическое и идеологическое объединение разношерстных в классовом отношении сил общества.

Создаваемый на подобной основе китайский националистический блок призван, по замыслу маоистов, послужить основой для сплочения на международной арене «со всеми силами, с которыми можно сплотиться, чтобы образовать широчайший единый фронт против гегемонизма». Хорошо известно, что на деле это означает нагнетание вражды к Советскому Союзу, к мировому социализму в целом.

Сессия Всекитайского комитета НПКСК приняла решение, одобрявшее мероприятия, намеченные пекинской верхушкой, в том числе милитаристскую программу «четырёх модернизаций» и гегемонистский внешнеполитический курс³⁵.

Центральное место в работе сессии ВК НПКСК занял вопрос об изменениях в уставе НПКСК, принятом в 1954 г. Как указал в своем докладе «Разъяснения относительно внесения изменений в устав НПКСК» Вэй Гоцин³⁶, проект измененного устава, составленный в соответствии с решениями XI съезда КПК и новой конституцией КНР, «обсуждался и согласовывался» (в не названных им инстанциях) и был заранее принят на заседании Постоянного комитета ВК НПКСК 4-го созыва.

Как и в конституции КНР 1978 г., в новом уставе НПКСК, по существу, игнорируется историческая роль КПК и выпячиваются «особые заслуги» Мао Цзэдуна, названного «основателем» единого фронта. Впервые в подобном документе упоминается Чжоу Эньлай как один из основателей и руководителей КНР. В уставе зафиксирована также особая роль Хуа Гофэна в разгроме «банды четырех», якобы обеспечившем «успешное завершение» первой «культурной революции» и ознаменовавшем начало «нового периода развития».

Устав закрепил курс пекинского руководства на более широкое представительство китайской буржуазии в организациях

Единого революционного фронта, на допущение некоторых элементов политического плюрализма под лозунгом «длительного сосуществования и взаимного контроля» КПК и других партий, в том числе буржуазных. Не случайно в состав Всекитайского комитета НПКСК 5-го созыва (в который было «избрано» 1988 человек, т. е. на 789 больше, чем в ВК 4-го созыва) вошло значительное число «приглашенных деятелей» (от китайских эмигрантов — хуацяо), занявших (вместе с представителями китайцев, возвратившихся из-за границы, и беспартийными «патриотическими деятелями») более 52% мест в высшем органе единого фронта. В то же время массовые общественные организации КНР — КСМК, Всекитайская федерация профсоюзов, Всекитайская федерация женщин, Всекитайская федерация молодежи — направили лишь 5% делегатов Всекитайского комитета³⁷. Цель подобных мероприятий заключается в стремлении пекинских лидеров использовать капиталы, опыт и знания буржуазии и буржуазной интеллигенции для ускоренного развития военно-экономического потенциала страны.

В уставе НПКСК 1978 г. по-новому сформулированы основные обязанности коллективных и индивидуальных членов НПКСК; в частности, в раздел «общие положения» добавлены зафиксированные в конституции обязанности поддерживать руководство КПК, «высоко нести знамя Мао Цзэдуна», продолжать «революцию при диктатуре пролетариата», усилить подготовку к войне, вести борьбу против «социал-империализма» (т. е. против СССР).

В отличие от предыдущего устава в новом говорится об участии в Едином фронте не всех, а только «патриотических демократических партий», что на языке современных маоистов может обозначать различные объединения великоханьских националистов.

В устав НПКСК 1978 г. введена дополнительная глава об «общих принципах деятельности» органов Единого фронта, в которой на Всекитайский и местные комитеты НПКСК возлагаются задачи по проведению «консультаций», участию в политической жизни страны, идеологической обработке населения, обследованию положения на местах и оказанию помощи государственным органам в различных областях их деятельности.

Последнее пленарное заседание ВК НПКСК, проведенное 8 марта 1978 г., занималось организационными вопросами. Из числа членов Всекитайского комитета оно избрало председателя (Дэн Сяопин), заместителей председателя (22 человека), начальника секретариата (Ци Яомип), членов Постоянного комитета (243 человека). При формировании руководящих органов НПКСК было допущено отступление от ранее применявшейся практики избрания почетного председателя ВК НПКСК, которым неизменно являлся Мао Цзэдун (в то время как Чжоу Эньлай занимал пост «обычного» председателя). Положение о по-

четом председателе было исключено из нового устава, а нынешний председатель ЦК КПК не занял этого поста.

Тенденция к активизации деятельности органов единого фронта в целом отражает стремление послемаоцзэдуновского руководства укрепить свои политические позиции в стране, расширить социальную базу режима, обеспечить проведение в жизнь гегемонистской программы превращения Китая в «современную великую державу», способную претендовать на доминирующую роль в международной жизни.

СОСТАВ ВК НПКСК 5-го СОЗЫВА

Всекитайский комитет НПКСК, по официальным китайским данным, состоит из 1988 человек³⁸, 965 из них представляют различные политические и общественные организации: КПК — 76 человек, Революционный комитет гоминьдана — 50, Демократическую лигу Китая — 50, Ассоциацию демократического строительства государства в Китае — 50, беспартийных патриотов — 25, Китайскую ассоциацию содействия развитию демократии — 25, Крестьянско-рабочую демократическую партию Китая — 25, Партию справедливости — 8, Общество 3-го сентября — 25, Тайваньскую лигу — 12, КСМК — 13, Всекитайскую федерацию профсоюзов — 49, крестьян — 21, Всекитайскую федерацию женщин — 42, Всекитайскую федерацию молодежи — 10, Всекитайскую торгово-промышленную ассоциацию — 50, деятелей культуры и искусства — 65, деятелей науки и техники — 90, специалистов по общественным наукам — 25, работников в области образования — 63, спортивные круги — 25, прессу — 14, медицинских работников — 50, Общества дружбы с зарубежными странами — 28, Общества оказания помощи пострадавшим при стихийных бедствиях — 11, национальные меньшинства — 56, китайских реэмигрантов — 21 и религиозных кругов — 16 человек. Кроме того, в ВК НПКСК входят 993 специально приглашенных деятеля.

На февральской 1978 г. сессии Всекитайского комитета НПКСК присутствовало 1862 делегата³⁹. Сессия избрала Постоянный комитет в составе 267 человек⁴⁰: председатель, 22 заместителя, начальник секретариата и 243 члена ПК ВК НПКСК.

Председателем ПК ВК НПКСК избран Дэи Сяопин.

В число 22 заместителей председателя ПК ВК НПКСК введены представители КПК (в том числе три члена Политбюро — Вэй Гоцин, Пэн Чун и Уланьфу — и один кандидат в члены Политбюро ЦК КПК — Чжао Цзыян), Революционного комитета гоминьдана, Общества 3-го сентября, Демократической лиги Китая, Ассоциации демократического строительства государства в Китае, Всекитайской торгово-промышленной ассоциации, религиозных кругов, деятелей науки и техники, культуры и искусства, китайских реэмигрантов. Все они довольно известны в Китае

и за рубежом. Однако большинство из них весьма преклонного возраста.

Ни в число заместителей председателя, ни в состав членов ПК ВК НПКСК не введены лица, представляющие во Всекитайском комитете НПКСК китайский комсомол и Всекитайскую федерацию молодежи⁴¹.

IX СЪЕЗД ПРОФСОЮЗОВ

В период, последовавший сразу после ниспровержения «банды четырех» (1976 г.), в профсоюзных органах страны была проведена чистка сторонников «четверки» и наметилась тенденция некоторой корректировки профсоюзной политики руководства КПК. Эта тенденция получила отражение в материалах китайской прессы, 7-го расширенного (22—24 апреля 1978 г.) и 8-го (9 октября 1978 г.) пленумов Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов 8-го созыва, IX Всекитайского съезда профсоюзов (11—21 октября 1978 г.), 1-го пленума Исполкома ВКФП 9-го созыва (22—23 октября 1978 г.).

На 7-м пленуме (предыдущий, 6-й пленум Исполкома ВКФП 8-го созыва состоялся в марте 1966 г.) присутствовало около 200 человек, среди которых были профсоюзные деятели, занимавшие в 50-е и 60-е годы руководящие посты в профсоюзах КНР, члены и кандидаты в члены Исполкома, профсоюзные работники, ответственные сотрудники федераций профсоюзов всех провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, многие из которых — выдвинуты периода «культурной революции». На пленуме выступили с речами заместители председателя ВКФП Ма Чуньгу и Чжу Сюэфань и еще шесть ораторов. Пленум утвердил идейно-теоретическую платформу деятельности профсоюзов КНР после устранения «банды четырех» и принял решение созвать в октябре 1978 г. IX Всекитайский съезд профсоюзов⁴².

Существо профсоюзной политики руководства КПК, а также принципы деятельности профсоюзов, утвержденные пленумом, нашли отражение в статьях теоретической группы ВКФП в «Жэньминь жибао» и заместителя председателя ВКФП Ма Чуньгу в журнале «Хунци»⁴³. Эти статьи развивали положения, сформулированные в конце 1977 г. в установочной статье «Жэньминь жибао» «До конца раскритиковать измышления „банды четырех“ о господстве черной линии в рабочем движении»⁴⁴.

На 8-м пленуме присутствовало 113 членов и кандидатов в члены Исполкома ВКФП. Пленум утвердил проекты отчета о работе Исполкома ВКФП 8-го созыва, представляемого IX Всекитайскому съезду профсоюзов, доклада о новом уставе профсоюзов КНР. Пленум поручил члену Политбюро ЦК КПК, второму секретарю Шанхайского городского парткома и председа-

телю Пекинской городской федерации профсоюзов (по совместительству) Ни Чжифу сделать от имени Исполкома 8-го созыва отчетный доклад на IX Всекитайском съезде профсоюзов.

По сообщениям агентства Синьхуа, с июля по октябрь в 29 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах прошли профсоюзные конференции, на которых обсуждались материалы 8-го пленума Исполкома ВКФП и были избраны делегаты на IX съезд профсоюзов.

IX съезд, состоявшийся через 20 с лишним лет после предыдущего, VIII съезда, явился главным событием профсоюзной жизни страны в 1978 г. На съезде присутствовало 1960 делегатов, которые представляли «рабочих, добившихся заметных успехов», рабочих — выходцев с Тайваня, а также реэмигрантов (особо подчеркивалось, что эта категория включает представителей вьетнамских китайцев, которые вернулись на родину, якобы «гонимые притеснениями вьетнамских властей»⁴⁵), служащих, профсоюзных кадровых работников старшего поколения и активистов кампании «борьбы с „бандой четырех“». Делегаты представляли все провинции, города центрального подчинения, автономные районы и Дацинские нефтепромыслы, а также 30 национальностей страны. На съезде присутствовали председатель ЦК КПК Хуа Гофэн, заместители председателя ЦК КПК Е Цзяньин, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Ван Дунсин, некоторые члены Политбюро, представители Госсовета КНР, министерств, ведомств, НОАК, «демократических партий и группировок, народных организаций»⁴⁶. Возраст делегатов — от 20 до 81 года. Состав президиума съезда — 171 человек.

На съезде выступили: с приветствием — Дэн Сяопин, с отчетным докладом Исполкома ВКФП 8-го созыва — Ни Чжифу, с речами — заместители председателя ВКФП Ма Чуньгу, Чжу Сюэфань и Кан Юнхэ, члены Политбюро ЦК КПК, заместители премьера Госсовета Юй Цюли и Фан Ли (последний представил съезду письменный доклад). Всего выступили или представили тексты выступлений более 90 делегатов. 21 октября съездом был принят новый устав профсоюзов КНР⁴⁷.

На съезде была восстановлена Всекитайская федерация профсоюзов, прекратившая свое существование в результате «культурной революции». Были избраны руководящие органы ВКФП: Исполком, Постоянный комитет Исполкома, секретариат. В новый Исполком вошло 193 члена и 85 кандидатов.

В составе Исполкома немало профсоюзных работников — представителей старшего поколения, которые работали в профсоюзах в первые годы КНР, а некоторые и до победы революции. Это Чжу Сюэфань, Гу Дачунь, Кан Юнхэ, Ли Цзебо, Фан Мин, Хуан Миньвэй, Чжао Гоцян, Чжан Вэйчжан, Чэнь Юй, Шао Цзиньва, Чжан Сючжу.

Из этой группы наиболее известен Чжу Сюэфань — в 1937—1947 гг. руководитель Китайской ассоциации труда, реформист-

ского профсоюзного центра гоминьдановского Китая, сотрудничавшего с КПК. Он представлял профсоюзы Китая в Международной федерации профсоюзов (Амстердамский интернационал), а в 1945—1948 гг. вместе с представителями профсоюзов Освобожденных районов Китая — во Всемирной федерации профсоюзов. Был одним из инициаторов объединения профсоюзов Китая и воссоздания Всекитайской федерации профсоюзов в 1949 г.

Все упомянутые деятели были репрессированы во время «культурной революции» и реабилитированы после отстранения от власти в конце 1976 г. «банды четырех». В состав Исполкома введены также Дун Синь и Ди Цзыцай — члены руководства ВКФП, репрессированные еще в 1958 г. Они были отстранены от работы во время маоистской кампании «углубления движения за исправление стиля в профсоюзах», получив ярлыки «правых элементов», «догматиков», «консерваторов».

В Исполком введены несколько рабочих — героев труда, прославившихся в 50-е годы: Ван Миндэ, Ван Чжицзе, Ма Люхай, Ма Хэнчан, Хао Цзяньсю, Чжэн Сикунь.

Выдвиженцев «культурной революции» в Исполкоме незначительное меньшинство. Подавляющее большинство членов и кандидатов в члены Исполкома ВКФП люди новые, выдвинутые на профсоюзные посты в ходе кампании борьбы против «банды четырех», а также рабочие — «активисты» этой кампании.

1-й пленум Исполкома ВКФП 9-го созыва избрал руководством ВКФП. Председателем стал Ни Чжифу (46 лет, бывший слесарь, «активист» «культурной революции»), его заместителями — Чжу Сюэфань, Ма Чуньгу, Кан Юнхэ, Хуан Миньвэй, Чэнь Юй, Сун Каньфу, Ван Чунлунь, Хань Жунхуа, Лю Юйэ, Чжан Жуйин. Из десяти заместителей председателя ВКФП первые пять — старые профсоюзные деятели, другие — выдвиженцы периода борьбы с «бандой четырех». 23 октября 1978 г. на заседании Постоянного комитета Исполкома был избран секретариат в составе 11 человек, куда вошел и Ма Чуньгу⁴⁸.

В отчетном докладе Исполкома было подчеркнуто, что реализация курса «четырёх модернизаций» — это «новая великая историческая миссия рабочего класса», вытекающая из установки XI съезда КПК: осуществить «великую революцию», которая «по трудности задач, масштабам перемен и по глубине влияния в некотором смысле превосходит любую из революций в истории Китая»⁴⁹.

Содержание материалов и документов IX Всекитайского съезда профсоюзов можно охарактеризовать следующим образом.

Вина за роспуск ВКФП в 1966 г. и бездействие профсоюзов возлагается на Линь Бяо и «банду четырех», а сам IX съезд назван следствием «триумфальной победы над „бандой четырех“».

«Разоблачение» «банды четырех» на съезде развернулось в нескольких направлениях. Одно из них — критика интерпретации «четверкой» истории профсоюзов КНР. Как следует из материалов съезда, нынешние руководители КПК решительно не согласны с «бандой четырех» в вопросе об оценке 17-летнего периода деятельности профсоюзов — с 1949 по 1966 г.

Напомнив о значении трудового соревнования, почти забытого в Китае в период «культурной революции» и после нее, съезд призвал трудящихся брать пример с передовых рабочих, героев труда начала 50-х годов, таких, как машинисты Ли Юн, Го Шудэ, токари Чжао Гою и Ма Хэнчан, ткачиха Хао Цзяньсю, горнопроходчик Ма Ваньшуй, шахтер Ма Люхай и др. При этом совершенно умалчивается о помощи советских рабочих и инженеров, различных советских организаций, в том числе ВЦСПС, принимавших активное участие в повышении производительности квалификации этих китайских передовиков. Достижения этих рабочих китайская пропаганда целиком и полностью ставит в заслугу «идеям Мао Цзэдуна». Мао Цзэдуно приписываются также заслуги в развитии таких форм трудового соревнования в КНР, как патриотическое соревнование (1950—1952 гг.), возникшее в результате изучения опыта советских профсоюзов, движение изобретателей и рационализаторов, движение передовиков производства (1956 г.).

На IX съезде профсоюзов открыто велась критика некоторых идей, установок и мероприятий, проводившихся в жизнь Мао Цзэдуно и «бандой четырех». Критиковались принижение роли производства в развитии общества (фактически маоистская установка), пренебрежение экономикой в угоду политическим целям организаторов «культурной революции», приведшее, по существу, к ее развалу. При этом появился новый акцент в трактовке роли профсоюзов в области экономики: на IX съезде немало говорилось об участии профсоюзов в налаживании производства как «исторической задаче профсоюзов».

Изменился тон высказываний относительно необходимости заботиться о насущных интересах народа — неоднократно раздавалась критика в адрес «четверки», которая препятствовала улучшению условий жизни трудящихся.

Подверглись критике «зажим» и «ликвидация» производственной демократии, было заявлено о необходимости созыва на предприятиях собраний представителей рабочих и служащих, которые могли бы выносить определенные рекомендации руководству⁵⁰.

Была скорректирована еще одна установка — ограничение приема в профсоюз по политическим мотивам, в результате чего значительная часть трудящихся оставалась вне профсоюзов (как «недостаточно сознательная», «политически отсталая») и вследствие этого не пользовалась никакими социальными льготами.

Материалы съезда показали, что руководители КНР были вынуждены продемонстрировать намерение отказаться от некоторых одиозных установок в профсоюзной политике.

Однако IX Всекитайский съезд профсоюзов показал, что критика отдельных установок Мао Цзэдуна не привела к отказу нового руководства КПК от маоистской профсоюзной политики в целом. Более того, съезд, по существу, завершил и организационно оформил маоизацию профсоюзов КНР.

Маоизм по-прежнему остается руководящей идеологией китайских профсоюзов. «Профсоюзы всегда должны руководствоваться идеями Мао Цзэдуна»⁵¹ — эти слова многократно повторялись в докладах Дэн Сяопина и Ни Чжифу на IX съезде. В новом уставе профсоюзов говорится: «Идеи Мао Цзэдуна и революционная линия председателя Мао Цзэдуна... остаются знаменем, направляющим рабочее движение и работу профсоюзов» КНР⁵².

В соответствии с этим профсоюзы «должны руководствоваться великой теорией председателя Мао о продолжении революции при диктатуре пролетариата... твердо придерживаться курса на продолжение революции»⁵³. Поэтому съезд провозгласил: «В настоящее время самая важная задача профсоюзов заключается в том, чтобы... довести до конца великую борьбу и критику по разоблачению „банды четырех“, до конца ликвидировать ее тлетворное влияние на фронте рабочего движения»⁵⁴. Иначе говоря, на передний план вновь выдвигается не серьезная работа в области организации производства и социальной политики, а маоистская «классовая борьба».

На съезде не говорилось и о конкретных задачах профсоюзов по внедрению в экономику систем материального стимулирования, чему в Пекине стали придавать в последнее время определенное значение. Таким образом, на деле профсоюзы, как и раньше, остаются в стороне от конкретной организаторской и экономической работы.

Не удивительно поэтому, что документы и материалы IX съезда профсоюзов носят декларативный характер и в них ничего не сказано о том, что было и будет сделано для вовлечения профсоюзов в конкретную производственную и экономическую деятельность государства.

В области социальной политики IX съезд остался на тех же традиционно маоистских позициях, что и «четверка». Не удивительно поэтому, что конкретные задачи по улучшению условий труда и жизни рабочих и служащих не ставились ни на отраслевых всекитайских совещаниях, ни на IX Всекитайском съезде профсоюзов. Руководство страны лишь обвиняло «четверку» в том, что она не заботилась о жизни трудящихся, не улучшала условий труда на производстве; задачи профсоюзов по исправлению создавшегося положения были сформулированы в самой общей форме. Цели и методы работы профсоюзов в этом важ-

ном направлении не были конкретизированы. Профсоюзы в 1977—1978 гг., по существу, оставались отстраненными от какой бы то ни было конкретной социальной деятельности, а решения IX съезда не ориентируют их на планомерную работу в этой области.

Обвинения «четверки» в нарушении демократии, прозвучавшие на IX съезде, не привели к развитию демократических методов работы профсоюзов. Более того, на вооружение был взят маоистский тезис максимального ограничения, подавления организационной самостоятельности профсоюзов. С этой целью устав КПК, принятый на XI съезде партии, предусматривает обязательное создание «партийных групп руководства» в общественных организациях (профсоюзных, молодежных, женских и т. д.), которые не выбираются, а «назначаются соответствующими парткомами»⁵⁵.

Отсутствие демократии в профсоюзах проявилось и в отношении к рабочему и профсоюзному контролю в стране. В уставе 1978 г. упоминания о «профсоюзном контроле» вообще нет, термины «рабочий контроль» и «контроль профсоюзов» исключены из обращения.

Собрания представителей рабочих и служащих, о создании которых говорилось на съезде, в отличие от аналогичных собраний в конце 50-х годов совершенно лишены права контроля действий администрации. Если в уставе профсоюзов КНР 1957 г. (ст. 30) говорилось, что собрания «осуществляют контроль над администрацией предприятия»⁵⁶, то устав 1978 г. (ст. 17, пункт 3) сводит дело к тому, что профсоюзы являются лишь «рабочими органами конференций представителей рабочих и служащих»⁵⁷. На съезде не были восстановлены в правах коллективные договоры и договоры об охране труда, которые ранее заключались профсоюзам с администрацией от имени коллективов предприятий. В годы «культурной революции» эти договоры были объявлены «капиталистическим хламом».

Об урезывании, свертывании контрольных функций свидетельствовало также противоречивое решение IX съезда по вопросу об участии профсоюзов в управлении производством.

С одной стороны, на съезде было объявлено о создании конференции представителей рабочих и служащих, утвержден принцип выборности рабочими начальников цехов и участков, бригадиров, звеньевых, говорилось о необходимости рабочего контроля через профсоюзы. С другой стороны, одновременно была дана установка, явно направленная на ограничение демократии: первичные профсоюзные организации призываются всячески поддерживать «административное руководство предприятий, его «высокий авторитет», который, как это следует понимать из доклада Дэн Сяопина, возникает «по указанию сверху»⁵⁸.

Китайское руководство осталось также верным маоистской линии использования профсоюзов для разжигания антисоветиз-

ма внутри страны и за рубежом. IX съезд призвал профсоюзы КНР к борьбе «против гегемонизма», т. е., по маоистской терминологии, против Советского Союза⁵⁹.

Анализ основных направлений деятельности профсоюзов КНР после отстранения «четверки» показывает, что, хотя их формальное восстановление и состоялось, в главном и определяющем, в основных сферах своей деятельности китайские профсоюзы действуют в соответствии с маоистскими установками.

Критика съездом некоторых сторон маоистской концепции профсоюзов, различного рода обещания руководства, «игра в демократию», «разоблачения» профсоюзной политики, которую осуществляла «банда четырех», — все это явилось лишь отражением очередного этапа ожесточенной борьбы за власть в современном Китае, в ходе которой остаются неизблевыми не только основные теоретические постулаты маоизма, но и его практические цели.

Х СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ КИТАЯ

С 16 по 26 октября 1978 г. в Пекине проходил X съезд КСМК. Как сообщала китайская печать, в работе съезда участвовало 2 тыс. делегатов, представлявших 48 млн. членов КСМК, объединенных более чем в 2 млн. первичных организаций. На съезде присутствовали партийные, военные и государственные руководители КНР, в том числе Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Ван Дунсин, Ли Сяньнянь и др. С приветствием к съезду от имени ЦК КПК обратился заместитель председателя ЦК КПК Ли Сяньнянь, с вступительным словом выступил Ван Чжаохуа, с заключительным — Ван Миньшэн. Отчетный доклад от имени Комитета по подготовке X съезда КСМК сделал Хань Ин, доклад об изменениях в уставе КСМК — Ху Цили. Кроме того, на съезде получили слово 12 делегатов и 35 делегатов «представили свои выступления в письменном виде»⁶⁰. Перед делегатами выступили представители министерств и ведомств, Канцелярии Госсовета по делам образованной молодежи, отпразднованной в горные и сельские районы, а также заместители премьера Госсовета Фан И, Чэнь Мухуа, Кан Шиэнь, сделавшие сообщения о международной обстановке, о положении в народном хозяйстве и о работе в области науки и техники. Съезд избрал новый состав ЦК КСМК в количестве 201 члена и 99 кандидатов. На 1-м пленуме ЦК КСМК 10-го созыва первым секретарем ЦК КСМК был избран Хань Ин, в состав Секретариата ЦК КСМК вошли: Ван Миньшэн, Гао Чжаньсян, Ли Хайфэн (женщина), Лю Вэймин, Ху Цили, Ху Дэхуа (женщина), Чжоу Пэнчэн; был утвержден и Постоянный комитет ЦК.

Проведение X съезда КСМК⁶¹ было одним из звеньев в общей цепи мероприятий (сессия ВСНП 5-го созыва, съезд Все-

китайской федерации женщин, съезд профсоюзов), призванных, по мысли нового китайского руководства, стабилизировать внутривнутриполитическое положение в стране и мобилизовать все силы на выполнение милитаристской, гегемонистской программы «четырех модернизаций».

Центральное место в документах съезда занимает доклад Хань Ина «Отдать свою молодость новому великому походу», в котором изложены задачи, курс и основа, на которой воссоздается КСМК. Всю работу съезда пронизывает мысль о необходимости выполнения программы «четырех модернизаций» любыми средствами, с тем чтобы «к концу нынешнего столетия Китай вышел в первые ряды стран мира и внес большой вклад в дела человечества»⁶². В преамбуле нового устава КСМК сказано: «КСМК, руководствуясь идеями марксизма-ленинизма и идеями Мао Цзэдуна, спланирует молодежь всех национальностей всей страны и организует из нее героический ударный отряд в новом великом походе»⁶³. В документах съезда КСМК полностью нашла свое отражение прагматическая линия нового руководства, направленная на осуществление прежнего великодержавного шовинистического курса более гибкими методами, включая и определенную корректировку наиболее одиозных постулатов Мао Цзэдуна, в первую очередь в экономике, науке, культуре, образовании и военном деле, а также некоторых его «указаний» по молодежному движению в Китае. Осуждены, например, эксцессы «культурной революции», спровоцированные хунвэйбинами и цзаофанями. Съезд призвал молодежь «настойчиво овладевать научными, техническими и культурными знаниями», «хорошо работать», «соблюдать строгую дисциплину», «подчиняться указаниям руководства»⁶⁴ и т. п. Обращает на себя внимание и тот факт, что в документах съезда предписано увязывать «главную задачу комсомола» — «изучение идей Мао Цзэдуна молодежью» с практикой. Это связано с проводившейся в течение всего 1978 года в китайской пропаганде широкой кампанией некоторого «перетолковывания» Мао Цзэдуна под лозунгом: «Практика — единственный критерий истины». Все эти изменения общей политической линии нового китайского руководства нашли отражение не только в материалах съезда, но и в новом уставе КСМК, где они закреплены как «основные направления работы комсомола среди молодежи».

Следует подчеркнуть, что корректировка ни в коей мере не коснулась основополагающих догматов маоизма, таких, как «продолжение революции при диктатуре пролетариата», «необходимость проведения культурной революции, если потребуется, и в будущем», «учиться у НОАК», «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям», «борьба против советского социал-империализма» и создание широкого антисоветского фронта на международной арене. Всем этим «идеям» Мао нашлось место в «новом курсе» молодежного движения в КНР.

Корректировка наиболее однозвучных маоистских постулатов в молодежном движении призвана, с одной стороны, дать выход накопившемуся недовольству определенной части молодежи и обеспечить дальнейшее существование маоизма без Мао, с другой — мобилизовать молодежь и превратить ее в эффективную и квалифицированную ударную силу для «претворения в жизнь четырех модернизаций»; с помощью молодежи и восстановления КСМК, разогнанного «культурной революцией», маоисты рассчитывали активно вмешаться в международное молодежное движение и попытаться расколоть его на антисоветской основе. Очевидно, что подобный курс нового китайского руководства в молодежном движении как внутри страны, так и за рубежом представляет серьезную опасность и для самой китайской молодежи, и для всего международного молодежного движения.

Интересно отметить тот факт, что непосредственно накануне съезда в китайской печати сообщалось о выдвижении на руководящие комсомольские посты реабилитированных «бывших активных противников „четверки“ из числа руководящих комсомольских работников, которые выступали против нее в разной форме вплоть до организации в ряде мест демонстраций протеста, таких, как на площади Тяньаньмынь». В газетах появились статьи, в которых бывшие сторонники «четверки» из числа молодых руководителей «расканивались в ошибках», которые они совершили «по своей молодости и неопытности», признавали себя виновными и клеймили «четверку»⁶⁶. Совершенно ясно, что эти материалы были инспирированы пекинским руководством, надевшимся объединить широкие слои молодежи и избежать различных эксцессов накануне и в ходе X съезда КСМК, после чистки сторонников «четверки», выдвинутых ею в состав руководства комсомола. Кроме того, возникла острая необходимость поднять роль молодежи в жизни страны, ибо «молодые активисты» подверглись резкой критике со стороны старых кадровых работников за «попытку полностью заменить старые кадры во всех сферах и звеньях»⁶⁷.

Документы съезда свидетельствуют о фактически кризисном положении в молодежном движении и КСМК, создавшемся в результате «особого курса» Мао Цзэдуна. По признанию первого секретаря ЦК КСМК Хань Ина, в Китае «последние 12 лет комсомол практически не существовал», еще в 1966 г. «был разгромлен ЦК КСМК и репрессировано большинство комсомольских кадров». Среди молодежи насчитывается свыше 120 млн. неграмотных или полуграмотных, молодежь самая низкооплачиваемая, но усиленно эксплуатируемая часть китайского общества. Среди молодежи распространены апатия, неуверенность в завтрашнем дне. Китайская печать сетует, что молодежь не верит в «идеи Мао Цзэдуна». В 1978 г. в Китае оставалась нерешенной проблема устройства отправленных в горные и сельские

районы огромных масс грамотной молодежи, ставится под сомнение сама целесообразность этой меры; остро стоял вопрос престоупности среди молодежи. Новое китайское руководство, декларируя свою верность маонизму, не в состоянии разрешить все эти актуальные проблемы, ограничиваясь некими полумерами — «корректировкой» наиболее одиозных постулатов Мао.

Вместе с тем официальное закрепление в документах и решениях съезда маонизма как «руководящей и направляющей силы всей работы комсомола» не может не привести к углублению противоречий в молодежном движении КНР. Фактически, как вытекает из доклада Хань Ина, новое китайское руководство не вполне уверено в том, что оно нашло общий язык с молодежью и поддержку среди различных ее слоев. Против нынешних пекинских руководителей в их взаимоотношениях с молодежью действуют следующие факторы:

некоторая корректировка маонизма, проводимая новым руководством (в первую очередь Дэн Сяопином и его окружением) в интересах повышения его эффективности и жизнеспособности, встречает сопротивление и непонимание среди молодежи, которая, как заявил Хань Ин, «в течение 10 лет росла под влиянием „банды четырех“»;

китайское руководство по инициативе старых партийных, государственных и военных деятелей в процессе кампании «критики четырех» активно устраняло с руководящих постов во всех звеньях партийно-государственного и военного аппарата молодых «выдвиженцев культурной революции». Из партии были исключены многие молодые люди, принятые в КПК в 1973—1976 гг. В этой связи остро встал вопрос о руководящих кадрах; из-за того, что длительное время китайский комсомол организационно не существовал, оказались разрушенными его структурные звенья; делегаты X съезда КСМК фактически были не избраны, а назначены сверху, т. е. не являлись подлинными представителями определенных категорий молодежи и не могли пользоваться безусловным авторитетом и поддержкой. Практически перед новым руководством встала задача создания КСМК заново.

Наряду с этим, работники комитетов комсомола в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, «выпестованные четверкой», были репрессированы⁶⁸; как следует из документов съезда, правящая группировка КПК призывает расширить социальную базу КСМК, делая ставку на третировавшихся ранее молодых интеллигентов, выходцев из буржуазных и кулацких семей, квалифицированных молодых рабочих, пострадавших от «банды четырех»; роспуск хунвэйбинских и хунсяобинских организаций, а также рабочего ополчения не мог не вызвать недовольства среди той части молодежи, которая опиралась на «четверку». Вместе с тем

в глазах большой массы населения и молодежи, а также ветеранов партии, армии и труда и бывших руководящих комсомольских работников, пострадавших в свое время от злодеяний хунвейбинов, это объективно является обвинением маоизма.

ЦК КПК поставил задачу восстановления китайской пионерской организации (КПО), организационной и воспитательной работой которой должен руководить КСМК.

После двенадцатилетнего перерыва с сентября — октября начали функционировать печатные органы КСМК — газета «Чжунго цинняньбао» и журнал «Чжунго циннянь», а также газета КПО «Чжунго шаоняньбао».

Руководство в Пекине, очевидно, рассматривает эти массовые молодежные издания как одно из важных средств усиления идеологической обработки китайской молодежи в духе прагматического маоизма, гегемонистской программы «четырех модернизаций», национализма и антисоветизма.

Таким образом, в целом X съезд КСМК прошел под знаменем верности маоизму, однако многие его положения носили противоречивый и компромиссный характер, во всем чувствовалось отражение внутренней борьбы в пекинском руководстве.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ. IV СЪЕЗД ВСЕКИТАЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЖЕНЩИН (ВКФЖ)

Деятельность женских организаций в 1978 г. в центре и на местах в основном была направлена на пропаганду и реализацию задач, поставленных перед страной сессией ВСНП 5-го созыва. В марте Всекитайская федерация женщин организовала в Пекине семинар, участницы которого, напоминая о так называемой генеральной задаче Китая на новый период, сформулированной на сессии, призывали женщин «активно включиться в борьбу за превращение Китая к концу нынешнего столетия в мощную современную державу»; на заседании федерации женщин пров. Хэйлуцзян подчеркивалось, что осуществление генеральной задачи нового периода является почетным делом всех федераций женщин; на заседании федерации женщин Синьцзян-Уйгурского автономного района перед женщинами района ставились задачи претворения в жизнь решений сессии ВСНП 5-го созыва и активного участия в реализации программы «четырех модернизаций». О необходимости широкого привлечения женщин к выполнению планов китайского руководства, намеченных сессией, говорилось также на заседаниях федераций женщин пров. Шаньдун, пров. Хубэй, Тибетского автономного района и т. д.

В 1978 г. в женских организациях Китая продолжалась кампания критики «четверки» и их сторонников. В ходе этой кампании подверглось репрессиям значительное число женщин —

руководящих работников высшего и среднего звена. Среди них пять членов ЦК КПК 10-го созыва: Лю Сянпин (министр здравоохранения), Се Цзинъи (член ПК ВСНП 4-го созыва, секретарь Пекинского горкома КПК, зам. председателя Пекинского ревкома, первый секретарь Пекинского горкома комсомола), Цай Шумэй (член ПК Тяньцзиньского горкома КПК, председатель федерации женщин г. Тяньцзиня), Чжоу Лицинь (зам. председателя Шанхайского ревкома), Ян Чуньфу (секретарь партийного комитета пров. Ляонин, зам. председателя ревкома пров. Ляонин); пять кандидатов в члены ЦК КПК 10-го созыва: Ван Мэйли (зам. председателя федерации женщин пров. Гуандун), Гао Шулань (ответственный работник орготдела ЦК КПК, работница Пекинского вагоностроительного завода им. 7-го февраля), Ло Чуньди (зам. председателя ревкома пров. Фуцзянь, председатель федерации женщин пров. Фуцзянь), Фань Сяоцзюй (зам. председателя ревкома пров. Цзянси, председатель федерации женщин пров. Цзянси), Ян Полань (член ПК ВСНП 4-го созыва, работница 6-й текстильной фабрики г. Циндао). В период работы IV Всекитайского съезда женщины в передачах китайского радио резкой критике подверглась «пришпешница» «четверки» в пров. Ляонин, член ЦК КПК 10-го созыва, заместитель председателя ПК ВСНП 4-го созыва Ли Суэнь.

Под огонь критики попали те руководящие работники, которые сдержанно или пассивно относились к линии пекинского руководства, а также зарекомендовавшие себя наиболее рьяными приверженцами политики «четверки».

В 1978 г. федерации женщин на местах продолжали проводить собрания, на которых призывали женщин вести борьбу с «четверкой» и их сторонниками и устраняли разного рода судилища. Например, на массовом митинге в Наньчане, организованном в пров. Цзянси, публично подверглись критике несколько деятелей провинциальной федерации женщин и из некоторых районных федераций (в информации о митинге имена не упоминались). Их обвиняли в том, что, занимаясь сектантской деятельностью, они подстрекали кадровых работников-женщин на выступления против руководства провинциального парткома. На заседании комитета федерации женщин пров. Хэйлуцзян отмечалось, что «широкие массы женщин провинции должны продолжать критику „четверки“ и их наместника в Северо-Восточном Китае и должны избавиться от их ядовитого влияния». На заседании комитета федерации женщин пров. Шаньдун указывалось на необходимость критики преступлений «четверки», которая, по свидетельству участников заседания, «вмешивалась в женское движение и подрывала его».

Значительное место в работе женских организаций в 1978 г. занимали вопросы, связанные с подготовкой к Всекитайскому съезду. Решение о проведении в сентябре 1978 г. IV Всекитай-

ского съезда женщин было принято на расширенном заседании Исполкома ВКФЖ 3-го созыва, которое проходило в Пекине с 16 по 21 апреля 1978 г.⁶⁹ Это заседание явилось первым после более чем десятилетнего перерыва в работе федерации.

В Уведомлении о созыве съезда, принятом на заседании, отмечалось, что женские организации Китая и широкие массы женщин должны довести до конца борьбу за разоблачение и критику «четверки», вести пропаганду генеральной задачи нового периода, развивать роль женщин в народном хозяйстве, стать «надежным тылом» для «четырёх модернизаций», развернуть работу по созданию единого фронта внутри страны и на международной арене, провести идеологическое и организационное упорядочение организаций ВКФЖ всех ступеней и укрепить отряды кадровых работников ВКФЖ⁷⁰. Заседание открыла председатель ВКФЖ Цай Чан, которая заявила, что прерванная «культурной революцией» деятельность ВКФЖ якобы «восстанавливается»⁷¹. Однако пекинское руководство пытается воссоздать эту общественную организацию на принципиально новой основе. Выступавшие на заседании делегаты говорили о «начале женского движения нового периода, начале нового великого похода». На заседании отмечались следующие главные моменты политики китайского руководства в отношении женщин и женских организаций:

1. Центральная задача партии есть центральная задача федераций женщин;

2. Идеи воспитание женщин должно проводиться на основе марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна;

3. Необходимо привлекать женщин к участию в политической деятельности, в общественном производительном труде, повышать их общеобразовательный уровень и т. д.

4. На международной арене — развивать единый фронт женщин для борьбы против колониализма, империализма и гегемонизма⁷².

Решение пекинского руководства о возобновлении издания журнала «Чжунго фунюй» («Китайская женщина»), принятое в середине 1978 г., также связано с подготовкой к проведению Всекитайского съезда⁷³.

Перед съездом во всех провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения прошли конференции женщин или расширенные заседания постоянных комитетов федераций женщин, на которых избирались делегаты на Всекитайский съезд. В частности, в передачах местных радиостанций сообщалось, что на состоявшихся расширенных заседаниях комитетов федераций женщин провинций Хубэй и Шаньдун «путем консультаций и обмена мнениями» было соответственно избрано 67 и 92 делегата на съезд; 37 делегатов было направлено от Сипьцзян-Уйгурского автономного района.

IV съезд ВКФЖ проходил в Пекине с 8 по 17 сентября 1978 г. Предыдущий, III съезд Всекитайской демократической федерации женщин (первоначальное название Федерации женщин Китая) состоялся за 21 год до этого — в сентябре 1957 г.

Накануне съезда, 6 сентября, в Пекине состоялось расширенное заседание президиума ВКФЖ 3-го созыва, на котором были рассмотрены доклад о работе, измененный проект устава Всекитайской демократической федерации женщин и другие вопросы. Кроме того, было принято решение относительно руководящих органов съезда⁷⁴.

На съезде присутствовали и принимали участие в его работе Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Ли Сяньнянь, Ван Дунсин и др.⁷⁵. Работа съезда широко освещалась на страницах центральных китайских газет и в передачах радио.

В работе съезда, по сообщению Синьхуа, приняли участие около 2 тыс. делегатов (на 33% больше, чем на III съезде), представлявших свыше 50 национальностей, от всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения (среди них 232 делегата от малых народов). Работницы и крестьянки составили 20,4% общего числа делегатов, деятели науки, здравоохранения и просвещения — 17,8%. В числе делегатов, как сообщило агентство Синьхуа, были члены ЦК КПК, руководители министерств, провинций, городов и автономных районов, округов и уездов, промышленных предприятий и сельских коммун, командиры и бойцы НОА, героини-ополченки и др.

В состав президиума вошли почетный председатель ВКФЖ Сун Цинлин (вдова Сунь Ятсена), председатель ВКФЖ Цай Чан (вдова Ли Фучуня, член ЦК КПК 11-го созыва), заместители председателя ВКФЖ Дэн Инчао (вдова Чжоу Эньлая, член ЦК КПК 11-го созыва), Кан Кэцин (вдова Чжу Дэ, член ЦК КПК 11-го созыва) и другие⁷⁶.

Со вступительным словом на съезде выступила заместитель председателя ВКФЖ Дэн Инчао, назвавшая съезд «форумом по мобилизации женщин на борьбу за ускоренное построение могучей социалистической державы, осуществившей модернизацию в четырех областях, новой вехой на пути освобождения женщин»⁷⁷.

На открытии съезда выступил также заместитель председателя ЦК КПК Ван Дунсин, призвавший китайских женщин работать с энтузиазмом и всячески ускорять темпы реализации программы «четырёх модернизаций»⁷⁸.

С докладом о задачах женщин Китая выступила заместитель председателя ВКФЖ Кан Кэцин. Она обратилась к женщинам Китая с призывами: «Совершать новые подвиги в классовой и производственной борьбе и научном эксперименте», «быть образцовыми „бойцами службы тыла“ в деле „четырёх модернизаций“», «воспитывать революционную смену», «правильно под-

ходить к браку и регулировать отношения между членами семьи», «укреплять и развивать единый фронт женщин в национальном и международном масштабе»⁷⁹.

Речи на съезде произнесли также Сун Цинлин, заместители премьер-министра Госсовета Фан И и Юй Цюли и др. Всего на пленарных заседаниях выступили 28 делегатов. Все они подчеркивали, что задача китайских женщин на предстоящий период состоит в том, чтобы «помочь превратить Китай к концу нынешнего века в современную сильную социалистическую державу».

Содержание прений на съезде свидетельствует о попытках пекинского руководства привлечь широкие массы женщин к активному участию в производственной работе, а также в политической и международной деятельности под лозунгом «создания могучего Китая».

На съезде были избраны три почетных председателя ВКФЖ: Сун Цинлин, Цай Чан и Дэн Инчао — и новый Исполнительный комитет⁸⁰. На первом пленарном заседании Исполкома ВКФЖ 4-го созыва председателем ее была избрана Кан Кэцин⁸¹. Следует отметить, что высшее руководство ВКФЖ (три почетных председателя и один председатель) принадлежит представителям старшего поколения. Были избраны 13 заместителей председателя ВКФЖ: Гуань Цзянь, Ли Баогуан, Линь Лиюнь, Линь Цяочжи, Ло Цюн, Лэй Цзецюн, Маинур, Нгапод Цэтань-джолкар, У Ифан, Хао Цзяньсю, Хуан Ганьин, Цзэн Сяньчжи, Ши Лян. Двое из них — Хао Цзяньсю и Линь Лиюнь — являются членами ЦК КПК 11-го созыва. Был также избран Постоянный комитет ВКФЖ в составе 50 человек. Всего в состав Исполкома вошло 245 членов и 55 кандидатов. На первом пленарном заседании Постоянного комитета федерации был утвержден секретариат в составе 8 человек: Ло Цюн — первый секретарь, Дун Бянь, Ли Баогуан, Ли Цинь, Ли Шучжэн, Тянь Сюэцзюань, У Цюаньхэн, Хуан Ганьин — секретари⁸². Съезд принял рабочий отчет, озаглавленный «Великие задачи женского движения в Китае на новый период» и новый устав ВКФЖ.

Устав ВКФЖ (принятый 17 сентября и опубликованный в «Жэньминь жибао» 18 сентября 1978 г.) разделен на 5 глав, включающих 15 статей. Устав ВКФЖ полностью отразил линию XI съезда КПК и «генеральную задачу на новый период», выдвинутую на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва. Всекитайская федерация женщин, указывается в уставе, «мобилизует и организует женщин различных национальностей страны на борьбу за превращение Китая к концу нынешнего столетия в великую могучую социалистическую державу с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной, современной наукой и техникой». Устав призывает ВКФЖ руководствоваться в своей международной деятельности маоцзэ-дуновской теорией «трех миров» и придерживаться антисоветской, антисоциалистической ориентации.

Уставом предусматривается создание на местах женских организаций различных ступеней согласно административному районированию. Их руководящий состав, согласно уставу, комплектуется путем выборов.

На основании анализа материалов съезда можно сделать следующие выводы:

съезд заявил о верности основным идеям Мао Цзэдуна;

съезд взял на вооружение решения XI съезда КПК и принял генеральную задачу, сформулированную на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва, заключающуюся в превращении Китая к концу нынешнего столетия в современную державу с мощным военно-экономическим потенциалом, которая будет реализовывать националистические цели руководства;

съезд поддержал внешнеполитический курс, направленный против СССР и других социалистических стран;

съезд констатировал низкий культурный и технический уровень китайских женщин, существование феодально-патриархальных пережитков в их социальном положении.

Подготовка съезда и материалы о его работе, а также последние мероприятия свидетельствуют о попытках китайского руководства подчинить деятельность женских организаций своим гегемонистским и авантюристическим целям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Жэньминь жибао», 22, 26.I, 2.II.1978.

² «Жэньминь жибао», 25.X.1977.

³ «Жэньминь жибао», 24.X.1978.

⁴ «Жэньминь жибао», 19.I.1975 и 25.II.1978.

⁵ «Чжунгун яньцзю», 1978, № 3.

⁶ «Жэньминь жибао», 26.II.1978.

⁷ «Жэньминь жибао», 27.II.1978.

⁸ «Жэньминь жибао», «Хунци», «Цзефанцзюнь бао», 26.II.1978.

⁹ «Жэньминь жибао», 27.II.1978.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 19.II.1978.

¹¹ «Жэньминь жибао», 27.II.1978.

¹² См. «Жэньминь жибао», 26.II.1978.

¹³ «Жэньминь жибао», 8.III.1978.

¹⁴ Очевидно, для того чтобы не оставалось сомнений насчет истинного характера этих установлений, вскоре после опубликования конституции в китайской прессе появилось следующее изречение покойного «великого кормчего»: «Армия без культуры — темная армия, а темная армия не способна одержать победу над врагом» («Жэньминь жибао», 18.III.1978).

¹⁵ «Жэньминь жибао», 19.III.1978.

¹⁶ Изменения в должностном составе Госсовета связаны в основном с реорганизацией некоторых министерств (например, существовавших ранее отдельно министерств сельского и лесного хозяйства) или их разделением (например, раньше вместо отдельных министерств топливной и химической промышленности существовало единое министерство, ведавшее этими отраслями промышленности); кроме того, одно из ведомств понижено в ранге — вместо комитета по делам зарубежных китайцев функционирует канцелярия

при Госсовете, глава которой членом правительства не является; впервые в состав Госсовета вошли директор Народного банка Китая и председатель китайской Федерации снабженческо-сбытовых кооперативов (ранее они имели статус глав центральных ведомств при Госсовете).

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 45, с. 197.

¹⁸ Из заместителей председателя ПК ВСНП 4-го созыва умерли 2 человека: Дун Бю и Кан Шэн.

¹⁹ В это число не входят умершие члены ПК ВСНП 4-го созыва У Дэ-фэн, У Юсюнь, Чжоу Шичжао, Чэнь Вандао.

²⁰ Сведения о них см. в выпусках Ежегодника за 1975—1977 гг.

²¹ «Жэньминь жибао», 31.V.1978.

²² «Жэньминь жибао», 14.V.1978.

²³ См., например, «Жэньминь жибао», 7.VI.1978.

²⁴ «Жэньминь жибао», 25.XII.1978.

²⁵ «Жэньминь жибао», 12, 25.XI.1978.

²⁶ «Хэйлунцзян жибао», 25.VII.1978.

²⁷ «Цзиньинь жибао», 8.VII.1978.

²⁸ «Жэньминь жибао», 28.VIII.1978.

²⁹ «Жэньминь жибао», 23.VIII.1977.

³⁰ «Жэньминь жибао», 23.X.1977.

³¹ «Жэньминь жибао», 30.XII.1977.

³² «Жэньминь жибао», 19.II.1978.

³³ «Жэньминь жибао», 24.II.1978.

³⁴ «Жэньминь жибао», 27.II, 8.III.1978.

³⁵ «Жэньминь жибао», 9.III.1978.

³⁶ «Жэньминь жибао», 10.III.1978.

³⁷ Подсчитано по данным: «Жэньминь жибао» от 26.II.1978.

³⁸ «Жэньминь жибао», 26.II.1978.

³⁹ «Жэньминь жибао», 25.II.1978.

⁴⁰ Полный список ПК ВК НПКСК см.: «Жэньминь жибао», 9.III.1978.

⁴¹ К моменту созыва ВК НПКСК в Китае еще не были воссозданы центральные органы китайского комсомола, профсоюзов, женских и молодежных организаций, разогнанных по указанию Мао Цзэдуна в начале «культурной революции».

⁴² «Чжунгуан яньцзяо», 1978, № 137, с. 58—60.

⁴³ «Жэньминь жибао», 23.IV.1978; «Хунцзи», № 5 (1978), с. 24—28.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 29.XII.1977.

⁴⁵ «Жэньминь жибао», 12.X.1978.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ «Жэньминь жибао», 22.X.1978.

⁴⁸ «Жэньминь жибао», 24.X.1978.

⁴⁹ Там же, 16.X.1978.

⁵⁰ «Жэньминь жибао», 13, 16.X.1978.

⁵¹ Там же.

⁵² «Жэньминь жибао», 22.X.1978.

⁵³ «Жэньминь жибао», 29.XII.1977.

⁵⁴ «Жэньминь жибао», 29.XII.1977; 18.I, 23.IV, 16.X.1978.

⁵⁵ «Жэньминь жибао», 24.VIII.1977.

⁵⁶ VIII Всекитайский съезд профсоюзов (Материалы и документы). М., 1958, с. 339.

⁵⁷ «Жэньминь жибао», 22.X.1978.

⁵⁸ «Жэньминь жибао», 13.X.1978.

⁵⁹ «Жэньминь жибао», 16.X.1978.

⁶⁰ «Жэньминь жибао», 27.X.1978.

⁶¹ Предыдущий, IX съезд КСМК

⁶² «Жэньминь жибао», 24.X.1978.

⁶³ Там же.

⁶⁴ «Жэньминь жибао», 28.X.1978.

⁶⁵ «Жэньминь жибао», 4.IX.1978.

⁶⁷ «Гуанмин жибао», 11.II.1978.

проходил в Пекине в 1964 г.

⁶⁶ В 1977—1978 гг. были репрессированы и подвергнуты чистке комсомольские комитеты 10 провинций (Цинхай, Аньхой, Хэнань, Гуандун, Сычуань, Юньнань, Хубэй, Чжэцзян, Ляонин, Хэйлунцзян), городов Пекина, Шанхай и Тяньцзиня, а также прежняя группа по подготовке созыва X съезда КСМК.

⁶⁹ «Жэньминь жибао», 22.IV.1978.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² «Жэньминь жибао», 22.IV.1978.

⁷³ «Гуанмин жибао», 15.VII.1978.

⁷⁴ «Жэньминь жибао», 8.IX.1978.

⁷⁵ «Жэньминь жибао», 10.IX.1978.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ «Жэньминь жибао», 14.IX.1978.

⁸⁰ «Жэньминь жибао», 18 и 20.IX.1978.

⁸¹ Кан Кэцин (род. в 1912 г.) в прошлом занималась активной политической деятельностью. В годы «культурной революции» ее муж Чжу Дэ подвергался критике со стороны хунвэйбинов. На IX и X съездах КПК в состав ЦК не вошла. После устранения «четверки» была избрана в ЦК КПК на XI съезде. Член Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва.

⁸² «Жэньминь жибао», 20.IX.1978.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Внутриполитическое положение КНР в 1978 г. носило противоречивый и сложный характер: с одной стороны, послемаоцзэдуновское руководство стремилось добиться «стабильности и сплочения» в стране, мобилизовать все силы на выполнение гегемонистской, милитаристской программы «четырёх модернизаций», а с другой — пыталось укрепить жизнеспособность маоизма без Мао путем внесения «нового» содержания в ряд «идей Мао Цзэдуна». Это зачастую приводило к острой внутриполитической борьбе.

В статье трех редакций «Слово к Новому, 1978 году»¹, в которой фактически изложена официальная программа деятельности, 1978 год был назван «первым годом из трех, в течение которых должны появиться первые успехи». Главное условие обеспечения поступательного экономического развития страны в 1978 г., поставленное пекинским руководством перед всей страной, — достижение «стабильности и сплочения». В статье не были названы конкретные методы выполнения этого условия, и судить о них можно лишь по главным тенденциям внутриполитического развития КНР в течение года.

В обстановке борьбы за власть новое руководство не могло не учитывать широкого недовольства населения провалами маоистского курса последних лет. Недостаточно было только списать все издержки на свергнутых Линь Бяо и «банду четырех», требовалось провести определенные мероприятия с целью нормализации внутриполитической обстановки, создать благоприятные условия для переориентации всей страны на выполнение программы «четырёх модернизаций». Свержение «четверки» повергло в своего рода шоковое состояние не только многих ее приверженцев, но даже и противников. Переворот, осуществленный 6 октября 1976 г. и приведший к устранению ближайшего окружения Мао, подорвал доверие к маоистскому руководству среди самых широких слоев китайского народа.

Стремясь восстановить доверие и укрепить авторитет нового руководства и расширить сузившуюся социальную базу режима, в 1978 г. пекинские лидеры пытались обрести «стабильность и сплочение» в первую очередь на путях восстановления политической системы страны, навязанных сверху и призванных обеспечить форсирование программы «четырёх модернизаций».

В числе главных мероприятий можно назвать проведение 1-й сессии ВСНП 5-го созыва, съезды массовых общественных организаций — женских, профессиональных и молодежных.

В качестве метода решения острых проблем страны, обеспечения «стабильности и сплочения», создания благоприятных условий для «ускоренного превращения к концу нынешнего столетия Китая в мощную современную державу» руководство использовало так называемую «дискуссию по поводу практики как единственного критерия истины», принявшую во второй половине года характер массовой политико-идеологической кампании. Эта дискуссия явилась своего рода «теоретическим» обоснованием корректировки, а в ряде случаев и изменения наиболее однозвучных маоистских установок в области экономической, социальной, кадровой и культурной политики. «Припудривание» маоизма шло в тех областях, которые жизненно необходимы для начала выполнения программы «четырёх модернизаций».

С этой целью в течение года был опубликован ряд установочных статей, в которых ставились под сомнение «идеи Мао Цзэдуна в качестве критерия истины», критиковалось утверждение о том, что якобы «идеи Мао Цзэдуна являются вершиной познания», подчеркивалось, что «классовая борьба отнюдь не единственное решающее звено»². «Решающим звеном» объявлялась не только «классовая борьба» в виде кампаний «борьбы за разоблачение Линь Бяо и четверки», но и хозяйственная деятельность: «производственная борьба и научный эксперимент». Такого рода «раскрепощение сознания», проводимое в строго дозированном виде и не содержащее посягательств на основополагающие «концепции» маоизма, предоставило новому пекинскому руководству возможность довольно широкого маневра.

Распустив после устранения «четверки» «городское ополчение из числа промышленных рабочих», руководство отказалось от опоры на такие искусственно созданные в период «культурной революции» социальные группы, как «молодые рабочие», «неквалифицированные рабочие», «ученики» и т. д. В 1978 г. в интересах осуществления гегемонистской программы «четырёх модернизаций» (как и в 1977 г.) всячески превозносились «старые и квалифицированные рабочие», которые противопоставлялись бывшим выдвиженцам «культурной революции» из числа цзаофаней. В пропаганде усиленно восхваляли их «опыт», «знания», «квалификацию», называя их «главной опорой диктатуры пролетариата» в Китае. Молодежная печать призывала молодых рабочих «овладеть профессией», «учиться ремеслу», «покончить с анархизмом и ленью»³.

Осуществляя измененную социальную политику в деревне, пекинское руководство ввело некоторые послабления для «выходцев из кулацких и помещичьих семей», доказавших свою лояльность по отношению к новому режиму⁴.

В 1978 г. на страницах печати усиленно пропагандировалось

значение интеллигенции, и в первую очередь научно-технической. В отличие от практики последних лет (до октября 1976 г.) интеллигенция была объявлена «частью пролетариата и той силой, на которую опирается КПК»⁵.

В области кадровой политики руководство продолжало курс опоры на старых квалифицированных руководителей и специалистов, подвергая резкой критике молодых выдвиженцев периода «культурной революции». В этой связи печать прямо призывала «снять с занимаемых постов молодых кадровых работников, выдвинувшихся после культурной революции и во время нее, так как они обязаны своим выдвижением банде четырех и ее агентам»⁶.

Важное место во внутривластной жизни КНР в 1978 г. занимал процесс реабилитации жертв «культурной революции» и других маоистских массовых политико-идеологических чисток, в том числе и предшествовавших «культурной революции». Во второй половине года реабилитация приняла массовый характер. Однако коснулась она в большинстве случаев опытных кадровых работников и представителей интеллигенции, возвращение которых диктовалось требованиями программы «четырёх модернизаций». Эту цель преследовало и проведенное в конце года «снятие ярлыков» с бывших помещиков, кулаков и некоторых других категорий «черных элементов», среди которых, как подчеркивалось, «очень много ценных квалифицированных специалистов, необходимых делу четырех модернизаций»⁷.

В целом названные внутривластные мероприятия нового китайского руководства носили строго «дозированный» и утилитарно-прагматический характер. Осторожная корректировка маоизма не затрагивала основных положений так называемых «идей Мао Цзэдуна», пропаганда «аргументировала» все начинания пекинского руководства в этой области ссылками на Мао Цзэдуна и не раз подчеркивала, что лозунг «Практика — единственный критерий истины» является «защитой идей Мао Цзэдуна»⁸.

Однако попытки стабилизировать положение в течение 1978 г. встречали на своем пути серьезные препятствия, внутри руководства сохранялись напряженность и разногласия. Очевидно, что серьезные противоречия возникли по поводу масштабов и глубины чистки «фракционной системы банды четырех». В упоминавшейся новогодней статье утверждалось, что еще в 1977 г. с «четверкой» и ее сторонниками было «в основном покончено», поэтому в 1978 г. ставилась задача «сокращения сферы нанесения удара и расширения охвата воспитанием». Статья призывала никого «не отталкивать и наносить удары только по не желающим исправиться»⁹. Однако уже в марте пропаганда заявила, что «в некоторых районах и ведомствах руководство находится не на должном уровне»¹⁰. В статье «Упорядочение — это революция» лозунг «Расширение охвата воспитанием» был за-

менен призывами к усилению чисток партийного, административного и военного руководства всех ступеней. Появление этой статьи, знаменовавшей начало новой чистки руководящих кадров как в центре, так и на местах, свидетельствовало об усилении позиций Дэн Сяопина и группирующихся вокруг него партийно-государственных и военных деятелей старшего поколения. Одновременно авторитет и влияние Хуа Гофэна в высшем руководстве несколько понизились. В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва Хуа Гофэну пришлось даже выступить с самокритикой. Осенью были сняты с ряда ключевых постов в Пекине такие выдвиженцы «культурной революции», как У Дэ и Чэнь Силян, которые в печати были подвергнуты завуалированной критике¹¹. Однако в ходе острой внутривнутриполитической борьбы Хуа Гофэн сохранил за собой все занимаемые посты, никто из выдвиженцев «культурной революции» не был выведен из состава Политбюро, 3-й пленум ЦК КПК официально санкционировал завершение «в основном» кампании чистки сторонников «четверки».

Серьезное сопротивление вызвала так называемая кампания по «расследованию лиц и дел, связанных с четверкой», тесно связанная с реабилитацией жертв «культурной революции». В течение всего года печать неоднократно сообщала о случаях саботажа этой кампании¹².

Начало кампании под лозунгом «практика — единственный критерий истины» сразу вызвало довольно серьезное, судя по печати, противодействие на всех уровнях руководства, а также среди населения и особенно молодежи — наиболее обработанной в духе ортодоксального маоизма части китайского народа. Утилитарную корректировку основных постулатов Мао ряд деятелей в центре и на местах назвал «свержением знамени председателя Мао», «изменой» и «пересмотром культурной революции»¹³. Резкость обвинений свидетельствует об остроте разногласий по этому вопросу.

Таким образом, в процессе корректировки кадровой и социальной политики пекинское руководство сделало ставку на старые квалифицированные кадры, интеллигенцию и профессиональных рабочих, а также на пострадавших от «четверки» во всех слоях китайского народа. Руководство уже не ориентируется на пауперизированные массы городской и сельской бедноты, а также на профессионально неподготовленную и духовно нищую молодежь (бывших хунвэйбинов и цзаофаней), как в недавнем прошлом. В такой переориентации есть своя логика: эти слои не могут быть движущей силой гегемонистской программы «четырёх модернизаций».

Не могла не вызвать недовольства среди населения и возвращенная в 1978 г. на страницах печати откровенная пропаганда капиталистических методов хозяйствования и буржуазного образа жизни, которая велась параллельно с разнузданной клевет-

той в адрес Советского Союза и других стран социалистического содружества. По признанию прессы, некоторые «ответственные кадровые работники» выступают против внедрения капиталистической организации труда, капиталистических методов управления экономикой и ориентации на западный рынок, называя программу «четырёх модернизаций» «пропагандой капитализма и правого уклона»¹⁴.

Таким образом, новое руководство в Пекине, продолжая заявлять о своей верности маоизму и усиливая наиболее реакционные, шовинистические, милитаристские и гегемонистские черты «идей Мао Цзэдуна», объективно не в состоянии ликвидировать неустойчивость и внутрисполитическую борьбу. Несмотря на все старания китайских лидеров в 1978 г., обстановка «стабильности и сплочения» достигнута не была.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Основные направления национальной политики были сформулированы Хуа Гофэном в докладе на сессии ВСНП 26 февраля 1978 г. В качестве главной задачи была выдвинута необходимость дальнейшего укрепления «единства» и «сплоченности» всех национальностей, под которым подразумевается беспрекословное выполнение директив и приказов руководства КПК. Требуя «еще глубже разоблачать и критиковать контрреволюционные преступления „банды четырех“, направленные на подрыв «национальной политики Мао Цзэдуна», Хуа Гофэн призывал «полностью разоблачить кучку классовых врагов, сеющих раздоры между национальностями и подрывающих их сплоченность».

Цели, которые преследуют пекинские руководители, призывая к «сплоченности», достаточно ясно определены в том разделе доклада, где говорится о необходимости «усилить строительство в окраинных районах», «укрепить государственную оборону». Оказание помощи неханьским народам «в плановом порядке», и прежде всего людскими ресурсами, было определено как «важная задача государства в области национальной работы».

Именно в этом свете следует рассматривать призывы Хуа Гофэна преодолеть великонациональный шовинизм и местный национализм, «действительно гарантировать равноправие и автономию» неханьских народов, «активно готовить национальные кадры», «уделять серьезное внимание применению и развитию национальных языков и письменности», уважать обычаи и привычки местных народов.

Китайское руководство в своей национальной политике формально «возвращается» к ряду принципов и положений, декларированных в законодательных актах КНР, принятых до нача-

ла «культурной революции», о чем свидетельствует и текст новой конституции КНР. В нем в основном восстанавливаются положения и статьи конституции КНР 1954 г., касающиеся прав и свобод неханьцев, принципов национальной политики государства (опущенные в конституции 1975 г.). В частности, речь идет об осуществлении районной автономии в местах компактного проживания неханьцев, о запрещении дискриминации и гнета в отношении любой национальности; о свободе всех национальностей использовать и развивать свой язык и письменность. В то же время в новой конституции нашли отражение и изменения в общественно-политической структуре, происшедшие во время и после «культурной революции».

Положения Хуа Гофэна были в основном повторены в докладе председателя Государственного комитета по делам национальностей Ян Цзинжэня «Добросовестно проводить национальную политику, действительно приводить в порядок национальную работу», опубликованном в «Жэньминь жибао» 20 октября 1978 г. Вместе с тем докладчик подчеркнул, что, «несмотря на подрывные действия „четверки“, революционная линия председателя Мао от начала до конца занимала ведущее место в национальной работе». Ян Цзинжэнь указал на необходимость «перевоспитания» кадровых работников в духе «национальной политики партии», т. е. установок современного руководства.

Различные аспекты национальной политики были затронуты также в публикациях, связанных с другими событиями во внутривнутриполитической жизни КНР, в том числе с поездкой Хуа Гофэна в Синцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) (сентябрь 1978 г.); сессией СНП СУАР, где был избран новый глава ревкома, Ван Фэн; празднованием 20-летия создания Гуанси-Чжуанского (ГЧАР) и Нинся-Хуэйского автономных районов (НХАР) ¹⁵.

Политика «четырёх модернизаций» обусловила особое внимание к вопросам экономики. В 1978 г. был проведен ряд совещаний, в том числе по вопросам развития животноводства в Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ), где был принят 8-летний план развития животноводства; совещание кадровых работников полков-госхозов и уездов СУАР; 4-е совещание по вопросам учебы у Дацина в СУАР; в Тибетском автономном районе (ТАР) состоялись совещания по вопросам «капитального строительства на полях и пастбищах» ¹⁶; работников финансов и торговли; по обмену опытом строительства и реконструкции шоссейных дорог; по вопросам развития скотоводства в районе.

Как и в предыдущие годы, китайская печать публиковала данные, призванные свидетельствовать об успешном развитии экономики национальных районов. Так, сообщалось, что валовой объем промышленной продукции за первое полугодие 1978 г. возрос по сравнению с тем же периодом 1977 г. в АРВМ на

28,1%, в СУАР — на 20, в ТАР — на 33,8, в НХАР — на 27%. Как и прежде, особое внимание уделялось дорожному строительству, в том числе железной дороги Синин — Лхаса.

Вместе с тем в печати и местных радиопередачах признавалось, что «успехи в промышленности и на транспорте далеки от требований, предъявляемых Хуа Гофэном и ЦК КПК»: остро стоит проблема качества выпускаемой продукции, оборудование и техника находятся в плохом состоянии, строительство некоторых объектов не завершено, а многих даже не начато.

Сообщения о положении в сельском хозяйстве национальных районов свидетельствуют скорее о провалах, нежели об успехах. Так, глава делегации Внутренней Монголии на всекитайском совещании по вопросам учебы у Дацина и Дачжяя признал, что в АРВМ наблюдается «нехватка зерна»; на совещании работников финансов и торговли ТАР отмечалось, что «недостаточно идет работа по оказанию помощи сельскому хозяйству». Новый глава ревкома СУАР, Ван Фэн, отметил, что производство зерновых в районе снижалось ежегодно, начиная с 1967 г., и лишь в 1978 г. несколько увеличилось. Он заявил, что «урожайность зерновых низкая», и призвал «поддержать» госхозы.

Катастрофическое положение сложилось в животноводстве СУАР, где в 1976—1977 гг. из-за нехватки кормов погибло много скота¹⁷. Во Внутренней Монголии распашка пастбищ привела не только к сокращению поголовья скота, но и к наступлению песков на пахотные земли, которые стали непригодны для земледелия. «Нэймэнгу жибао» сообщила, что в одном из аймаков пески засыпали уже 13% всех земель. «Если не принять мер для защиты пастбищ от распашки,— предупреждала газета,— то наши бескрайние луга превратятся в песчаное море». В октябре 1978 г. партком АРВМ вынес постановление о запрете распашки пастбищ, призвал «решительно бороться с практикой чрезмерной закупки скота», разрешил членам коммуны содержать личный домашний скот.

Китайская пресса продолжала публиковать данные о росте числа кадровых работников неханьских национальностей, эти цифры должны были обосновать широко рекламируемый тезис о самоуправлении неханьских народов. В частности, сообщалось, что в ГЧАР число представителей коренного населения достигло среди кадровых работников 142 тыс. человек, или 27% общего числа, а в районах компактного проживания — 56%. В ТАР кадровые работники-тибетцы составили 64% (более 40 тыс. человек).

Однако на руководящих постах по-прежнему оставались ханьцы. В октябре председателя ревкома и первого секретаря парткома АРВМ Ю Тайчжуна сменил другой ханец — Чжоу Хуэй. В национальных районах осуществлялась широкая кампания по «перевоспитанию» кадров. В ТАР, например, «перевоспитание» прошли свыше 70% работников.

Пересматривались дела ранее репрессированных кадровых работников неханьской национальности. Отметим пересмотр дела спецшколы монгольского языка, партиячке которой во время «культурной революции», как утверждало в сентябре 1978 г. радио Хух-Хото, был приклеен ярлык «новой народной партии». Всего же в АРВМ были реабилитированы, говорилось в передаче, «десятки тысяч человек» различных национальностей¹⁸.

Реабилитация не означала, однако, отказа от применения репрессивных мер. В 1978 г. был проведен ряд совещаний и слетов работников органов общественной безопасности и охраны общественного порядка, которые решили развернуть движение «за одну критику („банды четырех“) и два удара (против «классовых врагов, занимающихся подрывными действиями», «всяческих подстрекателей», а также уголовных преступников). Радио Хух-Хото сообщило, что в АРВМ был проведен «митинг критики» некоего Хоу Гуандэ, якобы ликвидировавшего без разрешения ЦК КПК и Госсовета учреждения трудового перевоспитания и тюрьмы и сорвавшего тем самым «работу по перевоспитанию классовых врагов».

С реабилитацией можно сопоставить довольно шумную кампанию по возвращению тибетских беженцев. В ТАР создан для этой цели специальный комитет во главе с секретарем парткома и заместителем председателя ревкома Тянь Бао (Санггэ Йэшэ). Ряд руководящих деятелей КНР и ТАР обратились к беженцам, в том числе и к Далай-ламе, с призывом возвратиться на родину. 4 ноября явно в пропагандистских целях были освобождены 24 «мятежника» из «реакционной верхушки», арестованные в 1959 г.

В 1978 г. больше внимания уделялось изучению культуры неханьских народов, национальных языков, совершенствованию системы образования. В марте в Пекине состоялась расширенная конференция, на которой рассматривались планы работы в области национальных языков, истории неханьских национальностей на ближайшие 8 лет¹⁹. Были открыты новые учебные заведения, в том числе медицинский и сельскохозяйственно-скотоводческий институты в ТАР. Сообщалось, что в АРВМ имелось 4400 классов с преподаванием на монгольском языке и еще в 800 классах монгольский язык является специальной дисциплиной. В сентябре в Хух-Хото состоялось совещание с участием представителей 8 провинций и автономных районов, которое приняло восьмилетний план (1978—1985) «развития монгольского языка и письменности». Изданы и готовились к печати словари, в том числе тибето-китайский, монголо-китайский²⁰. Более широко, чем в предыдущие годы, использовали национальные языки средства массовой информации. Агентство Синьхуа сообщило, что в ТАР создано специальное учреждение по изучению тибетских архивов: ряд материалов «приведен в порядок», в первую очередь документы по тибето-китайским от-

ношениям (с целью «доказать», что «Тибет является территорией Китая с древних времен») и о борьбе тибетцев «в защиту единства родины».

Все эти меры должны были облегчить контакты с местным населением и способствовать идеологической обработке неханьских народов.

Продолжалось переселение ханьцев в национальные районы, однако характер этого мероприятия несколько изменился. Основная масса переселенцев в 1978 г. состояла из специалистов — геологов, машиностроителей, медиков, учителей. В связи с этим увеличился процент ханьского населения в городах (в Лхасе ханьцев вдвое больше, чем тибетцев), около 50% рабочих ТАР — ханьцы.

Поток переселенцев в сельскую местность уменьшился, что, в частности, было связано с непривычными климатическими условиями в ТАР, нехваткой продовольствия в СУАР, нецелесообразностью распашки пастбищ в АРВМ.

В 1978 г. продолжалась милитаризация национальных районов. Создан Восточно-Синьцзянский военный округ. Строились военные объекты, укреплялась противовоздушная оборона. Особенно большое внимание уделялось ополчению. Милитаризация сопровождалась мероприятиями по укреплению «сплоченности» между армией и населением (в ТАР, например, по распоряжению ревкома была проведена кампания по «поддержке армии»).

Милитаризация, как и прежде, проводилась на фоне антисоветской пропаганды, особенно в АРВМ и СУАР, именующихся «форпостами» и «передней линией» борьбы с «советским ревизионизмом».

Несмотря на все усилия нормализовать положение, принимавшиеся руководством КПК и местными органами власти, внутривластная обстановка в национальных районах оставалась напряженной. «Можно сказать, что СУАР был районом, где произошла серьезная катастрофа, и теперь мы должны изменить облик этого района», — говорил Хуа Гофэн при посещении Шихэцзы в сентябре 1978 г. Вопрос о том, «каким образом, ухватившись за решающее звено, навести порядок во Внутренней Монголии», был основной темой расширенного заседания постоянного бюро парткома АРВМ в ноябре. Партком призвал «устранить хаос и вернуть жизнь в нормальное русло». В конце февраля 1978 г. в ряде уездов в СУАР произошли вооруженные выступления местного населения против притеснений со стороны китайских властей.

В целом конкретные мероприятия, проводившиеся в национальных районах КНР, являлись частью генерального курса, определенного 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва. Но они имели свои особенности, обусловленные спецификой положения в самих национальных районах, поскольку большинство из них является пограничными. Руководители КПК рассчитывают, что

видимость «единства» всех национальностей Китая и их равноправия поможет не только в создании «могущественной державы», но и в осуществлении экспансионистской политики.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КНР И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Победа народной революции 1949 г. в Китае и последовавшие за ней прогрессивные преобразования положили начало перестройке крайне отсталой социальной структуры страны с ничтожным удельным весом современных форм производства. Такие мероприятия 1949—1956 гг., как национализация собственности иностранного и бюрократического капитала, аграрная реформа и кооперирование сельского хозяйства, преобразования в частной промышленности и торговле, означали коренную ломку веками сковывавшего Китай застойного общественного устройства, ликвидацию паразитических классов бюрократической и компрадорской буржуазии, крупных землевладельцев, освобождение от яра средневековой кабальной эксплуатации подавляющей части населения страны — крестьянства, открытие перспектив для постепенного перехода Китая к социализму. Чрезвычайно важную роль в укреплении основ социализма в КНР сыграла широкая технико-экономическая поддержка Советского Союза, заложившая в Китае фундамент многих отраслей современной промышленности, резко ускорившая процесс формирования практически нового класса в социальной структуре Китая — класса промышленных рабочих, занятых на предприятиях современного типа, а также прослойки технической интеллигенции.

В результате прогрессивных преобразований к середине 50-х годов в китайском обществе начали складываться социально-классовые общности принципиально нового типа, связанные с развитием общественных форм собственности. Этот поступательный процесс был резко нарушен и заторможен на долгие годы в результате пагубных волюнтаристских экспериментов маоцзедуновского руководства в ходе «большого скачка» и «культурной революции», ввергнувших страну в анархию, резко усиливших влияние традиционной отсталости. В результате в 1960—1970-х годах социальная структура КНР продолжала носить ярко выраженный аграрный характер. Социалистические завоевания китайских трудящихся, так и не наполненные реальным материальным содержанием, превратились в пустую форму. Значительная часть социальных групп КНР — крестьян, кулаков, рабочих — оказалась замкнутой в небольших и в основном самообеспечивающихся хозяйственных ячейках, изолированной от современной техники в сельских коммунах и на примитивных мелких предприятиях. В тяжелом положении оказались и не-

многочисленные квалифицированные рабочие и техническая интеллигенция, связанная с крупным производством: их основной обязанностью стало содействие наращиванию военно-промышленного потенциала в соответствии с авантюристическим курсом пекинского руководства в ущерб коренным интересам трудящихся.

В 1978 г. общая численность рабочего класса КНР составила 45—50 млн. человек, т. е. 9—10% экономически активного населения, из них примерно половина занята на мелких предприятиях уездов и коммун. Кроме того, еще 28 млн. человек занято на 1 млн. 39 тыс. предприятий коммунального подчинения, функционирующих по системе временного труда («и рабочий и крестьянин») ²¹.

Понимая, что рост производительности труда на крупных промышленных предприятиях, создание индустриальной базы для военного потенциала страны во многом зависят от квалифицированных рабочих, имеющих большой стаж на предприятии, послемаоцзедуновское руководство стремится привлечь их на свою сторону. С этой целью с начала 1978 г. в стране начал пропагандироваться опыт отдельных предприятий, где осуществлялось материальное поощрение рабочих (в виде различных премий), а также повышение заработной платы за счет пересмотра тарифных ставок для низкооплачиваемых рабочих. Например, на Кайлуаньских угольных шахтах премии выплачивались бригадам за выполнение производственного плана, повышение производительности труда, соответствие шахты строительным стандартам, отсутствие несчастных случаев на производстве. Газета «Жэньминь жибао» публиковала также информацию о внедрении системы премий на Аньшаньском металлургическом комбинате, Шанхайской судовой верфи, в Гуанчжоуском порту ²², т. е. на предприятиях центрального подчинения. По данным китайской печати 1978 г., набор на подобные крупные предприятия строго ограничен, кандидаты проходят различные проверки, многие устраиваются через «черный ход» ²³.

На рабочих, занятых в системе местного подчинения, где большинство — выходцы из сельской местности, повышение заработной платы и система премий не распространялись. Ни на партийных пленумах и конференциях, ни на одном из совещаний по вопросам развития экономики страны не говорилось об улучшении условий труда на мелких предприятиях, об улучшении положения занятых на них рабочих, средняя зарплата которых (30 юаней) вдвое меньше средней зарплаты работающих на крупных предприятиях.

Намереваясь принудить фабричных рабочих «отрабатывать» дарованную им небольшую надбавку, китайское руководство в последние годы предприняло активное наступление на их экономические и политические права. Еще с начала 1977 г. была развернута кампания по насаждению «системы ответственности

за рабочее место». Под лозунгом «укрепления трудовой дисциплины», «соблюдения порядка» фактически происходит процесс усиления эксплуатации китайских рабочих в результате интенсификации труда. На многих предприятиях было проведено сокращение части персонала при одновременном увеличении производственных заданий²⁴. Такая политика вызвала открытый протест рабочих. В частности, по сообщению корреспондента агентства Франс Пресс, рабочие одной из шанхайских текстильных фабрик решились на выступление против «низкой заработной платы», «плохих условий жизни», которое было жестоко подавлено властями.

При этом китайские руководители пытаются заигрывать с рабочим классом, показать, что в стране происходит «демократизация». Предлагается «поддерживать руководство КПК в рабочем движении», «проявлять ударную руководящую роль в революции и строительстве», «создавать прочный союз с крестьянством» и т. д.²⁵. В то же время с трибуны IX съезда Всекитайской федерации профсоюзов звучал старый тезис маоистов о том, что «необходимо постоянно вести обучение масс в духе упорной борьбы, трудолюбия и бережливости, жизнь рабочих масс может улучшаться только постепенно...»²⁶. Таким образом, китайское руководство и дальше предлагает рабочему классу своей страны «затягивать потуже пояса» и не собирается проводить какие-либо конкретные мероприятия по повышению жизненного уровня.

Мероприятия, которые проводятся с целью решения задач «четырех модернизаций», объективно ведут к дальнейшему расколу рабочего класса. В результате многолетнего насаждения примитивных мелких предприятий усилился разрыв между ядром рабочего класса — фабрично-заводскими рабочими — и его периферийными слоями, нарушились связи между рабочим классом и крестьянством.

Одной из определяющих черт социального облика современного китайского крестьянства (более 80% населения страны) остается господство отсталых форм совместного труда крестьян, хозяйствующих на раздробленных клочках полей, использующих в основном лишь ручной труд и такие примитивные энергоисточники, как животное тягло и водяное колесо. Анализ и обобщение данных китайской печати за 1978 г. позволяют заключить, что пекинское руководство оставляет фактическую собственность на основные производственные ресурсы (земля, орудия, рабочий скот) и непосредственную организацию сельскохозяйственного производства в руках небольших крестьянских коллективов — производственных бригад из 20—30 дворов, как правило, жителей одной деревни, и производственных групп из нескольких дворов внутри этих бригад. При этом центр сохраняет в своем распоряжении административные рычаги централизованной государственной эксплуатации этих мелких рассеянных ячеек про-

изводителей, выкачивая из них прибавочный продукт через посредство народных коммун и больших производственных бригад²⁷.

Коммуны и большие бригады используются как приводные ремни в организации потогонной системы нормирования изнурительных полевых работ («система наказания и поощрения», «начисления по установленным нормам в спецгруппах», по «системе ответственности за производство»). С этими мерами, уже получившими у значительной части местных крестьян и кадровых работников характеристику «реакционных», «контроля, зажима, подавления», смыкаются репрессивные методы штрафов зерном и деньгами за невыполнение высоких производственных норм, которые, хотя формально и осуждены нынешним руководством, на деле, по признаниям прессы, продолжали широко практиковаться местными властями в 1978 г.²⁸. Подобное принудительное «развертывание трудовой активности крестьян» является составной частью ориентации Пекина на традиционные методы интенсивного земледельческого труда, тщательную ручную обработку пашни. В этой связи не случайна и продолжавшаяся в 1978 г. пропаганда военизированных методов организации сельскохозяйственного труда в отрядах *миньбинов*, объединяющих основную часть трудоспособных крестьян; пропаганда военизированных форм и методов контроля за трудовой активностью крестьян, осуществляемого «рабочими группами» военнослужащих и гражданских кадровых работников, прикрепляемых к сельскохозяйственным единицам.

Симптоматично, что ужесточению методов контроля соответствует явное падение уровня производительности крестьянского труда. Так, в передовой большой бригаде Угун (пров. Хэнань) индивидуальная дневная выработка в 1978 г., при значительном удлинении рабочего дня в сравнении с 1956—1957 гг., была вдвое ниже²⁹. В 1978 г. печать отмечала «низкий уровень организации» в крестьянских бригадах, «настроения паралича и отсутствия энтузиазма», «низкую готовность к борьбе со стихийными бедствиями», что по итогам года выразилось в снижении производства зерна в таких важных рисовых провинциях юга, как Гуандун, Аньхой, Цзянси, одной из ведущих пшеничных провинций севера — Хэнань³⁰.

Слабость и незрелость коллективных связей в китайской деревне обуславливает продолжающийся процесс имущественной дифференциации крестьянства, пестроту социальной структуры, острые противоречия между различными группами крестьян в бригадах. В значительной мере, как и на начальных стадиях кооперирования — в группах трудовой взаимопомощи и в кооперативах высшего типа, — внутри производственных бригад выделяется двадцати-тридцатипроцентная прослойка относительно зажиточных середняцких хозяйств, обеспеченных рабочей силой и инвентарем. Именно эта прослойка, а не масса беднейшего

крестьянства пользуется основными выгодами установленной взаимосвязи дохода и выполнения трудовых норм.

Основная крестьянская масса с низким жизненным уровнем, особенно находящаяся в наиболее критическом положении собственно бедняцкая треть крестьян — так называемые «дворы-должники», «дворы, испытывающие трудности», «дворы пяти обеспечений», имеют мало рабочей силы, много нетрудоспособных, не сводят концы с концами и живут за счет зерновых фондов и помощи бригад (когда те в состоянии такую помощь оказать). Этот огромный социальный слой, более чем какой-либо другой, обреченный в бригадах на изнурительный труд без гарантии роста мизерных доходов, является сторонником уравнительного распределения «по головам», противником нормированной оценки полевых работ; под влиянием его грубо-эгалитарной идеологии находится значительная часть сельского руководства. При распределении доходов в бригадах возникают постоянные конфликты: в одном случае крепкие семьи, реальное ядро производственной бригады, получают основную часть выделенного на потребление зерна, оставляя далеко позади нищенствующих бедняков; при другой ситуации — в результате уравниловки — крепкие семьи недополучают значительную часть заработанных трудоединиц, превращаясь в «дворы с невыплаченным доходом», субсидирующие «дворы-должники»³¹.

Развитие этих внутренних противоречий приводило к серьезному подрыву экономической заинтересованности зажиточных семей, к ослаблению и даже распаду непрочной общности кооперированного крестьянства, к восстановлению в ряде мест социальной структуры, близкой к структуре кануна кооперирования в начале 50-х годов. Материалы китайской прессы 1977—1978 гг. свидетельствуют о том, что в нынешней китайской деревне не редкость такие явления, как распад коммун и бригад, возврат к единоличному труду, купля-продажа земли, возникновение довольно крупных частных земельных владений, ростовщичество, использование батрацкого найма, обнищание и разорение ставших единоличниками «бедняков и низших середняков», обогащение группы зажиточных крестьян и торговцев-спекулянтов, захвативших местные рынки и вздувших цены³².

Преобладающие мелкие групповые формы организации крестьян на основных полевых работах сочетаются с крупномасштабной принудительной мобилизацией крестьянской рабочей силы на ирригационные и строительные работы, борьбу с постоянными стихийными бедствиями в рамках больших бригад, коммун, уездов. Например, на строительство и ремонт дамб, каналов, плотин и т. п. в период зимне-весенних кампаний выгоняют (заставляя брать с собой коллективное зерно для питания, коллективный инвентарь и скот для работы) одновременно сотни крестьян в масштабах больших бригад, тысячи — в масштабах коммун, десятки тысяч — в масштабах уездов. Судя

по данным 1978 г., китайское крестьянство, несмотря на формальное признание «необходимости облегчения» его «тяжелого бремени», и в значительной мере по-прежнему продолжают облагать разрядами на рабочую силу, зерно, материалы, финансовыми поборами для обеспечения локальных проектов искусственного орошения, местной промышленности по производству сельхозинвентаря, цемента, угля, руды, металла, небольших ГЭС³³. В то же время пекинские власти, сознавая весьма ограниченную эффективность круглогодичного интенсивного использования крестьянского труда на полевых работах, в ирригации, в мелкой промышленности, начали несколько сокращать его масштабы. Из Пекина призывают концентрировать рабочую силу крестьян на основных сельскохозяйственных работах в условиях существующего масштаба хозяйствования, сосредоточивать усилия на мелких проектах полеводческо-капитального строительства в рамках производственных бригад, осторожно относиться к крупномасштабным «большим битвам», компенсировать крестьянам и бригадам понесенные ими убытки при финансировании незавершенного строительства крупных объектов коммунального и уездного значения³⁴.

Более или менее реальные сдвиги в социальном облике китайского крестьянства осуществляются лишь в небольших районах сосредоточения немногих крупнейших военно-промышленных центров КНР, по соседству с которыми находятся основные товарные сельскохозяйственные базы (Шанхай, Пекин, Ухань и др.). Именно в таких районах созданы относительно крупные массивы полей, орошаемые насосными станциями; масштаб хозяйствования, а вместе с ним уровень социальной организации крестьянства иногда поднимаются до уровня большой производственной бригады; в структуре получаемого дохода больше доля распределяемых по труду денежных доходов и меньше доля гарантированного снабжения; происходит реальный переход на многоурожайную систему земледелия, которую не удается осуществить крестьянству основной массы отсталых сельских районов. Однако даже в этих приоритетных районах технико-экономический уровень модернизации крестьянского труда, как признает китайская печать, остается низким, ненадежна система поставки, эксплуатации, ремонта сильно устаревшей и малоэффективной сельскохозяйственной техники, изготавливаемой крупными заводами.

Промышленное и кустарное производство крестьянских дворов продолжает играть важную роль в обеспечении продовольственного рациона крестьян. Это достигалось путем поощрения выращивания овощей и зерна на приусадебных участках, поставок продукции «малого осеннего урожая» (например, диких трав и др.), птицеводства, изготовления орудий труда, предметов обихода и утвари как для своих, так и для соседних бригад и коммун. Однако установки на «развертыва-

ние активности дворов» и семейных промыслов находятся в непримиримом противоречии с сохраняющимся курсом на максимальное использование трудовых ресурсов в практически круглогодичных трудоемких производствах коммун и бригад. В соответствии с новой конституцией КНР, по существу, возрождается мелкотоварное кустарное производство в деревнях, поселках и городах.

В 1978 г. китайское руководство начало уделять определенное внимание подготовке интеллигенции и условиям ее работы. Это было вызвано в первую очередь тем, что в стране стала ощущаться нехватка кадров с высшим и средним специальным образованием, что существенно сдерживало выполнение задач «четырех модернизаций». В выступлении Хуа Гофэна на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва открыто признавалось: «Сократившееся ранее отставание нашей страны от передового уровня мировой науки и техники за последние годы снова возросло. Качество обучения в учебных заведениях резко снизилось. На всех участках работы ощущается нехватка молодых кадров со специальными знаниями»³⁵. Начиная с периода «культурной революции», за 10 лет страна недополучила около 1,5 млн. специалистов с высшим образованием, т. е. столько, сколько их было выпущено с 1949 по 1965 г.³⁶

Тем не менее, по сообщениям китайской печати, за 25 лет (к 1978 г.)³⁷ общая численность интеллигенции в КНР выросла с 5 млн. до 25 млн. человек. Однако сюда был включен и персонал, окончивший в последние 10 лет «школы 7 мая», «университеты 21 июля», курсы «босоногих врачей» и подобные заведения с ускоренным сроком обучения, которые не дают учащимся прочных знаний.

По месту, занимаемому в системе общественного производства, китайскую интеллигенцию можно подразделить на научно-техническую и творческую. К научно-технической интеллигенции относятся инженерно-технические работники, работники науки, просвещения, здравоохранения, к творческой интеллигенции — работники искусства и культуры.

В 1978 г. китайское руководство провело ряд мероприятий, направленных на повышение производительности труда научно-технических работников, занятых в сфере военно-промышленного потенциала. Было решено улучшить организацию труда немногочисленной группы научно-технической интеллигенции, связанной с крупным производством. По всей стране начал пропагандироваться опыт ряда предприятий и учреждений, где научно-техническая интеллигенция « $\frac{5}{6}$ своего рабочего времени занимается основным делом»³⁸. В ряде районов страны, например в Пекине, Шанхае и пров. Аньхой, было принято решение отныне не посылать научно-техническую интеллигенцию в сельскую местность и в «школы 7 мая» для участия в физическом труде. Однако, как отмечала «Жэньминь жибао» 9 ноября

1978 г., «во многих местах системы $\frac{5}{6}$ не понимают», считают, что «это положение не относится к научно-технической интеллигенции», и в результате «на многих предприятиях и шахтах это положение не соблюдается».

По-прежнему острой оставалась проблема занятости научно-технической интеллигенции. «Жэньминь жибао» 24 ноября 1978 г. писала, что «в некоторых провинциях количество научных и инженерно-технических работников, которые работали не по специальности, составило выпуск студентов вузов этих провинций за три года, в некоторых провинциях и округах научных и инженерно-технических работников, работающих не по специальности, больше, чем тех, кто трудится на своих местах». Такая ситуация свидетельствует о падении престижа высшего образования в КНР, о том, что многие молодые люди, окончившие вуз, не работают по специальности, поскольку местные власти не могут обеспечить их работой.

В то же время большая часть специалистов в различных отраслях народного хозяйства по-прежнему готовилась по системе «шэлай-шэцью» («из коммун назад в коммуну», а также через «университеты 21 июля»³⁹ и т. д.). При этом предусматривается предоставить этим формам подготовки специалистов статус высшего учебного заведения. Наряду с использованием высшей школы как формы подготовки интеллигенции предполагается сохранить и упрощенные формы подготовки, которые возникли в период «культурной революции» и использовались для восполнения нехватки специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Политика китайского руководства в отношении интеллигенции с целью вовлечения ее в процесс скорейшего осуществления «четырех модернизаций» приводила к расколу интеллигенции, созданию внутри нее обособленных групп. Одна из этих групп готовится через системы высшей школы (многие стажируются по специальности) в развитых капиталистических странах и по окончании вуза направляется на предприятия центрального подчинения, служащие целям милитаризации страны. Другая группа получает подготовку посредством упрощенных форм образования. Уровень подготовки таких специалистов невысок из-за короткого срока обучения и неквалифицированного преподавания. Эти выпускники в большинстве своем заняты на предприятиях местного подчинения, часто не работают по специальности. Китайское руководство хотело бы «сблизить» эту группу интеллигенции «с массами рабочих и крестьян» за счет снижения ее профессионального уровня, принижения роли умственного труда.

Спецификой социальной структуры современного Китая является наличие значительной прослойки *ганьбу* — кадровых работников (40—50 млн. человек). *Ганьбу* в КНР называется административно-управленческий персонал, занятый в тех сфе-

рах деятельности, которые обеспечивают контроль над социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в обществе. В партийном и государственном аппарате КНР существует ранговая иерархическая лестница, все эти люди находятся на государственных окладах; доходы ганьбу низовых сельскохозяйственных звеньев — больших бригад и бригад — полагается ставить в зависимость от ежегодного их участия в сельскохозяйственных работах. Социальная прослойка ганьбу уже приобрела черты сословной замкнутости: сложились и действуют определенные нормы поведения, правила и распорядки, регламентирующие всю их жизнь и деятельность. Для них существуют специальные источники информации, начиная от «закрытой» газеты «Цанькао сяоси» и кончая различными курсами для разъяснения директивных указаний.

Ганьбу, как правило, подконтрольны только вышестоящим инстанциям, но не трудящимся массам, что вызывает различные негативные явления, широко распространенные среди ганьбу: коррупцию, взяточничество, расхищение государственного имущества, грубость и рукоприкладство. Объявленная Пекином кампания пресечения злоупотреблений кадровых работников в большинстве районов практически не эффективна. Засилье ганьбу способствует бюрократизации всей социальной системы КНР, ведет к отрыву китайского руководства от трудящихся.

1977—1978 годы характеризуются дальнейшим укреплением политического и экономического союза китайского руководства с национальной буржуазией, которую стремятся использовать в интересах осуществления «четырёх модернизаций», подчинить служению гегемонистским, великодержавным целям. В социально-экономическом положении национальной буржуазии принципиальных изменений не произошло. Утратив в результате сплошного поотраслевого преобразования в 1956 г. основы для своего существования как класса, национальная буржуазия продолжает сохранять ряд признаков, позволяющих выделить ее в особый социальный слой. Подавляющая часть бывших капиталистов продолжали выполнять закрепленные за ними служебные функции на предприятиях и в других организациях, причем, во-первых, представители национальной буржуазии пользуются приоритетом в вопросах трудоустройства, во-вторых, получаемые ими в виде жалованья доходы, не зависящие от количества и качества труда, значительно выше, чем у работников, выполняющих аналогичные функции; представители национальной буржуазии сохранили особые политические права и формы представительства в органах власти, более того — в последнее время создаются условия для активизации ее участия в политической жизни страны. Представители буржуазии, включившиеся из-за границы, составили почти 10% состава ВСНП 5-го созыва. Принимаются меры по оживлению формально сохранившихся буржуазно-демократических партий

(например, Чжигундан, которая представляет зарубежную китайскую буржуазию); после долгого перерыва созвана сессия Всекитайского комитета НПКСК, куда вошли 18 крупнейших капиталистов и политических деятелей из кругов зарубежной китайской буржуазии — в 3 раза больше, чем раньше⁴⁰.

Итоги 3-го пленума ЦК КПК показывают, что пекинское руководство, стремясь любыми путями создать материально-техническую базу (в виде «четырёх модернизаций») для осуществления своего гегемонистского, антисоциалистического курса, не останавливается перед перспективой широкого привлечения в страну иностранного капитала, принадлежащего хуацяо, а также западным и японским монополиям. Речь идет о возможности возникновения в социально-экономической структуре КНР особых форм предприятий государственно-капиталистического типа.

Особое расположение маоистов к национальной буржуазии объясняется прежде всего желанием приобрести посредника в сближении с китайской зарубежной буржуазией, насчитывающей примерно 25 млн. человек, с целью прибрать к рукам в интересах ускоренного военно-промышленного развития КНР ее экономический потенциал, превышающий 15 млрд. долл., а также финансовый, экономический, научно-технический и иной потенциал тех стран, где она проживает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «Жэньминь жибао», 1.I.1978.

² См. «Жэньминь жибао», 23.VIII, 14.XII.1978; «Гуанмин жибао», 13.I.1979.

³ «Чжунго циняньбао», 24.X. 9.XI.1978.

⁴ «Чжунго циняньбао», 7.X.1978.

⁵ Си и Гуанминь. Интеллигенция — это сила, на которую опирается партия. — «Гуанмин жибао», 19.XI.1978.

⁶ «Жэньминь жибао», 14.XII.1978.

⁷ «Жэньминь жибао», 17.XI.1978.

⁸ «Жэньминь жибао», 20.IX.1978.

⁹ «Жэньминь жибао», 1.I.1978.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 20.III.1978.

¹¹ См. «Жэньминь жибао», 9.XI.1978.

¹² См. «Жэньминь жибао», 21.III, 12.XI.1978.

¹³ «Жэньминь жибао» 7.X.1978; «Гуанмин жибао», 28.X.1978.

¹⁴ «Гуанмин жибао», 23.I.1979.

¹⁵ Начиная с 1978 г. годовщина создания ГЧАР будет отмечаться не 5 марта, а 11 декабря, в честь «байцэского восстания» 1929 г. и создания в Гуанси рабоче-крестьянского правительства под руководством Дэн Сяопина.

¹⁶ См. раздел «Сельское хозяйство».

¹⁷ «Жэньминь жибао», 3.IX.1978.

¹⁸ Народная партия, или Народно-революционная партия Внутренней Монголии, один из организаторов национально-освободительного движения во Внутренней Монголии, была основана в 1925 г. и распущена по настоянию Мао Цзэдуна в марте 1946 г.

¹⁹ «Гуанмин жибао», 26.III.1978.

²⁰ «Та Кунг Рао», 1—7.VI.1978, с. 6.

- 21 «Жэньминь жибао», 5.XII.1978, 10.IX.1979.
- 22 «Жэньминь жибао», 12, 31.III, 24.XI, 2.XII.1978.
- 23 «Жэньминь жибао», 18.XII.1978.
- 24 «Жэньминь жибао», 12.III.1978.
- 25 «Жэньминь жибао», 16.X.1978.
- 26 Там же.
- 27 «Жэньминь жибао», 27.III, 14.X.1978.
- 28 «Жэньминь жибао», 11.VIII.1978.
- 29 «Жэньминь жибао», 3.II.1978.
- 30 «Жэньминь жибао», 13.II, 27.XII.1978.
- 31 «Жэньминь жибао», 15.II, 26.VII.1978.
- 32 «Peking Review», 1977, № 38—39; «Жэньминь жибао», 7.III, 1.II.1978; «Хунци», 1978, № 2, 9.
- 33 «Жэньминь жибао», 10, 11.VII, 22.XI.1978; «Хунци», 1978, № 8.
- 34 «Жэньминь жибао», 24.VII, 23.XI.1978.
- 35 «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
- 36 «Гуанмин жибао», 24.XI.1977.
- 37 «Гуанмин жибао», 5.XI.1978.
- 38 «Жэньминь жибао», 9.XI.1978.
- 39 См. раздел «Высшая школа».
- 40 «Foreign Report», 22.III.1978.

ПРОГРАММА «ЧЕТЫРЕХ МОДЕРНИЗАЦИЙ» И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Экономическая политика КНР продолжала перестраиваться в интересах выполнения программы «четыре модернизации», изложенной в общих чертах на 1-й сессии ВСНП. Программа «четыре модернизации» (промышленность, сельское хозяйство, армия, наука и техника) была положена в основу плана развития народного хозяйства КНР на 1976—1985 гг., основные положения которого были одобрены сессией ВСНП. В докладе Хуа Гофэна намечались следующие среднегодовые темпы роста: промышленное производство—10%, сельскохозяйственное—4—5%, выплавка стали к 1985 г.—60 млн. т, производство зерна—400 млн. т; предусматривалось строительство 120 крупных промышленных объектов, в том числе 10 крупных металлургических заводов, 9 баз по производству цветных металлов, 8 угольных шахт, 10 нефтяных и газовых промыслов, 30 крупных электростанций и т. д. В капитальное строительство предполагалось вложить средства, в сумме равные капиталовложениям за все прежние годы развития КНР¹.

Выступления китайской печати, руководящих деятелей, а также материалы 3-го пленума ЦК КПК свидетельствуют о разработке китайским руководством целого ряда политических установок и организационных мер по осуществлению программы «четыре модернизации», целью которой является по существу ликвидация последствий политики Мао Цзэдуна.

Как было отмечено на 3-м пленуме ЦК КПК, «в народном хозяйстве все еще существует немало проблем... еще не полностью устранены серьезные диспропорции, не полностью изжиты некоторая хаотичность в области производства, строительства, обмена и распределения»².

Курс «опоры на собственные силы» уездов и народных коммун внес фактическую анархию в народное хозяйство Китая. В 1978 г. по всей стране пропагандировался опыт уезда Уси пров. Цзянсу по комплексному сочетанию развития сельского хозяйства, промышленности и подсобных промыслов («исходя из местных условий, создавать промышленные предприятия»)». Однако для быстрого развития промышленности народных ком-

мун и больших производственных бригад требуется оборудованные, которое уезды в плановом порядке получить не могли. В результате многие народные коммуны начали сами строить свои станкостроительные заводы, для которых характерны малые производственные мощности, низкое качество продукции, отсутствие единых стандартов и в то же время большой расход сырья и материалов.

Такая ситуация, с одной стороны, приводила к формальному перевыполнению производственных показателей, а с другой — к возникновению острых противоречий в экономике и затовариванию на складах продукции низкого качества. В конце июня 1978 г. на складах скопилось сельскохозяйственной техники на сумму 5,8 млрд. юаней, из них больше 30% продукции не находило сбыта. В то же время «хотя более половины стоимости продукции сельскохозяйственного машиностроения составляли запчасти, однако во многих местах крестьяне не могли достать основных запчастей»⁴.

Многие предприятия не выполняли в срок заказы или не перечисляли деньги за закупленную продукцию, что также создавало серьезную неразбериху в народном хозяйстве страны. В результате у многих предприятий не хватало оборотных средств, они вынуждены были постоянно прибегать к банковскому кредиту, что невыгодно и для банка и для предприятия. Например, Пекинский завод тяжелых электродвигателей к сентябрю не получил более 20 млн. юаней за произведенную продукцию и в конце года был вынужден расходовать прибыль, составлявшую более 80 млн. юаней⁵.

Столь же тяжелое положение наблюдалось и в сельском хозяйстве. Как отмечалось на 3-м пленуме ЦК КПК, «сельское хозяйство серьезно пострадало в последние годы и все еще очень слабо развито...»⁶. Из-за отсутствия научно обоснованных планов развития сельского хозяйства, преобладания административных методов управления, ликвидации в ряде народных коммун приусадебных участков, низких темпов механизации сельскохозяйственного труда заметно снизилась трудовая активность крестьянства. «Жэньминь жибао» в связи с этим писала: «Бремя, ложащееся на производственную бригаду, стало нетерпимым повсюду в стране». В статье указывалось, что «стали возможными вопиющие нарушения прав крестьян, даже их личной свободы... руководители могут приказывать крестьянам не сеять то, что они хотят сеять, могут узурпировать права членов народной коммуны и приказывать целому уезду или нескольким уездам осуществлять переход к основной хозрасчетной единице — народной коммуне»⁷. Например, в ходе обследования нескольких народных коммун уезда Сянсян пров. Хунань выяснилось, что 49 различных организаций уезда забирали себе безвозмездно 72 вида различной сельскохозяйственной продукции, и когда в мае руководство уезда попыталось прекратить эту практику, то

встретилось с немалыми трудностями⁸. Все это оказывало неблагоприятное влияние на развитие экономики страны: деревня не производила достаточного количества сельскохозяйственной продукции для удовлетворения потребностей города, город получал недостаточное количество сырья для отраслей промышленности, производящих предметы потребления. В коммюнике 3-го пленума ЦК КПК говорилось, что жизненный уровень населения «пока не может расти высокими темпами». Признавались и другие серьезные недостатки, тормозящие осуществление «четырех модернизаций», предлагалось значительно повысить уровень производительных сил и, стало быть, изменить многие аспекты производственных отношений и надстройки, которые не отвечают требованиям развития производительных сил, отказаться от всех негодных форм управления⁹.

Следует отметить, что в 1978 г. китайское руководство принимало усилия, чтобы устранить эти недостатки, ликвидировать анархию производства, наладить плановое хозяйство. На предприятиях были официально упразднены ревкомы и назначены директора, несущие ответственность перед парткомом. Установление системы личной ответственности перед парткомом сопровождалось введением не только административных мер (понижение или повышение в должности и т. п.), но и системы штрафов. При невыполнении предприятием установленных технико-экономических показателей оно стало подвергаться штрафу, который может распространяться не только на директора, но и на рабочих. Печать призывала дополнить систему штрафов и других административных мер введением строгого экономического законодательства, что давало бы государству возможность судебного преследования руководителей предприятий за нарушения основных положений экономической политики.

Процесс усиления централизации управления на отдельных предприятиях происходил на фоне провозглашенной ЦК КПК тенденции к «предоставлению местным органам, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям еще больше прав на самоуправление и самохозяйствование, направляемое единым государственным планом»¹⁰. Эта политика означала сохранение принципа «опоры на собственные силы», укрепление самообеспечивающихся промышленно-сельскохозяйственных комплексов на уровне уездов за счет местных ресурсов.

Но подобная структура экономики, порожденная военно-бюрократическим режимом, сама по себе является тормозом на пути планомерного и пропорционального развития народного хозяйства страны. В КНР по-прежнему существует два сектора — центральный, представляющий собой основу развития военно-промышленного потенциала страны, и местный, служащий удовлетворению насущных материальных потребностей населения. Гипертрофированное развитие в экономике КНР военно-промышленного сектора, на нужды которого идет большая часть

накоплений сельского хозяйства и легкой промышленности, сдерживает экономическое развитие страны, создает хаос в народном хозяйстве; к этому ведет и наличие большого количества самообеспечивающихся промышленно-сельскохозяйственных комплексов, функционирующих по принципу «опоры на собственные силы» и не включенных в государственные планы.

Все указанные факторы обуславливали двойственность, непоследовательность и даже противоречивость экономической политики в 1978 г., что тесно связано и с политической нестабильностью в стране, компромиссным характером власти. По сути дела, это была попытка сочетать возвращение к хозяйственной политике, которая оправдала себя во время первой пятилетки и в ходе «урегулирования», и в то же время сохранить маоистскую установку: «в промышленности — учиться у Дачина, в сельском хозяйстве — у Дачжя».

Предлагая частично вернуться к методам управления хозяйством страны, применявшимся в годы первой пятилетки, китайское руководство аргументирует это более высокими темпами роста производительности труда в первой пятилетке. В статье о проблемах развития экономики Китая президент Академии общественных наук Ху Цяому писал: «С 1958 года ...промышленный прирост шел полностью или преимущественно за счет увеличения числа рабочих. Если бы рост производительности труда удалось неизменно поддерживать на уровне первой пятилетки — 8,7% в год, то в 1977 г. производительность труда в промышленности, на транспорте и в капитальном строительстве была бы вчетверо выше нынешней. А это значит, что общее число рабочих и служащих могло бы сократиться на две трети»¹¹.

В 1978 г. к числу экономических мероприятий, необходимых для ускорения «четырех модернизаций», китайская печать постоянно относила создание более гибкой системы управления предприятиями, направленной на усиление договорной дисциплины; материальное поощрение рабочих на предприятиях, выплывших государственный план; снижение себестоимости; увеличение прибыли; предоставление предприятиям большей самостоятельности. В соответствии с этим с конца 1978 г. начало действовать Положение министерства финансов КНР «Об экспериментальном отчислении и использовании фондов государственных предприятиями»¹².

Однако наряду с рекомендациями «действовать в соответствии с экономическими законами» подчеркивалась необходимость «следовать линии масс». Больше того, в печати встречались прямые призывы использовать в интересах ускорения «четырех модернизаций» практику «большого скачка».

Для предприятий центрального подчинения в 1978 г. производились итенсивные закупки оборудования за рубежом с целью обеспечить военно-промышленный потенциал самой передо-

вой современной техникой. Как отмечала «Жэньминь жибао» 6 июня 1978 г., «ускорение темпов „четырёх модернизаций“ может быть достигнуто лишь путем сочетания превосходства социалистической системы с передовой наукой и техникой и передовым опытом управления развитых капиталистических стран и соединения всего полезного с нашими конкретными условиями и успешным опытом». В октябре 1978 г. в прессе появились первые сообщения о создании в Китае совместных предприятий с участием крупнейших империалистических монополий для разработки нефтяных и других месторождений, а также о создании гонконгскими, японскими и сингапурскими фирмами предприятий легкой и электронной промышленности (преимущественно в пров. Гуандун) для переработки китайского сырья на иностранном оборудовании под наблюдением зарубежных специалистов. Эти предприятия призваны стать составной частью системы, оказывающей большое влияние на развитие военно-промышленного потенциала КНР и сыграть важную роль в осуществлении «четырёх модернизаций».

Двойственный и противоречивый характер экономической политики китайского руководства в 1978 г. отчетливо проявился и в области сельского хозяйства. Так, на сессии ВСНП было выдвинуто нашедшее свое воплощение в ст. 7 новой конституции КНР положение о том, что при сохранении трехступенчатой системы собственности (коммун, больших производственных бригад, производственных бригад) роль основной хозрасчетной единицы, прежде отводившаяся производственной бригаде, может передаваться большой производственной бригаде, если для этого созрели соответствующие условия. Необходимо отметить, что за это в свое время ратовали сторонники «четверки» и такой пункт был сформулирован в качестве важной составной части маоистского курса «продолжения революции при диктатуре пролетариата».

Одновременно в подавляющем большинстве уездов из-за катастрофического падения трудовой активности крестьянства приходилось проводить политику укрепления хозяйственной самостоятельности производственных бригад. Массовое нежелание крестьян трудиться в условиях административного произвола, поправки экономических и политических прав трудящихся со стороны вышестоящих кадровых работников вынудило китайское руководство принять целый ряд экономических мер в целях развития сельскохозяйственного производства. Как отмечалось в коммюнике 3-го пленума ЦК КПК, самыми важными из них были следующие: «...твердо практиковать и сохранять неизменной трехступенчатую систему собственности, основой которой является собственность производственной бригады... запретить безвозмездно использовать или присваивать рабочую силу, денежные средства, продукцию и материалы производственных бригад... проводить принцип распределения по труду, произво-

дить оплату труда по его количеству и качеству, преодолевать уравниловку...»¹³.

Чтобы несколько увеличить материальную заинтересованность крестьян, пленум наметил также такие меры, как запрещение завышать нормы государственных закупок зерна, постепенное, с учетом конкретных условий повышение государственных закупочных цен на зерно, а также другую сельскохозяйственную продукцию и сырье. Одновременно предполагалось на основе снижения себестоимости снизить на 10—15% цены на сельскохозяйственные машины, химические удобрения, ядохимикаты и другую промышленную продукцию сельскохозяйственного назначения.

Во многих районах страны членам народных коммун стали вновь возвращать приусадебные участки, отобранные у них в 1974—1975 гг., в ходе обобществления собственности производственных бригад и ее передачи в ведение больших производственных бригад. В ряде мест (например, в уезде Сянсян пров. Хунань) начали проводить работу по «облегчению бремени крестьян», что выражалось «в возврате незаконно взятых средств в производственные бригады, в реорганизации нерациональных правил и распоряжков, взваливающих на крестьян непосильное бремя»¹⁴.

Однако во многих уездах отношение к опыту уезда Сянсян отрицательное. Как отмечала «Жэньминь жибао» 22 ноября 1978 г., руководство уездов «действует медленно, колеблется, вплоть до того, что продолжает увеличивать нагрузку на крестьян, многие руководители ошибочно противопоставляют интересы крестьян и государства, считают, что имеют право споряжаться по-своему для построения социализма...». Кроме того, как прямо следует из официальных документов и материалов, китайское руководство не ассигнует средства на модернизацию сельского хозяйства. Роль основного источника финансирования модернизации сельского хозяйства отводится отчислениям от прибылей промышленных предприятий, существующих в народных коммунах и производственных бригадах. Сельскохозяйственная техника с предприятий центрального подчинения в основном поставляется и будет поставляться в приграничные госхозы, хозяйства, обслуживающие близлежащие воинские части, и районы стабильных и высоких урожаев.

Говоря об итогах экономической политики, направленной на выполнение задач «четырёх модернизаций» в 1978 г., необходимо отметить, что китайская экономика на основе ее достижения некоторых сдвигов по сравнению с предыдущими годами «хаоса и разрухи». Наблюдался определенный прирост объема продукции во многих отраслях промышленности, особенно в угольной, металлургической, химической, которые являются основой развития военного потенциала страны. В отраслях, производящих предметы потребления, успехи значительно скромнее. По-

прежнему остро стоит вопрос обеспечения всего населения Китая продовольствием и одеждой. Одной из основных проблем остается низкое качество продукции, о котором постоянно на протяжении всего года писала китайская печать. Тем не менее прошедший 1978 год был назван важным годом, когда, «ухватываясь за программу, управляли государством»¹⁵. Рост производства в ряде отраслей промышленности во многом объяснялся использованием производственных мощностей, длительное время простаивавших из-за анархии в производстве и политической борьбы в стране. Кроме того, китайскому руководству до некоторой степени удалось восстановить систему управления народным хозяйством, разваленную в годы «культурной революции», повысить производительность труда в результате частичного возвращения к таким методам первой пятилетки и периода «урегулирования», как хозрасчет, материальное поощрение передовых рабочих, поощрение предприятий, получающих большую прибыль. Но все эти частичные успехи в экономике страны использовались не для удовлетворения материальных потребностей китайских трудящихся, а для наращивания военного потенциала в целях создания «великого Китая».

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

В 1978 г. в широком масштабе началась «коренная» реорганизация системы управления народным хозяйством КНР с целью приспособить ее к нуждам «четырёх модернизаций». На сессии ВСНП была поставлена задача «постепенно перестроить и усовершенствовать структуру управления предприятиями, а также планированием, материальными ресурсами и финансами»¹⁶.

Определению путей и методов реорганизации системы управления народным хозяйством были посвящены многие всекитайские и отраслевые совещания. В газете «Гуанмин жибао» была введена специальная рубрика «Наука управления». Проблемам управления посвящено много статей в журнале «Цзинцзи яньцзю» («Экономические исследования»), а также в других периодических изданиях. В 1978 г. было создано всекитайское научное общество по проблемам модернизации в управлении, главными задачами которого считаются внедрение достижений научно-технического прогресса в управлении народным хозяйством, повышение научного уровня управления и оптимизация его структуры. Общество призвано организовывать обмен опытом в области управления как внутри страны, так и с зарубежными странами.

Как свидетельствует анализ многочисленных материалов, первый шаг предполагается сделать пока лишь для «упорядоче-

ния управления с целью покончить с анархией», поскольку, как вынуждена была признать китайская печать, «на ряде предприятий возник полный сумбур в том, что касалось руководства планированием, закупок сырья, финансов, рабочей силы, техники и оборудования»; «игнорировался государственный план», «не выполнялись контракты на поставку и продажу продукции»¹⁷. Длительное время «в области управления экономикой царил разброд»¹⁸. Поэтому была выдвинута первоочередная задача — навести элементарный порядок в органах управления на всех уровнях, наладить учет и контроль за деятельностью предприятий. Китайские руководители предполагают решить поставленную задачу путем усиления централизации управления.

В связи с этим значительно расширены функции Госсовета КНР. Многие министерства, государственные комитеты и ведомства, которые со времени «культурной революции» не функционировали, после проведения частичной реорганизации вновь возобновили свою деятельность. Характерным примером служит реорганизация министерств топливной и химической отраслей промышленности, свидетельствующая о возвращении к структуре, существовавшей в период «урегулирования». Министерство нефтяной и химической промышленности, выделенное в 1975 г. из министерства топливной и химической промышленности, в 1978 г. разделено на два самостоятельных министерства. Этот шаг вызван увеличением общего числа подведомственных предприятий, что свидетельствует о расширении сферы централизованного управления. Об этом же говорит и выделение министерства текстильной промышленности из министерства легкой промышленности.

Наибольшее значение для централизации планирования имеет возобновление деятельности Государственного экономического комитета, о котором с 1966 г. никакой информации не поступало. Государственный экономический комитет был выделен из Госплана КНР в июне 1956 г. на основании решения ЦК КПК и Госсовета с передачей ему всех функций по текущему планированию и контролю за выполнением планов. За Госпланом КНР были оставлены вопросы разработки методологии и функции перспективного планирования. Штат Государственного экономического комитета к концу 1957 г. составлял 1318 человек (в Госплане — 745). Организационная структура почти в точности повторяла структуру Госплана.

В годы «большого скачка» организационная структура Государственного экономического комитета не менялась, лишь в связи с трудностями в работе транспорта было дополнительно создано соответствующее бюро. Однако штат комитета значительно сократился за счет перехода большей части сотрудников в аппарат канцелярий районов кооперирования. Сузился круг осуществляемых комитетом функций. В частности, функции сводного управления текущего планирования были переданы в Гос-

план. Государственный экономический комитет стал ведаť лишь корректировкой планов министерств и в особенности местных плановых органов, а также контролем за выполнением планов. В период «урегулирования» штаты и объем ранее выполнявшихся функций были почти полностью восстановлены. В 1966 г. Государственный экономический комитет был ликвидирован.

Решение о возобновлении деятельности Государственного экономического комитета объясняется значительным увеличением объема работы по планированию, вызванного подготовкой пятилетнего и десятилетнего планов. Госплан КНР оказался не в состоянии справиться одновременно с перспективным, текущим планированием и контролем за выполнением плана, и функции текущего планирования были переданы Государственному экономическому комитету. За Госпланом также остается разработка общеметодологических вопросов.

Государственный экономический комитет призван разрешить основную трудность плановой работы в КНР — увязать центральные и местные планы, чтобы охватить все средние и небольшие предприятия государственным планом. Комитет пытается при разработке планов центральными и местными органами «на деле добиться комплексного балансирования».

Увязке центральных и местных планов призвана способствовать и передача большинства крупных предприятий в двойное подчинение — ревкомам провинциального уровня и отраслевым министерствам, осуществляющим общее руководство. Предприятия двойного подчинения рассматриваются как «костяк целостной промышленной системы». Их продукция входит одновременно в местные и в центральные балансы (в соответствии с китайской практикой они не сводятся в общий баланс). Главная задача местных плановых органов в отношении предприятий двойного подчинения — обеспечить материально-техническое снабжение в максимально возможной степени за счет местных ресурсов.

При этом центральные плановые органы определяют долю продукции предприятий двойного подчинения, выделяемую на местные нужды, доли отчисления от прибыли в местный и центральный бюджеты, тем самым обеспечивая также определенное развитие промышленности местного подчинения. Хотя по форме увеличение числа предприятий двойного подчинения выступает как некоторая децентрализация управления промышленностью КНР, однако по существу оно представляет собой как раз попытку усиления централизации путем вовлечения определенной части предприятий местного подчинения в сферу центрального планирования.

Как сообщила китайская печать, план финансовых поступлений в госбюджет в течение многих лет не выполнялся¹⁹. Поэтому проблема финансового обеспечения программы «четырех мо-

дернизаций» стоит очень остро. Руководство требует «повысить стимулирующую и координирующую роль финансов, банка и кредитов во всех сферах экономической деятельности, с тем чтобы хозяйственные организации повышали уровень управления, поднимали экономическую эффективность и накапливали больше средств для государства»²⁰. В связи с этими требованиями разработано специальное «Положение о бухгалтерях», которое предполагает усиление административной и даже судебной ответственности должностных лиц за деятельность предприятий. В этих целях из министерства финансов в качестве самостоятельного структурного подразделения Госсовета КНР выделен Народный банк Китая²¹, за которым закрепляется функция финансового контроля.

Прагматическим подходом к решению проблемы товарного обеспечения населения в значительной степени вызвано выделение в отдельное структурное подразделение Госсовета КНР Всекитайской федерации снабженческо-сбытовых кооперативов. До этого она рассматривалась как одно из подразделений министерства торговли.

Возобновление в 1978 г. деятельности Государственного комитета по науке и технике, несомненно, объясняется потребностью обеспечить централизованное управление одной из важнейших составных частей программы «четыре модернизации».

Наиболее резко отход от организационных форм управления, выдвинутых в период «культурной революции», проявился в отношении к институту ревкомов — этому «главному завоеванию культурной революции». В соответствии с новой конституцией КНР ревкомы предприятий упразднены (они остались лишь на тех предприятиях, где производственные и территориально-административные функции совмещены, например на Дачинских нефтепромыслах). «Призванные уделять большую часть своего внимания политическим вопросам», ревкомы предприятий, работавшие по методу «всесторонних консультаций», с производственными функциями в большинстве случаев не справлялись. Лишь на тех предприятиях, где вся полнота управленческой власти сосредоточивалась в руках одного человека — председателя ревкома, которому подчинялись руководители соответствующих подразделений (т. е. осуществлялась так называемая система должностной ответственности), производственная деятельность более или менее контролировалась. Система должностной ответственности — как соблюдение совершенно необходимого в условиях современного производства принципа единоначалия — оказалась несовместимой с методами работы ревкомов.

Еще одним подтверждением возвращения к формам и методам управления, выдвинутым в период «урегулирования», является отказ от «самообеспеченности» предприятий. На совещании по машиностроению в августе 1978 г. признавалось, что «около 80% предприятий все приходится производить самим»²²,

и было выдвинуто требование «принять решительные меры с целью реорганизации машиностроения, ввести производственную специализацию, повысить уровень руководства отраслью»²³. В виде эксперимента было решено осуществить реорганизацию управления в рамках первого министерства машиностроения.

Пекинское руководство рассматривает «переход от отсталой формы организации производства, когда и малые и большие предприятия занимаются всем и вся», к крупным специализированным компаниям как «глубокую революцию»²⁴ и предполагает распространить опыт реорганизации машиностроения на другие отрасли.

Специализированные компании, представляющие собой промежуточное среднее звено управления, призваны способствовать централизации производственной деятельности огромного числа мелких и мельчайших промышленных предприятий, ориентирующихся в основном на примитивную технику и технологию. За счет этого возникает определенная возможность специализации основного и вспомогательных производств, улучшения материально-технического обеспечения; концентрируются управленческие функции, и создаются более действенные службы управления.

Наряду с сохранением достаточно высокого уровня централизации управления народным хозяйством китайское руководство предполагает в дальнейшем предоставить больше хозяйственных прав предприятиям. В КНР пытаются теоретически сформулировать, эмпирически проверить и затем осуществить мероприятия этого следующего этапа реорганизации. Значительное внимание уделяется зарубежному опыту управления, в частности опыту промышленно развитых капиталистических стран²⁵.

Отмечая в целом положительный характер мероприятий в области реорганизации управления, мероприятий, которые могут способствовать усилению централизованного планового руководства народным хозяйством, специализации и кооперирования производства, следует подчеркнуть, что в целом они не представляют собой единой программы, не подготовлены и вызывают известную хаотичность в экономике страны.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В 1978 г. развитие промышленности КНР, как и экономики в целом, по определению Хуа Гофэна, носило «восстановительный характер».

На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва была утверждена скорректированная программа экономического развития Китая до 2000 г., а также наметки 5-летнего (1976—1980) и 10-летнего (1976—1985) планов. В области промышленности они предусматривают:

к 1980 г.—создание самостоятельной, сравнительно целостной, всесторонней системы промышленности²⁶;

к 1985 г.—завершение технической перестройки промышленности и удвоение производства;

к 2000 г.—выход в число передовых стран по уровню развития производства.

Среди преданных гласности на этой сессии немногих конкретных показателей перспективного плана были следующие:

обеспечить в 1978—1985 гг. годовой прирост валовой продукции промышленности на 10% с лишним;

довести уровень производства стали к концу 1985 г. до 60 млн. т, а добычу угля удвоить (т. е. довести ее до 1100—1200 млн. т);

за 1978—1985 гг. по главным видам промышленной продукции превзойти прирост производства, достигнутый в течение предшествовавших 28 лет;

в 1978—1985 гг. вложить в капитальное строительство сумму средств, равную капиталовложениям за все прежние годы развития КНР;

начать и продолжить строительство 120 крупных объектов, включающих в себя 10 крупных баз черной и 9 крупных баз цветной металлургии, 8 крупных угольных баз, 10 крупных нефтегазовых промыслов, 30 крупных электростанций, 6 железнодорожных магистралей и 5 главных портов²⁷.

С целью налаживания производства и более детального обоснования текущих и перспективных планов в конце 1977 и в 1978 г. состоялся ряд всекитайских совещаний по вопросам развития промышленности²⁸. Центральное место на этих совещаниях занимали вопросы предотвращения спадов и ускорения темпов промышленного производства. Обсуждались также проблемы развития таких важных отраслей, как угольная, металлургическая, промышленность строительных материалов.

Большие задачи были поставлены в области реорганизации управления во всех звеньях хозяйственного руководства, начиная от предприятий и кончая министерствами. Предпринимались первые шаги для усиления роли экономических рычагов в управлении производством, налаживания трудовой и плановой дисциплины, специализации и кооперирования производства.

Много внимания было уделено проблеме повышения качества продукции, резко обострившейся в последние годы. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные факты, приводившиеся в печати. Так, по сообщению агентства Синьхуа от 1 октября 1978 г., на Шанхайском тракторном заводе брак составляет от 20 до 40% всего объема выпускаемой продукции; на трех крупных предприятиях Лояна (включая крупнейший в Китае тракторный завод) брак достигает 10%²⁹, на механическом заводе министерства легкой промышленности в Ухани только 2 детали из 83, обрабатываемых за смену, соответствуют необ-

ходным техническим условиям³⁰. Склады сельскохозяйственной техники «завалены» «не соответствующей стандартам продукцией», доля которой составляет 30% от общей массы храняемых товаров³¹. В сентябре в стране был проведен месячник качества. «Жэньминь жибао» в передовой статье, посвященной месячнику³², выдвинула требование «исправлять все нормативы, положения и установки, мешающие повышению качества продукции». В статье делался упор на усиление личной ответственности за качество выпускаемой продукции, осуществление технического контроля, соблюдение культуры производства; говорилось также о необходимости строгого выполнения технологических условий, повышения квалификации работников, периодического проведения технической аттестации работников и т. д. Фактически речь идет о возвращении к методам и формам организации производства, существовавшим до «культурной революции». Китайские руководители вынуждены во все более широких масштабах прибегать к материальному стимулированию трудящихся для улучшения количественных и качественных показателей работы промышленных предприятий. За выполнение качественных нормативов на Харбинском подшипниковом заводе рабочим выплачивается премия от 5 до 30 юаней³³; за выпуск высококачественной продукции рабочим шелкоткацкой фабрики в Шанхае выплачивается премия до 30 юаней³⁴.

В общей системе мероприятий по повышению качества было принято решение и об аттестации продукции на знак качества.

В июле 1978 г. был опубликован документ под названием «30 пунктов для промышленности»³⁵, в котором обобщены и изложены в виде требований «решения ЦК КПК по ряду вопросов в отношении ускорения развития промышленности».

Упорядочение производства в целом положительно сказалось на работе промышленности, валовая продукция которой в 1978 г. возросла на 13,5%. В июне 1979 г. впервые после 50-х годов в китайской печати было опубликовано официальное сообщение ГСУ КНР с конкретными данными о развитии китайской экономики в 1977 и 1978 гг. Положение промышленности в целом и ее отдельных отраслей характеризовалось в этом сообщении данными, которые во многих случаях не согласуются с ранее публиковавшимися китайской печатью цифрами абсолютного и относительного прироста за отдельные годы и являются завышенными. Это, видимо, объясняется включением низкокачественной продукции местной мелкой промышленности (табл. I).

Угольная промышленность. По официальным данным, в 1978 г. добыча угля составила 618 млн. т, т. е. возросла по сравнению с 1977 г. на 12,4%. Столь значительный прирост добычи был достигнут за счет включения в отчетные данные не только низкокачественного небогатого угля, но и так называемых «угольных пород» (содержащих следы угля), исполь-

Таблица 1

Производство важнейших видов промышленной продукции

Виды продукции	Ед. изм.	1977 г.	1978 г.
Валовая продукция . . .	млрд. юаней	372,7	423,1
Уголь	млн. т	550	618
Нефть	млн. т	93,640	104,050
Электрическая энергия	млрд. кВт·ч	223,40	256,55
Чугун	млн. т	25,5	34,79
Сталь	млн. т	23,74	31,78
Прокат	млн. т	16,33	22,80
Автомобили	тыс. шт.	125,4	149,1
Цемент	млн. т	55,65	65,24
Минеральные удобрения (в пересчете на 100% действующего вещества)	млн. т	7,238	8,623
Хлопчатобумажные ткани	млрд. м	10,151	11,029

зование которых настоятельно рекомендовалось китайской печатью³⁶. В конце 1977 г. министерство энергетики и водного хозяйства провело даже специальное всекитайское совещание по обмену опытом использования этих пород.

В течение года было пущено в эксплуатацию несколько десятков новых шахт, из них более 10 средних и крупных мощностью от 450 тыс. до 1,2 млн. т. Суммарная годовая мощность новых шахт превышает 10 млн. т³⁷.

Важной угольной базой становится Яньчжоуский бассейн (южная часть пров. Шаньдун), развитие которого, по мнению китайской печати, может «смягчить напряженное положение со снабжением углем в Восточном Китае». С 1966 г. здесь введены в эксплуатацию 3 шахты проектной мощностью более 2 млн. т в год. В 1978 г. строились еще 4 шахты общей мощностью 11 млн. т³⁸. В Умэнском горном районе Юго-Западного Китая создается новая Люпаньшуйская угледобывающая база, которая будет одним из самых крупных поставщиков металлургического кокса в стране. Ее суммарная мощность к началу 1979 г. составила 10 млн. т угля. Строятся еще 2 угольные шахты проектной мощностью 600 тыс. и 1200 тыс. т угля в год. Площадь Люпаньшуйского бассейна составляет 20 тыс. кв. км.

Открыты ряд угольных месторождений в Гуанси-Чжуанском автономном районе, провинциях Фуцзянь, Хунань и Хубэй, всегда испытывавших дефицит в угле.

Нефтяная, нефтеперерабатывающая и газовая промышленность. Добыча нефти в Китае, по сообщению Синьхуа 1 января 1979 г., возросла на 11,1%, а объем нефтепереработки — на 8,3% по сравнению с 1977 г. На 12,5% увеличился объем производства таких важных нефтепродуктов, как бензин, керосин, дизелин и смазочное масло.

Эти цифры свидетельствуют о том, что темпы прироста добычи нефти во второй половине 70-х годов снизились вдвое по сравнению с предшествовавшим десятилетием и стабилизировались примерно на уровне 10%. На расширенной партийной конференции министерства нефтяной промышленности в конце 1978 г. было принято решение о всемерном ускорении развития нефтяной промышленности³⁹. Велись переговоры с рядом зарубежных капиталистических фирм о совместной разведке и разработке нефтяных месторождений, в частности шельфовых месторождений, в Бохайском заливе и дельте р. Чжуцзян.

Китайская печать сообщила о вводе в строй новых высокопроизводительных нефтепромыслов в Жэньцю на Центрально-Хэбэйской равнине в Северном Китае. Разработка месторождения началась в 1976 г., когда был пробурен ряд высокодебитных скважин, дающих в сутки от тысячи до нескольких тысяч тонн жидкого топлива. Здесь проложены 2 нефтепровода большого диаметра общей протяженностью 200 км. Всего в 1978 г. в стране введено в строй 1600 км нефтепроводов. В их числе нефтепровод от Цанчжоу (пров. Хэбэй) до Нанкина, соединенный с построенным ранее нефтепроводом Дацин — Нанкин. Это позволило связать крупнейшие месторождения в Дацине, Ляохэ, Дагане, Жэньцю и Шэнли с портами Далянь, Циньхуандао, Циндао и Нанкин, а также с многими нефтеперерабатывающими заводами Китая⁴⁰.

Как обычно, более медленными темпами по сравнению с нефтедобычей росла нефтепереработка. Как сообщило 3 сентября 1978 г. агентство Синьхуа, мощности по нефтепереработке за 10 лет возросли примерно в 5 раз, а нефтедобычи — более чем в 6 раз. При этом 57,5% прироста нефтеперерабатывающих мощностей было получено за счет внутрипроизводственных резервов. В 1978 г. были сданы в эксплуатацию нефтеперерабатывающий завод в пров. Чжэцзян, рассчитанный на переработку 2—2,5 млн. т нефти в год, а также Уханьский нефтехимический комбинат. Опробованы 3 нефтеперегонные установки на первом в Синьцзяне нефтехимическом заводе⁴¹. Построены Маолинский завод смазочных масел, установка по производству окисленного битума годовой мощностью 300 тыс. т на нефтехимическом комбинате в Шэнли⁴², Аньцинский нефтехимический комбинат по переработке сырой нефти (мощностью 2,5 млн. т в год)⁴³.

Добыча природного газа в 1978 г. возросла на 10%. Крупнейшей базой природного газа стал г. Лучжоу (пров. Сычуань), где по сравнению с 1965 г. добыча увеличилась в 8 раз⁴⁴.

Электроэнергетика. Прирост выработки электроэнергии в 1978 г. по сравнению с 1977 г. составил 14,8% и достиг, по официальным данным, 256,55 млрд. кВт·ч.

В течение года был введен в строй ряд новых мощностей. Новая ТЭС в 1,1 млн. кВт вступила в строй в г. Цинхэ пров. Ляонин⁴⁵. Завершено строительство первой очереди Сюйчжоуской электростанции (пров. Цзянсу). Здесь установлены 2 агрегата мощностью по 125 тыс. кВт. К концу 1979 г. намечено установить еще 2 таких агрегата. Агрегат мощностью 125 тыс. кВт начал работать на Чжэньхайской электростанции в пров. Чжэцзян⁴⁶. В пров. Цзилинь построена Хуньцзянская электростанция, мощность которой в 1978 г. составила 150 тыс. кВт (по проекту должно быть 250 тыс. кВт)⁴⁷.

На Кайфэнской ТЭС в пров. Хэнань сданы в эксплуатацию 2 реконструированных турбогенератора. Мощность блоков доведена с 50 тыс. до 125 тыс. кВт. Были введены в строй новые энергоблоки на Бэйдачанской электростанции в Тяньцзине (320 тыс. кВт), Доухэской в Таншане (250 тыс. кВт), Фэнтаньской ГЭС в пров. Хунань (300)⁴⁸, Хэшаньской электростанции в пров. Гуанси (100 тыс. кВт)⁴⁹, Хуабэйской в пров. Аньхой (125 тыс. кВт)⁵⁰ и др.

В Янбацзине (90 км к северо-западу от г. Лхасы) пущена в эксплуатацию опытная термоэлектростанция на горячих источниках⁵¹.

Интенсивно продолжалось строительство мелких ГЭС за счет местных средств, цель которого состояла в том, чтобы хоть немного ослабить дефицит электроэнергии, переложив на местные власти проблему удовлетворения потребностей вверенных им районов. Так, в декабре 1978 г. в стране сооружалось 13 тыс. мелких ГЭС. Всего же за несколько лет было построено 86 тыс. подобных ГЭС общей мощностью 5 млн. кВт⁵². За 10 лет мощность мелких ГЭС увеличилась в 11 раз⁵³.

Вместе с тем положение со снабжением страны электроэнергией продолжает оставаться весьма напряженным. Более того, несмотря на значительный прирост мощностей, в 1978 г. диспропорция между производством электроэнергии и потребностями народного хозяйства обострилась. В ноябрьском номере журнала «Хунци» министр водного хозяйства и электроэнергетики Цянь Чжэньин отмечал, что «в последние годы... план строительства электростанций не выполнялся. Часть оборудования пришла в негодность, в результате чего электростанции работают не на полную мощность. Темпы строительства электростанций не соответствуют нуждам развития национальной экономики. Нехватка электроэнергии ощущается в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Электроэнергетика стала слабым местом в нашем народном хозяйстве»⁵⁴.

Как сообщала «Жэньминь жибао» 13 февраля 1979 г., из-за нехватки электроэнергии не удастся полностью ввести в

строй уже в основном смонтированные прокатные станы на Уханьском металлургическом комбинате, закупленные в ФРГ и Японии. В пров. Цзянси, занимающей 1-е место в Китае по добыче вольфрамовой руды, из-за нехватки электроэнергии рудники работали в течение года лишь 3—5 месяцев в году. По той же причине в этой провинции не использовалось 30% всех имеющихся промышленных мощностей. «Положение во многих провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах,— отмечала газета,— близко к тому, что наблюдается в Цзянси». В связи с этим китайская печать заявляла, что «Центральный комитет партии... сильно озабочен развитием электроэнергетики» и что председатель ЦК КПК Хуа Гофэн лично указал на необходимость «поставить электроэнергетическую промышленность во главу угла национальной экономики».

Черная металлургия. На состоявшемся в январе 1978 г. всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина в металлургической промышленности была поставлена задача «быстро, качественно и на высоком уровне» осуществить всесторонний «большой скачок в металлургии», для чего «в ближайшие 23 года добиться ежегодного прироста выплавки стали в Китае в размере 4, 5 или 6 млн. т». Увеличение выплавки чугуна и стали, а также производства проката планируется за счет трех источников:

лучшей организации производства, максимального использования имеющихся мощностей, повышения качества продукции; увеличения мощностей действующих предприятий за счет их реконструкции, установки нового оборудования, интенсификации технологических процессов;

строительства в течение 8 лет 10 крупных баз черной металлургии в сочетании со строительством мелких и средних предприятий местного подчинения.

По официальным данным, в 1978 г. в черной металлургии были достигнуты рекордные показатели: производство чугуна составило 34,79 млн. т, стали—31,78 млн., проката—22,80 млн. т, т. е. по сравнению с 1977 г. произошло увеличение соответственно на 38,9; 33,9 и 35,2%. Этот рост был достигнут прежде всего путем упорядочения и реорганизации работы предприятий, а также увеличения коэффициента использования мощностей за счет более полного обеспечения сырья (в том числе импортной железной рудой), а также производства значительной доли низкокачественного металла.

В 1978 г. было завершено строительство первой очереди крупного металлургического комбината Паньчжихуа (пров. Сычуань), частично вступившего в строй после окончания строительства железорудного бассейна Чжуицзябао мощностью 3,5 млн. т железной руды в год.

На Уханьском комбинате смонтированы закупленные в ФРГ и Японии прокатные станы мощностью 3 млн. т тонкого сталь-

ного листа в год. Установка нового оборудования позволила почти на 1 млн. т повысить суммарную мощность трех металлургических заводов в Ханчжоу, и на 0,5 млн. т — Аньшаньского и Тайюаньского металлургических комбинатов⁵⁵.

Делались попытки укрепить сырьевую базу черной металлургии, наиболее слабое звено отрасли, лишь на 75—80% обеспечивающее ее потребности в железной руде и коксе.

По официальным оценкам, производительность труда в сталелитейной промышленности Китая более чем в 90 раз отстает от передовых зарубежных стран⁵⁶.

Цветная металлургия. По данным китайской печати, производство меди, свинца, цинка, алюминия, титана, олова в 1978 г. было «стабильным» и достигло наивысшего уровня⁵⁷.

Появилось много сообщений об открытии новых месторождений цветных и редких металлов. В пределах уезда Дэсин в северо-восточной части пров. Цзянси обнаружено самое крупное в Китае месторождение медной руды, запасы его оцениваются в 8 млн. т⁵⁸. Богатое месторождение бокситов открыто в Гуанси-Чжуанском автономном районе (уезд Пинго). На основе этого месторождения намечается создать одну из 9 основных баз цветной металлургии⁵⁹.

Сообщалось также об открытии нового месторождения медно-порфириновых руд в округе Чанду на Тибетском плато, перспективной зоны полиметаллических руд на стыке трех провинций (Юньнань, Сычуань, Цинхай) и Тибетского автономного района, крупного месторождения свинцово-цинковых руд в западной части пров. Юньнань и др.

Машиностроение. Эта отрасль не была отнесена к числу приоритетных в 10-летнем плане развития народного хозяйства, ее успехи были более скромными, чем других отраслей. Китайская печать не приводила обобщающих данных о ее работе. Основное внимание было направлено на перестройку производства на основе специализации и кооперирования, а также на повышение качества продукции и обновление ее ассортимента.

На состоявшемся в Пекине в августе 1978 г. всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина в машиностроительной промышленности отмечалось, что отрасль выпускает продукцию, большинство видов которой соответствует мировому уровню 1940—1950-х годов и не отвечает потребностям модернизации национальной экономики. Еще хуже обстоит дело со специализацией: около 80% предприятий работают на основе принципа самообеспечения. Культура производства и оборудование остаются на низком уровне.

Совещание выдвинуло задачу достичь к 1985 г. передового мирового уровня 1970-х годов и тем самым сократить отставание на 20—30 лет. Для этого предусматривалось:

«1. Принять решительные меры с целью реорганизации машиностроения, ввести производственную специализацию, повы-

снить уровень руководства отраслью. Реорганизовать всю машиностроительную промышленность страны за 3—5 лет, а машиностроительные предприятия Пекина, Шанхая, Тяньцзиня и пров. Ляонин — за 2—3 года. Начинать реорганизацию с предприятий, производящих сельхозтехнику и автомашины.

2. Повысить технический уровень продукции, выпускаемой отраслью, обновить ее ассортимент, «который не менялся в крупных масштабах уже более 20 лет».

3. Провести техническое переоснащение предприятий, чтобы повысить уровень культуры производства. К 1985 г. во всей отрасли повысить производительность труда в 2 раза, довести полезный расход металла до 70% и более»⁶⁰.

По сообщению агентства Синьхуа от 18 сентября 1978 г., машиностроение КНР в состоянии выпустить свыше 20 тыс. типов изделий, в том числе оборудование для сталеплавильных заводов суммарной мощностью 1,5 млн. т в год; оборудование для угольных шахт с годовой добычей 2,2 млн. т; для нефтеперерабатывающих заводов с годовой переработкой 2,5 млн. т нефти; для химической промышленности — на 300 тыс. т аммиака и 300 тыс. т этилена в год. Основные отрасли промышленности на 80% оснащены отечественным оборудованием. Станкостроение выпускает более 20 типов станков с числовым программным управлением, более 100 других видов автоматических крупных и прецизионных станков.

Химическая промышленность. В 1978 г. введены в строй или начали давать продукцию в опытном порядке 8 из 13 закупленных за рубежом крупных химических заводов. Среди них Чижуйский завод химии природного газа в пров. Гуйчжоу (по сообщениям печати, «строительство завершено»)⁶¹, нефтехимический завод в г. Гуанчжоу, Цисяшаньский завод химических удобрений в г. Нанкине, Аньцинский нефтехимический завод в пров. Аньхой («в основном построены»). Велось строительство второй очереди Шанхайского нефтехимического комбината; в опытном порядке начали давать продукцию Сычуаньский винилоновый завод (уезд Чаншоу) и Ляояньский комбинат химического волокна (пров. Ляонин)⁶². По решению министерства химической промышленности строительство новых крупных объектов химической промышленности с 1979 г. будет осуществляться на базе старых центров методом «концентрации сил».

В 1978 г. производство минеральных удобрений в пересчете на 100% действующего вещества составило 8,693 млн. т и превысило уровень 1977 г. на 20,1%.

Другие отрасли промышленности.

С 22 по 28 августа в Пекине состоялось научно-техническое совещание, организованное главным государственным управлением строительных материалов, на котором была принята про-

грамма развития промышленности стройматериалов на 1978—1985 гг., намечены главные объекты научных исследований в этой отрасли. К их числу относятся: изучение проблем производства цемента, комплектация новых стройматериалов, использования промышленных отходов, изучение новейшей технологии стекольной промышленности, использование неметаллического сырья и т. д.⁶³. Капиталовложения в отрасль в текущем году увеличились более чем вдвое против 1977 г.⁶⁴.

В КНР насчитывается свыше 120 тыс. предприятий легкой промышленности. Их продукция составляет свыше 20% валового промышленного продукта страны⁶⁵.

Выпуск валовой продукции текстильной промышленности в 1978 г. увеличился на 16%. В частности, годовой объем производства шелковых изделий возрос в 2 раза по сравнению с начальным периодом после освобождения. В течение года особое внимание уделялось повышению качества продукции и расширению ее ассортимента. На состоявшемся в первой половине года отраслевом совещании был принят перспективный план развития текстильной промышленности, основные задачи которого сводятся к следующему:

сосредоточить все силы на увеличении производства химических волокон, всемерно повышать уровень управления отраслью, поднять научно-технический уровень текстильной промышленности, удвоить валовую продукцию к концу 1985 г.; наряду с этим добиться заметного увеличения экспорта текстильных изделий и роста уровня их потребления на душу населения; в следующие 15 лет, т. е. к концу нынешнего столетия, осуществить всестороннюю модернизацию текстильной промышленности, чтобы обеспечить народ одеждой.

В пищевой промышленности было введено в эксплуатацию 20 сахарных заводов в Гуанси-Чжуанском автономном районе, провинциях Хэйлуцзян и Гуандун⁶⁶. По сообщению агентства Синьхуа, только в Гуанси-Чжуанском автономном районе было построено 8 новых сахарных заводов и один реконструирован. Всего здесь насчитывается 65 сахарных заводов, дающих 400 тыс. т тростникового сахара в год.

В целом, несмотря на заметный прогресс промышленного производства, обращало на себя внимание замедление темпов его роста как по сравнению с 1977 г. (14%), так и от квартала к кварталу 1978 г. Это связано с тем, что резервы производства в КНР год от года истощаются и это, в свою очередь, приводит к обострению проблем и противоречий, связанных с развитием китайской промышленности. Речь идет об отставании базовых отраслей, прежде всего электроэнергетики, диспропорциональности, технической отсталости, несоответствии системы управления состоянию и характеру экономики. Крайне отрицательно сказалась на промышленности КНР продолжавшаяся всемерная милитаризация экономики страны.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Узость базы сельскохозяйственного производства — одно из наиболее серьезных препятствий на пути осуществления националистических планов по созданию «великого и могучего Китая». Это обстоятельство вынуждает китайское руководство в последнее время принимать решения, направленные на подъем сельского хозяйства. Однако суть социально-экономической политики в деревне в 1978 г. оставалась неизменной.

Для этой политики был характерен произвол местного руководства по отношению к крестьянам, применение административно-принудительных мер вплоть до физического наказания. Широко распространены были штрафы зерном и деньгами за невыполнение крестьянами производственных планов, заданий по сдаче государству свиней, яиц, выращиванию молодняка, за неявку или опоздания на собрания и т. д. Так, в одной из больших производственных бригад уезда Сюньи (пров. Шэньси) в 1977 г. на половину дворов бригады за невыполнение плана продажи и откорма свиней был наложен штраф в размере 5,5 т зерна⁶⁷. В уезде Синьсянь пров. Аньхой сокращение доходов и продовольственных пайков привело к массовому уходу крестьян из деревень. В центральной печати сообщалось о нехватке у крестьян одежды и продовольственных товаров⁶⁸.

Даже по официальным данным, в которых, несомненно, делается попытка приукрасить реальное положение крестьян, признается, что жизненный уровень крестьян в среднем вдвое ниже уровня жизни рабочих (это данные выборочных проверок и, скорее всего, относятся к наиболее богатым сельскохозяйственным районам, где материальное положение крестьянства значительно лучше, чем в остальных)⁶⁹. Именно поэтому большое внимание в официальных документах и выступлениях китайского руководства уделялось необходимости осуществления принципа распределения и оплаты в соответствии с количеством и качеством затраченного труда.

В ходе критики деятельности «четверки» вскрылась порочность маоистской политики в деревне. Приводились многочисленные факты очковитательства при докладах вышестоящим инстанциям о результатах сбора урожая, незаконного ограничения подсобных промыслов, необеспеченности крестьян продовольствием и т. д.

В числе районов, более других пострадавших от «подрыва и вмешательства „четверки“» (а точнее, от маоистской политики), китайская печать называла пров. Сычуань. Во многих производственных бригадах этой провинции систематически не проводился учет, происходили растраты и хищения. По подсчетам, задолженность производственных бригад государству в масштабах провинции достигла 680 млн. юаней, т. е. превысила сумму накоплений народных коммун всей Сычуани за 2 года⁷⁰.

«Из-за хаоса в ведении хозяйства, отмены правил и распоряжков,—отмечалось в „Жэньмишэ жибао“,—повсеместно наблюдалось, что средства бригад и коммун тратятся не по назначению, к этому прибавляется длинный перечень всяких разверсток и всевозможных обязательств. В результате создалось положение, когда сверху и снизу, справа и слева протягивались руки и вели подкоп под фундамент производственных бригад»⁷¹.

Имеются сведения о фактическом возвращении крестьян в некоторых коммунах к единоличному труду на самовольно разделенной земле.

Положение крестьян ухудшается в связи с ростом непроизводственных расходов и увеличением численности работников непроизводственной сферы, необходимостью организовать в сельской местности своими силами без государственной помощи медпункты и школы, задолженностью бригадам со стороны кадровых работников, получивших различные ссуды и субсидии. Так, в уезде Сянсян (пров. Хунань) в результате поборов крестьяне в среднем получили в год по 68 юаней 40 фэней, а если бы не было вышеуказанных поборов, то они получили бы по 94 юаня 40 фэней⁷², т. е. почти на 30% больше.

В 1978 г. пропаганда «опыта Дачжая» не только не находила поддержки на местах, но и начала подвергаться критике на страницах центральной печати. Так, указывалось, что ряд участников симпозиума по проблемам оплаты труда в китайской деревне критически отнеслись к попыткам «широкого распространения формулы оплаты труда, практикуемой в Дачжае»⁷³.

На этом же совещании, в котором участвовали экономисты-теоретики и практические работники из 17 провинций и городов центрального подчинения, было отмечено, что, хотя дачжайская формула «проста, служит воспитанию крестьян» и «является формой распределения по труду», попытки ее повсеместного внедрения приводят к уравниловке⁷⁴.

В докладе Ли Сяньняня на всекитайском совещании по «капитальному строительству на полях»⁷⁵ было признано, что в ряде мест снижены критерии, на основании которых присваивается звание уездов дачжайского типа, были созданы «фальшивые Дачжан», проявились колебания в осуществлении курса «учебы у Дачжая»⁷⁶.

Ни в 1977, ни в 1978 г. не было сообщений об увеличении числа уездов дачжайского типа, хотя в соответствии с решением 1975 г. каждый год количество территориальных единиц дачжайского типа должно было возрастать в среднем на 100.

4 января 1978 г. открылось 3-е всекитайское совещание по вопросам механизации сельского хозяйства, которая открыто увязывается пекинским руководством не только с подготовкой на случай стихийных бедствий, но и с подготовкой к войне⁷⁷.

Среди задач совещания на первом месте было названо «уг-

лублине» критики «четверки» в связи с подрывом ею механизации сельского хозяйства. Другими задачами совещания были названы обобщение и обмен опытом развития механизации «китайским путем» (особенно опытом ускорения темпов механизации сельского хозяйства по принципу «опоры на собственные силы»), а также разработка «важнейших политических установок» и конкретных планов механизации сельского хозяйства.

На всекитайском совещании по капитальному строительству на полях⁷⁸ отмечалось, что «до окончательного разрешения сельскохозяйственной проблемы нам еще очень далеко», «мы все еще слабы в борьбе со стихийными бедствиями; засухи и наводнения все еще серьезно сказываются на развитии производства»⁷⁹. Ли Сяньнянь в своем докладе подчеркнул, что «от положения дел в сельском хозяйстве зависит состояние национальной экономики, народного благосостояния и укрепления государственной власти»⁸⁰.

Связывая состояние сельскохозяйственного производства с вопросами укрепления государственной власти и осуществлением «четырех модернизаций», руководители КНР пытаются отказать от окончательно дискредитировавших себя форм и методов маоистской политики в деревне — неоправданного укрупнения хозяйственных единиц, уравнительного распределения продукции, ограничения (или даже запрещения) домашних подсобных промыслов крестьян и сельского рынка, недооценки технического переустройства сельского хозяйства и роли государства в этом процессе.

В начале сентября 1978 г. Институт экономики и редакция журнала «Цзинци яньцзю» провели собеседование на тему «Практика — критерий экономических теорий и установок в области экономики». В отчете об этом совещании, помещенном в «Гуанмин жибао» 3 сентября 1978 г., сформулировано единое мнение его участников: осуществление в деревне нормирования труда, учета трудоединиц и оплаты по труду, сохранение приусадебных участков и подсобных промыслов членов народных коммун, укрепление производственной бригады как основной хозрасчетной единицы — все это отвечает реальной обстановке в большинстве сельских районов Китая.

Предусматривались определенные мероприятия, которые должны были содействовать развитию сельскохозяйственного производства. Так, например, начиная с 1978 г., в течение 5 лет планировалось стабилизировать уровень закупок сельскохозяйственной продукции, осуществить долгосрочное кредитование сельского хозяйства под низкий процент, освободить промышленные предприятия народных коммун на определенное время от торгово-промышленного налога, восстановить Сельскохозяйственный банк Китая.

Однако сфера применения оплаты по труду при распределении доходов в китайской деревне не могла быть существенно

расширена из-за недостаточного объема фонда распределения в большинстве коллективных хозяйств.

В статье комментатора газеты «Жэньминь жибао» о принципе распределения по труду говорилось, что «для ускорения развития народного хозяйства необходимо дальнейшее накопление капитала, следовательно, политика сохранения низкой заработной платы отвечает долгосрочным интересам народа нашей страны»⁸¹. Это, безусловно, относится к китайской деревне, где сосредоточено 80% жителей Китая и где каждый процент повышения оплаты за труд в масштабе всей страны составит крупную сумму.

Таким образом, в условиях маоистской политики вопрос о материальном поощрении труда китайских трудящихся в целом и крестьян в особенности в большей степени является теоретическим, чем практическим вопросом.

Что касается материально-технической базы сельского хозяйства, то всекитайское совещание по капитальному строительству на полях показало, что по-прежнему четкой программы ее укрепления в общенациональном масштабе не существует. С одной стороны, в докладе Ли Сяньняня было обещано, что «в 1978 г. в государственном бюджете будет увеличена доля ассигнований на развитие сельского хозяйства, а на 1979 г. запланирован еще больший рост ассигнований»⁸². Но, с другой стороны, китайское руководство требует последовательного осуществления курса «опоры на собственные силы», а проводить «крупное и среднемасштабное капитальное строительство» государство намерено «при опоре на мелкомасштабное»⁸³.

Третье всекитайское совещание по механизации сельского хозяйства подтвердило неэффективность механизации на основе техники, произведенной на мелких предприятиях. Подчеркивалась необходимость специализации и кооперирования для производства и ремонта сельскохозяйственной техники, стандартизации и унификации сельскохозяйственных машин.

Практика показывает, говорилось в «Жэньминь жибао», что «существовавшая ранее форма организации производства серьезно сдерживала развитие производительных сил, приводила к уменьшению выпуска продукции, снижению ее качества, повышению себестоимости, снижению производительности труда»⁸⁴.

Материалы совещаний показывают, что хотя новое китайское руководство продолжало искать пути подъема сельского хозяйства, однако все мероприятия 1978 г. лишь незначительно выходили за пределы основных установок Мао Цзэдуна.

Только в самом конце 1978 г. в коммюнике о 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва сообщалось, что пленум провел углубленное обсуждение вопросов сельского хозяйства и принял решение разослать всем организациям «Проект решения ЦК КПК о некоторых вопросах ускоренного развития сельского хозяйства» и «Примерный проект решения о работе в сельских на-

родных коммунах». Отметив, что сельское хозяйство серьезно пострадало в последние годы, пленум пересмотрел установку XI съезда КПК об осуществлении в основном к 1980 г. механизации сельского хозяйства. В редакционной статье «Правильный курс в деле ускорения механизации сельского хозяйства»⁸⁵ источниками серьезных проблем, тормозящих эту работу в стране, кроме ранее упоминавшихся «вмешательства и подрыва» со стороны Линь Бяо и «банды четырех» называются также «пути представлений о мелкотоварном производстве».

Самыми важными и неотложными политическими установками и экономическими мерами в области сельского хозяйства пленум признал следующие: 1) соблюдение права собственности коммун, больших производственных бригад и производственных бригад на средства производства, а также на самостоятельное ведение хозяйства; 2) запрещение безвозмездного использования или присвоения рабочей силы, денежных средств, продукции и материалов производственных бригад; 3) проведение в жизнь коммунами и хозяйственными организациями всех ступеней принципа распределения по труду в соответствии с его количеством и качеством, преодоление уравниловки; 4) признание находящихся в личной собственности членов коммун участков земли, домашнего подсобного хозяйства и рыночной торговли необходимым дополнением к общественному хозяйству коммун; 5) сохранение неизменной трехступенчатой системы собственности народных коммун, основой которой является собственность производственной бригады; 6) осуществление во всех звеньях народных коммун принципа выборности кадровых работников и открытого бухгалтерского учета; 7) проведение закупок зерна в стране на протяжении последующего сравнительно длительного периода, в том же объеме, который был определен на 1971—1975 гг., и запрещение завышения норм государственных закупок⁸⁶.

Для сокращения ножиц цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию пленум предложил Госсовету повысить после сбора летнего урожая 1979 г. государственные закупочные цены на зерно на 20%, а цены на зерно, проданное сверх плана, поднять еще на 50%; с учетом конкретных условий постепенно повысить закупочные цены на хлопок, масличные культуры, сахарный тростник и свеклу, продукцию животноводства, водного и лесного хозяйства и подсобных промыслов; в течение 1979—1980 гг. на 10—15% сократить цены на сельскохозяйственные машины, химические удобрения, ядохимикаты, пластмассовые изделия и другую промышленную продукцию сельскохозяйственного назначения на основе снижения ее себестоимости⁸⁷.

«Новый курс и ряд политических установок» 3-го пленума ЦК КПК в вопросах механизации сельского хозяйства предусматривает очаговую модернизацию сельского хозяйства — соз-

дание так называемых «современных баз» товарного производства сельскохозяйственной продукции и соответствующие перемены в вопросах внедрения и использования средств механизации. Государственные капиталовложения в первую очередь будут направляться в «опорные базы» по производству сельскохозяйственной и другой продукции. Эти базы будут формироваться за счет расширения имеющихся госхозов и создания новых госхозов в районах освоения целинных земель; возможно также создание таких баз на основе объединения хозяйств народных коммун. «Если мы в ближайшие несколько лет,—говорилось в статье „Жэньминь жибао“, разъяснявшей решения пленума,— в соответствии с местными условиями превратим полностью механизированные экспериментальные уезды, а также госхозы (провинций Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзян, пригородов Пекина, Тяньцзиня, Шанхая и др.) в высокопроизводительные, высокотоварные, комплексные предприятия с развитым сельским хозяйством, торговлей, промышленностью, то тогда, опираясь на них, мы сможем постепенно решить проблему снабжения населения городов зерном и другими сельскохозяйственными продуктами и в значительной мере облегчим бремя крестьян всей страны»⁸⁸.

Следует отметить, что организованные после образования КНР государственные хозяйства в 50-е годы играли важную роль в деле кооперирования крестьянства, создания новых форм организации труда, внедрения новых методов агротехники, освоения целинных и залежных земель. В дальнейшем, в результате волюнтаристской экономической политики Мао Цзэдуна в годы «большого скачка» и «культурной революции», роль государственных предприятий в сельском хозяйстве резко изменилась. В условиях милитаризации страны, курса на создание самообеспечивающихся комплексов в деревне производство и распределение в государственном секторе сельского хозяйства не подчиняется целям повышения его эффективности, а используется правящей верхушкой и армией главным образом в интересах развития военно-промышленного потенциала.

В настоящее время государственный сектор представлен предприятиями следующих типов: государственными хозяйствами, находящимися в подчинении министерства сельского и лесного хозяйства, провинций и уездов; подсобными хозяйствами НОАК; предприятиями, обслуживающими процесс сельскохозяйственного производства, т. е. машиноремонтными станциями (на базе реорганизованных в 1966 г. МТС); станциями по внедрению новой техники. К государственному сектору относятся сельскохозяйственные научно-исследовательские учреждения и агротехнические станции. На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято решение использовать при создании тракторных станций два метода. Первый метод предусматривает покупку техники народными коммунами и производственными бригадами

ми, причем «в случае нехватки средств государство предоставит кредиты». По второму методу тракторные станции создаются непосредственно государством и за соответствующую плату обслуживают народные коммуны и бригады. В редакционной статье «Жэньминь жибао» 6 февраля 1979 г. подчеркивалось, что «из двух методов в настоящее время главным может оставаться только первый»⁸⁹. Таким образом, несмотря на широко-вещательные заявления о модернизации сельского хозяйства, пекинские руководители не могут не признать ее крайне ограниченные размеры.

Интерес пекинского руководства к развитию государствен-ных хозяйств в значительной степени связан с ухудшением положения в сельском хозяйстве — сокращением производства зерновых, падением уровня животноводства и лесоводства. Делаются попытки расширить пахотный фонд страны путем освоения целинных и залежных земель государственными хозяйствами, в особенности в приграничных с СССР районах⁹⁰.

В 1949—1977 гг. госхозы КНР освоили 4,29 млн. га целины. При этом подчеркивалось, что низкий темп освоения целинных земель в основном связан с плохой организацией работы, «распущенностью, нерадивостью» руководящих кадров, экономической слабостью госхозов. Так, в провинции Хубэй, где насчитывается в общей сложности 46 госхозов, «9 из каждых 10 госхозов были убыточными»⁹¹. В провинции Хэйлуцзян «при росте общего производства зерна сократилась его выработка на одного работника, падала товарность и уменьшался объем заготовок»⁹².

В 1978 г. в Китае насчитывалось всего 2 тыс. госхозов, в которых было занято 5 млн. рабочих и служащих⁹³. Они обрабатывали 4 млн. га пашни и производили примерно 1,5 млн. т зерна. Таким образом, вклад госхозов в общий объем производства составляет лишь 0,5% (если исходить из официальных данных о производстве в 1978 г. 295 млн. т продовольственных культур). С 1957 г., т. е. за 21 год, производство зерна в госхозах уменьшилось на 0,5 млн. т.

Всекитайское совещание по работе госхозов в январе 1978 г. определило их задачи на 8-летний период (1978—1985). Планом предусматривается подъем 13,8 млн. га целинных и залежных земель⁹⁴, из которых планируется освоить в пров. Хэйлуцзян 4,66 млн. га, в районе Цайдамской впадины (Северо-Западный Китай) — 200 тыс. га, в Хэснском коридоре пров. Ганьсу — 600 тыс. га. Исходя из норм капиталовложений для различных районов страны, это обойдется в 10—15 млрд. юаней, т. е. очень дорого, если учесть и без того крайне напряженный бюджет страны. Темпы освоения целины в 1978 г. были невысокими. Так, в пров. Хэйлуцзян было освоено 340 тыс. га, в Хэснском коридоре пров. Ганьсу — только 6 тыс. га. Если темпы освоения целины в этих двух районах не повысятся, то к 1985 г. будет

освоено всего лишь 2,4 млн. га вместо запланированных 5,3 млн. га⁹⁵.

В связи с освоением целинных земель в ряде провинций и автономных районов возникают трудности в смежных отраслях сельского хозяйства: резко сократились пастбищные угодья и лесные массивы; сокращение лесов и уничтожение растительного покрова привели к наступлению песков, уменьшению осадков, более резким температурным перепадам⁹⁶. В конечном счете это отрицательно сказывается и на производстве зерна на осваиваемых площадях.

На всекитайском совещании по науке и технике в 1978 г. было привлечено внимание к развитию сельскохозяйственной науки, селекции, генетики. Подчеркивалось, что ряд высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур не получили широкого распространения «из-за того, что отсутствуют специализированные учреждения, занимающиеся внедрением новых сортов»⁹⁷. В июле 1978 г. была создана Всекитайская семеноводческая компания для централизованного отбора и распространения сортовых семян, имеющая отделения в провинциях, округах и уездах.

Работа по улучшению семенного фонда встречается со значительными трудностями из-за нехватки материальных средств, кадров ученых-селекционеров и т. д.

Большинству сельскохозяйственных районов, в которых «временные базы» создаваться не будут, пекинское руководство рекомендовало развивать в деле механизации «дух опоры на собственные силы», изыскивать резервы для расширения местного финансирования. «В течение определенного периода, — писала „Жэньминь жибао“, — некоторые районы должны будут вести производство, полагаясь на полумеханизацию и ручной труд, поэтому соответствующим ведомствам следует обратить внимание на удовлетворение потребностей этих районов в сельскохозяйственных орудиях, в средствах полумеханизации и мелком сельскохозяйственном инвентаре»⁹⁸.

Таким образом, предполагается шире распространить двухсекторную структуру в сельском хозяйстве, что не только приведет к относительному сокращению доходов в районах с низкой производительностью, но и увеличит разрыв в уровне благосостояния между «богатыми» и «бедными» районами и объективно приведет к дифференциации сельского населения.

Показателями неудовлетворительного состояния сельского хозяйства КНР являются падение товарности зерна с 28% в период первой пятилетки⁹⁹ до 20% в 1977 г.¹⁰⁰ и сокращение подшевного производства сельскохозяйственной продукции, о чем свидетельствует табл. 2.

По официальным китайским сообщениям, в 1978 г. в Китае было собрано 295 млн. т зерна¹⁰¹ или даже 304,75 млн. т¹⁰², хотя отмечалось, что «из-за сильной засухи и недостатков в рабо-

Таблица 2

Состояние сельского хозяйства КНР

	Ед. изм.	1957 г.	1977 г.	1978 г.
Население	млн. человек	647,0	947,0	958,0
Валовой сбор зерна*	млн. т	195,0	250,0	265,0
В том числе на душу населения	кг	301,0	261,0	277,0
Сбор хлопка	млн. т	1,64	2,2	2,2
В том числе на душу населения	кг	2,5	2,3	2,3

* Оценка, включая производство сои и батата, в пересчете на зерно.

те некоторых районов страна не выполнила намеченных показателей»¹⁰³.

В 1978 г. в 8 провинциях и автономных районах (Шаньси, Внутренняя Монголия, Хэнань, Гуандун, Гуанси-Чжуанский район, Аньхой, Цзянси и Гуйчжоу) сбор зерна сократился. Производство возросло в провинциях Хэйлуцзян, Хэбэй, Шаньдун, Хунань, Сычуань, Цзянсу, Чжэцзян и др.¹⁰⁴. Так, в пров. Хэйлуцзян собрали 15 млн. т зерна, на 3 млн. т больше, чем в 1977 г., в пров. Чжэцзян — на 1,75 млн. т¹⁰⁵, в пров. Цзянси — на 2,5 млн. т больше¹⁰⁶.

Китайские руководители, стремясь подчеркнуть успехи страны, вступившей, по их словам, в качественно новый этап экономического строительства, в середине 1979 г. повысили оценку производства зерновых на 1978 г. до 304,75 млн. т. Однако анализ продовольственного положения в стране и конкретных данных, касающихся зернового производства, показывает, что сообщения об урожае в размере даже 295 млн. т не соответствовали действительности. Так, в китайской печати приводились сведения о том, что подушное производство в КНР длительное время находится на уровне 300 кг в год¹⁰⁷. Печать КНР неоднократно указывала на неудовлетворительное состояние статистической работы в стране. Отмечалось, что местные власти завышают цифры сбора зерна и дают ложные сведения. В статье Ху Цяому «Работать в соответствии с экономическими законами, ускорять темпы осуществления четырех модернизаций» говорилось, что «в 1977 г. количество зерна на душу населения достигло лишь уровня 1955 г., а это значит, что прирост производства зерна соответствует лишь росту населения и росту потребностей промышленности в зерне»¹⁰⁸. (В 1955 г. производство зерна на душу населения составило 284,2 кг.)

Урожайность в стране по-прежнему низкая. Так, в крупном зерновом районе — Лессовом плато (с пашней в 6,7 млн. га) средняя урожайность составляет всего только 12,7 ц/га, местами даже 2,3—3,7 ц/га¹⁰⁹ при значительных затратах ручного труда. По урожайности зерновых и прочих сельскохозяйственных культур Китай значительно отстает от многих стран.

Обследование Лессового плато с 24 млн. человек населения показывает, что в 37% уездов этого района на человека выдается менее 150 кг зерна в год. В отдельных уездах, как, например, Гуяоань в Нинся-Хуэйском автономном районе годовая норма снабжения зерном едва превышает 100 кг¹¹⁰. При расходе зерна из расчета 280 г на человека в день суточная норма составит 950 ккал, а с учетом других продуктов, составляющих все вместе 20% рациона, — 1200 ккал. Таким образом, в Китае есть районы, где население получает почти вдвое ниже и без того скудного среднего пайка по стране (2180 ккал).

По данным ФАО ООН, Китай производит 15% мирового объема зерна при наличии 16% посевных площадей под зерновыми и 28% сельского населения земного шара¹¹¹.

Сельскохозяйственное производство продолжает характеризоваться крайне низкой производительностью труда. При приблизительно одинаковых условиях на возделывание 1 га посевов риса в Японии требуется 146 человеко-дней¹¹², в Китае — 300 (при средней урожайности в этих странах соответственно 60 и 30 ц/га). Иначе говоря, затраты ручного труда на 1 ц продукции в Японии составляют 2,4 человеко-дня, в Китае — 10. Затраты живого труда на 1 га посевов пшеницы в США — менее 1 человеко-дня, в Китае — 150—180 человеко-дней¹¹³, а погектарный сбор в КНР в 1,5 раза ниже, чем в США¹¹⁴. Производство 1 ц пшеницы в Китае обходится в 10—13 человеко-дней, это в 200—260 раз больше, чем в США. Затраты ручного труда на 1 га полей хлопчатника в КНР в 2—3 раза выше аналогичных затрат в СССР, при этом погектарный сбор хлопка-волокна в КНР в 2,5 раза ниже.

Китай продолжает испытывать острую нехватку хлопка. Как правило, 10—15% земель, выделяемых по плану под хлопчатник, из-за недостаточного стимулирования (низких закупочных цен) засеваются зерном. В ряде хлопководческих провинций урожайность хлопка держится на весьма низком уровне. Так, в пров. Цзянсен она составила 3,4 ц/га, в пров. Ляонин — 2,3 ц/га¹¹⁵. Китайская печать объявила о росте производства хлопка в 1978 г. только в одной провинции Чжэцзян¹¹⁶, на которую приходится всего 2% посевных площадей под культурой, поэтому весьма сомнительным выглядит сообщение об увеличении сбора хлопка в целом по стране¹¹⁷. Располагая ограниченными материальными ресурсами и недостаточным пахотным фондом, страна никак не могла обеспечить 19% прироста продукции хлопководства, как это намечалось планом на 1978—

1980 гг.¹¹⁸. По официальным китайским данным, сбор хлопка в 1978 г. составил 2167 тыс. т.¹¹⁹.

В 1978 г. на 50 тыс. га были расширены посевные площади под соей в крупной соепроизводящей провинции Хэйлуцзян, где собрали по 9,7 ц/га¹²⁰. На старых посевных землях, как сообщила китайская печать, погектарный сбор сои возрос на 2,2 ц¹²¹. Неплохой урожай этой культуры был собран в ряде других районов. Это позволило увеличить валовой сбор сои с 8,5 млн. т в 1977 г. до 8,8 млн. т в 1978 г., что все-таки ниже уровня 1957 г. (10,1 млн. т).

Урожайность рапса, дающего треть пищевого растительного масла в стране, возросла на 10%, а в ведущей рапсозаготавливающей провинции Сычуань — на 20%. В 1978 г. посевы рапса расширились на 667 тыс. га¹²², что позволило значительно увеличить производство семян этой культуры.

Увеличение посевных площадей под сахарной свеклой и сахарным тростником дало возможность превзойти урожай предыдущего года (это относится также к табаку и лубяным культурам).

Разрыв между потребностями и объемом производства сельскохозяйственной продукции страна пытается частично компенсировать за счет импорта. Так, в 1977 г. Китай ввез 6,9 млн. т пшеницы, 362 тыс. т соевых бобов, 157 тыс. т соевого масла, 1,6 млн. т сахара и 315 тыс. т хлопка¹²³. В 1978 г. было импортировано 8 млн. т зерна.

Животноводство по-прежнему оставалось второстепенной отраслью в сельском хозяйстве страны. По официальным данным, предусматривалось увеличить расходы на животноводство в общей сумме капиталовложений в сельское хозяйство, приступить к «ускоренному развитию животноводства, особенно в степных районах», создать механизированные птицеводческие фермы. Объем продукции животноводства (включая рыбный и морской промысел) составлял 13,9% общего объема валовой продукции сельского хозяйства¹²⁴.

Китайская печать отмечала застой и даже падение производства в животноводстве. С 1963 г. в Китае не растет поголовье молочных коров. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Внутренней Монголии пастбища распахивались под поля, что нанесло большой ущерб животноводству. Так, в одном из уездов Синьцзяна (Гунлю) от бескормицы пало более 50 тыс. голов скота, что составило 15% всего поголовья. Располагая значительными естественными пастбищами в 220 млн. га¹²⁵, страна не может обеспечить их достаточную продуктивность. В результате поголовье мелкого рогатого скота сократилось. Так, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе численность овец и коз понизилась с 27 млн. голов в 1965 г. до 24 млн. голов в 1977 г.¹²⁶ По сообщению агентства Синьхуа от 29 октября 1978 г., в Автономном районе Внутренняя Монголия поголовье

мелкого рогатого скота сократилось с 26 млн. голов в 1965 г. до 23 млн. голов в 1976 г.¹²⁷. Сокращение численности овец и коз связано с неоправданной распахкой естественных лугов и пастбищ в этих и других районах. По сообщению газеты «Нэй-мынгу жибао», пески засыпают пастбища и в одном из аймаков уже засыпали 13% всех земель. Тяжелое положение в животноводстве китайская печать относит за счет вредительской деятельности «банды четырех» и Линь Бяо и рассматривает развитие животноводства в пограничных с СССР и МНР районах как «важный вопрос, связанный с задачей укрепления государственных границ Китая». Наблюдался некоторый рост поголовья в свиноводстве — ведущей отрасли животноводства КНР: китайская печать дает цифру в 280 млн. голов¹²⁸. Отмечалась низкая товарность свиней, свинья в 75 кг живого веса уже считалась товарной¹²⁹.

«Основными положениями десятилетнего плана развития народного хозяйства КНР на 1976—1985 гг.» предусмотрен ежегодный прирост валовой продукции сельского хозяйства в среднем на 4—5%, а также повышение его товарности на 60%. Темпы среднегодового прироста в 4—5% в течение длительного периода высоки для сельского хозяйства любой страны, а выполнение таких планов в Китае, где сельское хозяйство остается одним из наиболее слабых звеньев экономики, затруднительно по целому ряду объективных причин.

Покажем это на примере создания полей «высоких и стабильных урожаев», которые в 1985 г. должны достичь 1 му на душу населения, т. е. примерно 54 млн. га¹³⁰.

Исходя из номинально существовавших в 1978 г. поливных площадей с гарантированным урожаем, которые, по китайским статистическим данным, составляли около 35 млн. га, для успешной реализации плана 1978—1985 гг. необходимо в течение 8 лет вводить дополнительно не менее 2,5 млн. га ежегодно. Между тем, по официальной статистике, в 1971—1975 гг. ежегодный прирост орошаемых земель в среднем не превышал 1,3 млн. га, а в 1978 г. составил примерно 1,47 млн. га¹³¹.

При условии интенсивного освоения целинных земель и успешной реализации плана переброски поверхностного стока р. Янцзы в вододефицитные засушливые северные районы, а также повышения эффективности использования имеющихся водных ресурсов за счет крупного государственного гидротехнического строительства и превращения всех вновь введенных в сельскохозяйственный оборот поливных площадей в «земли с устойчивым урожаем» общая площадь таких полей не превысит 45 млн. га, а фактически орошаемые земли к 1985 г. составят не более 30—32 млн. га.

В 1977—1978 гг. абсолютный прирост производства химических удобрений (главным образом за счет ввода в эксплуатацию закупленных на Западе крупных заводов по производству

искусственных удобрений) составил более 20 млн. т, а общий объем их производства в 1978 г.—44 млн. т. Но даже сохранение таких высоких темпов прироста производства химических удобрений в 1978—1985 гг. не сможет надлежащим образом удовлетворить потребности вновь осваиваемых и старопахотных орошаемых земельных площадей в минеральных удобрениях для повышения их плодородия.

Ассигнования на сельское хозяйство в государственном бюджете составляют, по оценкам зарубежной печати, не более 4—4,5 млрд. юаней. Однако их увеличение в обозримом будущем не может быть значительным ввиду необходимости модернизировать устаревший производственный аппарат промышленности. Несмотря на решение об «ускорении развития сельского хозяйства», китайские руководители в 1978 г. так и не опубликовали никаких конкретных данных о капиталовложениях. Лишь на всекитайском совещании по капитальному строительству в августе 1978 г. было сказано, что ассигнования на ирригационное строительство в 1979 г. увеличатся на 40%¹³².

Однако в связи с тем, что база накопления в Китае остается очень узкой, трудно рассчитывать на большой приток техники и средств для развития сельскохозяйственного производства, повышения его технического уровня, материального поощрения труда в сельскохозяйственных и ирригационных работах. Модернизация будет осуществляться выборочно (в ограниченном числе сельских районов с хорошими почвенно-климатическими условиями и развитой инфраструктурой) на основе иностранной помощи.

В остальных сельскохозяйственных районах средства для модернизации будут изыскиваться на местах. С этой целью планируется дальнейшее развитие мелкой промышленности в народных коммунах и уездах (в идеале это мыслится как осуществление специализации и кооперирования между городом и деревней) и подсобных промыслов, которые должны повысить уровень накопления в большинстве сельских районов.

Неустойчивость внутривластного положения, агрессивные акции пекинского руководства и явная милитаристская направленность «четырех модернизаций» ставят под сомнение осуществление планов Пекина в области развития сельскохозяйственного производства.

ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В последние годы стал очевиден полный провал экономической политики китайского руководства, нацеливающей многомиллионную массу крестьян на освоение водных ресурсов страны путем строительства многочисленных малых водохозяйственных сооружений. Отсутствие научного подхода к этому

строительству привело к серьезным нарушениям экологического режима. Ряд водообеспеченных районов превратился в вододефицитные.

С начала 1978 г. основное внимание было сосредоточено на строительстве крупных и средних сооружений. Ли Сяньнянь, выступая 22 июля 1978 г. на всекитайском совещании по вопросам капитального строительства на полях, заявил: «Государство будет и впредь строить крупные и средние водохозяйственные объекты, усиливать работы по покорению и освоению рек Хуанхэ, Янцзы, Хуайхэ, Ляохэ, Сунхуацзян и Чжуцзян и переброске воды с юга на север страны».

Однако в 1978 г. больше строили объектов среднего масштаба¹³³. Поскольку средства на строительство шли из бюджетов уездов и провинций¹³⁴, то и целевое назначение каждого из строящихся гидротехнических сооружений определялось местными интересами. Переход к строительству средних сооружений означает возврат к комплексности возводимых водохозяйственных объектов. При выборе места строительства учитывается возможность одновременного решения трех задач: производства зерна, выработки электроэнергии и развития транспорта.

В 1978 г. самым крупным комплексным гидротехническим объектом из всех введенных в эксплуатацию сооружений следует считать гидроузел в пров. Хунань, строительство которого началось в 1970 г.

В северо-западных провинциях продолжается строительство гидросооружений, способствующих орошению осваиваемых целинных земель при помощи каскада насосных станций. Летом 1978 г. началось строительство крупного водоподъемного сооружения в уезде Чжуннин Нинся-Хуэйского автономного района. В комплекс войдут каналы общей протяженностью 155 км и ряд других объектов. В том же автономном районе была введена в действие Тунсиньская электронасосная станция, которая поднимает воду из Цисинского канала в уезде Чжунвэй, питаемого р. Хуанхэ, и подает ее в южную часть района. В целом объект включает в себя 157 сооружений и канал протяженностью 93 км. Станция позволяет оросить 6600 га пахотных земель.

В Северном Китае продолжают работы по обузданию р. Луаньхэ. Идет строительство Паньцзякоуского и Дахэйдинского водохранилищ, вода которых будет использоваться для снабжения городов Тяньцзинь и Таншань. Строящиеся ГЭС будут вырабатывать 500 млн. кВт·ч электроэнергии в год.

В нижнем течении р. Янцзы введена в эксплуатацию крупная насосная станция. Как и другие вводимые объекты, эта станция имеет многоотраслевое назначение. Ее предназначение — во время наводнений перебрасывать воду из Хуайхэ в Янцзы, а в засушливые периоды подавать воду обратно из Янцзы для орошения полей в долине нижнего течения Хуайхэ.

На Янцзы также строится Тэнчжоубаский гидроузел. Ранее водохозяйственное строительство велось только на ее притоках.

На юго-западе Китая на р. Дадухэ (пров. Сычуань) в 1978 г. завершалось строительство крупнейшей в этом районе ГЭС — Гунцзуйской. Гидроузел должен создать условия для развития судоходства, орошения, рыбоводства и избавить окрестные районы от наводнений¹³⁵.

В Дали-Байском автономном округе (пров. Юньнань) введена в строй Сиэрхэская гидроэлектростанция мощностью 100 тыс. кВт.

Наряду со строительством небольшого числа крупных и средних водохозяйственных объектов продолжается строительство малых сооружений. По данным китайской печати, с января по август 1978 г. в сельской местности было построено более 2600 малых ГЭС общей мощностью 360 тыс. кВт. Правда, и в строительстве малых сооружений наметилась некая тенденция к плановости. Еще в начале года был сделан акцент на то, что десятки объектов строятся по единому плану совместными силами крестьян нескольких уездов. В пров. Шаньдун объединенными усилиями крестьян расширена площадь орошаемых полей на 150 тыс. га. В пров. Гуйчжоу началось строительство 605 малых ГЭС.

В строительстве ирригационных и мелиоративных сооружений основное внимание предполагается сосредоточить на всемерном развитии частично уже введенных в строй водохозяйственных объектов. Завершением строительства будут заниматься специализированные бригады общей численностью 20 млн. человек.

Засуха 1978 г. вынудила китайское руководство широко мобилизовать население и армию на рытье колодцев. Из-за обмеления рек, вызванного стихийным бедствием, понизился уровень грунтовых вод. Многие вырытые колодцы оказались без воды. Затраченный труд практически не дал результатов. Сообщалось, в частности, что в пров. Шаньдун часть колодцев пришлось засыпать.

В 1978 г. китайское руководство взяло курс на модернизацию экономики страны, в том числе сельского хозяйства. Без развития водного хозяйства решить эту задачу невозможно. В связи с этим были разработаны обширные планы, реальность которых, однако, вызывает сомнение. К 1985 г. намечается довести площади орошаемого земледелия с устойчивыми урожаями до 54 млн. га¹³⁶. По оценкам, общая площадь орошаемого земледелия в КНР в 1978 г. составляла 40—43 млн. га. Если допустить, что весь прирост будет достигнут за счет ввода в эксплуатацию комплексных гидроузлов с водохранилищами средней и большой емкости, то на это потребуется примерно 13,0—18,5 млрд. юаней капиталовложений. Между тем валовой фонд накопления народных коммун за эти 6 лет, по-видимому,

составит не более 30—35 млрд. юаней. Приведенные цифры позволяют высказать сомнения в реальности запланированных темпов водохозяйственного строительства в КНР.

ТРАНСПОРТ

Процесс нормализации работы транспорта, дезорганизованного в предшествующие годы, в 1978 г. был еще далеко не завершен. Транспортная система по-прежнему относилась к числу наиболее слабых звеньев в экономике страны. На проведенных в марте — мае всекитайских совещаниях по вопросам железнодорожного транспорта, коммуникаций и гражданской авиации были подведены итоги мероприятий по ликвидации хаоса на транспорте и объявлены планы развития транспорта на 8-летний период. Основные усилия предполагалось сосредоточить на модернизации железнодорожного транспорта, форсированном строительстве новых железных дорог, расширении пяти морских портов.

На *железнодорожном транспорте* в 1978 г. прилагались усилия для увеличения объема перевозок грузов путем внедрения маршрутных поездов, повышения весовых норм составов и улучшения организации работ. Были введены в действие схемы рациональных перевозок для 16 видов грузов (уголь, чугун, цемент, химические удобрения и др.), которые составляют более 70% общего объема перевозок по железным дорогам. Это позволило, как утверждала «Жэньминь жибао», только за первую половину года сократить грузооборот примерно на 4 млрд. ткм¹³⁷.

Китайская печать впервые после 1959 г. сообщила итоговые данные о работе железных дорог за год: В 1978 г. было перевезено 1070 млн. т грузов, т. е. на 14,2% больше, чем в 1977 г.¹³⁸, а грузооборот составил 533,3 млрд. ткм, т. е. увеличился на 17% по сравнению с предыдущим годом¹³⁹.

При современном уровне развития и качественном состоянии железнодорожный транспорт не может без крайнего напряжения обслуживать народное хозяйство; более того, он остается одним из серьезнейших тормозов хозяйственного развития. Дальнейшее увеличение перевозок в ходе осуществления программ так называемых «четырёх модернизаций» невозможно без соответствующей подготовки транспорта: обновления и наращивания мощностей тяговых средств и подвижного состава, модернизации действующих и строительства новых железных дорог. В плане на 1978—1985 гг. намечен ряд мероприятий по модернизации железнодорожного транспорта. Важнейшие из них: увеличение доли тепловозов и электровозов в общем объеме перевозочной работы до 60% (вместо 13% в 1978 г.); внедрение автоматической блокировки; создание сети ЭВМ и автоматиче-

ских систем управления движением; автоматизация операций на станциях и эксплуатационных работ на главных магистралях; реконструкция 9 основных дорог; строительство вторых путей или электрификация самых загруженных железных дорог. Предусматривается не менее чем на 80% механизировать погрузочно-разгрузочные и строительные работы, а также уход за путями, ремонт локомотивов и вагонов. К 1985 г. предполагается построить 6 новых железнодорожных магистралей.

В 1978 г. продолжалось сооружение ряда железных дорог, некоторые из них были сданы в постоянную эксплуатацию. В июне 1978 г. официально открылось движение поездов на магистрали Чушци (пров. Сычуань) — Сянфань (пров. Хубэй) протяженностью 916 км. По утверждению «Жэньминь жибао», эта дорога имеет важное экономическое, политическое и военно-стратегическое значение¹⁴⁰. На трассе пробито 405 тоннелей, построено 716 мостов. Общая длина тоннелей и мостов составляет 412 км, или 45% протяженности дороги. 35 станций расположены на мостах или в тоннелях. К строительству железной дороги приступили еще в начале 70-х годов и завершили его в октябре 1973 г., но в 1974 и 1975 гг. из-за ливневых дождей произошли обвалы и оползни на среднем участке магистрали, восстановительные работы и усиление линии потребовали длительного времени и больших затрат сил и средств.

В декабре 1978 г. в постоянную эксплуатацию была сдана железная дорога Чжичэн — Лючжоу протяженностью 885 км — продолжение магистрали Цзяоцзо — Чжичэн¹⁴¹. Она берет начало в пров. Хубэй, пересекает пров. Хунань и оканчивается в Ломане, станции на железной дороге Гуанси — Гуйчжоу (в Гуанси-Чжуанском автономном районе). Строительство дороги началось в октябре 1970 г. Как отмечала «Жэньминь жибао», железная дорога наряду с экономическим имеет и важное стратегическое значение¹⁴². 1 января 1979 г. официально введена в эксплуатацию железная дорога Тайюань — Цзяоцзо¹⁴³ — продолжение линии Цзяоцзо — Чжичэн. Участок Цзяоцзо — Чанчжи — Уян (188 км) был введен в строй в начале 70-х годов. С постройкой этой железной дороги образовалась еще одна меридиональная транспортная артерия (параллельная магистрали Пекин — Гуанчжоу), связывающая северную и южную части страны сплошным рельсовым путем, по которому грузы, главным образом уголь, из провинций Шаньси и Хэнань можно отправлять в южные районы.

Продолжалось строительство дороги Цинхай — Тибет, которая соединит Сиини и Лхасу — центры пров. Цинхай и Тибетского автономного района. Ее длина составит более 2100 км. К концу 1978 г. на первой очереди этой постройке от Сиини до Гээрму (834 км) было проложено еще 663 км пути (до Дэлинха). Как писала «Жэньминь жибао», железная дорога будет иметь «важное значение в освоении природных ресурсов в Цай-

дамской впадине, для усиления национального единства и укрепления обороны»¹⁴⁴.

В 1978 г. продолжалась начавшаяся в 1971 г. прокладка первой железной дороги в южной части Синьцзян-Уйгурского автономного района (476 км), которая идет из Турфана, станции на магистрали Ланьчжоу — Урумчи, на юг, к Курле. К концу 1978 г. рельсы были уложены на участке 310 км. С апреля открыто движение от Турфана до Юйэргоу (113 км)¹⁴⁵.

Велось строительство (с 1974 г.) Цзинтунской железной дороги, соединяющей Чанпин (около Пекина) и Тунляо в пров. Цзилинь. Протяженность ее — около 870 км, во временной эксплуатации — с конца 1977 г. Это будет третья магистраль, ведущая из Северного в Северо-Восточный Китай¹⁴⁶.

В Северо-Восточном Китае строились железные дороги местного значения. В западной части пров. Цзилинь ускоренно строилась дорога (400 км), соединяющая Тунляо с Холинхэским каменноугольным бассейном, где создается база по добыче угля. К концу 1978 г. рельсы уложены на участке от Тунляо до Чжужэхэ (83 км)¹⁴⁷. В западной части пров. Хэйлуцзян прокладывалась железная дорога, которая свяжет Хайлар с Иминьхэским угольным бассейном.

Велись работы по сооружению Аньхой-Цзянциской железной дороги, которая протянется от Уху в пров. Аньхой до Гуйци в пров. Цзянси, где соединится с магистралью Ханчжоу — Чжучжоу¹⁴⁸. Строилась железная дорога Ханьдань (пров. Хэбэй) — Чанчжи (пров. Шаньси), которая представляет собой участок широтной магистрали, соединяющий Тайань (пров. Шаньдун) и Цзиньюань в Нинся-Хуэйском автономном районе.

Наряду с новым железнодорожным строительством проводилась реконструкция ряда действующих линий. В частности, велись работы по электрификации железных дорог Шинцзячуань — Тайюань (231 км), Чунцин — Сяньфань (916 км) и Чэнду — Чунцин (505 км).

В 1978 г. эксплуатационная длина железных дорог составляла 50,4 тыс. км. На железнодорожном транспорте занято 2,4 млн. рабочих и служащих¹⁴⁹.

На водном транспорте главные усилия были направлены на улучшение работы транспортных предприятий, строительство портов и увеличение флота. За 11 месяцев 1978 г. перевозки грузов водным транспортом возросли на 15,6% по сравнению с 1977 г.¹⁵⁰. По оценочным данным, водные перевозки грузов составили около 185 млн. т. Грузооборот водного транспорта достиг 377,9 млрд. ткм¹⁵¹. В важнейших морских портах было обработано 200 млн. т грузов¹⁵², грузооборот крупнейшего в стране Шанхайского порта в 1978 г. превысил 77 млн. т¹⁵³. Однако, как неоднократно отмечала китайская печать, работа портов далеко не соответствует потребностям народного хозяйства. Многие порты по важнейшим технико-экономическим показателям

не достигли наивысшего в прошлом уровня, велики простои судов в портах, постоянно возникают скопления грузов, не налажено сотрудничество между портами, железными дорогами, торговыми ведомствами и отраслями материального производства. По р. Янцзы перевезено, по сообщениям китайской печати, 40 млн. т грузов, или на 33% больше, чем в 1977 г. (на долю Янцзы приходится 80% перевозок по внутренним водным путям).

На майском совещании были объявлены планы развития морского и речного транспорта на 1978—1985 гг., согласно которым предполагается превратить морские гавани Шанхай, Тяньцзинь, Циньхуандао, Ляньюньган и Хуанпу в современные комплексные и специализированные порты, повысить пропускную способность р. Янцзы, создать автоматическую диспетчерскую службу на всем ее фарватере, реконструировать и расширить порт Ухань, значительно поднять мощности судостроения, внедрить контейнерные перевозки. В соответствии с этим велась реконструкция Шанхайского порта, где сейчас имеется 50 глубоководных причалов, самый крупный из которых может принимать суда грузоподъемностью 25 тыс. т. В Циньхуандао велись работы по строительству современного специализированного угольного причала, расширению нефтяного причала, который сможет принимать танкеры грузоподъемностью 50 тыс. т¹⁵⁴. Ускоренными темпами строился порт Синьган (Тяньцзинь), к 1985 г. здесь предстоит открыть 3 специализированных контейнерных причала. Строился морской порт Бэйхай (Гуанси-Чжунанский автономный район), который будет иметь 7 глубоководных причалов и 2 сливно-наливных причала.

Пополнение морского флота проходило преимущественно за счет импорта судов. На собственных верфях, в частности в Шанхае, были построены пассажирское судно «Дунфанхун-17», предназначенное для плавания по р. Янцзы, океанский корабль грузоподъемностью 14 тыс. т (передан китайско-польскому акционерному судоходному обществу) и крупнейшее в стране научно-исследовательское океанологическое судно «Сянъянхун-09» водоизмещением 4400 т. На Шаньхайгуаньской судовой верфи сдан в эксплуатацию первый в стране сухой док, способный принимать для ремонта суда класса 50 тыс. т¹⁵⁵.

По заказам Китая в первом квартале 1978 г. на иностранных судовой верфях было построено 4 грузовых судна общим тоннажем 35,8 тыс. бр.-рег. т. В течение года были размещены заказы на строительство судов в ряде стран: в августе подписан контракт с югославской судовой верфью «Уляник»¹⁵⁶ на строительство 5 судов грузоподъемностью 5 тыс. т каждое, в сентябре между КНР и Пакистаном заключено соглашение о постройке для Китая в течение 5 лет 10 грузовых судов грузоподъемностью 4 тыс. т каждое¹⁵⁷. В ноябре Китай разместил в Японии заказ на строительство 8 судов¹⁵⁸ с горизонтальным способом

погрузки и выгрузки, в Югославии были заказаны 20 судовых двигателей мощностью 3520 л. с. каждый¹⁵⁹; был заключен контракт с Норвегией на покупку оборудования для подготовки капитанов и штурманов; с компанией «Зульцер» (Швейцария) Китай подписал контракт, дающий ему право строить по чертежам и с помощью технологии этого предприятия двухтактные судовые двигатели.

Как и раньше, КНР активно выступала на мировом рынке поддержанных судов. Только с января по август 1978 г. были куплены более 30 бывших в эксплуатации судов (от 4 тыс. до 100 тыс. т дедвейт), предназначенных в основном для перевозки насыпных грузов¹⁶⁰. Китай также приобрел 2 небольших контейнеровоза и арендовал у Японии 500 контейнеров¹⁶¹.

К концу 1978 г. морской флот КНР стал одним из наиболее крупных в мире. Его тоннаж составлял, по оценкам, около 10 млн. т дедвейт. Китай был также одним из крупнейших в мире заказчиков на фрахтовом рынке судов: только за январь — август 1978 г. было зафрахтовано 72 судна, суммарный тоннаж которых составляет более 2219 тыс. т дедвейт¹⁶².

Несмотря на нехватку судов для транспортировки собственных грузов, КНР активно брала на себя перевозки грузов для других стран с целью приобретения иностранной валюты.

В 1978 г. были расширены морские транспортные связи и с рядом стран заключены соответствующие соглашения (например, с Аргентиной¹⁶³ и с Италией¹⁶⁴). Китай и Япония подписали соглашение об арбитраже для разрешения споров в морских перевозках между двумя странами¹⁶⁵. Между властями пров. Гуандун и Гонконга было подписано соглашение, согласно которому между Гуанчжоу и Гонконгом открывается сообщение на судах с воздушной подушкой¹⁶⁶. Официально было открыто движение грузо-пассажирских судов между о-вом Хайнань и Парасельскими островами¹⁶⁷. В апреле в Гдыне проходила XVIII сессия правления китайско-польского акционерного судоходного общества, а в сентябре в Пекине состоялось XIV собрание акционеров этого же общества и были подписаны соответствующие протоколы¹⁶⁸.

По сообщению Албанского телеграфного агентства от 28 сентября 1978 г., Албания направила КНР ноту, в которой проинформировала китайское правительство о том, что с 27 сентября 1978 г. аннулирует соглашение относительно албано-китайского пароходного акционерного общества и считает себя свободным от обязательств по этому соглашению, поскольку китайская сторона нарушила его положения и преднамеренно предприняла ряд шагов, практически парализовавших деятельность общества.

Автомобильный транспорт. Усилия прилагались в строительстве шоссейных дорог в пограничных районах, реконструкции магистралей, а также в пополнении автомобильного парка за счет собственного производства и импорта. В Синьцзян-Уйгур-

ском автономном районе было запланировано построить в 1978 г. свыше 1000 км дорог с асфальтовым покрытием (в 1977 г. общая протяженность эксплуатируемых дорог в районе превысила 23 800 км, из них 4700 км с асфальтовым покрытием). Общая длина шоссейных дорог в стране в 1978 г. составила 890 тыс. км, или на 35 тыс. км больше, чем в 1977 г.¹⁶⁹. Автотранспортом было перевезено около 400 млн. т грузов, грузооборот составил 27,4 млрд. ткм, или увеличился на 9,2% по сравнению с 1977 г.¹⁷⁰.

В решении, принятом всекитайским совещанием по *гражданской авиации* (март 1978 г.), говорилось, что в 1978 г. расширится сеть международных и внутренних авиалиний, начнется строительство крупных современных аэропортов, а также интенсивная подготовка летчиков, улучшится обслуживание. В мае 1978 г. самолеты китайской гражданской авиации начали регулярные рейсы по маршруту Пекин — Урумчи — Белград — Цюрих (по соглашениям о воздушном сообщении от 3 февраля 1978 г. между КНР и СФРЮ и от 12 ноября 1973 г. между КНР и Швейцарией). Швейцарская авиакомпания «Сюисс эр» выполняет еженедельные авиарейсы по маршруту Цюрих — Пекин — Шанхай с 1975 г.¹⁷¹. В апреле 1978 г. была официально открыта авиалиния Пекин — Карачи — Аддис-Абеба¹⁷². Это первая линия из КНР в Африку, она служит дополнением к открытой в феврале 1973 г. авиалинии, на которой совершают рейсы самолеты эфиопской авиатранспортной компании по маршруту Аддис-Абеба — Пекин.

Соглашения о воздушном сообщении подписаны с Испанией, Францией, Лаосом, Непалом¹⁷³. В октябре Гуанчжоуское управление гражданской авиации подписало с управлением гражданской авиации Гонконга соглашение, в соответствии с которым с середины октября 1978 г. открылось временное сообщение между Гуанчжоу и Гонконгом — в течение 30 дней самолеты, арендованные Китаем, специально обслуживали пассажиров, прибывавших на осеннюю ярмарку в Гуанчжоу¹⁷⁴.

Гражданская авиация, по данным Синьхуа от 22 ноября 1978 г., на 2 месяца раньше срока выполнила годовой план; по сравнению с тем же периодом 1977 г. общий объем перевозок увеличился на 38%, пассажирооборот возрос на 40%. Согласно сообщению ГСУ КНР, в 1978 г. грузооборот воздушного транспорта составил 97 млн. ткм, или на 27,8% больше, чем в 1977 г.¹⁷⁵. В целях развития туризма было значительно увеличено среднее число авиарейсов на местных линиях. Самолеты гражданской авиации Китая курсировали на 11 международных линиях. Общая длина авиалиний в 1978 г. составила 149 тыс. км, или на 17 тыс. км больше, чем в 1977 г.¹⁷⁶.

ФИНАНСЫ

После «культурной революции» самым неблагоприятным в экономическом отношении был для КНР 1976 год, когда дефицит бюджета составил примерно 21,0 млрд. юаней. Доходы государственного центрального бюджета составили 65,5 млрд. юаней, т. е. упали до уровня 1970 г.

В первой половине 1977 г. в Пекине был проведен ряд совещаний по финансовым вопросам, на которых обсуждались меры по «усилению системы хозрасчета», «увеличению накоплений», «соблюдению режима экономии», «увеличению государственных доходов».

По сообщениям китайской прессы, к январю 1978 г. хозяйственным органам удалось сбалансировать государственный бюджет и по доходам несколько превысить уровень 1975 г. Доходы государственного бюджета в 1977 г. составили 87,4 млрд. юаней, расходы — 95,87 млрд. юаней.

Опубликованные в печати данные о состоянии финансовой системы КНР свидетельствуют, что государственный бюджет на 1978 г. был определен в следующих размерах: по доходам — 112,111 млрд. юаней, по расходам — 111,093 млрд. юаней с превышением доходов над расходами на 1,018 млрд. юаней¹⁷⁷. По сравнению с 1977 г. финансовые поступления увеличились на 28,2%, расходы — на 31,7%¹⁷⁸.

Анализ структурных статей доходной и расходной частей государственного бюджета свидетельствует об их несбалансированности. Так, в доходной части на статью «прочие» приходится 14,0%, или 15,7 млрд. юаней¹⁷⁹ (табл. 3), которые якобы

Таблица 3

Доходы государственного бюджета КНР в 1978 г.*

№ п/п	Статья доходов	Сумма доходов (в млрд. юаней)	Структура доходов (в %)
1	Всего доходов	112,111	100
	В том числе поступления по	45,1	40,2
	торгово-промышленному налогу		
2	Доходы от государственных предприятий и учреждений	44,0	39,2
3	Сельскохозяйственный налог	7,3	6,5
4	Прочие	15,7	14,0

* Таблица составлена по: «Жэньминь жибао», 30.VI.1979.

оставлены предприятиям для введения в опытный порядке системы отчисления из прибыли, системы премий и расширения основных фондов предприятий. В расходной части выпадают 22,8%, или 25,248 млрд. юаней, которые можно было реализовать при освоении 15,7 млрд. юаней (табл. 4).

Таблица 4

Расходы государственного бюджета КНР в 1978 г. *

№ п/п	Статья расходов	Сумма расходов (в млрд. юаней)	Структура расходов (в %)
1	Капитальное строительство	45,192	40,7
	В том числе:		
	сельское хозяйство	4,836	10,7
	промышленность	18,911	46,4
	транспорт и связь	9,94	22,0
	военное строительство	9,03	20,0
2	Дотации сельскохозяйственным производственным единицам **	7,695	6,9
3	Оборона	16,784	15,1
4	Социально-культурные мероприятия (культура, наука, здравоохранение, просвещение)	11,266	10,1
5	Административно-управленческие расходы	4,908	4,4
	Всего расходов	111,093	100

* Таблица составлена по: «Жэньминь жибао», 30.VI.1979.

** Бюджетные ассигнования предприятиям «народных коммун» и производственным бригадам.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что налоговые поступления по сравнению с 1977 г. увеличились на 12,6%, а доходы от государственных предприятий и учреждений — на 35%¹⁸⁰. Некоторое превышение поступлений по торгово-промышленному налогу над доходами от государственных предприятий и учреждений связано с тем, что торгово-промышленный налог взимается независимо от качественных результатов

деятельности предприятий, а поступления (доходы) от государственных предприятий и учреждений непосредственно связаны с их рентабельностью. В то же время необходимо отметить, что 24% промышленных предприятий страны нерентабельны¹⁸¹. Наличие большого числа нерентабельных предприятий в КНР приводит к превышению доходов от торгово-промышленного налога над доходами от хозяйственной деятельности предприятий.

Приведенные данные свидетельствуют об определенных изменениях структуры капитальных вложений. Сократились доля капитальных вложений в общем объеме расходов и ассигнования на развитие промышленности. Это прежде всего связано с экономическими трудностями, с отставанием сельского хозяйства. В то же время увеличились военные расходы. С учетом средств, отпущенных на научно-технические и конструкторские работы, военные расходы составили более 40% расходной части государственного бюджета. Прямые капиталовложения в сельское хозяйство составили 4,836 млрд. юаней, а дотации сельскохозяйственным производственным единицам — 7,695 млрд. юаней. Значительно выросли затраты на развитие науки и культуры в связи с возрождением и расширением деятельности АН Китая¹⁸².

В китайской прессе появились критические замечания представителей хозяйственной администрации относительно введенной в 1978 г. в опытный порядке системы отчисления сверхплановой прибыли в фонд развития предприятий (для предприятий нефтяной и легкой промышленности этот фонд установлен в размере 5%, металлургической — 10, пищевой — 15% фонда заработной платы предприятия). Так, Уханьский металлургический комбинат дал в 1978 г. 60 млн. юаней сверхплановой прибыли и мог бы получить отчисления в размере 6 млн. юаней. Однако по новому положению отчисления должны были производиться от сверхплановой прибыли всех предприятий этой отрасли, расположенных в пров. Хубэй, а эта прибыль составила лишь 40 млн. юаней. Следовательно, комбинат не только дал всю сверхплановую прибыль провинции, но еще на 20 млн. юаней покрыл задолженность нерентабельных предприятий отрасли. Тем не менее из 4 млн. юаней предусмотренных отчислений в фонд предприятий были переданы лишь 2 млн. юаней. Оставшиеся 2 млн. юаней ушли в распоряжение вышестоящего министерства, провинциального бюджета, на покрытие кредиторской задолженности. Комбинату досталось менее 1 млн. юаней, т. е. 1,6% сверхплановой прибыли¹⁸³. При такой системе предприятие лишено возможности модернизировать производство. Кроме того, система «общего котла» прибыли создает благоприятные условия для постоянного существования непланируемых нерентабельных предприятий. В 1978 г. Баотоуский металлургический комбинат впервые дал прибыль в размере 10 млн. юаней, в то время как за 17 лет на его строительство и модер-

низацию было израсходовано 1,7 млрд. юаней. Анализ приведенных выше, не совсем обычных для китайской прессы данных вызывает серьезные сомнения в реальности показателей десятилетнего плана. В частности, для производства 60 млн. т стали в 1985 г. необходим ежегодный прирост на 4—5 млн. т. Оставшегося времени явно недостаточно для введения в строй новых производственных мощностей. Хозяйственная администрация может рассчитывать лишь на модернизацию старых предприятий, чему препятствует введенная в экспериментальном порядке система отчислений от сверхплановой прибыли.

В этой связи возрастает роль финансовых учреждений и Народного банка Китая. В октябре 1978 г. Госсовет КНР опубликовал «Правила для финансовых работников». В соответствии с этими правилами финансовым работникам вменяется в обязанность контроль за экономической деятельностью всех предприятий и учреждений, аккуратное выполнение денежных операций, охрана государственного имущества, соблюдение финансовой дисциплины и режима экономии, оказание помощи развитию производства. Финансовым органам предоставляется право требовать от предприятий, учреждений, отдельных лиц строгого соблюдения утвержденного государством бюджета и финансовой дисциплины. В случае нарушения установленных правил финансовый работник имеет право прекратить выдачу денежных средств или оплату расходов. Если бухгалтер не поставил в известность вышестоящую организацию о нарушениях финансовой дисциплины тем или иным лицом, а также организацией, то он несет равную юридическую ответственность с нарушителем. Этим постановлением на предприятиях и учреждениях введена система экономической ответственности главного бухгалтера. В его функции входят: ответственность за финансовое состояние предприятия или учреждения, контроль и проверка всех звеньев производства, изыскание путей повышения экономической эффективности, претворение в жизнь курса «больше, быстрее и экономнее».

Народному банку рекомендовано пересмотреть сложившуюся с начала «культурной революции» практику, при которой банк не мог контролировать хозяйственную деятельность предприятий. Его функции были сведены к оформлению краткосрочного кредита, контролю за фондом заработной платы, ассигнованиями на капитальное строительство. С 1978 г. для получения кредита необходимо соблюдение трех основных требований: товарно-материальное обеспечение кредита; план производственной деятельности, утвержденный вышестоящей инстанцией и обладающий силой закона; гарантирование своевременного погашения задолженности. Кроме того, вследствие резко усилившейся волны хищений, приписок, подлогов Народному банку рекомендовано усилить контроль за использованием денежных ресурсов. В частности, была установлена максимальная сумма, которую

организации могут расходовать наличными, — 30 юаней; свыше этой суммы расчеты производятся только по безналичному расчету.

В целом финансовая система КНР, как и вся экономика страны в 1978 г., переживала очередной период «урегулирования». Доходная и расходная части государственного бюджета рассчитаны с большими допущениями и оговорками, что свидетельствует о перенапряжении всей финансовой системы. Тем не менее пекинское руководство, продолжая курс милитаризации страны, тратит более 40% государственного бюджета на военные нужды в ущерб общему экономическому развитию.

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ

Положение во внутренней торговле по сравнению с предшествующим годом не улучшилось. Продолжала сохраняться жесткая карточная система снабжения населения важнейшими товарами (зерно, масло, хлопчатобумажные ткани). В 1978 г. наблюдался не только рост цен на второстепенные товары (табак, вино, косметика, холодильники и др.), но и повышение сезонных цен на традиционные продукты питания — овощи и фрукты (цены на эту категорию товаров устанавливаются властями на местах в зависимости от сезона)¹⁸⁴. Повышение цен коснулось также тех товаров и услуг, которыми пользуются иностранные туристы, заметна была тенденция к общему росту цен в стране, отражавшая стремление китайского руководства создать накопления на нужды «четырёх модернизаций». Как и прежде, ограничивалась покупка многих продуктов питания, не подлежащих нормированию (рыба, мясо, яйца и др.), но тем не менее остающихся дефицитными вследствие сокращения их производства. Все так же огромен разрыв в потреблении товаров легкой промышленности между городом и деревней на душу населения.

По-прежнему острыми оставались проблемы спекуляции и торговли с «черного хода», порожденные острой нехваткой товаров и плохой организацией снабжения населения. В этой связи «Жэньминь жибао» призывала к утверждению «нового стиля» на предприятиях торговой сети, сущность которого «заключается в том, чтобы заставить руководящих кадровых работников отказаться от их привилегии получения товаров в обход существующих правил»¹⁸⁵.

На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва были рассмотрены вопросы увеличения товарных ресурсов и внутренней торговли. Было подтверждено разрешение вести домашнее подсобное хозяйство и откармливать небольшое количество скота, допускается также рыночная торговля предприятий и организаций излишками сельскохозяйственной продукции после выполнения планов государственных закупок. Была подчеркнута необходимость развития

легкой промышленности как одного из основных источников потребительских товаров; поставлена задача пересмотра соотношения цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

На всекитайском совещании по распространению передового опыта Дацина и Дачжая в области финансов и торговли, проходившем в Пекине с 20 июня по 9 июля 1978 г., признавалась важная роль, которую играет внутренняя торговля в деле построения социализма в стране. На словах китайские руководители призывали к всемерному использованию экономических законов социализма, в частности закона стоимости, для планового развития торговли. Однако на деле внутренней торговле уготован путь развития «по типу Дацина и Дачжая», что означает дальнейшее проведение курса «опоры на собственные силы», ограничение государственных ассигнований на торговлю. Перед 12 млн. работников финансово-торговой сети поставлена задача превратить к 1980 г. треть низовых предприятий финансов и торговли в «организации типа Дацина и Дачжая» и, кроме того, создать в провинциях уезды и районы, являющиеся в этой отрасли «передовыми».

В ходе этого совещания, длившегося более двух недель, отмечались недостатки в сфере торговли: торговля через «черный ход», слабая работа управленческого аппарата, недостаточная централизация материального снабжения, недооценка экономических законов, плохое качество товаров, высокие издержки обращения.

В соответствии с решениями совещания в стране была начата кампания по внедрению в торговле финансовой и экономической дисциплины, широко освещавшаяся китайскими газетами.

Еще в январе 1978 г. в одной из статей «Гуанмин жибао» прозвучал призыв использовать «позитивную роль коллективного рынка в деревне», как дополнение к государственной и кооперативной торговле¹⁸⁶. Накануне совещания по торговле (13.VI.1978) «Жэньминь жибао» поместила репортаж об успешном опыте уезда Каодун пров. Хунань, где «сравнительно хорошо ведется рыночная торговля». В уезде с населением свыше 900 тыс. человек действуют 24 сельских рынка, которые «восполняют некоторую нехватку товаров в системах государственной и кооперативной торговли, оживляют экономику деревни». Однако одновременно указывалось, что с каждым новым подъемом в развитии рыночной торговли у «некоторых товарищей» возникают «опасения и беспокойство» относительно того, не приведет ли развитие рыночной торговли к росту «капиталистических тенденций» среди крестьянства. Такой подход к проблемам рыночной торговли влечет за собой ограничение последней и создает различного рода препятствия для ее развития. Несмотря на мероприятия, проведенные после всекитайского совещания по вопросам торговли и финансов летом 1978 г., положение

во внутренней торговле КНР продолжает оставаться напряженным; она не может удовлетворить спрос населения страны на основные предметы потребления.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

1978 год ознаменовался серьезными изменениями в области внешнеэкономических связей КНР. Планы реализации курса «четырёх модернизаций» тесно связываются с широким и активным использованием внешнеэкономических связей. Для КНР это основной источник получения современной техники и технологии, необходимых для модернизации экономики и наращивания военно-промышленного потенциала.

Внешнеэкономическая политика КНР. В 1978 г., продолжая антисоветский, антисоциалистический внешнеполитический курс, КНР проявила заинтересованность в экономических отношениях с социалистическими странами: увеличился объем товарооборота, обсуждались вопросы его дальнейшего расширения. Однако в качестве основного курса продолжала сохраняться ориентация внешнеэкономических связей КНР на развитые капиталистические страны. По имеющимся сообщениям, заметная активизация экономических отношений Китая со странами мирового капитализма встречает некоторое противодействие со стороны определенной части китайского руководства. Это означает, что внутрисполитическая борьба распространяется и на область внешнеэкономических связей.

В 1978 г. в экономической политике Китая в отношении капиталистических стран произошли важные изменения. Они были обусловлены в первую очередь стремлением в максимальной степени использовать экономический и научно-технический потенциал мирового капитализма для ускорения темпов модернизации китайской экономики.

В 1978 г. КНР подписала контракты с фирмами развитых капиталистических стран о закупках машин и оборудования на сумму около 5,5 млрд. долл. Помимо этого китайские внешнеторговые объединения вели с западными странами переговоры о закупках техники и технологии, по самым приблизительным оценкам, на сумму около 30 млрд. долл.

Планируемые крупные закупки машин и оборудования на Западе со всей остротой ставят перед Китаем проблему финансирования импорта. Основным источником средств для оплаты закупок в развитых капиталистических странах преимущественно являются собственные инвалютные поступления Китая от экспорта. В 1978 г. китайское руководство предпринимало шаги, направленные на расширение экспортного потенциала страны. В докладе Хуа Гофэна на сессии ВСНП была поставлена задача «создать группу баз, поставляющих для экспорта промыш-

ленную и горнорудную продукцию, а также продукцию сельского хозяйства и подсобных промыслов». В докладе также говорилось о необходимости вывоза «как массовых, так и мелких товаров», подчеркивалась целесообразность «всемерно увеличивать в экспорте удельный вес промышленной и горнорудной продукции». Однако, судя по всему, китайское руководство не надеется, что экспорт удастся развить до такой степени, чтобы его хватало для оплаты быстро растущих закупок машин и оборудования в развитых капиталистических странах. Это проявилось в серьезных изменениях политики китайского руководства в области привлечения разнообразных внешних источников финансирования.

В 1978 г. КНР уже широко применяла распространенные в мировой практике формы временной отсрочки платежей. В ограниченных размерах использовались долгосрочные межбанковские депозиты под закупку машин и оборудования в развитых капиталистических странах.

В 1978 г. китайские руководители неоднократно заявляли, что будут добиваться займов у банков стран Запада и даже что Китай готов принять правительственные кредиты западных стран. Велись многочисленные переговоры с банковскими кругами развитых капиталистических стран, в ходе которых китайская сторона предпринимала попытки добиться определенных выгод. По существующей договоренности в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) кредиты Китаю могут предоставляться на условиях 7,25% годовых на срок до 5 лет и 7,5% на более длительные сроки. Однако руководство КНР пыталось добиться снижения этого процента и, кроме того, получить кредиты в долларах, а не в национальных валютах стран-кредиторов (особенно это касается ФРГ и Японии), чтобы в дальнейшем извлечь выгоды из продолжающегося обесценения доллара.

В 1978 г. КНР подписала с банками Англии соглашение о предоставлении ей депозитов на сумму 1,2 млрд. долл.¹⁸⁷ Была достигнута принципиальная договоренность с Парижским национальным банком о получении кредита на 6,8 млрд. долл. для оплаты импортируемых французских товаров¹⁸⁸, а также с группой западногерманских банков о кредите на 4 млрд. долл. Подписание Китаем соглашений о кредитах не означает, однако, что китайская сторона обязательно целиком израсходует предоставляемые ей средства. Это будет зависеть от целого ряда факторов, главный из которых — решение китайского руководства об установлении предельной суммы задолженности развитым капиталистическим странам.

Правительственных кредитов от развитых капиталистических стран в 1978 г. Китай не получал. КНР проявила заинтересованность в получении средств из правительственного фонда международного экономического сотрудничества Японии. Это обус-

ловлено, в частности, тем, что средства фонда выделяются под низкий процент — 3—3,5 годовых¹⁸⁹.

Остро стоящая проблема финансирования импорта из развитых капиталистических стран определила еще одно важное изменение во внешнеэкономической политике: Китай начал активно предлагать Западу заключение компенсационных сделок, а также организацию совместных предприятий и совместное освоение своих природных ресурсов.

Еще в начале 1978 г. в интервью журналу «Китайская внешняя торговля» министр внешней торговли КНР Ли Цян говорил о готовности Китая прибегнуть к компенсационным сделкам для обеспечения импорта промышленного оборудования и других товаров. В 1978 г. эти сделки по своему объему были невелики и охватывали в основном отрасли обрабатывающей промышленности (в частности, текстильной)¹⁹⁰. По условиям таких контрактов КНР получает оборудование и технологию, а оплачивает их продукцией предприятий, на которых это оборудование используется.

С рядом фирм велись переговоры о заключении компенсационных сделок в добывающих отраслях промышленности.

Принципиально важным и широко открывающим двери для притока иностранного капитала в Китай явилось предложение западным странам о создании совместных предприятий. В переговорах КНР оговаривает, что 51% капитала будет принадлежать китайской стороне¹⁹¹. Есть сообщения, что Китай планирует постепенно выкупить долю иностранного капитала, с тем чтобы создаваемые им совместно с западными фирмами предприятия со временем стали чисто китайскими. Имеются сведения о том, что Китай в конце 1978 г. подписал ряд соглашений о создании совместных предприятий и некоторые из них уже функционируют. Наряду с этим велись переговоры со многими капиталистическими странами о совместном освоении природных ресурсов Китая, в первую очередь нефтяных месторождений, залежей цветных металлов, угля. Хотя соглашения еще не были подписаны, переговоры по ряду проектов находились в решающей стадии и были близки к завершению.

Изменения во внешнеэкономической политике КНР означают фактический отказ от принципа «опоры на собственные силы» в маоистской трактовке. Вместе с тем они отражают не только возрастающую ориентацию внешнеэкономических связей Китая на капиталистические страны, но и постепенное вовлечение его в сферу влияния мировой капиталистической системы.

В 1978 г. существенное развитие получила *внешняя торговля*, которая остается основной формой внешнеэкономических связей КНР (табл. 5). Объем внешней торговли Китая в долларовом исчислении возрос почти на 40% по сравнению с 1977 г. и составил более 19,5 млрд. долл. (около 13,3 млрд. руб.)¹⁹². Особенно быстро увеличивался импорт, который пре-

высил 9,8 млрд. долл. (6,7 млрд. руб.), т. е. увеличился на 50%. Экспорт КНР возрос на 30% и превысил 9,7 млрд. долл. (6,6 млрд. руб.).

Таблица 5
Внешняя торговля КНР *

	1977 г.		1978 г.	
	млн. руб.	млн. долл.	млн. руб.	млн. долл.
Всего	10 300	14 000	13 275	19 570
Экспорт	5 570	7 570	6 595	9 730
Импорт	4 730	6 430	6 680	9 840
Сальдо	+840	+1140	-85	-110
Социалистические страны	1 795	2 445	2 225	3 270
Экспорт	915	1 245	1 165	1 710
Импорт	880	1 200	1 060	1 560
Развитые капиталистические страны	5 370	7 300	7 480	11 000
Экспорт	2 280	3 100	2 700	3 970
Импорт	3 090	4 200	4 780	7 030
Развивающиеся страны	1 865	2 530	2 000	3 000
Экспорт	1 135	1 540	1 200	1 800
Импорт	730	990	800	1 200
Гонконг и Макао	1 270	1 725	1 570	2 300
Экспорт	1 240	1 685	1 530	2 250
Импорт	30	40	40	50

* 1977 г. — данные стран — торговых партнеров КНР и оценка; 1978 г. — оценка.

Географическое распределение торговли принципиально не изменилось. В результате роста торговли с развитыми капиталистическими странами (на 50% по сравнению с предыдущим годом) удельный вес этой группы стран увеличился до 56% против 52% в 1977 г. Удельный вес социалистических и развивающихся стран несколько уменьшился (соответственно 17 и 15%). Доля Гонконга сохранилась на прежнем уровне — около 12%.

В структуре внешней торговли КНР отмечались некоторые изменения. Заметно увеличились закупки товаров производственного назначения, в первую очередь машин и оборудования, а также проката черных металлов, труб, цветных металлов. По предварительным данным, в 1978 г. Китай ввез машин и оборудования на сумму около 3 млрд. долл. (более 2 млрд. руб.), что составляет почти 30% китайского импорта. В значительных количествах КНР продолжала закупать сельскохозяйственную продукцию, в частности зерновые и хлопок.

Экспорт КНР по своей структуре сохранял в 1978 г. традиционный характер. Основой его были продовольственные това-

ры и сырье для их производства, непродовольственные товары сельскохозяйственного происхождения и промышленные товары народного потребления. Попытки КНР использовать нефть как важный экспортный товар, приносящий большую валютную выручку, продолжают, но реальные результаты достигнуты пока небольшие. По предварительным данным, в 1978 г. КНР вывезла 11 млн. т нефти и нефтепродуктов, что составило около 11% стоимости всего китайского экспорта.

В 1978 г. получили некоторое развитие *экономические отношения с социалистическими странами* (см. табл. 6). Торговля с ними увеличилась по сравнению с 1977 г. на 23% и составила, по предварительным данным, более 2 млрд. руб., в том числе экспорт в социалистические страны — около 1,2 млрд. руб. и импорт — более 1 млрд. руб.

Таблица 6

Торговля КНР с отдельными социалистическими странами*, млн. руб.

	1977 г.			1978 г.		
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт
СССР	248	130	118	339	175	164
Болгария	36	14	22	65	30	35
Венгрия	82	45	37	120	80	40
ГДР	168	89	79	190	110	80
Румыния	382	204	178	495	235	260
Польша	87	42	45	100	60	40
ЧССР	115	63	52	160	90	70
СФРЮ	66	30	36	130	60	70
Другие социалистические страны	610	300	310	625	325	300

* 1977 г. — данные стран — торговых партнеров КНР; 1978 г. — предварительные данные.

Структура торговли осталась практически без изменений. По нашей оценке, 35% китайского экспорта в социалистические страны приходилось на промышленные товары народного потребления, 25% — на цветные металлы, 15% — на сельскохозяйственное непродовольственное сырье и 10% — на машины и оборудование. В импорте около 75% занимали машины и оборудование и 20% — прокат черных металлов, трубы и цветные металлы.

Потребность увеличения импорта товаров производственного назначения, и прежде всего машин и оборудования, обусловленная программой «четырёх модернизаций», определила некоторые изменения в подходе Китая к экономическим отношениям с социалистическими странами.

Переговоры о торговле на 1978 г. в отличие от предыдущих лет были проведены китайскими представителями быстро, в деловой обстановке, а соглашения заключены в ранние сроки. Китай проявил заинтересованность в значительном увеличении в последующие годы импорта уже поставляемых видов машин и оборудования (энергетическое, транспортное, угледобывающее и углеобогатительное оборудование), а также в расширении номенклатуры поставок (в частности, за счет металлургического оборудования и сельскохозяйственных машин). Одновременно Китай выразил готовность соответственно увеличить экспорт своих товаров, в том числе и дефицитных — цветных металлов, сельскохозяйственного непродовольственного сырья. Наряду с этим КНР проявила интерес к поставкам комплектного оборудования в Китай и к подписанию долгосрочных контрактов.

Несмотря на отмеченные изменения, экономические отношения с социалистическими странами продолжали в большой степени зависеть от политических факторов, что свидетельствовало о сохранении политики «дифференцированного подхода». Это проявилось, например, в том, что наибольший прирост в торговле Китая с социалистическими странами отмечался в торговле с Румынией и Югославией. Серьезной переменной в экономических отношениях КНР с социалистическими странами стало полное прекращение китайской помощи Албании и Вьетнаму.

Экономические отношения с развитыми капиталистическими странами в 1978 г. характеризовались существенным количественным и качественным ростом (табл. 7). Значительно расширилась внешняя торговля, в которой укрепилась практика долгосрочных коммерческих сделок. Углубились и диверсифицировались формы других экономических связей со странами развитого капитализма.

Важными событиями в экономических отношениях КНР с этой группой стран, особенно с точки зрения перспективы, явилось заключение 16 февраля 1978 г. неправительственного долгосрочного торгового соглашения с Японией и 3 апреля — долгосрочного торгового соглашения с «Общим рынком». Были также подписаны специальные договоры с отдельными западноевропейскими странами (соглашения о научном и технологическом сотрудничестве с Англией и ФРГ; соглашение о научно-техническом сотрудничестве, а также 7-летнее соглашение о развитии экономических отношений и сотрудничества с Францией; 10-летнее соглашение о промышленном, научном и техническом сотрудничестве со Швецией).

Объем торговли Китая с развитыми капиталистическими странами в 1978 г. увеличился по сравнению с 1977 г. в 1,5 раза и составил, по предварительным данным, 11 млрд. долл., в том числе экспорт — 2,97 млрд. долл., импорт — 7,03 млрд. долл. Пассивное сальдо торговли резко возросло и достигло более 3 млрд. долл. против 1,1 млрд. долл. в 1977 г.

Таблица 7

Торговля КНР с капиталистическими странами *,
млн. долл.

	1977 г.			1978 г.		
	оборот	экс-порт	импорт	оборот	экс-порт	импорт
Япония	3486	1547	1939	5080	2030	3050
ФРГ	789	287	502	1300	310	950
США	374	203	171	1150	350	800
Австралия	585	124	461	700	130	570
Канада	412	75	337	480	80	400
Италия	250	100	90	450	200	250
Франция	289	194	95	440	230	210
Англия	293	184	109	400	200	200
Остальные страны	822	326	496	1000	400	600

* 1977 г. — данные стран — торговых партнеров КНР;
1978 г. — предварительные данные.

Столь значительное расширение товарооборота было достигнуто прежде всего за счет импорта товаров производственного назначения (главным образом для промышленности), а также продовольствия и текстильного сырья. На указанные товарные группы приходилось около $\frac{3}{4}$ импорта КНР.

В структуре китайского импорта из развитых капиталистических стран заметное место заняли машины и оборудование, на которые приходилось почти 30% всего импорта (около 2 млрд. долл., что более чем в 2 раза превысило уровень 1977 г.). Китайские внешнеторговые организации предпринимали значительные усилия для расширения импорта машин и оборудования в будущем. Это выразилось прежде всего в проведении широкого круга переговоров с представителями развитых капиталистических стран, сплошь и рядом проходивших в обстановке острой конкуренции капиталистических фирм. Вокруг проблемы размещения китайских заказов на современное промышленное оборудование (разрозненное и комплектное) было создана атмосфера искусственного бума. Естественно, что в условиях конкуренции западных фирм китайские внешнеторговые организации имели возможность заключения сделок на наиболее выгодных для КНР условиях. Одновременно, ведя переговоры, китайские представители получали доступ к научно-технической информации, новейшим технологическим процессам фирм-контрагентов.

В 1978 г. КНР заключила контракты на импорт промышленного оборудования и средств транспорта (авиационного, морского и дорожного) примерно на сумму 5,5 млрд. долл., в том числе комплектного оборудования на сумму около 4 млрд. долл. Законтрактанные машины и оборудование в основном пред-

назначаются для металлургической (черной и цветной), угледобывающей, химической и нефтехимической промышленности (оборудование металлургического комбината мощностью 6 млн. т стали в год, медеплавильного завода, заводов по производству аммиака, этилена, полиэтилена и др.). Переговоры о заключении целого ряда крупных сделок близились к завершению.

В 1978 г. увеличился ввоз черных металлов, составивший 7 млн. т (1,9 млрд. долл.) против 5,5 млн. т в 1977 г. Основным поставщиком продолжала оставаться Япония (5,2 млн. т против 4,5 млн. т в 1977 г.). Черные металлы поставлялись из ФРГ (1,4 млн. т) и в небольших количествах из Англии, Бельгии, Люксембурга и других стран. В целом прокат черных металлов занимал примерно $\frac{1}{3}$ в импорте Китая из развитых капиталистических стран. В целях обеспечения стабильных и гарантированных поставок внешнеторговые организации КНР достигли принципиальной договоренности с фирмами Японии о заключении долгосрочного (на 3—5 лет) соглашения о поставках в Китай ежегодно по 5 млн. т черных металлов. Соглашение должно было вступить в силу с 1 июля 1979 г.

В удовлетворении спроса КНР на сырье для черной металлургии заметно усилилась роль Австралии, поставившей 5 млн. т железной руды (против 3 млн. т в 1977 г.).

Импорт удобрений, по всей видимости, несколько сократился. Так, основной поставщик этой продукции — Япония ввезла в 1978 г. всего 1,2 млн. т удобрений против 1,9 млн. т в 1977 г. Импорт удобрений, вероятно, будет сокращаться и в дальнейшем в связи с вводом в эксплуатацию в КНР новых заводов по производству минеральных удобрений. Из 13 закупленных за рубежом предприятий уже введено в эксплуатацию 7 суммарной мощностью примерно 7 млн. т в год.

На высоком уровне продолжал оставаться импорт сельскохозяйственной продукции. В течение года были заключены контракты с США и Канадой на поставку в общей сложности 8,9 млн. т зерновых (пшеница и кукуруза), в том числе в США было законтрактовано 5,9 млн. т, в Канаде — 3 млн. т с поставкой в 1978—1979 гг. Из этого количества в 1978 г. было ввезено в КНР 2,3 млн. т американской пшеницы и 1,3 млн. т кукурузы, а также 1 млн. т канадской пшеницы. Кроме того, около 4,5 млн. т зерновых было поставлено из Канады и Австралии в счет контрактов 1977 г. Таким образом, суммарный импорт зерновых в Китай в 1978 г. достиг около 9 млн. т (этот уровень является абсолютным рекордом по сравнению с предыдущими годами).

Другими важными позициями ввоза в КНР сельскохозяйственной продукции из развитых капиталистических стран были: американский хлопок — 550 тыс. кип, соевые бобы — 57 тыс. т, соевое масло — 44 тыс. т. В целом на товары сельскохозяйствен-

ного производства приходилась примерно $\frac{1}{5}$ часть импорта КНР из развитых капиталистических стран.

Оценивая состояние китайского экспорта в капиталистические страны, следует подчеркнуть, что КНР не удалось выполнить свое широко разрекламированное намерение с каждым годом существенно расширять экспорт нефти. Пока уровень китайского нефтяного экспорта в развитые капиталистические страны растет незначительно. Так, в Японию было поставлено 7 млн. т китайской нефти (против 6,5 млн. т в 1977 г.). В первой половине 1978 г. государственная компания КНР по импорту и экспорту химических товаров создала в Гонконге филиал по продаже нефти странам Запада, намереваясь закупать на вырученные деньги оборудование (главным образом американское) для разведки и добычи нефти. В 1978 г. китайцы продали 100 тыс. т нефти Италии и более 500 тыс. т — США, т. е. практически небольшое количество.

Одновременно КНР вела безрезультатные переговоры о поставках нефти во Францию, Англию и другие страны.

Поставки китайского угля в Японию составили 770 тыс. т. В декабре 1978 г. было отгружено 20 тыс. т угля в ФРГ.

Особо следует сказать о закупках Китаем оружия. В 1978 г. не было сообщений о поставках в КНР вооружения из развитых капиталистических стран. Однако китайская сторона проявила большую заинтересованность в подобных закупках: велись переговоры о приобретении в Англии истребителей-бомбардировщиков вертикального взлета «Харриер», а также различных видов оружия (в том числе истребителей «Мираж») во Франции. КНР стремилась также наладить с помощью западных фирм производство различных видов оружия в Китае. Переговоры по этим вопросам предполагалось продолжить в 1979 г. и в последующие годы.

В 1978 г. китайское руководство прилагало определенные усилия для активизации *экономических отношений с развивающимися странами*. Объем торговли с этой группой стран несколько увеличился и составил около 3 млрд. долл., в том числе экспорт — 1,8 млрд. долл. и импорт — 1,2 млрд. долл. Положительное для Китая сальдо торговли составило около 600 млн. долл. Торговля с развивающимися странами продолжала оставаться одним из основных источников валютных поступлений, необходимых для финансирования торговли с развитыми капиталистическими странами.

В 1978 г. КНР подписала с рядом развивающихся стран среднесрочные соглашения и контракты об обмене различными товарами, что свидетельствует о попытках китайского руководства поставить торговлю с ними на долгосрочную основу. В частности, с Аргентиной были подписаны контракты о ежегодных поставках в Китай в течение 3 лет (начиная с 1979 г.) по 1 млн. т пшеницы и кукурузы и не менее 25 тыс. т хлопка.

С Бразилией было заключено соглашение об обмене в 1979—1980 гг. около 2,5 млн. т китайской нефти на бразильскую железную руду и чугун. По соглашению с Филиппинами Китай обязался поставить в течение 5 лет 6 млн. т нефти на сумму около 500 млн. долл.¹⁹³.

Географическое распределение торговли КНР с развивающимися странами не изменилось. Большое внимание уделялось торгово-экономическим отношениям со странами Юго-Восточной Азии, что в определенной степени было связано с дипломатическим наступлением, предпринятым Пекином в этом регионе. Товарная структура торговли КНР с развивающимися странами серьезных изменений также не претерпела. Следует выделить лишь продолжающиеся попытки Китая использовать нефть для развития торгово-экономических отношений с отдельными странами, прежде всего со странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

В 1978 г. Китай несколько активизировал экономическую помощь развивающимся странам. Был подписан ряд соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Некоторым странам КНР обязалась предоставить экономическую помощь. Так, во время визита в середине марта Ли Сяньняня в Бангладеш было заключено соглашение, в соответствии с которым КНР обязалась предоставить беспроцентный кредит в сумме 65 млн. долл. Во время визита в Пекин президента Либерии Толберта была достигнута договоренность о предоставлении Китаем беспроцентного кредита в 23,5 млн. долл. на 12 лет. Китай взял на себя обязательство предоставить 3 млн. долл. Сейшельским островам и 16,6 млн. долл.— Ботсване. В целом можно констатировать тенденцию к сокращению обязательств по предоставлению экономической помощи.

В 1978 г. продолжали расширяться *экономические отношения КНР с Гонконгом* (Сянган). Объем двусторонней торговли увеличился на 35% и составил, по предварительным данным, 2,3 млрд. долл., в том числе экспорт Китая — 2,25 млрд. долл. и импорт — 50 млн. долл. Торговые отношения с Гонконгом по-прежнему сохраняли роль основного источника валютных поступлений для КНР.

Основу китайского экспорта составляли продовольствие (рис, различные консервы, рыба, овощи, фрукты, яйца и др.), текстильные изделия, сырье растительного и животного происхождения, химические товары. Поставки нефтепродуктов в 1978 г. достигли 1,5 млн. т (0,9 млн. т в 1977 г.).

Новым явлением в области внешней торговли явилось заключение впервые трехстороннего соглашения между КНР, Англией и Гонконгом. По этому соглашению Англия обязалась поставить в Китай горнодобывающее оборудование на сумму 300 млн. долл. В оплату этого оборудования китайская сторона будет ежегодно поставлять в Гонконг около 3,5 млн. т угля.

Экономическая активность КНР в Гонконге не ограничивалась расширением торговых отношений. Увеличивалась сеть принадлежащих Китаю банков, компаний и различных предприятий, призванных обеспечить валютные поступления. Во второй половине 1978 г. китайские власти вели интенсивные переговоры с базирующимися в Гонконге местными и западными монополиями о строительстве совместных промышленных предприятий на территории Китая. Был подписан ряд соглашений о «совместном строительстве и эксплуатации» текстильных и швейных фабрик, а также предприятий по сборке электронных часов и радиоаппаратуры.

Высокая активность КНР в Гонконге свидетельствует о продолжающемся процессе превращения Гонконга в особую составную часть экономического организма Китая.

ЯРМАРКА ЭКСПОРТНЫХ ТОВАРОВ В ГУАНЧЖОУ

Гуанчжоуская ярмарка китайских экспортных товаров продолжает оставаться важным звеном в системе внешнеэкономических связей КНР, в особенности с капиталистическими странами. В некоторые годы примерно половина всего внешнеторгового оборота КНР была прямо или косвенно связана с деятельностью Гуанчжоуской ярмарки¹⁹⁴.

Важную роль ярмарка играет и в использовании экономических отношений с иностранными государствами для решения как внешнеполитических, так и внутриэкономических задач. В частности, расширение экономических связей с промышленно развитыми капиталистическими странами, располагающими современной техникой, технологией, оружием, предоставляет КНР возможность использовать экономический потенциал этих стран в целях «превращения Китая в одно из могущественных государств мира».

В 1978 г. Гуанчжоуская ярмарка проходила под лозунгом «четырёх модернизаций». Были проведены, как обычно, две ярмарки — 43-я (весенняя) и 44-я (осенняя).

43-я (весенняя) Гуанчжоуская ярмарка китайских экспортных товаров (15 апреля — 15 мая 1978 г.). За месяц ярмарку посетили свыше 38 тыс. представителей деловых кругов из более чем 110 стран и территорий¹⁹⁵. Наряду с бизнесменами, представлявшими частный капитал, на ярмарке побывали официальные делегации Непала, Бирмы, Танзании, Бенина, Ирака и Малайзии¹⁹⁶.

подавляющее большинство посетителей ярмарки за все годы ее функционирования составляют «соотечественники» из Сян-гана, Аомэня, Тайваня, китайские эмигранты (хуацяо) из стран Юго-Восточной Азии. В этом проявляется важная роль Гуанчжоуской ярмарки как одного из центров использования китай-

ской эмиграции в великодержавных интересах китайского руководства.

По сообщению китайской печати, на 43-й ярмарке большим спросом пользовались такие китайские товары, как шелк, зеленый чай, зернобобовые, мороженая рыба, дичь, овечья шерсть, кроличий мех, шкуры, костный клей, тальк, парафин и др.¹⁹⁷. Общий объем экспортных сделок достиг рекордного уровня за всю историю проведения ярмарок в Гуанчжоу¹⁹⁸.

По импортным сделкам Китай закупил стальной прокат, химикалии, целлюлозу, бумагу, фармацевтические препараты и другие товары.

Как стало обычным в последние годы, наибольшее количество сделок было заключено на весенней ярмарке с японскими бизнесменами, число которых составило 2450. Они закупили китайских товаров на общую сумму 160 млн. долл. и продали японских на 120 млн. долл. Объем двусторонних сделок на этот раз оказался меньше, чем на весенней и осенней ярмарках 1977 г. (соответственно 370 млн. и 350 млн. долл.). Это было вызвано повышением курса японской иены, острой конкуренцией со стороны третьих стран и другими причинами.

Американские бизнесмены продали на ярмарке металлы, продукцию химической промышленности и другие товары на общую сумму, превышающую 20 млн. долл., а закупили китайских товаров (пух, перо, изделия из них, эфирные масла и др.) на общую сумму около 45 млн. долл.¹⁹⁹.

В целом объем сделок, заключенных на 43-й ярмарке в Гуанчжоу, по оценочным данным, превысил 1 млрд. долл.

44-я (осенняя) Гуанчжоуская ярмарка китайских экспортных товаров (15 октября — 15 ноября 1978 г.). В отличие от предыдущих ярмарок в Гуанчжоу на 44-й ярмарке впервые приняла участие недавно созданная китайская внешнеторговая компания по экспорту машинного оборудования (номенклатура 1-го министерства машиностроения КНР)²⁰⁰.

На этой ярмарке Китай впервые стал практиковать продажу своих товаров на срок. Если раньше на Гуанчжоуской ярмарке продавался лишь наличный товар, который зачастую не отвечал требованиям мирового рынка, так как изготовлялся в спешке, то с 1978 г. появилась возможность повысить качество товара, указав в контракте реальный срок его поставки (через год, два и более)²⁰¹.

В китайской печати отмечалось, что объем экспортных сделок на осенней ярмарке заметно возрос по сравнению с предыдущими ярмарками²⁰². Однако данных об увеличении импортных операций нет; по-видимому, сумма сделок на импортные товары не превысила уровень, достигнутый на последних ярмарках. Сообщалось лишь, что для решения задач «четырех модернизаций» были закуплены: стальной прокат, сырье для химической промышленности, целлюлоза, инсектициды, полихлорвинил.

ловая пленка (для тепличного хозяйства), штапельное волокно, фармацевтические препараты и др.²⁰³

44-ю ярмарку посетило более 39 тыс. бизнесменов из 110 стран и территорий²⁰⁴. Наибольшее количество контрактов было подписано с представителями японских фирм. Всего на ярмарке побывало около 2800 японских коммерсантов, представивших более 1600 компаний, которые заключили контракты на поставку в Японию китайских товаров на сумму 200 млн. долл. (примерно 160 тыс. т угля, 100 тыс. т соевых бобов, 3 тыс. т полиэтилена низкой плотности, текстильные изделия, пушнина, ковры и др.) и поставку японских товаров в КНР на 100 млн. долл. (130 тыс. т стального проката, машины, инструменты, 500 автомобилей, химикаты и т. д.).

Примерно 500 американских бизнесменов представляли на ярмарке 320 компаний. Общий объем двусторонних сделок составил 145 млн. долл., в том числе американские закупки — 62 млн. долл. и китайские — 83 млн. долл.²⁰⁵

Сумма всех импортно-экспортных контрактов, подписанных на осенней ярмарке, составила примерно 2 млрд. долл.

Таким образом, общая сумма сделок, заключенных на двух ярмарках в Гуанчжоу в 1978 г., достигла 3 млрд. долл. Приблизительно две трети всех сделок представляли собой контракты на поставку китайских экспортных товаров. Таким образом, в 1978 г. только на Гуанчжоуской ярмарке КНР выручила 2 млрд. долл. иностранной валюты, что в определенной степени уменьшило нехватку свободно конвертируемой валюты для закупок у западных стран и Японии передовой техники и технологии с целью осуществления великодержавной политики превращения Китая в мощное гегемонистское государство.

ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ КИТАЙСКОГО РУКОВОДСТВА

Объявленное в октябре 1977 г. постановление о небольшом увеличении заработной платы части рабочих и служащих не могло существенным образом повлиять на стимулирование трудовой деятельности. Прибавка к заработной плате носила уравнительный характер. Формы оплаты труда оставались прежними. К тому же реализация постановления затягивалась из-за нехватки средств и усиления напряженности в снабжении рынков потребительскими товарами. Например, в г. Чэнду на некоторых предприятиях к его выполнению не приступали еще в мае 1978 г. В деревне вплоть до середины 1978 г. правительство вообще не санкционировало проведение практических шагов, направленных на изменение прежней социальной политики.

Опасаясь за судьбы выдвинутой программы «четырёх модернизаций», китайское руководство в 1978 г. активизировало

свою деятельность по разработке мер материального стимулирования производства. Обосновывая их необходимость, Хуа Го-фэн на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва предупреждал, что, если не удастся поднять активность крестьян, «все мероприятия по увеличению производства повиснут в воздухе...»²⁰⁶.

Главную причину низкой трудовой активности населения пекинское руководство видело в «нарушении принципа распределения по труду» и широком распространении в обществе уравниловки. Переход к распределению по труду рассматривался в высокопоставленных кругах Пекина как «коренная мера развития и поддержания социалистической активности трудящихся»²⁰⁷. В прессе продолжали печататься статьи под броскими заголовками, вроде: «Решительно преодолеть уравнительность, по-настоящему осуществлять распределение по труду»²⁰⁸ и т. п. Если еще совсем недавно понятия «благосостояние», «зажиточность» ассоциировались в КНР не иначе как с «капитализмом» и «ревизионизмом», то в 1978 г. со страниц «Жэньминь жибао» раздавались голоса, призывающие, например, крестьян «как можно скорее стать зажиточными»²⁰⁹.

«Политика рационально низкой заработной платы» и ее эволюция. Содержание и тон официальных речей и установок существенно изменились, когда дело дошло до конкретной политики в области оплаты труда и улучшения условий жизни народа. Во вступительной речи на IX всекитайском съезде профсоюзов 11 октября 1978 г. Дэн Сяопин предупреждал профсоюзных активистов, что ввиду отсталости Китая «благосостояние рабочих не может в короткий срок очень сильно вырасти»²¹⁰. Эта же мысль проводится в решении 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва²¹¹. В оплате труда в промышленности китайское руководство вновь подтвердило неизменность принципам «политики — командной силы» и «политики низкой заработной платы» (при Мао Цзэдуне это называлось «проводить политику рационально низкой заработной платы»). «Политика низкой заработной платы, — утверждала „Жэньминь жибао“, — это политика, которую мы будем проводить длительное время в ходе строительства социализма. Китай еще остается отсталой страной. Для быстрого развития экономики необходимо в допустимых размерах, насколько это возможно, больше накапливать. Поэтому политика низкой заработной платы соответствует долгосрочным интересам всего народа и вследствие этого пользуется всенародной поддержкой»²¹².

Вместе с тем в рамках этих установок руководство КНР пыталось изыскать средства для повышения стимулов к труду. В дополнение к обычной повременной зарплате и «моральным стимулам», которые по-прежнему рассматривались как главные формы вовлечения рабочей силы в производство, стала признаваться необходимость применения сдельщины и премирования (в качестве вспомогательных стимулов).

В соответствии с этими установками в 1978 г. на некоторых предприятиях КНР в опытном порядке расширились мероприятия по «упорядочению» заработной платы. Делалось это, как правило, в пределах имевшегося фонда заработной платы и системы разрядов. Еще с сентября 1977 г. началось опробование применения бригадной сдельной оплаты труда на одной из шахт бассейна Хуайнань²¹³. О настоятельной необходимости содействия повременной, сдельной и премиальной форм заработной платы говорилось на совещании работников сферы обслуживания 11 провинций и городов центрального подчинения в Пекине в марте 1978 г.²¹⁴. О «большой эффективности» коллективной сдельщины сообщалось из порта Вампу, где в 1974 г., «несмотря на козни четверки», сдельщина заменила простую повременную заработную плату²¹⁵.

В 1978 г. на некоторых предприятиях центрального подчинения проводились испытания по внедрению систем премирования в зависимости от результатов производственной деятельности и за «успехи в соревновании». С марта 1978 г. пекинское строительное управление в опытном порядке начало вводить на 1-м участке 6-го комбината форму «комплексного премирования за перевыполнение всех производственных показателей». Решено было выплачивать премию по следующим показателям: 1) отличное качество строительства; 2) своевременная сдача объектов; 3) превышение установленных норм производительности труда; 4) экономия сырья и материалов; 5) отсутствие грубых нарушений техники безопасности и безаварийная работа; 6) строгое соблюдение правил управления строительством, поддержание порядка на стройплощадке. За единицу при организации труда и начислении комплексной премии бралась «комплексная» или «специализированная» бригада. Премии работникам «тылового обеспечения» устанавливались на 50% ниже, чем производственным рабочим «передовой линии». В результате внедрения системы премирования поднялась производительность труда на участке, возросли объем завершенных работ, выработка на одного человека, коэффициент выхододней, улучшилось использование рабочего времени. Ежемесячная заработная плата в среднем на одного работника участка за март — апрель 1978 г. увеличилась на 11,7%²¹⁶.

В некоторых городах (Шанхай, Цзинань) практиковалось премирование за достижения в «месячнике качества», который проводился в сентябре 1978 г. В Шанхае на эти цели было отпущено 117 850 юаней, награждено 59 коллективов и отдельных работников. Первые две премии по 20 тыс. юаней были присуждены текстильной фабрике Цзяфэй и нефтеперегонному заводу. По 50 юаней получили 25 рабочих, добившиеся высоких показателей качества продукции²¹⁷.

В конце 1978 г. Государственный совет утвердил три важных документа, связанных со стимулированием производства.

Имеются в виду «новое постановление» министерства финансов об образовании и использовании в опытном порядке поощрительных фондов по итогам года на предприятиях, находившихся в центральном управлении государства²¹⁸, возобновление действия «правил» о присуждении премий за научные открытия²¹⁹ и о материальном поощрении изобретательства и рационализации²²⁰, принятых правительством еще в ноябре 1963 г. Все названные акты расценивались официальной печатью как важное средство ускорения развития народного хозяйства и технического прогресса.

Первое постановление ставило образование поощрительного фонда предприятия в зависимость от выполнения и перевыполнения планов по следующим 8 показателям: 1) объем валовой продукции; 2) ассортимент; 3) качество; 4) расход сырья, материалов, топлива и рабочей силы; 5) производительность труда; 6) себестоимость продукции; 7) прибыль (балансовая и отчисленная в государственный бюджет); 8) оборотные фонды²²¹. При достижении соответствующих показателей в фонд предприятия от прибыли могла отчисляться сумма в размере 5% к годовому фонду заработной платы. Если же план выполнялся только по объему валовой продукции, ассортименту, качеству, размерам прибыли, а по другим показателям был невыполнен, предприятию разрешалось отчислять в свой фонд от прибыли по норме 3% к фонду заработной платы. Если невыполнение сказывалось незначительным, размер отчисления мог быть повышен еще на 0,5%. Непременным условием образования фонда предприятия было выполнение плана по кооперированным поставкам.

В целях поощрения сокращения численности рабочих и служащих и экономии заработной платы средства в фонд предприятия начислялись к первоначально запланированному фонду заработной платы. Чтобы стимулировать перевыполнение плана по прибыли, разрешалось в фонд предприятия дополнительно отчислять от сверхплановой прибыли в нефтяной, электротехнической промышленности, торговле 5%, в металлургии, машиностроении, легкой, текстильной промышленности — 10%, в угольной, военной промышленности, в производстве продовольствия и в госхозах — 15%.

По утвержденному положению фонд предприятия мог расходоваться на меры по «коллективному благосостоянию» рабочих и служащих, на развитие подсобных хозяйств, а также на премирование за успехи в «трудовом соревновании». Из той части средств, которая должна была отчисляться от сверхплановой прибыли, 50% разрешалось использовать на премирование коллектива предприятия, получившего прибыль, остальные 50% следовало тратить на техническое совершенствование производства и на «коллективное благосостояние» данного объединения²²².

За научные открытия учреждались премии четырех степе-

пей: первой — 10 тыс. юаней, второй — 5 тыс., третьей — 2 тыс., четвертой — 1 тыс. юаней²²³. За рационализацию и изобретательство устанавливались вознаграждения пяти категорий, размер их ставился в зависимость от экономического эффекта от внедрения в производство того или иного новшества²²⁴:

Категория премии	Экономический эффект, юань	Размер премии, юань
1	Более 1 млн.	500—1000
2	Более 500 тыс.	200—500
3	Более 100 тыс.	100—200
4	Более 1000	Менее 100
5	До 1000	Благодарность

Первый же опыт расширения сферы материального стимулирования породил серьезные проблемы. Оказалось, что эти важные мероприятия не были достаточно подготовлены ни в научном отношении, ни организационно, ни материально. Возникли острые конфликты, поскольку предприятия стремились получить больше выгод из постановления о премировании и сталкивались с нехваткой материальных и денежных ресурсов. Чтобы увеличить фонды премирования, руководители многих предприятий шли на незаконное повышение дополнительной оплаты за вредные условия работы и использование этих средств для премирования. Дополнительная оплата за «вредные условия» стала начисляться даже в торговле. На премирование расстрачивались надбавки, выдаваемые рабочим и служащим на топливо в зимние месяцы, средства из фонда охраны труда и т. п. На собранные таким способом деньги предприятия скупали в магазинах и раздавали в виде премий одежду, обувь и другие промышленные товары, что создавало дополнительные трудности в торговле. В премировании широко распространилась уравниловка. На некоторых предприятиях, например, всем рабочим выдавалось по 10 юаней. Премии получали даже те, кто не работал по 2—3 месяца в году, а также новички, трудовой стаж которых исчислялся несколькими днями. Спустя месяц после опубликования постановления об образовании фонда предприятия «Жэньминь жибао» выступила со специальной статьей, в которой в несколько панических тонах писала, что, растранивая материальные средства на премирование, предприятия могут «вынудить государство значительно увеличить расходы и тем самым объективно развалить народную экономику, воспрепятствовать осуществлению „четырёх модернизаций“». Поэтому, — заявила „Жэньминь жибао“, — мы во весь голос требуем: немедленно прекратить растрату премий и материальных ценностей на предприятиях и в организациях!»²²⁵.

Кризис социальной политики в деревне. Еще сложнее оказались проблемы активизации трудовой деятельности крестьянства. Из опубликованных в 1978 г. материалов явствует, что бо-

лее 20 лет китайскому крестьянству фактически приходилось нести двойное бремя налогов и поборов — со стороны государства, которое с налогом и закупками забирало более 20% зерновых, и со стороны местных властей, которые произвольно распоряжались рабочей силой, материальными и денежными средствами производственных бригад, подрывая экономические основы коллективной собственности и оказывая пагубное воздействие на доходы крестьянства. Например, крестьяне коммуны Хунтан уезда Сянсян (пров. Хунань) кроме поставок хлеба государству облагались местными властями 24 видами повинностей по 72 статьям. Как свидетельствовала «Жэньминь жибао», к добру народной коммуны «протягивали руки» 49 местных государственных учреждений и организаций. По их требованиям в 1977 г. коммуна израсходовала 685 тыс. рабочих дней, т. е. 27,5% своих трудовых ресурсов. Безвозмездные затраты народной коммуны в денежном выражении достигли более 418 тыс. юаней, или 26 юаней на человека, а среднедушевой доход вместо 94,4 юаня составил 68,4 юаня. В результате бесконтрольного использования рабочей силы и средств в течение нескольких лет сельскохозяйственное производство коммуны сокращалось, экономика бригад истощалась, кассы пустели²²⁶. Аналогичная или еще более тяжелая обстановка складывалась в провинциях Ганьсу, Хэйлуцзян, Аньхой, Хубэй²²⁷ и др.

Серьезным препятствием, сдерживающим трудовую активность крестьянства, оставались различного рода ограничения и «потолки», определяющие максимальный размер доходов коммун, санкционированных китайским правительством. Так, в 1978 г. в уезде Шифан пров. Сычуань продовольственный паек независимо от уровня производства ограничивался 300 кг необрушенного зерна, потребление растительного масла — 2,5 кг и в исключительных случаях 3—4 кг на человека в год, стоимость одного трудодня — 1,2 юаня²²⁸. В районе Янтай пров. Шаньдун уровень годового дохода не должен был превышать 150 юаней на человека²²⁹. Во многих сельских районах под предлогом требований «земельной политики» урезывались приусадебные участки. Крестьянам запрещалось выращивать на них зерновые, технические культуры, а возле домов фруктовые деревья, использовать для выпаса скота пустыри. Постоянным притеснениям подвергались крестьяне, развивавшие подсобные промыслы. В пров. Аньхой даже в благоприятных условиях доход от подсобного хозяйства не превышал 50—60 юаней на двор²³⁰.

В обстановке отсталости и застоя сельского хозяйства доходы крестьян находились на крайне низком уровне и, как правило, «рост производства не сопровождался ростом доходов», «оплата крестьян деньгами отсутствовала»²³¹. В пров. Сычуань, например, стоимость трудодня в среднем равнялась 40 фэням²³². В этом случае годовой доход при выработке 200 трудодней мог составить 80 юаней, при выработке 250 трудодней — 100 юаней,

300 трудодней — 120 юаней. Механизация также не оказывала должного влияния на увеличение доходов крестьян. Напротив, во многих хозяйствах с внедрением дорогостоящей и недоброкачественной техники доходы крестьян сокращались. По данным обследования 2162 бригад в различных районах страны, как правило, с ростом механизации увеличивалась себестоимость обработки 1 му земли, дешевел трудодень. Так, в 1976 г. по сравнению с 1969 г. в этих бригадах урожайность возросла на 36%, себестоимость обработки земли — на 54%, а оплата трудодня сократилась с 70 до 56 фэней (20%)²³³.

Большой удельный вес в социальной структуре деревни продолжали занимать «бедные производственные бригады» и «семьи с перерасходом». И те и другие не могли обеспечить себя даже минимумом пищевого зерна и залезали в долги либо к государству («бедные бригады»), либо к бригаде («семьи с перерасходом»). В уезде Цзянцзинь пров. Сычуань на долю «бедных бригад» приходилось более 20% хозяйств²³⁴, а по всей стране число таких бригад превышало 1 млн. с населением более 150 млн. человек. Обширен слой семей-должников. В бригадах они составляли 30—53% всех дворов²³⁵, задолженность их достигала 110—280 юаней на семью²³⁵.

По признанию «Гуаймин жибао», в некоторых уездах, расположенных в лесовых районах Северо-Западного Китая вдоль р. Хуанхэ, во второй половине 70-х годов уровень жизни крестьян был ниже, чем в довоенное время и во время антияпонской войны (1937—1945). Из 121 обследованного уезда в 69 (57%) душевой доход был ниже 50 юаней в год, а в уезде Гуюань — всего 29 юаней²³⁷.

В результате проведения маоистской политики были допущены нарушения принципов и форм оплаты труда. По свидетельству официальной печати, в очень многих районах труд не нормировался, выработка не учитывалась, доходы распределялись по работникам, а нередко по едокам. Как утверждала «Жэньминь жибао», «на работу людей выходило мало, а те, которые выходили, работали без отдачи сил», словом, люди жили «одним котлом» наподобие «пчелиных семей»²³⁸. В уезде Чусянь пров. Аньхой в таких условиях работали 30—40% всех производственных бригад²³⁹.

Уступая требованиям крестьянства, пекинское руководство вынуждено было заявить о некоторых изменениях в социальной политике в деревне. Более широкие возможности были предоставлены крестьянам в ведении подсобных хозяйств. В некоторых провинциях даже было разрешено держать до двух голов крупного рогатого скота, свиней, высаживать фруктовые деревья, заниматься подсобными промыслами; снимались ограничения на размеры получаемых доходов. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва принял постановление о повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию начиная с урожая

1979 г. (на плановые поставки зерна — на 20%, на сверхплановые — на 50%). В 1979—1980 гг. предусматривалось снизить на 10—15% цены на сельскохозяйственную технику, удобрения, гербициды²⁴⁰.

В целях повышения заинтересованности крестьян в развитии производства предпринимались попытки внедрить стимулирующие формы оплаты труда. Осенью 1978 г. в Пекине в Институте экономики состоялась всекитайская конференция, специально посвященная вопросам распределения в деревне. На конференции были подвергнуты критике система распределения доходов «по работникам» (*жэньтоу гун*), система «фиксированного начисления трудовых единиц» (*дифэнь хошун*), в соответствии с которой оплата труда производилась не по нормам выработки, а на основании предварительной оценки рабочей силы и числа выходных дней. Отвергнута была и дачжайская система оплаты, основанная на «самооценке труда крестьянами» с последующим обсуждением на собрании бригады. Все эти системы оплаты труда, как указывалось в отчете, на практике в конечном счете в той или иной мере вырождались в уравниловку.

В противовес названным формам оплаты труда китайская печать широко популяризировала систему «управления на основе норм труда и учета выработки» (*динэ гуанли, динэ цзигун*), представляющую собой одну из разновидностей подрядной организации и оплаты труда. Эта система, зародившаяся еще в начале кооперирования, существовала в различных вариантах. По одному из них предварительно определялось количество «основных (обязательных) трудовых дней» (*цзибэнь лаодунжи*), которое должен выработать каждый член бригады за год²⁴¹. Затем в зависимости от отношения к труду (а не от физической силы) выводился коэффициент участия в общем деле, утверждавшийся на собрании бригады. В соответствии с характером предстоящих работ из крестьян формировались постоянные, временные, специальные трудовые группы, которым планировались в каждом конкретном случае 3—5 показателей: задание (объем работы), количество рабочей силы, качество работ, время, вознаграждение (заработок в трудовых единицах, премия). Для упрощения нормирования и учета труда была сокращена номенклатура видов работ с 800 (в 1965 г.) до 70²⁴².

Однако это лишь отдельные эпизоды в жизни деревни, не отражающие общей картины. Расширение сферы экономического стимулирования невозможно без значительного увеличения материальных ресурсов на эти цели.

Продовольственный баланс КНР в 1977/78 г. Многочисленные факты, опубликованные в 1978 г. в китайской печати, свидетельствовали об огромных лишениях, испытываемых трудящимися КНР из-за острой нехватки жилья, одежды, продовольствия, топлива. В сентябре в Пекине проходило совещание по жилищному строительству, которое подтвердило, что жилищный

кризис в стране обостряется. Не один раз в печати поднималась проблема обеспечения населения одеждой, обувью. Однако постоянной темой, не сходящей со страниц прессы, оставался продолжающийся продовольственный кризис. В «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Хунци» был опубликован ряд материалов, свидетельствующих о хронически низком и застойном уровне сбора зерновых, маслосемян, хлопка и т. п. Так, по утверждению президента Академии общественных наук Ху Цяому, в 1977 г. производство зерновых на душу населения находилось на уровне 1955 г. (284 кг, включая батат в пересчете на зерно)²⁴³. Душевой сбор сои, арахиса, маслосемян был ниже уровня 50-х годов. Потребление сахара составляло 2,3 кг на человека в год²⁴⁴.

Потребности же населения в жизненных средствах за истекшие 22 года по ряду объективных причин (переход к «политике полной занятости», увеличение городского населения, осознание трудящимися своих насущных нужд и т. д.) значительно выросли. Поэтому при одном и том же уровне потребления степень удовлетворения потребностей снизилась, а продовольственный дефицит стал ощущаться острее.

По расчетам продовольственного баланса, сделанным на основе официальных данных и некоторых оценок в 1977/78 сельскохозяйственном году, среднесуточные возможности удовлетворения потребностей в энергии составили 2080 ккал на человека, в белке — 59 г. Не претерпела прогрессивных изменений структура питания — более 97% потребляемой с пищей энергии приходилось на растительные продукты. Белково-калорийная недостаточность продолжала оставаться главной особенностью, характеризующей питание китайского населения.

Пекинская печать неоднократно сообщала о перебоях и крайне низком уровне снабжения городов яйцами, рыбой, растительным маслом, мясом. Большие трудности возникали даже в обеспечении городского населения овощами. Хуа Гофэн на совещании по торговле и финансам говорил, что из-за плохой организации торговли рабочие вынуждены были прекращать работу и выезжать в деревню для заготовки капусты²⁴⁵. В проблему превратилось снабжение овощами Пекина²⁴⁶, в Циндао (пров. Шаньдун) продажа овощей нормировалась, население «прикреплялось» к овощным лавкам, время торговли ограничивалось²⁴⁷.

Критическая продовольственная обстановка складывалась в ряде сельских районов Китая. По данным обследования 121 уезда Северо-Западного Китая вдоль р. Хуанхэ (население более 24 млн.), в 45 уездах (37% общего числа) в 1977 г. потреблялось на душу населения менее 150 кг зерна (в пересчете на очищенное)²⁴⁸. В Автономном районе Внутренняя Монголия этот показатель был ниже уровня 1956 г.²⁴⁹. Хуже, чем в тяжелый период начала 60-х годов, была обстановка в пров. Ганьсу,

Синьцзян-Уйгурском автономном районе²⁵⁰. Чтобы не допустить массового голода, эти, а также ряд других провинций обращались за помощью к государству. В одном из уездов пров. Ганьсу из государственных фондов зерно получали 99% бригад. Китайская печать сообщала о многочисленных жалобах крестьян на то, что государственные закупки велики, зерна оставляют мало, нормы риса сокращаются, рис выдается пустозерный, очень многие люди едят не досыта²⁵¹.

Острейший дефицит в жизненных средствах нельзя рассматривать как эпизод в жизни китайского общества. Он носит глубокий и всеохватывающий характер. В последнюю четверть века он усугублялся проведением маонистами авантюристической политики и милитаризацией экономики, вызвавшими несколько спадов производства.

Нехватка жизненных средств — одно из главных препятствий на пути распространения методов материального стимулирования. Эффективное использование их невозможно также без коренного усовершенствования управления, организации труда, подготовки кадров, без изменения стиля руководства.

Пока же экономическая политика кинского руководства осуществлялась под знаком милитаризации экономики, в распределении господствовали уравнительность и массовое «обирательство» крестьянства. Все это продолжало оказывать разрушающее воздействие на производственную активность населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
- ² «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
- ³ «Жэньминь жибао», 15.XI.1978.
- ⁴ «Жэньминь жибао», 19.XI.1978.
- ⁵ «Жэньминь жибао», 9.XI.1978.
- ⁶ «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
- ⁷ «Жэньминь жибао», 6.X.1978.
- ⁸ «Жэньминь жибао», 22.XI.1978.
- ⁹ «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ «Жэньминь жибао», 6.X.1978.
- ¹² Более подробно см. раздел «Вопросы материального стимулирования в политике китайского руководства».
- ¹³ «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
- ¹⁴ «Жэньминь жибао», 22.XI.1978.
- ¹⁵ «Чжунго цинняньбао», 13.I.1979.
- ¹⁶ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
- ¹⁷ «Жэньминь жибао», 8.V.1977.
- ¹⁸ «Жэньминь жибао», 19.II.1976.
- ¹⁹ См. доклад Юй Цюли по вопросам развития народного хозяйства КНР на 4-м заседании Постоянного комитета ВСНП 4-го созыва (23.X.1977). «Жэньминь жибао», 30.X.1977.
- ²⁰ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

21 Народный банк Китая был передан в ведение министерства финансов в 1970 г. и осуществлял свои контрольные функции через финансовые управления.

22 «Жэньминь жибао», 21.IX.1978.

23 Там же.

24 «Жэньминь жибао», 6.X.1978.

25 См. «Гуанмин жибао», 26.VIII.1978; «Жэньминь жибао», 27.VIII, 6.X, 3.XI.1978.

26 В материалах VIII съезда КПК «целостная система промышленности» определялась как дающая возможность «производить важнейшие машины и оборудование, сырье и материалы и в основном удовлетворять потребности расширенного воспроизводства и технической реконструкции народного хозяйства», а также способная «производить различные товары потребления для соответствующего удовлетворения запросов в связи с неуклонным повышением уровня жизни народа» (см.: Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 132).

27 К концу года в китайской и зарубежной печати стали появляться сведения о намечающемся пересмотре планов в сторону снижения.

28 См. раздел «Хроника событий».

29 «Жэньминь жибао», 20.IX.1978.

30 «Жэньминь жибао», 4.IX.1978.

31 «Жэньминь жибао», 19.IX.1978.

32 «Жэньминь жибао», 1.IX.1978.

33 «Жэньминь жибао», 10.IX.1978.

34 «Жэньминь жибао», 4.IX.1978.

35 «Жэньминь жибао», 4.VII.1978.

36 «Жэньминь жибао», 2.V.1978.

37 «Чжунго циньяньбао», 1.I.1979.

38 «Жэньминь жибао», 27.XI.1978.

39 «Жэньминь жибао», 5.I.1979.

40 «Жэньминь жибао», 28.IX.1978.

41 «Чжунго циньяньбао», 1.I.1979.

42 «Жэньминь жибао», 14.VI.1978.

43 «Жэньминь жибао», 11.I.1979.

44 «Дли чжиши». 1978, № 1, с. 7.

45 «Жэньминь жибао», 26.XI.1978.

46 «Жэньминь жибао», 9.I.1979.

47 Там же.

48 «Чжунго циньяньбао», 1.I.1979.

49 «Жэньминь жибао», 9.I.1979.

50 «Жэньминь жибао», 28.VIII.1979.

51 «Жэньминь жибао», 22.I.1978.

52 «Жэньминь жибао», 17.XII.1978.

53 «Жэньминь жибао», 27.IX.1978.

54 «Хунци», 1978, № 11.

55 «Чжунго циньяньбао», 1.I.1979.

56 «Жэньминь жибао», 17.IX.1978.

57 «Жэньминь жибао», 30.IX.1978.

58 «Жэньминь жибао», 30.XII.1978.

59 «Жэньминь жибао», 16.XII.1978.

60 «Жэньминь жибао», 28, 31.VIII, 21.IX.1978.

61 Оснащен американским и голландским оборудованием. Производительность — 1 млн. т удобрений в год в условных единицах, в том числе синтетического аммиака — 1 тыс. т, мочевины — 1,6 тыс. т. В качестве сырья завод использует природный газ («Жэньминь жибао», 6.I.1979).

62 «Чжунго циньяньбао», 1.I.1979.

63 «Жэньминь жибао», 31.VIII.1978.

64 «Жэньминь жибао», 2.X.1978.

65 «Жэньминь жибао», 18.VI.1978.

66 «Чжунго циньяньбао», 1.I.1979.

- 67 «Жэньминь жибао», 3.VIII.1978.
 68 «Жэньминь жибао», 17.III.1978.
 69 «Цзинцзи яньцзю». 1978, № 10.
 70 «Жэньминь жибао», 13.VI.1978.
 71 «Жэньминь жибао», 6.VI.1978.
 72 «Жэньминь жибао», 5.VII.1978.
 73 «Гуанмин жибао», 14.X.1978.
 74 Там же.
 75 «Капитальным строительством на полях» в Китае называют работы по мелнорации и землеустройству.
 76 «Жэньминь жибао», 16.VIII.1978.
 77 «Жэньминь жибао», 5.I.1978.
 78 В совещании, состоявшемся в июле — августе 1978 г., участвовало 1200 делегатов, выступили Хуа Гофэн, Ли Сяньнянь (основной доклад), Цзи Дэнкуй (заключительное слово). Был рассмотрен широкий круг вопросов, затрагивающих весь комплекс аграрных проблем.
 79 «Жэньминь жибао», 18.VIII.1978.
 80 «Жэньминь жибао», 16.VIII.1978.
 81 «Жэньминь жибао», 5.V.1978.
 82 «Жэньминь жибао», 16.VIII.1978.
 83 Там же.
 84 «Жэньминь жибао», 26.XII.1978.
 85 «Жэньминь жибао», 6.II.1979.
 86 «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
 87 См. там же.
 88 «Жэньминь жибао», 6.II.1978.
 89 «Жэньминь жибао», 6.II.1979.
 90 «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
 91 «Жэньминь жибао», 11.II.1977.
 92 «Хунци», 1978, № 1, с. 26.
 93 «Жэньминь жибао», 27.I.1978.
 94 «Жэньминь жибао», 22.V.1978.
 95 «Хунци», 1978, № 1, с. 27.
 96 «Жэньминь жибао», 26.I.1978.
 97 «Жэньминь жибао», 30.III.1978.
 98 «Жэньминь жибао», 6.II.1978.
 99 «Гупцзи гунцио». Пекин, 1957, № 19, с. 31.
 100 «Жэньминь жибао», 22.V.1978.
 101 «Жэньминь жибао», 27.XII.1978.
 102 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 103 «Жэньминь жибао», 27.XII.1978.
 104 Там же.
 105 «Жэньминь жибао», 18.XII.1978.
 106 «Жэньминь жибао», 31.VII.1978.
 107 «Жэньминь жибао», 12.II.1979.
 108 «Жэньминь жибао», 6.X.1978.
 109 «Жэньминь жибао», 26.II.1978.
 110 «Жэньминь жибао», 27.XII.1978.
 111 FAO Production Yearbook. 1976. Rome, 1977, с. 61, 65, 89, 90.
 112 См.: Е. В. Хлебуги п. Экономика зернового хозяйства в развитых капиталистических странах. М., 1975, с. 238.
 113 «Жэньминь жибао», 14.V.1978.
 114 FAO Production Yearbook. 1976. Rome, 1977, с. 92.
 115 Расчет по «Жэньминь жибао», 16.XI.1978.
 116 «Жэньминь жибао», 18.XII.1978.
 117 «Жэньминь жибао», 27.XII.1978.
 118 «Жэньминь жибао», 3.VII.1978.
 119 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 120 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 121 «Жэньминь жибао», 25.XI.1978.

- 122 «Жэньминь жибао», 12.VII.1978.
 123 «Foreign Agriculture». Wash., 18.IX.1978, с. 2.
 124 «Жэньминь жибао», 16.VIII.1978.
 125 Там же.
 126 «Жэньминь жибао», 15.X.1978.
 127 «Жэньминь жибао», 8.X.1978.
 128 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 129 «Жэньминь жибао», 25.VIII.1978.
 130 «Хунци». 1978, № 9, с. 32.
 131 «Чжунго циньяньбао», 1.I.1979.
 132 «Жэньминь жибао», 18.VIII.1978.
 133 «Жэньминь жибао», 6.XII.1977.
 134 По китайским стандартам к средним объектам относятся водохранилища емкостью от 10 млн. до 100 млн. куб. м.
 135 «Китай». 1978, № 2.
 136 «Жэньминь жибао», 14.V.1978.
 137 «Жэньминь жибао», 21.IX.1978.
 138 «Жэньминь жибао», 26.VI.1979.
 139 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 140 «Жэньминь жибао», 15.VI.1978.
 141 «Жэньминь жибао», 27.XII.1978.
 142 Там же.
 143 «Жэньминь жибао», 23.I.1979.
 144 «Жэньминь жибао», 7.I.1979.
 145 «Жэньминь жибао», 3.I.1979.
 146 «Жэньминь жибао», 12.XII.1978.
 147 Там же.
 148 «Жэньминь жибао», 29.IX.1978.
 149 «Жэньминь жибао», 24.IV.1978.
 150 «Жэньминь жибао», 13.XII.1978.
 151 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 152 Там же.
 153 «Жэньминь жибао», 23.XII.1978.
 154 «Жэньминь жибао», 5.X.1978.
 155 «Жэньминь жибао», 22.II.1978.
 156 «Борба», 3.VIII.1978.
 157 «Жэньминь жибао», 26.IX.1978.
 158 «Far Eastern Economic Review». Vol. 102, № 46, 1978, с. 5.
 159 «Борба», 3.VIII.1978.
 160 «Far Eastern Economic Review». Vol. 102, № 40, 1978, с. 61.
 161 Там же, с. 62.
 162 Там же, с. 61.
 163 «Жэньминь жибао», 31.V.1978.
 164 «Жэньминь жибао», 7.X.1978.
 165 «Жэньминь жибао», 13.XII.1978.
 166 «Жэньминь жибао», 19.X.1978.
 167 «Жэньминь жибао», 27.XII.1978.
 168 «Жэньминь жибао», 18.IV, 28.IX.1978.
 169 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 170 Там же.
 171 «Жэньминь жибао», 8.V.1978.
 172 «Жэньминь жибао», 3.IV.1978.
 173 «Жэньминь жибао», 20, 30.VI, 29.VII, 1.IX.1978.
 174 «Жэньминь жибао», 8.X.1978.
 175 «Жэньминь жибао», 28.VI.1979.
 176 Там же.
 177 «Жэньминь жибао», 30.VI.1979.
 178 Там же.
 179 По структуре доходов в 1956—1957 гг. на статью «прочие» приходилось 1,5—2,0%.

- 180 «Жэньминь жибао», 30.VI.1979.
 181 Там же.
 182 Там же.
 183 «Жэньминь жибао», 17.I.1979.
 184 «Жэньминь жибао», 16.VIII.1978. Письмо жителей Пекина с жалобой на дороговизну овощей и фруктов.
 185 «Жэньминь жибао», 13.VI.1978.
 186 «Гуанмин жибао», 18.VIII, 16.IX.1978.
 187 «Financial Times», 7.XII.1978.
 188 «Le Monde», 27.XI.1978.
 189 «Far Eastern Economic Review», 1.XII.1978.
 190 См., например, «Wall-Street Journal», 14.XI.1978; «China Business Review», Nov. — Dec., 1978.
 191 «U. S. News and World Report», 8.I.1979.
 192 В результате продолжавшегося обесценения доллара рост внешней торговли КНР в рублевом исчислении был несколько меньше и составил менее 30%, в том числе по импорту — 40% и по экспорту — менее 20%.
 193 «The China Letter», suppl. № 82. August 1978.
 194 «South China Morning Post», 17.V.1976.
 195 «Жэньминь жибао», 17.V.1978.
 196 «Жэньминь жибао», 16.IV.1978.
 197 «Жэньминь жибао», 17.V.1978.
 198 Там же.
 199 «Far Eastern Economic Review». Vol. 100, № 22.
 200 «Жэньминь жибао», 17.X.1978.
 201 Там же.
 202 «Жэньминь жибао», 16.XI.1978.
 203 Там же.
 204 Там же.
 205 «Washington Post», 15.XI.1978.
 206 «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
 207 «Жэньминь жибао», 5.V.1978.
 208 «Жэньминь жибао», 18.X.1978.
 209 «Жэньминь жибао», 21.I.1979.
 210 «Жэньминь жибао», 12.X.1978.
 211 «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
 212 «Жэньминь жибао», 5.V.1978.
 213 «Гуанмин жибао», 3.IV.1978.
 214 «Жэньминь жибао», 24.III.1978.
 215 «Жэньминь жибао», 14.IV.1978.
 216 «Жэньминь жибао», 19.VII.1978.
 217 «Жэньминь жибао», 2.X.1978.
 218 «Жэньминь жибао», 20.XII.1978.
 219 «Гуанмин жибао», 17.I.1978.
 220 «Жэньминь жибао», 25.XI.1978.
 221 «Жэньминь жибао», 20.XII.1978.
 222 Там же.
 223 «Гуанмин жибао», 17.I.1979.
 224 «Жэньминь жибао», 25.XI.1978.
 225 «Жэньминь жибао», 21.I.1979.
 226 «Жэньминь жибао», 5.VII.1978.
 227 «Жэньминь жибао», 6, 10.VII, 3.XII.1978.
 228 «Жэньминь жибао», 18.I.1979.
 229 «Жэньминь жибао», 21.I.1979.
 230 «Жэньминь жибао», 6.VII.1978.
 231 «Жэньминь жибао», 5.VII.1978.
 232 «Жэньминь жибао», 18.I.1979.
 233 «Гуанмин жибао», 7.XII.1978. Следует заметить, что в данном случае речь идет о наиболее крепких бригадах, так как только они в состоянии приобретать технику.

- 234 «Гуанмин жибао», 14.XII.1978.
235 Рассчитано по: «Жэньминь жибао», 5.VII.1978; «Хунци», 1978, № 6,
с. 75.
236 Рассчитано по: «Жэньминь жибао», 5.VII.1978; «Хунци». 1978, № 6,
с. 75.
237 «Гуанмин жибао», 29.XI.1978.
238 «Жэньминь жибао», 27.III.1978.
239 «Жэньминь жибао», 20.XII.1978.
240 «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
241 «Жэньминь жибао», 18.X.1978.
242 «Жэньминь жибао», 12.V.1978.
243 «Жэньминь жибао». 6.X.1978.
244 «Цзинцзи гуанли». 1979, № 1, с. 53.
245 «Хунци». 1978, № 8, с. 31.
246 «Жэньминь жибао», 17.I.1978.
247 «Жэньминь жибао», 19.IX.1978.
248 «Жэньминь жибао», 26.XI.1978.
249 «Жэньминь жибао», 4.XII.1978.
250 «Жэньминь жибао», 25.VII.1978.
251 «Жэньминь жибао», 6, 7, 18, 25.VII.1978.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПЕКИН: УСИЛИВАЮЩАЯСЯ УГРОЗА МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

Решения 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей и 3-го пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.), равно как и все практические действия Пекина на международной арене, свидетельствуют о дальнейшем политическом перерождении китайского руководства.

В исторической борьбе двух мировых систем — капитализма и социализма — китайские лидеры, преследуя свои великодержавно-гегемонистские цели, оказались полностью на стороне капитализма. Они превратили политику Китая в особо активный фактор нагнетания международной напряженности, подрыва дела мира и социализма. Внешняя политика КНР, судя и по ее объективным результатам, и по субъективным замыслам ее творцов, стала частью политики самой крайней империалистической реакции. Антисоветизм маоистов сомкнулся с мировым антикоммунизмом, Пекин выдвинулся на роль активнейшего пособника империалистических поджигателей новой мировой войны.

Политбюро ЦК КПСС при рассмотрении результатов встреч Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с руководителями ЧССР, ГДР, ВНР, ПНР, СРР, НРБ и МНР в Крыму (июль — август 1978 г.) дало следующую оценку внешнеполитического курса Пекина:

«Политбюро ЦК КПСС подчеркивает серьезную опасность, которую представляют для дела мира и социализма действия нынешних руководителей Китая. Проводя великодержавный, гегемонистский курс, Пекин открыто делает ставку на нагнетание международной напряженности, использует любые средства, чтобы подорвать позиции социалистического содружества, революционных, освободительных сил современности. Стремясь получить доступ к натовским военным арсеналам, правители Китая всячески рекламируют свою враждебность к Советскому Союзу и другим странам социализма и ратуют за безудержную гонку вооружений. Эта политика тем более опасна, что она встречает поддержку со стороны наиболее реакционных кругов империалистических стран»¹.

Внешнеполитический курс китайского руководства определяется амбициозными планами установления мирового господства Китая. Соответственно позиция Пекина по основным проблемам мирового развития идет вразрез с устремлениями всего прогрессивного человечества.

Поскольку КНР не располагает материальной базой для достижения великодержавных целей, пекинские лидеры всячески стремятся обострить напряженность между странами социализма и странами капитализма, которая, по замыслам Пекина, должна привести к вооруженному столкновению прежде всего между СССР и США, что, как полагают маоисты, привело бы к взаимному истреблению противников и расчистило бы Китаю путь к мировому господству. Маоисты разрабатывают «теоретические» схемы («теория трех миров»), извращающие реальную картину расстановки сил в современном мире и обосновывающие «объективную» неизбежность мировой войны. Тем самым они пытаются оправдать собственную политику провоцирования глобального термоядерного конфликта.

Китай является единственной страной, которая возвела в ранг официальной партийной и государственной политики провоцирование новой мировой войны. Курс на срыв разрядки, на обострение международной напряженности, на всеобщую милитаризацию и подготовку к войне стал краеугольным камнем внешней политики Пекина.

Особенно упорно китайское руководство препятствует переходу политической разрядки в разрядку военную. Пекин отвергает все практические меры, направленные на реальное разоружение. Анализ политики КНР в данном вопросе показывает, что в ней больше, чем когда-либо, сливаются воедино противодействие любым мерам по разоружению с широчайшей пропагандой гонки вооружений. Пекинские лидеры вслед за милитаристами на Западе цинично превозносят нейтронную бомбу, заявляя, что, во-первых, это оружие «тактическое», во-вторых, «не такое уж плохое» и что, в-третьих, Китай постарается обзавестись им. Всячески пытаясь помешать другим странам хотя бы частично решить проблемы ограничения гонки вооружений и разоружения, пекинские стратеги одновременно стремятся избежать принятия Китаем любых обязательств по разоружению, сохранить за собой право безграничного развития всех видов оружия, в особенности ядерного. Судя по всему, преемники Мао Цзэдуна руководствуются его установкой, выдвинутой на IX съезде КПК: «Лучше воевать раньше, чем позже; большая война лучше малой; ядерная война лучше неядерной».

В проповеди неизбежности новой мировой войны, в своих военных приготовлениях пекинские лидеры взаимодействуют с реакционными силами Западной Европы, вступают в открытый сговор с империалистической и иной реакцией, пытаются опереться на поддержку стран военного блока НАТО, прежде всего

США. Пекинское руководство предпринимает также усиленные попытки навязать свои концепции подготовки новой войны крупной капиталистической державе Азии — Японии, активно поддерживает японо-американский военный «договор безопасности», поощряет форсирование военных приговоров в Японии. Подписание так называемого «договора о мире и дружбе» между КНР и Японией серьезно осложнило международную обстановку в Азии и в районе Тихого океана.

Пекин на данном этапе рассматривает США, другие страны НАТО, а также Японию в качестве своих стратегических союзников в борьбе против СССР, других стран мирового социалистического содружества, мирового революционного и национально-освободительного движений. Пекинские лидеры усиленно подсовывают правящим кругам капиталистических стран «китайскую карту», надеясь таким образом активизировать борьбу империалистической и иной реакции против мирового социализма.

Военно-политическое сближение Китая с империализмом имеет целью не только борьбу против мирового социализма. Оно используется Пекином для упрочения связей с местной реакцией в развивающихся странах. Любыми средствами пекинское руководство пытается оторвать эти страны от их союзника и защитника — социалистического содружества, прежде всего Советского Союза, подбравшись к их огромным ресурсам для осуществления так называемых «четырёх модернизаций», главной целью которых является наращивание военной мощи Китая.

Как союзник империализма, Китай в 1978 г. приложил немалые старания к тому, чтобы расколоть движение неприсоединения, подорвать и ослабить его антиимпериалистическую направленность. Он постоянно оказывался по одну сторону баррикад с силами, подрывающими национально-освободительное движение народов трех континентов, и в ряде случаев принимал активное участие в военном наступлении неокOLONиализма на это движение.

На Азиатском континенте Китай охотно взял на себя ответственную ему империализмом роль «локального жандарма», дополняющего здесь «американское присутствие». Фактически по периметру границы КНР не осталось ни одной страны, которой китайское руководство не предъявляло бы территориальных претензий и против которой не осуществляло бы подрывных акций. Политика КНР в Юго-Восточной Азии, широкая вооруженная акция, предпринятая Пекином против СРВ в начале 1979 г., полностью соответствуют сделанному в 1965 г. заявлению Мао Цзэдуна о «необходимости заполучить ЮВА» с ее огромными ресурсами.

Опасность гегемонистского курса китайского руководства в отношении развивающихся неприсоединившихся стран особенно четко выявилась в Кампучии. Пропекинский, варварский режим,

существовавший там в 1975—1978 гг., превратил страну в огромный концентрационный лагерь, физически уничтожил почти 3 млн. людей, дезорганизовал экономику страны, привел Кампучию к вооруженной конфронтации с социалистическим Вьетнамом.

Великодержавная, гегемонистская политика пекинского руководства, пропаганда неизбежности войны, смыкание со всеми реакционными силами несут угрозу безопасности народов, представляют собой серьезный дестабилизирующий фактор международной обстановки. Подрыв международного сотрудничества государств, натравливание народов друг на друга, создание «великого хаоса» в мире — вот на что в действительности нацелена внешнеполитическая линия маоистов. Она в корне враждебна жизненным интересам всех народов, в том числе и китайского народа. И этот факт не могут скрыть совместные усилия преемников Мао Цзэдуна и их империалистических партнеров изобразить дело так, будто формирующийся военно-политический альянс Китая и Запада будет «способствовать сохранению мира и стабильности в Азии и во всем мире».

Переходом на позиции империализма и реакции Пекин, без сомнения, оказал заметное влияние на военно-политическую обстановку в мире. Однако это ни в коей мере не изменило и не может изменить содержания и основных тенденций мирового развития.

КНР И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

Советско-китайские отношения. В 1978 г. китайское руководство по-прежнему стремилось обострить напряженность и исключить возможность позитивных сдвигов в межгосударственных отношениях Советского Союза и КНР.

Новая конституция КНР закрепила в качестве основной задачи китайской внешней политики борьбу против Советского Союза, который был объявлен «самым опасным очагом новой мировой войны». В документах сессии ВСНП и в коммюнике 3-го пленума ЦК КПК подтвержден курс на создание «широчайшего международного единого фронта борьбы» против СССР на основе смыкания Китая со всеми антисоциалистическими силами.

Вопреки заявлению Хуа Гофэна на сессии о готовности китайского руководства к поддержанию нормальных межгосударственных отношений с СССР на основе принципов мирного сосуществования, в документах сессии, по существу, отсутствует какая-либо позитивная программа нормализации отношений двух стран. Весь комплекс межгосударственных отношений СССР и КНР сводится китайскими руководителями к так называемому «вопросу о границе» (см. подробнее раздел «Пограничная политика руководства КНР»).

Характерно, что упомянутое согласие Пекина поддерживать нормальные отношения с СССР было изложено в форме нарочито демагогического требования к советской стороне «доказать практическими действиями» свое стремление к улучшению отношений с Китаем, хотя хорошо известно, что СССР многократно выступал с соответствующими конструктивными предложениями. Более того, перечень «практических мер», т. е. предварительных условий для решения «пограничного вопроса» и нормализации советско-китайских отношений, в докладе Хуа Гофэна был дополнен рядом новых, заведомо неприемлемых для СССР требований (одностороннее сокращение вооруженных сил СССР в районе советско-китайской границы, вывод советских войск из МНР). Совершенно очевидно, что, выдвигая все эти условия, Пекин стремился максимально затруднить достижение договоренности о практических мероприятиях, направленных на изменение ненормального положения в советско-китайских отношениях.

О стремлении китайской стороны затормозить советско-китайское урегулирование свидетельствует и резко негативная реакция на новую советскую инициативу — предложение о переговорах между сторонами на высоком уровне с целью выработки текста совместного заявления о принципах взаимоотношений между СССР и КНР. Такое предложение содержалось в обращении Президиума Верховного Совета СССР, направленном в адрес Постоянного комитета ВСНП в канун сессии ВСНП. В ноте МИД КНР от 9 марта 1978 г. Пекин попытался опровергнуть предложение СССР, обосновать свой отказ от него с помощью повторения прежних, неприемлемых требований к Советскому Союзу. При этом было подтверждено намерение КНР продолжать так называемую «принципиальную полемику», т. е. идеологическую и политическую борьбу против КПСС и Советского государства, в течение «длительного времени»².

Наряду с отказом от советских инициатив, направленных на восстановление добрососедства с КНР, китайская сторона в 1978 г. активизировала курс на преднамеренный подрыв договорно-правовых основ советско-китайских отношений. В сентябре 1978 г. представители китайского руководства впервые открыто заявили о своем намерении не продлевать действие договора 1950 г. В беседе с делегацией японских журналистов в Пекине 6 октября заместитель премьер-министра Госсовета КНР Дэн Сяопин заявил, что советско-китайский договор, «по сути дела, давно уже превратился в клочок бумаги и сообщение о намерении китайского правительства аннулировать его будет всего лишь формальностью».

Стремясь обосновать «необратимый» характер разрыва между СССР и КНР, пекинские лидеры неоднократно выступали с заявлениями о неизбежности войны с СССР, с призывами к мобилизации всех сил для отражения «внезапного нападения»

СССР на Китай. Китайские средства массовой информации продолжали распространять материалы, грубо извращавшие внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. В 1978 г. в двух центральных газетах, «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», и журнале «Хунци» было опубликовано около 2500 антисоветских материалов.

Характерной особенностью антисоветской пропагандистской кампании 1978 г. было стремление использовать клеветнические измышления в адрес СССР в материалах, посвященных внутренним проблемам КНР. Призывы пропаганды к мобилизации всех сил китайского народа для осуществления программы «четырёх модернизаций» и превращения Китая в могучую мировую державу с мощным военным потенциалом непосредственно увязывались с необходимостью укрепления обороноспособности КНР в целях отражения «советской агрессии»³. Публиковались домыслы о так называемом «стремлении» СССР затормозить развитие китайской экономики⁴, клеветнические измышления в отношении опыта строительства социализма в СССР и модернизации советской промышленности и сельского хозяйства⁵.

Китайская пропаганда настойчиво подчеркивала «заслуги» Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и представителей нового руководства в борьбе против «советского ревизионизма»⁶. В публикациях, посвященных «критике» сторонников Линь Бяо и «банды четырех» и реабилитации кадровых работников, репрессированных в годы «культурной революции», содержались измышления о Советском государстве и внутренней политике КПСС⁷.

Для подтверждения тезиса об угрозе безопасности КНР со стороны Советского Союза более активно, чем в предыдущие годы, использовались домыслы о так называемой «подрывной деятельности» СССР и якобы организованных советской стороной «провокациях» на советско-китайской границе.

В первые дни 1978 г. в Китае был выпущен на экраны и демонстрировался по телевидению антисоветский фильм «Медвежий следы», в котором были показаны «черные дела» советских «шпионов-дипломатов», якобы пытавшихся похитить планы военных объектов. Китайская пропаганда широко рекламировала новый фильм, допуская при этом многочисленные антисоветские выпады. Она вновь выступала с измышлениями о предпринятых Советским Союзом в конце 1950-х годов попытках «поставить Китай под свой контроль», о некоем «требовании» СССР создать объединенный флот и построить на территории КНР длинноволновую радиостанцию, об «одностороннем аннулировании» советской стороной соглашения о новой военной технике, «прекращении» экономической помощи КНР, «отзыве специалистов и разрыве контрактов»⁸ и т. д.

По вине китайской стороны безрезультатно окончился очередной тур переговоров по урегулированию пограничных вопросов (конец апреля — июнь 1978 г.).

Как и в предыдущие годы, в 1978 г. не были подписаны ежегодные протоколы о культурном и научно-техническом сотрудничестве, не были восстановлены контакты и в других областях межгосударственных отношений. Некоторый прогресс наблюдался лишь во внешнеэкономических контактах: соглашение между СССР и КНР о товарообороте и платежах на 1978 г., подписанное 18 апреля (раньше, чем в 1977 г.), предусматривало некоторое увеличение объема торговли по сравнению с 1977 г.

КНР и другие социалистические страны. Политика КНР в отношении большинства социалистических стран в 1978 г. характеризовалась наращиванием враждебности, усилением подстрекательских действий, направленных на то, чтобы затормозить социалистическое строительство в этих странах, расшатать социалистическое содружество. «Дифференцированный подход» Пекина к отдельным социалистическим странам вылился в прямые экспансионистские действия, вплоть до полного разрыва отношений с ними.

В 1978 г. китайское руководство резко обострило отношения КНР с *Социалистической Республикой Вьетнам*.

Враждебная политика Пекина в отношении СРВ вытекала из самой сути его глобальной гегемонистской стратегии борьбы против мирового социализма. После победы в войне сопротивления американской агрессии объединенный социалистический Вьетнам, связанный с государствами социалистического содружества крепнущими узами дружбы, стал бастионом социализма в Юго-Восточной Азии, серьезным препятствием на пути осуществления экспансионистских планов Пекина в этом районе, открыто изложенных Мао Цзэдуном еще в августе 1965 г. «Мы обязательно должны заполучить Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... — заявил тогда Мао. — После того как мы заполучим Юго-Восточную Азию, в этом районе можно увеличить наши силы, противостоящие советско-восточноевропейскому блоку, ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада».

Именно поэтому руководители Китая сразу же после объединения Вьетнама стремились создать всевозможные препятствия на пути его самостоятельного, независимого социалистического развития. В этих целях они уже в 1975 г. инспирировали пограничный конфликт между Кампучией и Вьетнамом, который к 1978 г. при активнейшей поддержке КНР был доведен до широкой пограничной войны против СРВ.

После провала планов подчинить СРВ своему диктату посредством агрессии извне китайские лидеры предприняли попытки оказать на Вьетнам давление путем подрыва изнутри. Они обвинили руководство СРВ в дискриминации проживающих в стране лиц китайской национальности, спровоцировали их массовое бегство в КНР и под предлогом изыскания средств для устройства беженцев отказались от всех обязательств по

оказанию помощи СРВ: прекратили поставки комплектного оборудования, предоставление кредитов на его закупку, отозвали китайских специалистов, аннулировали ряд соглашений, а также в одностороннем порядке прервали деятельность консульств СРВ в Гуанчжоу, Наньнин и Куньмине.

Все предложения Вьетнама, направленные на решение проблемы лиц китайской национальности, проживающих в СРВ, грубо отвергались китайской стороной. Начатые в августе по настоянию вьетнамцев переговоры сопровождались широкой антивьетнамской кампанией в КНР и вскоре были прерваны Пекином.

Одновременно Пекин, также с целью давления на СРВ, начал провоцировать вооруженные инциденты на китайско-вьетнамской границе, создавать угрозу территориальной целостности и суверенитету СРВ. По сообщениям вьетнамской печати, китайские войска в сентябре 1978 г. 47 раз, а в ноябре 66 раз вторгались на территорию СРВ.

Великодержавно-гегемонистскую политику Пекина в отношении СРВ китайская пропаганда пыталась прикрыть фальшивым лозунгом «борьбы против гегемонизма Советского Союза» в данном районе. Твердая и решительная позиция Вьетнама, отстаивавшего свои национально-государственные интересы, трактовалась китайской пропагандой как «происки социал-империализма». Антисоветизм в китайской политике еще более усилился после подписания в ноябре 1978 г. советско-вьетнамского Договора о дружбе и сотрудничестве. Китайская печать искажала миролюбивую сущность договора, распространяла лживые измышления о том, что он будто бы направлен против интересов других стран. Эти измышления полностью опровергнуты в речи Л. И. Брежнева 3 ноября 1978 г. «Советско-вьетнамский договор заключен между двумя равноправными, независимыми и миролюбивыми государствами,— говорил Л. И. Брежнев.— И нет в нем ни одной строки, в которой диктовалась кому бы то ни было чужая воля, были бы задеты интересы какой-либо третьей страны»⁹. Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан оценил договор следующими словами: «Вьетнамо-советский Договор о дружбе и сотрудничестве отвечает чаяниям и интересам наших народов; в то же время он отвечает интересам братских социалистических стран, он является активным вкладом в борьбу за дело мира в Азии и во всем мире»¹⁰.

Антисоветизм во вьетнамской политике Пекина вполне согласуется с приведенными выше призывами Мао Цзэдуна усилить в Юго-Восточной Азии противостояние «советско-восточноевропейскому блоку», т. е. мировому социалистическому содружеству. Борьба Пекина против социалистического Вьетнама является частью его глобальной борьбы в союзе с империалистической реакцией против мирного социализма. Как подчеркнул Ле Зуан в речи 3 ноября 1978 г. в Москве, «реакционная группировка

в правящих кругах Пекина всемерно сколачивает силы, создает новый союз с империализмом и фашистскими прихвостнями, союз, острее которого направлено против мировой социалистической системы и движения за национальную независимость, на раскол и подрыв борьбы рабочего класса, на то, чтобы помешать процессу разрядки, подорвать дело мира во всем мире»¹¹.

Когда стал очевиден крах реакционного режима в Кампучии под ударами революционно-патриотических сил (в конце 1978—начале 1979 г.), китайское руководство вновь усилило враждебные действия в отношении Вьетнама, расширило пограничные вооруженные провокации, приступило к сосредоточению крупных военных сил и средств ведения войны на границе с Вьетнамом. По существу, как указывалось в официальных заявлениях СРВ, тем самым началась подготовка агрессивной войны против социалистического Вьетнама.

Агрессивность и великодержавные устремления Пекина усилились и в отношении другой соседней социалистической страны — *Монгольской Народной Республики*. Китайское руководство упорно проводило курс на обострение китайско-монгольских отношений. Оно пыталось вмешиваться во внутренние дела МНР, игнорировать МНР как независимое суверенное государство. В ноте правительства МНР правительству КНР от 12 апреля 1978 г. подчеркивалось, что «грубым вмешательством во внутренние дела МНР является требование о выводе советских воинских частей с территории МНР, с которым недавно обратились китайские власти к Советскому Союзу. Причем это было сделано в обход правительства МНР»¹².

«Китайские руководители, — отметил в речи на 87-м заседании Исполкома СЭВ в сентябре 1978 г. Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель президиума Великого народного хурала МНР Ю. Цеденбал, — не раз заявляли о своем намерении аннексировать нашу страну. Эти наглые притязания сопровождаются идеологическими и экономическими диверсиями против Монголии, усилением военных приготовлений, которые создают непосредственную угрозу безопасности МНР»¹³.

Позиция МНР в монголо-китайских отношениях была четко изложена Ю. Цеденбалом в интервью корреспонденту японской газеты «Асахи». «МНР, как и прежде, — заявил он, — будет прилагать усилия, чтобы нормализовать межгосударственные отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. В то же время мы будем со всей решительностью бороться с маоизмом, давать твердый отпор всем посягательствам Китая на свободу и национальную независимость нашего народа»¹⁴.

В результате враждебной политики Пекина китайско-монгольские связи в 1978 г. ограничились лишь подписанием соглашения о взаимных поставках товаров и платежах на текущий год, поздравительной телеграммой руководителей МНР Е Цзяньину и Хуа Гофэну по случаю назначения их на государствен-

ные посты и приветственной телеграммой Совета Министров МНР Госсовету КНР в связи с 29-й годовщиной образования КНР.

КНР практически полностью разорвала в 1978 г. отношения с *Народной Социалистической Республикой Албанией*. 7 июля МИД КНР в ноте посольству НСРА в Китае уведомил о решении прекратить экономическую и иную помощь Албании и отозвать из страны всех китайских специалистов. Эта акция мотивировалась тем, что албанская сторона якобы умышленно нарушала соглашения, подрывала сотрудничество между странами.

Подлинные причины позиции китайского руководства в отношении Албании были раскрыты в письме ЦК Албанской партии труда и Совета министров Албании в адрес ЦК КПК и Госсовета КНР, опубликованном газетой «Зери и популлит» 29 июля 1978 г. В письме, в частности, говорилось, что руководители Пекина совершили вероломную и враждебную по отношению к социалистической Албании акцию: разорвали соглашения, официально заключенные между двумя странами, грубо нарушили элементарные международные правила и нормы, распространили идеологические разногласия на сферу межгосударственных отношений. ЦК АПТ и албанское правительство, указывалось в письме, разоблачают перед мировой общественностью вероломное прекращение Китаем помощи Албании как реакционный акт, совершенный с великодержавных позиций.

В письме албанского руководства была раскрыта также история развития албано-китайских отношений с 1960 г., которая свидетельствует о том, что Пекин, по существу, никогда не строил своих отношений с Албанией на равноправной основе, а видел в ней прежде всего удобный плацдарм для проникновения на Балканы, для втягивания стран этого региона в орбиту великодержавной маоистской политики.

Резко враждебную политику проводила КНР в отношении *Республики Кубы*. Китайская печать систематически выступала со злобной клеветой и яростными нападкамии на внутреннюю и особенно внешнюю политику кубинского руководства, подхватила и раздувала миф о так называемой «кубинской угрозе» в Африке и Латинской Америке, стремясь тем самым дискредитировать проводимую Кубой политику интернационализма и поддержки борьбы народов этих континентов за свободу и независимость. При помощи клеветнических измышлений Пекин стремился помешать участию Кубы в движении неприсоединения, принизить ее роль в этом движении.

Первый секретарь ЦК компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров Республики Кубы Ф. Кастро в речи на митинге, посвященном 25-летию национального восстания, оценивая политику КНР в отношении Кубы, заявил: «Нынешнее китайское руководство оправдывает экономи-

ческую блокаду Кубы и существование военно-морской базы США на кубинской территории... В отношении интернационалистской политики Кубы, безграничного благородства нашего народа, сыны которого боролись в Анголе против южноафриканских расистов, чтобы защитить независимость народа, завоеванную в результате 15 лет героической борьбы, в отношении нашей боевой солидарности с эфиопской революцией, отражавшей внешнюю агрессию, организованную США, странами НАТО и арабской реакцией,— все это подвергается китайскими руководителями таким же и даже более грубым и подлым нападкам, чем со стороны более коварных и более лицемерных апологетов империализма»¹⁵.

Внешняя политика китайского руководства решительно осуждена в совместном советско-кубинском коммюнике: «Советский Союз и Куба выступают за то, чтобы строить отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. Вместе с тем обе стороны решительно осуждают курс китайского руководства на союз с силами мировой реакции, с самыми реакционными режимами в Африке, Латинской Америке, на подрыв солидарности стран социализма с освободительными движениями. Они будут и впредь оказывать отпор авантюристическому великодержавному курсу Пекина, враждебному социализму и создающему угрозу миру и международной безопасности»¹⁶.

Политика китайского руководства в отношении большинства социалистических стран Европы (*НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР*) основывалась на маоистской геополитической «теории трех миров», согласно которой эти государства (правда, не названные поименно) не «признаются» социалистическими, отнесены к «развитым странам Восточной Европы» и вместе с капиталистическими государствами включены в так называемый «второй мир».

В соответствии с этой установкой китайская печать замалчивала успехи строительства развитого социализма в европейских странах, клеветала на их взаимные политические, экономические, культурные и иные связи, а также на их союзнические отношения и сотрудничество с Советским Союзом на двусторонней основе и в рамках СЭВ и Варшавского Договора.

Уже сами попытки Пекина извращенно толковать характер общественного и государственного строя в указанных странах являются свидетельством его враждебного отношения к ним.

Но особенно явно враждебность Пекина проявлялась в злобной клевете по адресу Совета Экономической Взаимопомощи (в частности, в комментарии «Жэньминь жибао» от 6 августа 1978 г. о 32-й сессии СЭВ), в иступленной кампании, направленной против совместных усилий социалистических стран по защите социалистических завоеваний, обеспечению мирных условий дальнейшего развития. Китайские лидеры и печать призывали страны НАТО не идти ни на какие договоренности с госу-

дарствами Варшавского Договора, выступали против всех предложений СССР и братских социалистических стран о разоружении и разрядке международной напряженности.

Браждебные декларации сопровождались попытками вмешательства Пекина во внутренние дела отдельных европейских социалистических стран. Китайские лидеры по-прежнему поддерживали тезис западногерманских реваншистов о «единстве немецкой нации», направленный против суверенитета ГДР. В августе «Жэньминь жибао» опубликовала серию информации агентства Синьхуа, в которых содержались подстрекательские призывы к чехословацкому народу подняться на борьбу «за национальную независимость и свободу»¹⁷.

Браждебность Пекина не давала возможности указанной группе стран нормализовать отношения с КНР по государственной линии. Связи Китая с ними в 1978 г. ограничились подписанием соглашений о товарообороте и платежах, предусматривавших лишь некоторое расширение торговли и незначительный научно-технический обмен.

Руководство и печать социалистических стран прилагали усилия к разоблачению антисоциалистического характера внешнеполитических акций Пекина, его стремления опереться на империалистические силы в борьбе против социалистического сотрудничества, подвергали критике все аспекты его подрывной подстрекательской политики.

Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков в речи на теоретической конференции в Софии (декабрь 1978 г.) указал, что китайское руководство «не только не скрывает, но по существу дела возводит в ранг государственной политики подготовку к войне. Это политика, полностью противоречащая сущности и интересам социализма, интересам самого китайского народа, всех народов мира»¹⁸. Болгарская газета «Работническо дело» (3.III.1978) раскрыла антисоциалистические цели, преследуемые пекинскими лидерами, поддержавшими намерение США оснастить НАТО нейтронной бомбой: «Оснащение нейтронным оружием войск НАТО в Западной Европе маонисты рассматривают как акцию, которая должна привести к ухудшению отношений между социалистическими странами и западноевропейскими государствами. Это усилит опасность военного столкновения».

Венгерская газета «Непсабадшаг» (15.IV.1978) обратила особое внимание на то, что китайские руководители пытаются повернуть против СССР другие социалистические государства, всячески поддерживают любые проявления националистической ограниченности. Пекину хотелось бы, указывала газета, создать впечатление, будто социалистические страны, которые добиваются успехов благодаря помощи Советского Союза, являются его «жертвами». Такое утверждение не только противоречит истине, но и является прямым оскорблением национального само-

сознания народов. «Непсабадшаг» (3.VIII.1978) указывала также на раскольнические цели политики Пекина на Балканах, которая наносит ущерб национальным интересам Венгрии. В информационном сообщении об итогах работы октябрьского пленума ЦК ВСРП подчеркивалось: «ВСРП и венгерский народ решительно отвергают националистический, гегемонистский курс маоистских руководителей КНР, который наносит огромный вред делу социализма, прогресса и мира»¹⁹.

Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер в речи на майском пленуме ЦК партии обратил внимание на то, что «борьба против СССР и социалистического содружества, подготовка к войне, которую Пекин объявил неизбежной, были подтверждены в КНР в конституционном порядке и возведены в ранг долгосрочной государственной политики»²⁰. Партийная газета «Нойес Дойчланд» (17.IV.1978) квалифицировала курс пекинского руководства как наносящий огромный ущерб политике мира, укрепления социализма и антиимпериалистической солидарности и тем самым кровным интересам ГДР. Журнал ЦК СЕПГ «Айнхайт» (№ 9, 1978) подверг критике маоистский так называемый «широчайший международный единый фронт борьбы против сверхдержавного гегемонизма», направленный и против национальных интересов ГДР. Журнал писал: «Китайское руководство по-прежнему поддерживает аннексионистские устремления ФРГ, которая не хочет мириться с существованием ГДР... Оно изучает боевой опыт старых нацистских офицеров и агрессивные планы НАТО против социалистических стран, устанавливает контакты с военной промышленностью ФРГ. Заместитель премьера Госсовета КНР Гу Му во время своего визита в ФРГ (май—июнь 1978 г.) выразил „глубокие симпатии“ „справедливому стремлению немцев к национальному единству“. Такая политика, направленная против суверенитета социалистической ГДР,— это часть „стратегии единого фронта“, которую китайское руководство проводит против Советского Союза и других социалистических стран и в поддержку которой повсюду ищет союзников».

Газета ПОРП «Трибуна люду» (5.IX.1978) подчеркивала, что внешняя политика руководства КНР направлена против национальных интересов Польши. «Три основных элемента внешней политики КНР противоречат непосредственно интересам нашей страны. Китайская политика нападок на СССР и социалистическое содружество нацелена не только против наших ближайших союзников, но фактически и против такой расстановки сил в Европе, которая впервые в истории обеспечила нам безопасность границ и является залогом нашего мирного труда и развития... Поддержка Пекином реваншистов из ХДС в ФРГ, в особенности в вопросе так называемого объединения Германии, явно направлена против наших основных государственных интересов — нерушимости границ. Наконец, ставка на войну, ко-

торая, согласно китайской концепции, должна разразиться в первую очередь в Европе, имеет для каждого поляка... совершенно однозначный смысл. Слишком свежа память о 6 млн. погибших, чтобы мы не сознавали, что каждый, кто призывает к войне, выступает против наших коренных интересов».

Внешняя политика пекинского руководства осуждена на мартовском пленуме ЦК КПЧ и на октябрьской сессии Федерального собрания ЧССР. Член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК В. Биляк в речи на пленуме заявил: «Пекинское руководство по-прежнему пропагандирует идею неизбежности мирового военного конфликта, ведет борьбу против усилий социалистических стран, направленных на углубление разрядки международной напряженности, прекращение гонки вооружений, разоружение»²¹. «Внешняя политика КНР по своему существу антинародна, направлена против интересов социализма и мира, и мы ее принципиально отвергаем», — подчеркнул министр иностранных дел ЧССР Б. Хнѳупек на сессии Федерального собрания²².

С КНДР, СРР и СФРЮ Китай поддерживал отношения по государственной и партийной линиям, развивая с ними экономические, научно-технические, культурные и иные связи.

В отношениях Китая с КНДР в 1978 г. значительно активизировались контакты на высшем уровне. В мае состоялся визит в КНДР председателя ЦК КПК, премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна. КНДР посетили также партийно-правительственная делегация во главе с заместителем премьера Дэн Сяопином, делегация НОАК, возглавлявшаяся заместителем министра обороны КНР Су Юйем, делегация по научно-техническому сотрудничеству, группа китайских кадровых партийных работников во главе с членом ЦК КПК Ян Цзинжэнем, а также несколько групп работников науки, культуры и спортсменов.

Особую важность китайская пропаганда придавала визиту Хуа Гофэна. На митинге в Пхеньяне он заявил, что переговоры будут иметь «далеко идущее значение» не только в плане развития двусторонних отношений, но и «для совместной борьбы на международной арене»²³. Ни китайская, ни корейская печать не сообщала, по каким вопросам велись переговоры, совместного коммюнике по итогам визита опубликовано не было. По заявлениям сторон, опубликованным в печати, на переговорах было достигнуто «полное единство взглядов»²⁴.

В своих выступлениях во время визита Хуа Гофэн стремился подчеркнуть дружественное отношение Китая к КНДР, заверяя в поддержке ее требований о выводе американских войск из Южной Кореи и предложений по вопросам мирного объединения страны. «КНДР, — заявил Хуа Гофэн, — является единственным законным суверенным государством на корейской земле... КНР не признает южнокорейские власти»²⁵.

Однако практические действия Пекина на Дальнем Востоке и в Азии явно противоречили национально-государственным ин-

тересам КНДР, упрочению ее безопасности, борьбе за объединение Кореи. Как сообщала американская печать, китайские лидеры убеждали посланца Вашингтона З. Бжезинского затормозить осуществление планов сокращения военного присутствия США в Южной Корее и уговаривали не выводить оттуда американские войска²⁶. Заместитель премьера КНР Дэн Сяопин во время визита в Японию (октябрь 1978 г.) призывал правящие круги Японии ускорить демилитаризацию страны, укреплять японо-американский военный союз, основанный на «договоре о взаимном обеспечении безопасности», направленном против интересов мира и безопасности на Дальнем Востоке, в том числе и против интересов КНДР.

Особенно активными были связи Китая с *Социалистической Республикой Румынией*. Китай в течение года посетили Генеральный секретарь ЦК РКП, Президент СРР Н. Чаушеску, партийно-правительственная делегация СРР во главе с премьер-министром М. Мэнеску, делегация Великого национального собрания во главе с его председателем Н. Джосаном, ряд экономических делегаций, несколько групп партийных активистов, а также сотрудники журнала ЦК РКП «Эра социалиста» и газеты «Скынтейя».

Ответный визит в Румынию нанес председатель ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн, там побывали делегации работников различных отраслей экономики КНР, военная делегация во главе с заместителем начальника Главного политического управления НОАК и учебная группа бронетанковых войск Китая, а также несколько групп партийных активистов КПК и китайских спортсменов.

В ходе визитов стороны подписали долгосрочное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, ряд других соглашений и соответствующих протоколов к ним, план мероприятий к соглашению о культурном сотрудничестве на 1978—1979 гг., а также консульскую конвенцию.

Китайская пропаганда особенно афишировала визит Хуа Гофэна в Румынию, стремилась придать ему международное звучание и подчеркнуть антисоветскую позицию Хуа Гофэна на переговорах в Бухаресте. 17 августа «Жэньминь жибао», излагая речь Хуа Гофэна на приеме в Бухаресте, особо выделяла его высказывания «о борьбе с гегемонизмом», что, как известно, в китайском толковании означает борьбу с Советским Союзом. В дни пребывания Хуа Гофэна в Румынии китайские газеты опубликовали «историческое исследование» о «русско-румынских отношениях», представляющее собой грубую фальсификацию, преследующую цель посеять в румынском народе настроения вражды к советскому народу.

В своих выступлениях в Румынии Хуа Гофэн настойчиво пропагандировал маоистский тезис о «неизбежности войны». Именно этот тезис выдвинут на первый план в сообщении агент-

ства Синьхуа о завершении китайско-румынских переговоров. В той части сообщения о переговорах, которая касается международных вопросов, подчеркивалось, что стороны «обсудили вопрос об усилившейся тенденции к переделу сфер влияния в мире, об угрозе новой войны»²⁷.

Активизировались в 1978 г. также связи КНР с *Социалистической Федеративной Республикой Югославией*. Прежде всего это нашло выражение в стремлении сторон к расширению взаимной торговли, в оживленном обмене делегациями различного уровня. Китай посетили югославская экономическая делегация во главе с заместителем Председателя Союзного исполнительного веча Б. Шефером, делегация Академии наук СФРЮ, делегация во главе с членом ЦК СКЮ М. Цетиничем, делегация Югославской народной армии, возглавляемая начальником генштаба С. Потачаром, а также министр финансов Югославии. В СФРЮ нанесли визиты торгово-экономическая делегация КНР, две группы партийных работников провинциального и высшего уровня, представители НОАК.

В августе состоялся визит в СФРЮ председателя ЦК КПК, премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна, который вел с высшими руководителями СФРЮ межпартийные и экономические переговоры. Во время пребывания в Югославии Хуа Гофэн, как и в Румынии, использовал предоставленные возможности для выступлений, в которых повторял избитые фразы о «гегемонизме», стремясь тем самым придать переговорам в целом антисоветскую направленность. Одновременно китайские газеты, видимо по заранее разработанному сценарию, публиковали подборки высказываний западной печати, в которых выступления Хуа Гофэна характеризовались как самые резкие нападки на Москву с начала его пребывания в Восточной Европе. Антисоветские цели преследовала «Жэньминь жибао», когда свои сообщения о ходе визита сопровождала так называемыми «справочными и географическими данными» о Балканах и Югославии. В них содержались, в частности, измышления о том, что с учетом «важности стратегического положения Балканского полуострова социалимперализм осуществляет экспансию, что вызывает сопротивление балканских государств и народов». К этому добавлялось: «Югославия во главе с Тито постоянно проявляет бдительность в отношении происков имперализма и гегемонизма и ведет антигегемонистскую борьбу»²⁸.

По оценкам печати европейских социалистических стран, балканская поездка Хуа Гофэна ставила целью ослабить сплоченность социалистических стран, помешать борьбе за упрочение мира в Европе, процессу всеобщей разрядки.

КНР И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

В 1978 г. КНР имела дипломатические и торговые отношения более чем с 80 развивающимися странами, где заметно активизировала свою внешнеполитическую и дипломатическую деятельность.

За год КНР направила в развивающиеся страны свыше 30 делегаций только на уровне председателя ЦК КПК, его заместителей, премьера Госсовета КНР и его заместителей, заместителей председателя Постоянного комитета ВСНП. Большинство поездок было совершено в район Юго-Восточной Азии; повышенный интерес проявлялся также к контактам со странами Южной Азии, Ближнего Востока и района Персидского залива, а в конце года усилился обмен визитами с африканскими странами.

Антисоциалистическая деградация китайского руководства отчетливо проявлялась в отношениях КНР с развивающимися странами. На протяжении 1978 г. Пекин неизменно выступал заодно с силами реакции и империализма там, где происходило противоборство сил национального и социального освобождения с империализмом. Это подтвердили события в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в районе Африканского Рога, в Чили и на юге Африки. Пекинское руководство все более откровенно выступало за ликвидацию революционных завоеваний народов, поддерживало попытки перекройки границ, стремилось к господству в Азии, ратовало за сохранение американских военных баз и за возрождение японского милитаризма. Пекинские лидеры распространяли и поддерживали нелепые вымыслы о «советской угрозе», пытались помешать сотрудничеству развивающихся стран с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества.

При всей очевидности своей ставки на мировой империализм Пекин продолжал пропагандировать маоистскую теорию «трех миров», объявляя развивающиеся страны «движущей силой мировой революции», «главной силой в борьбе против империализма, колониализма и гегемонизма», подчеркивая решающее значение «третьего мира» «в создании новой исторической обстановки»²⁹. При этом маоисты отводили развивающимся странам роль исполнителя своих великодержавных устремлений. В пекинской пропаганде развивающиеся страны по-прежнему фигурировали в качестве главной силы в так называемом «широчайшем международном едином фронте борьбы против гегемонизма» (имелся в виду Советский Союз). Одновременно китайское руководство пыталось восстановить развивающиеся страны против Вьетнама и Кубы, которые обвинялись в «малом гегемонизме». Параллельно с этим Пекин ратовал за развитие сотрудничества развивающихся стран с империалистическими державами, прежде всего для совместной борьбы против СССР.

КНР И СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В 1978 г. Пекин заметно усилил свою деятельность в Юго-Восточной Азии. Внешнеполитические акции Китая в странах ЮВА отличались следующими характерными особенностями:

ставка на сохранение американского военно-политического присутствия в регионе;

активное использование китайско-японского сближения на основе «договора о мире и дружбе» для проведения политических и экономических акций в регионе;

призывы к превращению региональной организации АСЕАН в замкнутый военно-политический блок;

противопоставление стран — членов АСЕАН социалистическим странам и силам национального освобождения в ЮВА с целью втянуть страны региона в орбиту своей антисоветской и антивьетнамской политики под лозунгом создания «единого фронта борьбы против глобального и регионального гегемонизма», шантаж и давление на силы социализма и национального освобождения, нагнетание напряженности и создание конфликтных ситуаций, поощрение кампучийской клики Пол Пота — Иенг Сарн к агрессии против СРВ, постоянные вооруженные провокации на границе с СРВ.

В маоистские планы внешнеполитических акций в ЮВА входил и активный обмен делегациями. Страны этого региона посетили следующие высокопоставленные китайские представители: заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Дэн Инчао — Кампучию (январь); заместитель премьера Дэн Сяопин — Бирму (январь), Таиланд, Малайзию и Сингапур (ноябрь); заместитель премьера Ли Сяньнянь — Филиппины (март); заместитель председателя ЦК КПК Ван Дунсин — Кампучию (ноябрь); заместитель начальника генштаба НОАК У Сююань — Бирму и Филиппины (ноябрь). Кроме того, в страны ЮВА выезжали многочисленные китайские делегации более низкого ранга, увеличилось и число китайских приглашений представителям стран ЮВА посетить Китай. За внешней стороной визитов и речей китайских официальных лиц явственно проглядывали истинные цели гегемонистской и великодержавно-шовиннистической политики Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии, к которым Пекин всегда проявлял повышенный интерес и рассматривал их как сферу своего влияния.

Столкнувшись с многочисленными фактами вмешательства Пекина в их внутренние дела, страны ЮВА на практике ощутили маоистскую политику давления и шантажа. Прежде всего эта политика проявлялась в прямой материальной и моральной поддержке подрывных элементов, пропекинских антиправительственных движений в странах ЮВА. Так, Дэн Инчао, а затем Дэн Сяопин во время визитов в Бирму вели лицемерные разговоры о «дружелюбии», в то время как Пекин продолжал оказывать

всевозможную поддержку силам, с помощью которых маонисты фактически много лет ведут необъявленную войну против суверенного бирманского государства. В связи с 30-й годовщиной независимости Бирмы (январь) местная пресса отмечала, что «это был период, когда единство, суверенитет и территориальная целостность страны подвергались угрозе со стороны подрывных сил внутри и вне Бирмы». Не скрывают маонисты своей поддержки антиправительственных выступлений в Таиланде, Малайзии и других странах. «В странах АСЕАН существуют болезненные опасения в отношении влияния Китая на подрывные элементы» — такой тезис постоянно присутствовал в прессе стран региона.

Выступая в октябре 1978 г. перед иностранными журналистами накануне своей поездки в Таиланд, Малайзию и Сингапур, Дэн Сяопин сказал, что Китай не намерен отказываться от поддержки маонистских повстанческих движений в странах Юго-Восточной Азии. «Если бы Китай, — подчеркнул он, — сделал официальное заявление такого рода, это означало бы, что он выкинул белый флаг. Это было бы пораженческой позицией».

Подчеркнутое внимание уделялось развитию контактов КНР с Таиландом. Особое значение придавалось визиту премьер-министра Таиланда К. Чаманана в Китай (март — апрель). В ходе визита были подписаны соглашения о торговле и научно-техническом сотрудничестве. Китай посетили многочисленные делегации — «видных деятелей» Таиланда (май), тайландских журналистов (июнь), торговая делегация во главе с министром торговли Н. Пунвату (июнь), делегация Общества тайландско-китайской дружбы (июнь), которую возглавлял бывший министр иностранных дел Ч. Чунхаван. В Таиланде побывала также торговая делегация Китая. По сообщениям печати, примерно 10 тыс. тайландцев ежегодно совершают поездки в Китай через Гонконг, причем это число постоянно растет.

Продолжали развиваться и китайско-филиппинские связи. Во время визита Ли Сяньяня на Филиппины состоялось подписание соглашений о научно-техническом сотрудничестве между двумя странами, с китайской стороны соглашение подписал министр иностранных дел Хуан Хуа. В декабре министр внешней торговли КНР Ли Цян вел переговоры в Маниле о расширении двусторонних торговых отношений. На Филиппинах остро реагировали на процесс развития китайско-японских отношений. В одном из выступлений президент Ф. Маркос отметил, что заключение японо-китайского договора «о мире и дружбе» осложнило обстановку в Азии и на Тихом океане, вызвало беспокойство в странах ЮВА.

Пекин стремился развивать отношения с Малайзией. Об этом свидетельствует визит в Китай министра иностранных дел Малайзии А Ритхауддина (сентябрь) и визит Дэн Сяопина в Малайзию (ноябрь). Однако между двумя странами поддержи-

вались в основном торгово-экономические связи. Например, в марте был подписан контракт о закупке Малайзией в КНР 100 тыс. т риса.

В 1978 г. Пекин на различных уровнях неоднократно демонстрировал готовность восстановить отношения с *Индонезией* и установить дипломатические отношения с *Сингапуром*. Однако конкретных изменений не произошло. В то же время Сингапур оставался третьим по величине (после Гонконга и Японии) рынком сбыта китайских товаров. В начале года Китай разместил в Сингапуре крупный заказ на поставку бурильного оборудования. В мае правительство Сингапура согласилось с назначением представителя КНР управляющим одного из двух банков в Сингапуре, принадлежащих Китаю. До этого деятельностью банков руководили сингапурские граждане.

Индонезия отказалась от немедленного восстановления дипломатических отношений с Китаем. Среди причин, препятствующих нормализации, назывались «особенности нынешнего внешнеполитического курса Пекина» и непрекращающаяся поддержка Пекином подрывных элементов в Индонезии. Правительство Индонезии уклонилось также от установления прямых торговых связей с КНР, ссылаясь на то, что существующая система торговли через третьи страны достаточно эффективна.

В 1978 г. агрессивный, гегемонистский характер маоистских акций в ЮВА становился все более обнаженным, от слов маоисты переходили к реализации своих великодержавных замыслов. Прежде всего обращала на себя внимание политика открытого нажима и грубых нападок маоистов на Социалистическую Республику Вьетнам. Подстрекаемый Пекином режим Пол Пота — Иенг Сари при военной и экономической поддержке Китая обострял вооруженный конфликт на юго-западной границе Вьетнама. Как отмечала, в частности, индонезийская печать, позиция Китая в отношении Вьетнама показывает, что в проведении своей политики в ЮВА он использует «хорошо знакомые всем азиатским народам методы раскола и разжигания национальной розни».

Подъем народного движения и создание Единого фронта национального спасения Кампучии (ЕФНСК) (декабрь) привели к быстрому краху пропекинского режима Пол Пота и тем самым нанесли сильнейший удар по маоистским планам в регионе. Во внешнеполитическом заявлении ЕФНСК (декабрь) указывалось на решимость бороться против всяческих маневров и действий китайских властей, направленных на вмешательство во внутренние дела Кампучии и на поддержку реакционной клики Пол Пота — Иенг Сари.

Пекин заметно активизировал «запугивание» с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), рассчитывая втянуть эту организацию в русло антисоветской и антивьетнамской политики, блокировать процесс нормализации отношений госу-

дарств ассоциации с социалистическими странами Индокитая на базе принципов мирного сосуществования.

Характерной чертой политики КНР в отношении АСЕАН явилось все более откровенное смыкание с империалистическим курсом США и Японии, стремление подтолкнуть ассоциацию на путь превращения в замкнутую военно-политическую и экономическую группировку, противостоящую Вьетнаму. Так, в беседах с американскими, японскими и другими делегациями из капиталистических стран Дэн Сяопин не раз заявлял, что Китай хотел бы не только укрепления американо-японского «договора безопасности» и «расширения американского военного присутствия на Западе Тихого океана», но и «большей координации действий в вопросах обороны» между самими государствами АСЕАН. В печати КНР проводилась также мысль о желательности для ассоциации сотрудничества «в сфере безопасности» с Китаем под надуманным предлогом «отражения» угрозы со стороны «большого» и «малого гегемонизма». Раздувая миф об «экспансии и проникновении» СССР и СРВ в ЮВА и бассейн Тихого океана, китайские лидеры и печать сфабриковали тезис об «угрозе окружения» КНР и нанесения некоего удара «по морским транспортным коммуникациям США и Японии, а более всего — по безопасности стран Юго-Восточной Азии»³⁰. Пекин использовал это клеветническое обвинение, чтобы подчеркнуть «общность» целей и «неотложность» задач военно-политического сотрудничества Китая и империалистических держав с АСЕАН, сохранения и усиления в этой зоне американских вооруженных сил.

Поощряя империалистическую политику трансформации АСЕАН в замкнутый милитаристский блок, китайское руководство пыталось выступать в роли «примирителя» обострившихся торгово-экономических противоречий между империализмом и странами ассоциации. В этом плане примечательна реакция КНР на совещания между странами АСЕАН и США (август), а также между странами АСЕАН и ЕЭС (ноябрь) на уровне министров. Характер состоявшихся дискуссий, в центре которых стояли главным образом экономические вопросы, показал, что, в то время как Вашингтон и «Общий рынок» стремились переложить бремя экономического кризиса на страны ассоциации и укрепить свои позиции в них, АСЕАН добивалась устранения разного рода дискриминаций в сфере торгово-экономических взаимоотношений с развитыми странами. Нежелание Запада пойти навстречу справедливым требованиям развивающихся стран ЮВА завело указанные переговоры в тупик, вызвало оправданное недовольство членов ассоциации. Комментируя эти встречи, Пекин обошел молчанием как причины, так и сам факт неудовлетворенности их итогами в асеановских государствах. Китайские комментаторы делали упор на некое «единодушие» сторон, их «решимость» развивать «еще более активное сотрудничество»

и т. п. Такая позиция, по существу, означала поддержку монополий в их усилиях удержать ассоциацию на положении аграрно-сырьевого придатка капитализма.

Блокирование с империализмом, попытки опереться на него в своей политике в отношении АСЕАН определили содержание китайских оценок ассоциации и ее деятельности.

«Забыв», что совсем недавно они квалифицировали АСЕАН как проимпериалистическую группировку, китайские лидеры старались изобразить себя ее последовательными сторонниками и даже союзниками. «Мы,— говорил Хуа Гофэн на сессии ВСНП,— поддерживаем усилия стран Юго-Восточной Азии, направленные на развитие регионального экономического сотрудничества и осуществление нейтрализации» ЮВА. Как явствовало из комментариев китайской печати, Пекин «исключил» из числа стран, принадлежащих к этому региону, социалистические государства Индокитая. Свою поддержку регионального сотрудничества он неизменно обуславливал его «антигегемонистской» направленностью. В этом контексте Пекин выдвинул идею создания так называемого «единого фронта КНР — АСЕАН».

Сообщения о китайском предложении образовать «единый фронт» с АСЕАН появились в прессе государств ассоциации весной 1978 г. По времени они совпали с визитами Ли Сяньняня на Филиппины и премьер-министра Таиланда Криангсака Чаманана в КНР. Пекинские деятели и печать публично не подтверждали это предложение. Однако, судя по речам Дэн Сяопина, произнесенным на банкетах в честь таиландского главы правительства и позже — во время визитов в Таиланд, Малайзию и Сингапур, а также по «антигегемонистским» акцентам китайских публикаций об АСЕАН, эта идея составляла своего рода ось китайской политики в отношении ассоциации. В докладе министра иностранных дел Хуан Хуа на заседании Постоянного комитета ВСНП (7 декабря) о результатах поездки Дэн Сяопина по трем странам АСЕАН, подводившем итоги всей деятельности Пекина в этом регионе, утверждалось, что Китай укрепил отношения с АСЕАН, тем самым «нанеся тяжелый удар Советскому Союзу и Вьетнаму». КНР, подчеркивалось в докладе, будет и дальше «поддерживать» АСЕАН, «прилагать совместные усилия к защите мира и безопасности в районах Юго-Восточной Азии и Тихого океана во имя расширения „единого фронта борьбы против гегемонизма“ и „содействия антигегемонистской борьбе в районе Юго-Восточной Азии“».

Лидеры и печать КНР стремились дискредитировать инициативу СРВ о создании в ЮВА «зоны мира, независимости, нейтралитета, стабильности и процветания» и искусственно противопоставлять эту инициативу асеановскому предложению о «нейтрализации» района. Вьетнамское и асеановское предложения конструктивно обсуждались в ходе успешной поездки премьер-министра СРВ Фам Ван Донга по пяти странам ассоциации (ок-

тябрь). Пытаясь подорвать позитивные итоги этой поездки и спровоцировать АСЕАН на конфронтацию с социалистическими странами Индокитая, Китай намеренно извращал смысл вьетнамской инициативы, приписывал Вьетнаму «агрессивные намерения», принуждая ассоциацию отвергнуть предложение СРВ³¹.

Попытки Китая вовлечь АСЕАН в орбиту антисоветской и антивьетнамской политики, толкнуть ее на противоборство с соседними социалистическими странами встретили отпор со стороны членов ассоциации. На июньской конференции министров иностранных дел государств АСЕАН, где обсуждался и вопрос об отношении КНР к ассоциации, а также во время встреч с китайскими лидерами Пекину «дали ясно понять, что страны Юго-Восточной Азии не желают следовать внешнеполитическому курсу Китая, и прежде всего, что они не хотят занять его сторону в китайско-вьетнамском конфликте»³². Всякие домогательства и заигрывания Китая, писала «Стрейтс таймс» 14 ноября 1978 г., следует рассматривать в первую очередь с учетом антисоветской направленности китайской политики. «Сингапурцы... не могут жертвовать своими национальными интересами в угоду Китаю», — подчеркнул 12 ноября на приеме в честь Дэн Сяопина премьер-министр этой страны Ли Куан Ю, которому, по мнению местной и мировой печати, асеановские страны поручили суммировать их общую позицию в отношении пекинской стратегии «антигегемонизма» в ЮВА. Анализируя итоги визита Дэн Сяопина в Таиланд, Малайзию и Сингапур в ноябре 1978 г., японская газета «Майнити дейли ньюс» отмечала 18 ноября, что «страны региона остались глухи к китайскому предложению создать „единый фронт“».

КНР И СТРАНЫ ЮЖНОЙ АЗИИ

Ключевой проблемой заметно активизировавшейся политики КНР в регионе оставались взаимоотношения с *Индией*. Китайское руководство в самой общей форме заявляло о готовности развивать и улучшать отношения между Китаем и Индией, не скрывая своих намерений строить их на антисоветской основе.

Желание некоторых кругов в Индии «быстрее и любой ценой» наладить отношения с Китаем не получило одобрения правительства. Как заявил министр иностранных дел А. Б. Ваджапай на пресс-конференции в Москве в сентябре 1978 г., Индия не будет стремиться к нормализации отношений с Китаем за счет верных друзей, в первую очередь таких, как СССР.

Заметным явлением в китайско-индийских отношениях был приезд в конце февраля в Индию китайской делегации во главе с председателем Всекитайского народного общества дружбы с заграницей Ван Биннанем. Формально неправительственная, эта

делегация, однако, состояла из видных чиновников китайского МИДа, в ее переговорах с премьер-министром М. Десаи принимал участие китайский посол в Индии. Помимо переговоров в индийских руководящих кругах Ван Биннань провел беседу также с И. Ганди. Эта попытка привлечь на свою сторону оппозицию свидетельствовала о широких задачах китайской делегации.

Важным моментом пребывания китайской делегации в Индии было переданное индийскому министру иностранных дел приглашение посетить КНР. Намеченный визит А. Б. Ваджпай стал предметом оживленных дискуссий, запросов в индийском парламенте, интервью и т. п. В центре этих дискуссий была пограничная проблема, которую наряду с тибетским и кашмирским вопросами предполагалось обсудить на встрече в Пекине.

В период пребывания в Дели Ван Бишань в беседах с деятелями индийского правительства и в индийском парламенте стремился создать впечатление, что китайская сторона готова на встрече с А. Б. Ваджпай обсудить весь комплекс взаимоотношений между Китаем и Индией и урегулировать пограничную проблему к удовлетворению индийской стороны. Однако впоследствии официальные представители китайского правительства стали склонять индийскую сторону к тому, чтобы пограничная проблема не включалась в повестку дня переговоров А. Б. Ваджпай в Пекине. Так, 20 апреля в интервью индийской газете «Стейтсмен» заместитель министра иностранных дел КНР Хань Няньлун заявил о необходимости заняться «другими вопросами, чтобы создать надлежащую атмосферу» для развития двусторонних отношений; в интервью корреспонденту газеты «Индия тудэй» 6 июня он почти дословно повторил сказанное ранее: «На данном этапе лучше не трогать пограничного вопроса».

Между тем в Индии как правительство, так и общественное мнение продолжали связывать предполагавшийся визит А. Б. Ваджпай с обязательным решением пограничной проблемы. Премьер-министр М. Десаи на массовых митингах и в интервью журналистам постоянно заявлял, что не может быть и речи о подлинно дружеских отношениях между двумя странами до тех пор, пока не будет решен вопрос об оккупированных Китаем индийских территориях. Генеральный секретарь Джаната парти М. Лимае отметил, что «китайцы не намерены решать пограничный вопрос на справедливой основе. Все, чего хочет достичь Китай,— это подорвать наши отношения с Советским Союзом»³³. В резолюции ЦИК компартии Индии «О сотрудничестве между империалистами и маонистами и его последствиях», опубликованной в начале октября, говорилось: «Хотя индийский народ хочет нормализации отношений с Китаем, нынешняя политика пекинских правителей такова, что невольно напрашивается вывод о том, что визит Ваджпай в Китай не предвещает ничего хорошего для интересов Индии». Индийская прес-

са увязывала визит Ваджпай с образованием оси Китай — Япония — США. Газета «Патриот» в статье под заголовком «Глобальные китайско-американские замыслы и визит Ваджпай в Китай» писала, что Китай и Япония создают в Южной Азии антисоветский фронт и с этой целью пекинское руководство будет использовать визит Ваджпай. Примечательно то, что при отсутствии видимого давления со стороны США на официальном уровне на индийское правительство, чтобы заставить его пойти на сближение с Пекином, американские средства массовой информации постоянно подталкивали Индию на сговор по пограничной проблеме в ущерб индийским интересам. Так, в период пятидневной поездки Десаи в США газета «Нью-Йорк таймс» поместила сообщение о том, что Индия готова пойти на территориальные уступки для урегулирования спора с Китаем, сославшись на Десаи как на источник этих сведений. Однако Десаи категорически отверг такого рода предположения.

Визит Ваджпай в 1978 г. не состоялся, согласно официальной версии, из-за его болезни.

Кашмирская тема в 1978 г. в китайско-индийских отношениях фигурировала в связи с открытием в июне шоссе из КНР в Пакистан через горный хребет Каракорум. На открытии дороги присутствовал заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. В связи с этим МИД Индии заявил дипломатическим представителям КНР и Пакистана в Дели, что Индия не может согласиться с тем, чтобы строительство имело какие-либо юридические последствия; китайская акция была названа незаконной, поскольку шоссе проходит по районам Кашмира, захваченным Пакистаном в результате войны с Индией в 1948 г.

Торговый оборот между двумя странами оставался незначительным. Индийский министр торговли, снабжения и кооперации заявил в парламенте 2 августа, что во время пребывания индийской промышленной делегации на Кантонской ярмарке китайская сторона не проявила особого интереса к расширению торговли.

Китайское руководство продолжало уделять большое внимание развитию своих отношений с *Пакистаном*. При этом Пекин по-прежнему стремился укреплять там свое влияние. Об этом, в частности, свидетельствуют и итоги визитов в Пакистан высокопоставленных китайских представителей: заместителей премьера Госсовета КНР Гэн Бяо и Ван Чжэня, председателя Всекитайского общества дружбы с зарубежными странами Ван Бишаня и др.

Пекин продолжал содействовать росту военно-экономического потенциала Пакистана. Особое внимание уделялось развитию сотрудничества с Пакистаном в области ядерных исследований и создания атомной промышленности. Это было закреплено в подписанном в феврале 1978 г. Протоколе о научно-техническом сотрудничестве. КНР согласилась оказать Пакистану содействие

в налаживании эксплуатации Карачинской атомной электростанции и в развитии атомной промышленности страны в целом.

О намерении китайского руководства укрепить свои военно-стратегические позиции в Пакистане свидетельствует ввод в эксплуатацию (июль 1978 г.) упоминавшейся выше Каракорумской горной дороги. Эта дорога протяженностью 800 км связывает Синьцзян с Пакистаном и открывает Китаю доступ к порту Карачи на побережье Индийского океана. Пакистанская газета «Доон» (19 июня 1978 г.) отмечала, что Каракорумское шоссе служит для Китая единственным наземным путем к Индийскому океану и имеет важное значение в плане «соперничества» различных держав в этом районе. Эта дорога может стать важной артерией снабжения Пакистана китайским оружием, она обеспечивает стратегическую возможность китайского военного присутствия в этой части Кашмира. Тем самым создается реальная угроза не только штату Джамму и Кашмир, но и всему Южно-азиатскому субконтиненту.

Стремясь склонить на свою сторону пакистанское военное руководство, подтолкнуть его к проведению выгодной для Пекина политики в регионе, китайское руководство пошло на восстановление экономических отношений с Пакистаном, которые были «заморожены» после свержения правительства З. А. Бхутто в июле 1977 г. Об этом, в частности, свидетельствуют итоги пребывания в КНР пакистанской правительственной делегации и подписание соответствующего Протокола о научно-техническом сотрудничестве³⁴.

Дипломатическая активность Пекина в *Бангладеш* была особенно заметна в первой половине года. Визит делегации Всекитайского народного общества дружбы с зарубежными странами во главе с Ван Биннанем, заместителя премьер-министра Ли Сяньняня и министра иностранных дел Хуан Хуа, их переговоры с З. Рахманом были нацелены на то, чтобы нейтрализовать дипломатические усилия Индии, стремившейся улучшить отношения с Бангладеш. Визит Ли Сяньняня был завершён подписанием соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Китаем и Бангладеш; подписано также соглашение о китайском займе Бангладеш в размере 100 млн. юаней, основная часть которого предназначена для строительства завода по производству удобрений. Товарооборот между КНР и Бангладеш в 1978 г. приблизился к 40 млн. ам. долл. по сравнению с 28 млн. в предыдущем году.

Дальнейшее развитие получили контакты на высшем уровне между КНР и *Непалом*. В феврале Непал посетил с официальным визитом заместитель премьер-министра Госсовета КНР Дэн Сяопин. В свою очередь, в Китае побывали король Непала Бирендра и премьер-министр К. Н. Биста. В ходе китайско-непальских встреч на высшем уровне рассматривался широкий круг международных вопросов. Большое место было уделено развитию тор-

гово-экономических отношений между двумя странами, особенно расширению торговли Непала с Тибетским автономным районом КНР.

В мае — сентябре 1978 г. в Катманду и Пекине проходили заседания совместной китайско-непальской пограничной комиссии, закончившиеся подписанием соглашения «Об инспекциях, ремонте и реконструкции пограничных знаков, а также о составлении новой крупномасштабной карты пограничной полосы»³⁵. В Пекине было подписано соглашение об установлении воздушного сообщения между КНР и Непалом³⁶.

В индийской прессе появлялись сообщения об использовании Пекином территории Непала для развертывания подрывной деятельности в Индии³⁷.

Важнейшим событием китайско-ланкийских отношений явился официальный визит в Шри Ланка заместителя премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. В ходе визита отчетливо проявилось стремление Пекина оказать давление на ланкийского координатора движения неприсоединения, чтобы столкнуть это движение на антисоветский путь.

Развитие получили торгово-экономические связи между двумя странами. Была введена в строй ткацкая фабрика, построенная при помощи КНР³⁸. По торговому протоколу, подписанному в декабре 1978 г., Шри Ланка в обмен на свой каучук будет получать китайский рис.

Общественность Шри Ланки с тревогой отмечала подрывную деятельность Пекина в отношении развивающихся стран, которая наносит «ущерб освободительной борьбе во всем мире своей злобой и ненавистью по отношению к Советскому Союзу»³⁹.

КНР И СТРАНЫ АРАБСКОГО ВОСТОКА И ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

В 1978 г. китайское руководство впервые отошло от так называемой «принципиальной линии» КНР в вопросе урегулирования арабо-израильского конфликта и открыто отказалось от абсолютизации вооруженного метода борьбы как «единственно верного». При этом альтернативой военному решению конфликта, приемлемой для китайских руководителей, стали сепаратные переговоры между Египтом и Израилем, проходившие под эгидой США.

Положительное отношение руководства КНР к активизации деятельности США в регионе объяснялось тем, что политика Вашингтона, не закладывая подлинных основ для восстановления мира, создавала лишь иллюзию урегулирования и, сохраняя обстановку взрывоопасной, вела к укреплению американского влияния в регионе.

Официальная позиция КНР сводилась к весьма умеренному и неконкретному предложению в адрес Израиля: «отойти с оккупированных территорий» и «восстановить права палестинского народа». Эта формулировка, как известно, была взята за основу урегулирования и администрацией президента США Картера, и правящими кругами Египта, однако ее истинный политический смысл был весьма далек от дела всестороннего и справедливого решения конфликта. На практике же поддержка и оправдание Пекином сепаратных переговоров между Египтом и Израилем, а также одобрение документов, подписанных в Кэмп-Дэвиде, доказывают, что китайское руководство ограничило свое «требование» «освобождения оккупированных территорий» выводом израильских войск лишь с Синайского полуострова, а решение палестинской проблемы свело к предоставлению арабскому народу Палестины прав «национального меньшинства» в рамках дарованной ему «автономии» на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа.

Капитуляция египетского режима и предательство, совершенное президентом АРЕ А. Садатом по отношению к народу своей страны и других арабских стран, были квалифицированы Пекином как «справедливая позиция, отвечающая интересам египетского, палестинского и других арабских народов». Заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Уланьфу во время официального визита в АРЕ в ноябре 1978 г., игнорируя мнение большинства арабских стран, осудивших Каир на совещании в Багдаде в ноябре 1978 г., цинично заявил, что «Китай не видит для арабских стран никакой пользы в занятии позиции, враждебной политике президента Садата»⁴⁰.

Проамериканский курс КНР вызвал в ряде арабских стран негативную реакцию. Так, член Генерального секретариата Всеобщего народного конгресса Ливии Абдель Салам Джеллуд во время официального визита в КНР в связи с установлением дипломатических отношений между КНР и Ливией заявил: «Мы сожалеем о поддержке Китаем предательства египетского президента, которое отвергает вся арабская нация»⁴¹. Позиция КНР подверглась резкой критике и со стороны непосредственных участников арабо-израильского конфликта, в том числе Организации освобождения Палестины. В марте 1978 г. в журнале «Саут Филастин» была опубликована статья, прямо указывавшая на то, что «китайские лидеры, ослепленные антисоветизмом, идут на прямой сговор с силами, враждебными национально-освободительному, антиимпериалистическому движению в арабском мире».

Четкую позицию заняли представители коммунистических и рабочих партий арабских стран, собравшиеся на совещание в декабре 1978 г. «Совещание братских партий арабских стран,— говорилось в заявлении арабских коммунистов,— обсудило новые проявления полнеческой деградации китайского руковод-

ства, что нашло выражение, в частности, в одобрении им предательских кэмп-дэвидских соглашений, в сближении с американским империализмом на антисоветской основе, в проросках против сил социализма»⁴².

Китайское руководство, учитывая важность поддержки американской «мирной» инициативы на Ближнем Востоке с точки зрения националистических интересов КНР, возобновило контакты с израильскими официальными лицами (в частности, с постоянным представителем Израиля в ООН Х. Герцогом и министром обороны Э. Вейцманом), чтобы ускорить заключение сепаратной сделки между Египтом и Израилем, поскольку подписание египетско-израильского договора могло бы устранить формальные преграды, удерживавшие КНР от признания Израйля де-юре.

В то же время заметно оживилась внешнеполитическая деятельность КНР в странах Персидского залива. Продолжались неофициальные контакты между Саудовской Аравией и КНР, логическим завершением которых должно стать взаимное признание. «Торговые представители Саудовской Аравии, — сообщила газета „Монд“ 25 ноября 1978 г., — уже посетили Пекин в этом году, а агентство Синьхуа в политическом плане одобряло каждую инициативу этой страны». Усилия пекинской дипломатии были сосредоточены на установлении и упрочении отношений с Оманом (обмен посольствами между этими странами произошел в 1978 г.), Объединенными Арабскими Эмиратами, Кувейтом, Бахрейном, Ираном, т. е. странами, способными, по мнению руководства КНР, войти в «максимально широкий фронт борьбы с Советским Союзом»⁴³.

Антисоветская сущность политики КНР на Ближнем Востоке особенно ясно проявилась в поддержке планов арабской и иранской реакции по созданию военно-политических блоков в Персидском заливе и Красном море, нацеленных против коммунистического и национально-освободительного движения народов этих стран, против упрочения авторитета Советского Союза в арабском мире. Проимпериалистический курс КНР нанес серьезный ущерб развитию революционного процесса в странах, прилегающих к Персидскому заливу и Красному морю. Так, китайское руководство полностью солидаризировалось с шахом Ирана и султаном Омана и пообещало им поддержку в подавлении вооруженной национально-освободительной борьбы на юге Аравийского полуострова. В ходе официального визита председателя ЦК КПК Хуа Гофэна в Иран в августе 1978 г. китайская сторона заявила о полной поддержке иранского милитаризма, антинародной политики шаха и вмешательства иранских вооруженных сил в подавление патриотического движения на юге Аравии. «Пекинское руководство, — писал первый секретарь ЦК Народной партии Ирана Туде Й. Искендери в газете „Ан-Нида“ 18 декабря 1978 г., — оказывало режиму шаха всяческую

помощь и тем самым продемонстрировало, что между Китаем и США нет принципиальной разницы».

Визиты Хуа Гофэна в Иран, Хуан Хуа в Иран и Турцию, Уланфу в АРЕ, Судан и Турцию, Хэ Ина в Иорданию и Кувейт, прием в Пекине специального посланника президента Садата М. Х. Тухами и министра иностранных дел Омана аз-Завази, подписание ряда соглашений с этими странами о военном, экономическом, торговом, культурном и научном сотрудничестве ясно указывают на то растущее внимание, которое уделял Пекин данному региону в 1978 г.

В то же время контакты китайского руководства с представителями арабских стран, проводящих антиимпериалистический курс (визиты Цзи Пэнфэя в Сирию и Ирак, визиты Абдель Саляма Джеллуда, члена руководства палестинской организации «Фатх» Абу аль-Холля, делегации НДРЙ во главе с премьер-министром Али Насером Мухаммедом в КНР), выявили серьезные расхождения в позициях Пекина и прогрессивных арабских режимов по важнейшим региональным и международным вопросам.

КНР И СТРАНЫ АФРИКИ

Китайское руководство активизировало свою политику в странах Африки южнее Сахары. Расширился обмен делегациями высокого уровня. В течение года политика Пекина в отношении африканских стран стала более гибкой, дифференцированной. Она была направлена на достижение великодержавных целей, нанесение максимального ущерба силам социализма, национально-освободительного движения.

На основании неполных данных китайской прессы, в 1978 г. в КНР побывало около 40 делегаций из африканских стран на правительственном уровне, из них 10 во главе с президентами или премьер-министрами. В апреле Пекин посетил президент Сомали С. Барре; в мае — президенты: Республики Сейшельские острова — А. Рене; Мозамбика — С. Машел, Конго — Ж. Йомба-Опанго; в июне — президенты: Либерии — Р. Толберт, Руанды — Ж. Хабнаримана; в июле — президент Мадагаскара Д. Рацирака; в сентябре — президент Чада Ф. Маллума, премьер-министр Танзании Э. Соконне; в декабре — президент Габона О. Бонго.

В 1978 г. 12 правительственных делегаций КНР посетило 20 стран Африки (главным образом Восточной, Западной и Центральной). Основное внимание было уделено Запру, Сомали, Руанде, Конго, Бенину. В октябре — ноябре заместитель премьера Госсовета КНР Гэи Бяо нанес визиты в Конго, Гвинею, Мали, Гапу, Нигерию, Руанду, Сомали; в июле — августе заместитель премьера Чэнь Мухуа посетила Сомали, Габон, Камерун; в

декабре заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфэй совершил поездку в Нигер, Бенин, Того, Сьерра-Леоне, Гамбию; министр иностранных дел Хуан Хуа в июне посетил Заир; заместитель начальника генерального штаба Чи Хаотянь в том же месяце побывал в Заире, Конго, Руанде; Хэ Чжэнвэнь, другой заместитель начальника генерального штаба, нанес в ноябре визит в Сомали. Африку посетили также заместитель генерального директора главного управления гражданской авиации Чан Жуйай, заместитель министра внешней торговли Чэнь Цзе, заместитель министра внешних экономических связей Ли Кэ, заместитель министра здравоохранения Ян Цюнь, заместитель председателя Всекитайского народного общества дружбы с зарубежными странами Ло Шикао.

Развивая дипломатическое наступление на Африку, Пекин преследовал следующие основные цели: улучшение отношений КНР с подавляющим большинством стран; усиление блокирования с империализмом на континенте; подрыв позиций стран социалистического содружества, национально-освободительного движения; использование конфликтных ситуаций в своих гегемонистских интересах.

Принимая африканские делегации или находясь в Африке, китайские руководители пытались навязать партнерам по переговорам враждебный курс в отношении стран социализма, советовали укрепить связи с Западом, сеяли сомнения в необходимости проведения VI конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване. В целом визиты показали, что подавляющее большинство африканских политических деятелей не согласилось с китайскими взглядами, пекинской трактовкой событий в Африке, будь то на Африканском Роге, в Заире или на юге континента. Такая позиция африканских политических деятелей в некоторых случаях вынуждала китайских руководителей во время их поездок по Африке избегать прямых антисоветских выпадов.

КНР по-прежнему придавала важное значение развитию торгово-экономических отношений со странами Африки. Так, Китай обязался предоставить заем Ботсване в размере 22,5 млн. долл.; были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с Либерией, Сейшельскими островами, Руандой; соглашение в области здравоохранения с Чадом; протоколы к соглашению об экономическом и техническом сотрудничестве с Мозамбиком, Танзанней, Чадом, Эфиопией; соглашение о сотрудничестве в области радио, телевидения, обмена информацией с Сомали; соглашение между информационными агентствами Гвинеи-Бисау и Синьхуа; торговые соглашения с Мали, Кенией и т. д.

Не возражая против развития торгово-экономических отношений с КНР, африканские страны в то же время не питали каких-либо иллюзий относительно китайской «помощи». Так, на-

пример, кенийская газета «Найроби таймс» 3 декабря 1978 г. писала, что товарооборот между Китаем и Кенией незначителен и Китай едва ли сможет сыграть сколько-нибудь важную роль в экономическом развитии Кении. Разработка проектов и строительство нередко задерживались китайской стороной по политическим мотивам, использовались как средство давления на правительства отдельных стран.

В 1978 г. китайское руководство усилило свой контрреволюционный курс в Африке, пошло на дальнейшие уступки империализму, ведущему борьбу против национально-освободительного движения. В Заявлении Советского правительства от 23 июня 1978 г. отмечалось: «Пекинское руководство, наряду с НАТО и ЮАР, является активным соучастником в нагнетании напряженности в Африке. Оно сомкнулось с империализмом, с силами агрессии и реакции, неокOLONиализма и расизма и тем самым поставило себя в ряды противников не только социалистических стран, но и всего национально-освободительного движения, единства африканских народов, борьбы стран Африки за свою независимость и свободу, против империалистического господства. Так обстояло дело во время событий в Анголе и на Африканском Роге. Предательская роль Пекина проявилась полностью и в связи с интервенцией НАТО в Заире».

Развитие китайско-заирских отношений шло в общем русле сближения Пекина с империализмом на международной арене. Во время народного восстания 1978 г. в заирской провинции Шаба наблюдалась координация политики стран Запада, в первую очередь США, с Пекином. В мае 1978 г. во время своего визита в КНР З. Бжезинский потребовал от Пекина более активных действий в Африке. В свою очередь, Дэн Сяопин заверил США, что Китай делает «все, что может, чтобы противодействовать советской политике в Африке»⁴⁴. Вместе с тем он выразил неудовлетворенные «недостаточно решительной» реакцией США на события в Африке⁴⁵. Стремясь обострить советско-американские отношения, Пекин стремился подтолкнуть Вашингтон к более активному непосредственному участию в подавлении восстания в Шабе.

При содействии США в июне состоялся визит Хуан Хуа в Заир. Газета «Вашингтон пост» 17 июня с удовлетворением писала, что «к этой поездке китайского лидера побудили американцы». Во время переговоров с президентом Заира Мобуту Хуан Хуа поздравил его с «победой», обещал предоставить новую военную помощь. Как сообщала печать, в Заир уже тогда были «доставлены десятки тонн засекреченных китайских грузов»⁴⁶. Комментируя визит Хуан Хуа в Заир, японская газета «Акаха-та» 5 июня подчеркивала, что речь идет «фактически о совместных действиях Китая и США».

После визита Хуан Хуа появились сообщения, что Заир получит из Китая 20 танков, а также другую военную технику,

включая военные катера. В июне в Заир прибыли китайская военная делегация во главе с Чи Хаотянем и группа экспертов военно-морских сил КНР, в задачу которой, по сообщению заирской газеты «Салонго», входила боевая подготовка личного состава ВМФ в рамках соглашений о сотрудничестве в военной области, заключенных между странами. Выступив соучастником империализма в подавлении народного восстания в Заире, китайское руководство пыталось представить само восстание как... «вторжение» со стороны СССР и Кубы⁴⁷. Подобная же интерпретация была дана пекинским руководством событиям на юге континента и на Африканском Роге.

Раскрывая сущность китайской политики в отношении Эфиопии, Председатель Временного военного административного совета и Совета министров Социалистической Эфиопии М. Х. Мариам 17 ноября 1978 г. отметил, что «курс Китая, смыкающегося с империализмом и вооружающего наемных убийц „пятой колонны“ и сепаратистов, стал причиной гибели многих прогрессивно настроенных лиц. Китай,— продолжал он,— оказывает прямую поддержку реакционным силам нашего района, выступающим против интересов Эфиопии, ее революции и самого ее существования»⁴⁸.

По-прежнему проводя враждебный курс в отношении Анголы, китайское руководство не только пыталось представить диверсионные акции проимпериалистической организации УНИТА, пользующейся всемерной поддержкой расистов Претории, в качестве какой-то «справедливой» борьбы, но и поставило этой организации разнообразное оружие⁴⁹. Эта политика Пекина была решительно осуждена в совместном ангольско-вьетнамском коммюнике от 7 октября 1978 г., где говорится: власти Китая «в союзе с самыми реакционными силами империализма совершают агрессии и маневры... угрожающие миру и безопасности в Юго-Восточной Азии, Африке и во всем мире». В декларации Международной конференции солидарности с борьбой африканских и арабских народов против империализма и реакции (конференция была проведена в сентябре 1978 г. в Аддис-Абебе с участием представителей более 130 организаций из 100 с лишним стран) было обращено внимание на сотрудничество китайских руководителей с реакционными империалистическими и фашистскими режимами и осуждено их участие в агрессии против Анголы и Эфиопии. Критика политики Пекина в Африке содержалась в заявлении первой встречи коммунистических и рабочих партий Тропической и Южной Африки⁵⁰. В течение года с ней выступали и различные общественные организации африканских стран, прогрессивная печать континента.

Учитывая осуждение своей политики в Африке, Пекин во второй половине года попытался приглушить эту критику путем усиления пропаганды против расистских режимов, зангрывания с правительствами ряда африканских стран.

Выдавая себя за друзей африканских народов, противников расистских режимов, китайские лидеры в то же время пытались представить само существование режимов Претории и Солсбери как... следствие политики СССР, натравить государства Африки на страны социализма. Пекин, по существу, одобрил неокOLONиалистский англо-американский план для Родезии, поддерживал «инициативы» западных государств по Намибии, вел торговлю с ЮАР. Согласно сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» от 20 декабря 1978 г., между Пекином и Вашингтоном возникло «взаимопонимание» по проблемам юга Африки и США обращались с просьбой к китайскому руководству уговорить некоторых лидеров ЗАНУ «присоединиться к тем белым и африканским лидерам, которые подписали соглашение о „внутреннем урегулировании“ в Родезии». Под прикрытием раздувавшейся империализмом и Пекином пропаганды о «советской угрозе» Соединенные Штаты, КНР и ЮАР сколачивали на африканском юге альянс, призванный помочь неокOLONиалистам сохранить свое влияние в этой части континента.

КНР И СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Китайское руководство продолжало добиваться сближения на антисоциалистической, антисоветской основе с реакционными военно-диктаторскими режимами в Латинской Америке. Законченное выражение этот процесс нашел в дальнейшем укреплении связей КНР с военно-фашистской хунтой Чили. Устойчивый параллелизм интересов и целей обеих сторон подтвердил состоявшийся в октябре визит в КНР министра иностранных дел чилийской хунты Э. Кубильоса. При встрече с ним министр иностранных дел КНР Хуан Хуа выразил «удовлетворение» антисоветской и антикубинской позицией чилийского режима. В свою очередь, Э. Кубильос также выступил со злобными нападка ми на Советский Союз, Кубу и Социалистическую Республику Вьетнам.

В результате визита Э. Кубильоса связи КНР с фашистским режимом получили договорно-правовую основу, которой не существовало в отношениях Китая с правительством Народного единства. В ходе переговоров был подписан ряд документов, в том числе о воссоединении деятельности совместной комиссии по двустороннему сотрудничеству, об обмене постоянными военными миссиями, о научно-техническом сотрудничестве, а также несколько торговых сделок на поставку в КНР чилийской меди и селитры.

В 1978 г. руководство КНР пыталось укрепить отношения с наиболее развитыми в экономическом отношении латиноамериканскими странами. В январе был заключен торговый договор с Бразилией, а в мае подписан ряд документов, регулирующих

импорт сельскохозяйственных продуктов из Аргентины. Свои усиленно рекламируемые «образцовые» отношения с этими и некоторыми другими латиноамериканскими странами китайское руководство стремилось противопоставить их растущим связям с миром социализма, использовать вес и влияние этих государств для осуществления китайской политики на континенте.

Важное значение в этой связи Пекин придавал визиту в КНР в октябре президента Мексики Х. Л. Портильо. Китайское руководство явно стремилось столкнуть Мексику с традиционно-дружественных позиций по отношению к Советскому Союзу. Прибывший в Мексику накануне визита Х. Л. Портильо заместитель начальника генштаба НОАК Чжан Цайцян в интервью местным журналистам допустил грубые нападки на СССР. С аналогичными заявлениями выступил заместитель министра иностранных дел КНР Юй Чжань. Такой «запев» должен был, по расчетам Пекина, обеспечить вполне определенную тенденцию на предстоявших переговорах.

Следует отметить, что, выступив за развитие взаимоотношений с КНР, мексиканская сторона вместе с тем твердо продемонстрировала неизменность основ своей внешней политики. Х. Л. Портильо вновь подтвердил мексиканскую концепцию независимости, состоящую в противодействии «всем формам давления извне», а также позиции страны по проблемам установления нового международного экономического порядка, разоружения, создания безъядерных зон и т. д.

Стремясь найти некий противовес развитию отношений государств Латинской Америки с социалистическим содружеством, китайское руководство активно выступало за союз латиноамериканских стран с индустриально развитыми капиталистическими державами. В значительной мере эти цели преследовала состоявшаяся в июне поездка делегации ВСНП во главе с заместителем председателя Постоянного комитета Цзи Пэнфэем в Мексику, Венесуэлу и Канаду. Соответствующий характер носила и китайская пропаганда. Так, на конференции ООН по проблемам технического сотрудничества между развивающимися странами (Буэнос-Айрес, сентябрь 1978 г.) китайская делегация открыто призывала к союзу «второго» и «третьего» миров. В китайской печати неоднократно расписывались «преимущества» укрепления связей латиноамериканских стран с европейским «Общим рынком»⁵¹.

Наиболее отчетливо политический курс Пекина проявился в Карибском бассейне. Руководство КНР хотело бы осложнить обстановку в этом районе, спровоцировать США на усиление конфронтации с Советским Союзом и Кубой, на создание здесь ситуации потенциального конфликта. В фокусе пекинской пропаганды, касающейся положения дел в субрегионе, неизменно оказывались вопросы возможной конфронтации США и СССР, связанной с якобы «усиливающейся советской военной угрозой»

и деятельностью Кубы в Африке. Пекин пытался использовать эти вымыслы для обоснования неизбежности новой мировой войны, стремился подорвать расширяющиеся связи карибских стран с Советским Союзом, Кубой и другими социалистическими государствами. С этим же прицелом Пекин рассчитывал использовать и рычаги экономической помощи, а также влияние относительно многочисленной китайской буржуазии в карибских странах.

Попытки реакционных кругов США навязать вашингтонской администрации обанкротившийся курс с «позиции силы» в отношении социалистических стран предоставляли Пекину новые возможности в его провокационной тактике. Визит заместителя премьера Госсовета КНР, заведующего отделом международных связей ЦК КПК Гэн Бяо в Мексику, Тринидад и Тобаго, Ямайку и Гайану в июле 1978 г. не случайно совпал с эскалацией антисоветской и антикубинской кампании, развернутой на Западе в связи с событиями в Африке. Характерно, что в заявлениях Гэн Бяо, изобиловавших выпадами против Советского Союза и Кубы, почти полностью отсутствовала хотя бы косвенная критика империализма, колониализма и неоколониализма. Как отмечала западногерманская газета «Франкфуртер Альгемайне» 27 июля 1978 г., подобная тактика, видимо, обсуждалась во время визита в КНР помощника президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского. Известно и то, что в секретных переговорах с представителями вашингтонской администрации китайское руководство убеждало США усилить противодействие Кубе, не возвращать ей военно-морскую базу в Гуантанамо и не прекращать экономическую блокаду острова. «Такой курс,— отмечала кубинская газета „Гранма“ (24.V. 1978),— свидетельствует о том, насколько далеко зашла контрреволюционная политика маоистов, пытающихся установить альянс с империализмом».

КНР и ДВИЖЕНИЕ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

Политика пекинского руководства претерпела в этом вопросе заметную эволюцию. В 60-е годы маоисты критиковали всю совокупность принципов мирного сосуществования, положенных в основу движения, пытаясь дискредитировать саму идею неприсоединения и ведущие неприсоединившиеся страны и противопоставить движению неприсоединения организацию афро-азиатской солидарности. В 70-е годы китайское руководство стало заигрывать с движением неприсоединения, надеясь использовать его в интересах реакционной антисоциалистической, антисоветской политики. Премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн на сессии ВСНП в феврале 1978 г. заявил: «Мы высоко ценим и решительно поддерживаем движение неприсоединения, играющее ак-

тивную роль в борьбе против империализма, колониализма и гегемонизма»⁵².

Подход китайского руководства к движению неприсоединения основываясь на маоистской внешнеполитической доктрине «трех миров». «Неприсоединившиеся страны, находящиеся на всех кяти континентах мира, составляют важную часть третьего мира»⁵³, — заявил в июне 1978 г. заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо.

Руководствуясь этой общей схемой, китайские руководители стремились навязать неприсоединившимся странам свое понимание целей движения неприсоединения, его места и роли в международной политике. Они предпринимали попытки выхолостить антиимпериалистическое содержание движения, подтолкнуть его вправо, придать ему антисоциалистическую направленность. Пекин активно поддерживал и «обыгрывал» стремление определенных кругов некоторых неприсоединившихся стран проводить линию «равноудаленности», «равной ответственности», «равного противостояния», игнорирующую принципиальные различия между империалистическими и социалистическими государствами. Более того, пекинские лидеры пошли дальше и весьма энергично подталкивали движение к односторонней ориентации на силы империализма и реакции, к отказу от какого-либо сотрудничества с социалистическим содружеством, к борьбе против него.

Политика китайского руководства в рассматриваемом вопросе отличалась в 1978 г. наступательным характером, что особенно проявилось в связи с событиями на Африканском Роге и в заирской провинции Шаба, а также в Индокитае. Подхватив провокационные призывы о том, чтобы исключить из движения неприсоединения Кубу, а также клеветнические аггивьетнамские заявления кампучийского режима Пол Пота — Иенг Сари, китайская пропаганда повела на международной арене яростную кампанию против Кубы и Вьетнама. Таким способом Пекин тщетно стремился дискредитировать эти страны и сорвать намеченную на 1979 г. Гаванскую конференцию глав правительств и государств неприсоединившихся стран. При этом Пекин самозванно взял на себя право определять, какие страны являются неприсоединившимися, что было открытым вмешательством в их деятельность. Подавляющее большинство неприсоединившихся стран не поддержало требования Пекина. Белградская конференция министров иностранных дел неприсоединившихся стран (июль 1978 г.) подтвердила первоначальные планы проведения очередной встречи на высшем уровне в Гаване.

Руководство КНР непосредственно координировало свою политику в отношении движения неприсоединения с империалистическими державами, что проявилось, например, в согласовании их акций по дискредитации Кубы. КНР и США одновременно развернули антикубинскую кампанию, к которой присоединились

ряд западных стран, с целью доказать, что Куба не является неприсоединившейся страной, и на этом основании добиться переноса предстоящей конференции из Гаваны.

Пекинские руководители стремились извлечь максимальную политическую выгоду из двусторонних контактов с неприсоединившимися странами. В 1978 г. не было практически ни одного такого дипломатического визита, в ходе которого Пекин не принял бы усилий по обработке руководителей неприсоединившихся стран в нужном ему духе. Пекинские лидеры неизменно связывали проведение той или иной страной политики неприсоединения с якобы неотделимым от этого курсом «антигегемонизма», тем самым пытаясь навязать отдельным неприсоединившимся странам и движению в целом свое антисоветское, антисоциалистическое понимание политики неприсоединения. При этом характерно, что «антигегемонистское» толкование направленности движения неприсоединения пекинские лидеры пытались навязать независимо от того, насколько склонна была та или иная неприсоединившаяся страна поддержать китайский тезис.

Однако главную свою опору внутри движения неприсоединения Пекин искал прежде всего в лице консервативных, проимпериалистических режимов. Отношение китайского руководства к движению в целом диктовалось установкой на сплочение любых сил на антисоциалистической, антисоветской основе.

ОТНОШЕНИЯ КНР С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

КНР и США

В 1978 г. в китайско-американских отношениях произошли существенные сдвиги. Продолжавшиеся более семи лет двусторонние переговоры завершились 15 декабря 1978 г. соглашением о взаимном дипломатическом признании КНР и США и установлении между ними с 1 января 1979 г. официальных отношений в полном объеме (на уровне посольств).

Перелом в затянувшихся переговорах наметился со времени визита в Пекин помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского (20—23 мая 1978 г.), когда обе стороны начали проявлять повышенную активность в направлении дальнейшего взаимного сближения. Эта активность имела в своей основе резкое усиление антисоветизма в политике как пекинского руководства, так и вашингтонской администрации. Заметно оживились политические, экономические и другие связи КНР с Соединенными Штатами, а также с их союзниками — Японией и странами Западной Европы. Наметились некоторые контакты и по военной линии.

В этом взаимном сближении каждая из сторон преследовала,

разумеется, свои цели. Стратегическая установка Пекина, положенная в основу его политики в отношении США, была выражена в одном из выступлений министра иностранных дел КНР Хуан Хуа. «Необходимо,— заявил он,— перетянуть Соединенные Штаты на свою сторону, чтобы сосредоточить все свои силы на борьбе с главным противником (т. е. СССР)... Нужно вызвать раскол между двумя сверхдержавами, чтобы раздробить их»⁵⁴. Учитывая главенствующую роль США в капиталистическом мире, их влияние на международные дела, их экономический и научно-технический потенциал, Пекин стремился на основе сотрудничества с Вашингтоном решить основные задачи маоистской политики: помешать улучшению советско-американских отношений, спровоцировать США и их союзников на срыв разрядки, на усиление конфронтации с СССР; добиться поддержки капиталистическим миром великодержавных притязаний Китая; использовать связи с США для укрепления экономического и военного потенциала КНР. К ускорению «процесса нормализации» отношений с США Пекин подталкивали и его планы экспансии в Индокитае, которые вели к осложнению отношений с Социалистической Республикой Вьетнам, а также с другими странами этого региона. Готовясь усилить военное давление на них, Пекин спешил заручиться поддержкой США и их союзников.

С того времени, как пекинское руководство провозгласило антисоветский курс, Соединенные Штаты поставили главной целью своей китайской политики превращение КНР в постоянный инструмент давления на СССР, ослабления социалистической системы и национально-освободительного движения. Для этого было необходимо закрепить маоистский Китай на антисоциалистической платформе, поддержать его лидеров, разжигающих конфронтацию с СССР. «Желание США укрепить позиции нынешнего китайского руководства сыграло немаловажную роль»,— отмечала «Нью-Йорк таймс» 18 декабря 1978 г. в связи с решением Вашингтона о признании КНР.

Важное место отводилось Китаю и в региональной политике США на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В согласованных действиях с Пекином Вашингтон усмотрел определенные возможности для решения таких задач, как сдерживание Японии— все более усиливающегося соперника США, давление на Индию и другие государства, проводящие независимую политику, сохранение проамериканских режимов на Тайване и в Южной Корее, дальнейшее наращивание американских военных сил в соответствии с новой доктриной США в азиатско-тихоокеанском регионе, провозглашенной в начале 1978 г. Наконец, не последнюю роль сыграли расчеты на то, что удастся использовать китайский рынок для расширения экспансии американского капитала и втянуть Китай в международную капиталистическую систему торгово-экономических связей.

Западные обозреватели отмечали, что, соглашаясь на опре-

деленные уступки Пскину в переговорах об установлении дипломатических отношений, администрация Дж. Картера стремилась, в частности, компенсировать ряд своих неудач на важных участках внешнеполитической деятельности (трудности с подготовленной уже в Кэмп-Дэвиде сделкой по Ближнему Востоку, резкое ослабление американских позиций в Иране, усиление разногласий с Японией и союзниками по НАТО и др.).

Пекинское руководство, со своей стороны, сделало все, чтобы склонить Вашингтон к окончательной нормализации отношений и более тесному сотрудничеству. Маоистская пропаганда резко сократила выступления с критикой политики Соединенных Штатов. Более того, пекинские лидеры стали рекламировать идею заключения китайско-американского союза по образцу «договора о мире и дружбе» между КНР и Японией, направленного против СССР. «Следует заключить союз против белого медведя,— заявил заместитель премьера Госсовета Дэн Сяопин в интервью американскому корреспонденту.— Располагая своими собственными силами, Соединенные Штаты не обладают достаточной мощью. Только тогда, когда будет заключен союз между Соединенными Штатами и Китаем ...мир и стабильность во всем мире будут обеспечены»⁵⁵. Китайская сторона все откровеннее стала выражать свою поддержку НАТО, капиталистической интеграции Европы под эгидой США, американо-японскому военному союзу, курсу Вашингтона на сохранение американских военных баз на территории Таиланда, Филиппин и других стран азиатско-тихоокеанского региона. Правительство КНР пыталось установить взаимопонимание с Вашингтоном по вопросам, связанным с положением на Корейском полуострове и в Индокитае. Оно одобрило американское военное присутствие в зоне Индийского океана, имея в виду воспрепятствовать превращению ее в зону мира; фактически пошло на сотрудничество с Вашингтоном в дипломатических маневрах, нацеленных на подрыв советско-индийских отношений. КНР охотно взаимодействовала с США и в африканских делах, поддерживая вылазки проимпериалистической агентуры против прогрессивных государств и движений континента. В Пекине одобрили интервенцию США, Франции и Бельгии в Заире и проявили готовность совместно с державами НАТО помогать режиму Мобуту и другим ставленникам этих держав в африканских странах. Таким образом, на многих важнейших участках международной борьбы китайское руководство, стремясь к сближению с Соединенными Штатами, выступило союзником американского империализма, стало одной из опор его военно-политической стратегии.

Стремление КНР более тесно сотрудничать с Соединенными Штатами прослеживалось и в области торгово-экономических и научно-технических связей. Пекин предпринял целый ряд шагов, чтобы заинтересовать правительственные и деловые круги США перспективами расширения таких связей. Так, летом 1978 г. пра-

вительство КНР впервые согласилось на переговоры с американской стороной по вопросам научно-технического сотрудничества на правительственном уровне и приняло с этой целью в Пекине делегацию США во главе с помощником президента по науке и технике Ф. Прессом, тогда как ранее оно отклоняло предложения о подобного рода переговорах, выдвигая предварительным условием установление полных дипломатических отношений. Научный обмен между Китаем и США в 1978 г. вырос в три раза. Была намечена программа его дальнейшего расширения. Правительство КНР заявило о своем намерении систематически направлять на учебу в США и другие капиталистические страны большое число китайских стипендиатов, что должно было заинтересовать Запад возможностью усиления идеологического воздействия на Китай. Во время переговоров с Ф. Прессом был согласован вопрос о направлении в США 500 китайских студентов и аспирантов (в 1978 г. Соединенные Штаты приняли первую группу студентов из КНР — 52 человека).

Были приняты меры к расширению объема китайско-американской торговли: в 1978 г. он превысил 1 млрд. долл., т. е. возрос втрое по сравнению с 1977 г. КНР резко увеличила закупки в США промышленного оборудования, новейшей технологии, а также возобновила закупки крупных партий американской пшеницы.

Увеличился поток приезжающих в КНР представителей деловых и общественных кругов США, конгрессменов, правительственных деятелей. В частности, Пекином были приглашены министр энергетики (в прошлом министр обороны) Дж. Шлесинджер и министр сельского хозяйства Б. Бергленд, которые посетили Китай соответственно в октябре и ноябре 1978 г., а также министр торговли Х. Крепс и министр финансов М. Блюменталь, которые намеревались совершить поездку в Пекин в начале 1979 г. Всего в 1978 г. в КНР побывало около 10 тыс. американцев, в том числе около 100 членов конгресса. Со своей стороны, Пекин направил в США более 120 различных делегаций — в 4 раза больше, чем в 1977 г.⁵⁶

В процессе политических контактов и переговоров обе стороны старались обойти или смягчить имеющиеся между ними противоречия и сделать упор на «общность интересов» США и КНР на мировой арене. При этом вырабатывалась платформа совместного противодействия росту международного влияния СССР, координировалась политика Вашингтона и Пекина в Азии, а также в Африке. Именно в таком ключе проходили переговоры в рамках визита в Китай З. Бжезинского. Подыгрывая маонистам, эмиссар Вашингтона манипулировал тезисом насчет «советской угрозы» и заверял Пекин в том, что правительство США намерено «придерживаться твердой позиции» в отношении СССР. Он дал понять, что Вашингтон одобряет антисоветский курс пекинского руководства и готов оказать ему соответствующую под-

держку, поскольку, по словам Бжезинского, «обеспечение безопасности и могущества Китая отвечает интересам Америки». Помощник президента старался представить политику увеличения военного присутствия США в Азии как вклад в обеспечение территориальной целостности Китая и защиту его интересов. В связи с этим он подтвердил стремление американского правительства содействовать заключению договора о мире и дружбе между КНР и Японией на выдвинутых китайской стороной антисоветских условиях, а также высказал готовность США оказать КНР помощь в модернизации экономики и вооруженных сил. Бжезинский заявил своим партнерам по переговорам, что президент Дж. Картер готов форсировать «процесс нормализации» отношений с Китаем.

Почва для соглашения была вполне подготовлена, и требовалось лишь найти взаимоприемлемую формулу урегулирования вопроса о Тайване, который все еще оставался препятствием на пути к установлению дипломатических отношений между КНР и США. Пекинское руководство не решалось снять с повестки дня этот вопрос, долгие годы подававшийся как национальная проблема первостепенной важности, и настаивало на принятии своих условий нормализации, зафиксированных в Шанхайском коммюнике 1972 г. Вместе с тем оно проявило определенную уступчивость, согласившись учесть «соответствующие интересы» Соединенных Штатов.

Правительство США продолжало цепляться за Тайвань, учитывая в первую очередь его стратегическое значение как морской, воздушной и ракетной базы в системе американских военных союзов. Оно добивалось такого соглашения, которое исключило бы на будущее возможность нападения на Тайвань и обеспечило бы таким образом существование там независимого от КНР режима при тех или иных гарантиях со стороны США. Президент Картер 19 сентября сообщил руководителю группы связи КНР в Вашингтоне Чай Цзэминю, что Соединенные Штаты готовы принять условия китайской стороны, если она, в свою очередь, откажется от применения силы для решения тайваньского вопроса. Не давая публично прямых заверений, Пекин все же нашел способ убедить американскую сторону в том, что он готов удовлетворить ее условие. Провозглашенный на сессии ВСНП в феврале 1978 г. призыв к армии «подготовиться к освобождению Тайваня» был «забыт», и китайские руководители стали подчеркивать, что они стоят за «мирное решение вопроса». Дэн Сяопин во время визита в Японию (октябрь) высказался в том смысле, что Пекин не собирается форсировать процесс воссоединения Тайваня с КНР и считает, что «этот вопрос может занять десять, сто или даже тысячу лет»⁵⁷.

В итоге переговоров США согласились порвать дипломатические отношения с Тайванем, вывести оттуда свой военный персонал и по истечении года заявить о прекращении действия

американо-тайваньского военного договора. В обмен на это Пекин снял всякие возражения против поддержания в полном объеме прежних торговых, экономических и культурных связей Соединенных Штатов с Тайванем, теперь уже на частной, не официальной основе. На будущее китайской стороной были даны заверения, что в случае воссоединения Тайваня с КНР его социально-экономический строй не подвергнется изменениям и позиции американского капитала на острове останутся в неприкосновенности⁵⁸. Более того, Пекин был вынужден примириться и с тем, что Соединенные Штаты станут продолжать поставки оружия и боевой техники тайваньским вооруженным силам (в декабре, уже после установления китайско-американских отношений, правительство США утвердило пятилетнюю программу таких поставок на общую сумму 625 млн. долл.). По решению Вашингтона 7-й флот США будет по-прежнему патрулировать в Тайваньском проливе, предупреждая попытки захвата острова. Таким образом, несмотря на перестройку американо-тайваньских отношений, обусловленную договоренностью между Пекином и Вашингтоном, Тайвань не лишился возможностей и в дальнейшем противодействовать объединению с Китаем. По существу, китайское руководство отступило в этом вопросе, чтобы добиться расположения и поддержки со стороны Соединенных Штатов.

В совместное китайско-американское коммюнике об установлении дипломатических отношений по настоянию Пекина было включено заявление о том, что «ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана, а также в любых других районах мира» и что «каждая из сторон будет выступать против усилий любой другой страны или группы стран к установлению такой гегемонии». Этот фразеологический шаблон был призван подчеркнуть определенную направленность китайско-американского соглашения, которое пекинская пропаганда старалась преподнести как крупный успех маоистского курса на создание «широчайшего международного фронта» борьбы против СССР и его друзей. В связи с этим в политических и общественных кругах различных стран, особенно соседних с Китаем, возникли озабоченность и опасения насчет действительного характера и возможных последствий сближения КНР и США, ведущего к усилению агрессивности китайского национализма. Такие опасения были связаны, в частности, с тем, что сразу же после «нормализации» отношений с США Пекин занялся массовой передислокацией своих войск из районов, прилегающих к Тайваньскому проливу, в сторону границы с Вьетнамом в целях оказания постоянного давления на эту страну и весь регион Юго-Восточной Азии.

Китайское руководство стремилось использовать сближение с США для получения оружия и боевой техники, оборудования и технологии, необходимых для форсированного наращивания

военного потенциала. Китай «готов покупать оружие, если США сделают ему соответствующие предложения»⁵⁹, — заявил Дэн Сяопин в беседе с американскими конгрессменами. Однако США воздержались от прямых сделок с Китаем по этому вопросу, учитывая как собственные интересы на Дальнем Востоке, которые могут оказаться под ударом в случае усиления позиций китайского милитаризма, так и настроения азиатских союзников Америки, а также протесты миролюбивых стран. Тем не менее США, по существу, санкционировали поставки боевой техники Китаю из стран НАТО под видом так называемого «оборонительного оружия». США также дали согласие на продажу Китаю этими странами оборудования и технологии, которые могут быть использованы в военных целях (например, французская фирма «Фраматом» поставила два силовых ядерных реактора, изготовленные по лицензии американской компании «Вестингауз»). На переговорах, которые вел в Пекине Дж. Шлесинджер, основное внимание было сосредоточено на оказании помощи Китаю в техническом и технологическом оснащении тех отраслей науки и промышленности, которые способствуют наращиванию военного потенциала. Помимо подготовки соглашений о сотрудничестве в области разведки и добычи нефти, разработки месторождений угля и налаживания сельскохозяйственного производства США выразили готовность рассмотреть вопрос о строительстве в КНР ускорителя частиц высоких энергий, а также о поставке электронно-вычислительных машин и аппаратуры для исследований в области ядерной физики. В результате переговоров, проведенных делегацией во главе с Ф. Прессом, была в предварительном порядке разработана программа научно-технического сотрудничества, которая включает ряд важных проектов как гражданского, так и военного значения. Американские банки предложили Китаю крупные кредиты для модернизации его экономики, которая подчинена в основном планам милитаризации страны.

Расширение торгово-экономических и научно-технических связей между КНР и США призвано стимулировать дальнейшее сближение двух стран и в международных делах, где пекинское руководство все более откровенно смыкается с силами империалистической реакции. Эти силы все шире используют КНР в интересах собственной политики — прежде всего для попыток подрыва позиций социалистической системы.

КНР И СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В 1978 г. активность китайской дипломатии в Западной Европе резко возросла. Стремясь воспользоваться сложностью международной обстановки, пекинское руководство вело борьбу против процесса разрядки на Европейском континенте посредст-

вом извращения целей внешней политики СССР, подстегивания гонки вооружений, поощрения империалистической реакции. Особенный размах приобрели попытки маоистов получить от западноевропейских стран поддержку программам наращивания военно-промышленного потенциала КНР.

Китайское руководство ожесточенно сопротивлялось всем конкретным шагам по ослаблению напряженности в Европе. В пекинской прессе извращался смысл белградской встречи стран — участниц Общеευропейского совещания: она изображалась как проявление «борьбы сверхдержав» за «господство над Европой», а принятый в Белграде итоговый документ был объявлен «пустым»⁶⁰. В подобном духе трактовались и венские переговоры о сокращении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе. В годовщину завершения Общеевропейского совещания китайские средства массовой информации выступили с клеветническими материалами, отрицая вопреки фактам всякий прогресс в деле разрядки⁶¹. В речах Хуа Гофэна и других китайских лидеров постоянно звучал тезис о Европе как «основной арене конкурентной борьбы сверхдержав»⁶², служащий целям нагнетания напряженности в этом районе мира.

Руководители КНР энергично поддерживали наращивание военной мощи Северо-Атлантического пакта в Западной Европе, к чему, в частности, прямо призывал министр иностранных дел Хуан Хуа на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Китайская печать постоянно публиковала заявления представителей натовской верхушки о «необходимости» усилить «оборону» Западной Европы⁶³, охотно цитировала измышления западных противников разрядки относительно мнимого «нарушения военного паритета» Советским Союзом. Во время встреч с западноевропейскими политическими деятелями Хуан Хуа «приветствовал» решение членов НАТО об увеличении ассигнований в бюджете этого блока⁶⁴. Маневры войск НАТО, проводившиеся в Европе в 1978 г., неизменно вызывали положительные отклики китайской прессы.

Безоговорочное одобрение встретили в Пекине планы размещения на территории европейских стран и участников Северо-Атлантического пакта нейтронного оружия⁶⁵. В то же время маоистское руководство подвергло грубым нападкам советское предложение членам НАТО договориться о взаимном отказе от производства такого оружия⁶⁶.

Свои расчеты на нагнетание напряженности «на западном фланге» социалистического содружества китайские лидеры связывали с консолидацией сил европейского империализма, что побуждало их оказывать всемерное содействие как плану дальнейшей интеграции стран, входящих в «Общий рынок», так и расширению его состава. Пекин выразил откровенное удовлетворение по поводу намеченного приема в ЕЭС Испании, Португалии и Греции, призвав участников Сообщества к «преодоле-

нию межгосударственных противоречий» ради укрепления «безопасности»⁶⁷. Положительно оценили в КНР переговоры между членами «Общего рынка» о создании общей валютной системы, назвав их «новым шагом в деле объединения Западной Европы»⁶⁸.

В апреле 1978 г. между КНР и ЕЭС было подписано торговое соглашение. С юридической точки зрения оно представляет собой основу, позволяющую участникам «Общего рынка» поддерживать межгосударственные торгово-экономические связи с Китаем, поскольку они условились оформлять торговые соглашения с остальными странами только через администрацию Сообщества. По существу же заключение соглашения в значительной мере было политической акцией. Таким способом китайское руководство хотело поднять международный престиж «Общего рынка», оказав поддержку тем силам, которые стремятся расширить компетенцию органов ЕЭС, добиваясь превращения его в военно-политический блок. «Мы рады,— заявил Дэн Сяопин,— что ЕЭС играет все возрастающую роль на международной арене»⁶⁹. В выступлениях китайских лидеров неоднократно высказывалось пожелание укреплять «мощь Западной Европы» в интересах борьбы против «гегемонизма»⁷⁰.

В 1978 г. эмиссары Пекина предприняли широкое зондирование настроений в западноевропейских столицах, с тем чтобы оценить возможности срыва разрядки в усложнившейся международной обстановке: была проведена серия встреч с правительственными и парламентскими деятелями почти всех государств капиталистической Европы.

В ходе визита в КНР премьер-министра Франции Р. Барра (январь) Дэн Сяопин и другие китайские руководители предприняли попытку заинтересовать его своей идеей сколачивания «антигегемонистского», а по существу — антисоветского, антисоциалистического «единого фронта»⁷¹. Выражая одобрение военным доктринам, выдвинутым милитаристскими кругами Франции, играя на особенностях позиции страны в вопросах ядерного разоружения, пекинские лидеры стремились подтолкнуть Париж к более активному участию в гонке вооружений, спровоцировать ухудшение советско-французских отношений.

Несостоятельность попыток маоистов оказать влияние на политику Франции четко проявилась, когда переговоры коснулись проблемы разрядки в Европе. Французский премьер-министр недвусмысленно отмежевался от линии Пекина, несколько раз повторив в ходе визита, что «разрядка остается одним из основных аспектов политики Франции». Он подчеркнул также, что его страна «довольна развитием своих отношений с СССР».

Атаки против разрядки были продолжены во время пребывания высокопоставленных деятелей КНР в Великобритании и ФРГ. Так, Хуан Хуа в ходе своего визита в Англию (октябрь) выразил «озабоченность» политикой СССР в Европе⁷².

Серьезное внимание пекинская дипломатия уделяла странам Средиземноморья, учитывая стратегическое значение региона и то важное место, которое отведено ему в документах Обще-европейского Совещания и белградской встречи участников Совещания. Были организованы визиты министра иностранных дел КНР в Грецию (сентябрь) и Италию (октябрь), поездка заместителя премьера Госсовета Гэн Бяо на Мальту (июль — август), посещение Китая королем Испании (июнь). Помимо прямых попыток дискредитации идей разрядки китайская сторона использовала встречи с политическими деятелями этих стран для того, чтобы оказать самую широкую поддержку планам укрепления «европейского единства»⁷³. Представители Пекина активно манипулировали лозунгами «сплоченности и сотрудничества народов средиземноморских стран», «единства и сотрудничества балканских и средиземноморских стран», неизменно сопровождая их выпадами в адрес Советского Союза. В китайской трактовке смысл этих лозунгов заключался в укреплении позиций империализма на южном фланге НАТО, в усилении влияния империалистических кругов на развивающиеся страны, расположенные на берегах Средиземного моря.

Пребывание Гэн Бяо на Мальте отразило опасения китайского руководства, касающиеся перспектив развития мальтийским правительством связей с социалистическими странами, и стремление привязать это небольшое государство к внешнеполитической линии КНР путем оказания ему некоторой экономической помощи. Для дополнительного косвенного давления на правительство Минтоффа Пекин организовал в то же время поездку в КНР делегации соперничающей с ним националистической партии. В связи с визитом Гэн Бяо в западной прессе подчеркивалось отрицательное отношение мальтийской общественности к тому, чтобы экономическое присутствие Китая переросло в военное⁷⁴.

Китайское руководство активизировало также связи со Скандинавскими странами. После длительного периода отсутствия контактов на высоком уровне состоялись визиты в Пекин министров иностранных дел Норвегии (март) и Швеции (апрель), которым лидеры КНР пытались навязать свое представление о «нарастающей угрозе войны» в Европе.

Однако назойливые утверждения такого рода не были поддержаны правительственными деятелями западноевропейских государств. Так, министр иностранных дел Великобритании Д. Оуэн, охарактеризовав китайскую точку зрения как «пессимистическую», заявил: «Мы не считаем, что война неизбежна. Мы думаем, что конструктивная разрядка разумна»⁷⁵. Шведский министр иностранных дел К. Сёдер подчеркнула, что, по ее мнению, войны можно избежать и что Швеция заинтересована в ослаблении международной напряженности.

Ближайшими партнерами Пекина в его попытках обострить

обстановку в Европе по-прежнему оставались наиболее реакционные, агрессивные круги европейского империализма. Это подтвердилось во время пребывания в КНР делегации правых парламентариев из ФРГ (март — апрель), которым Дэн Сяопин подробно изложил свои идеи самого тесного блокирования всех антисоветских сил мира. Высказываясь с полной откровенностью, заместитель премьера Госсовета открыто призвал капиталистическую Европу и США занять «оборонительные рубежи» на Западе, а Японию вместе с Китаем — на Востоке. Китайский деятель потребовал, чтобы западноевропейские правительства отказались от всякого сотрудничества с СССР, будь то переговоры о разоружении или торговля. Общим политическим итогом визита было, как заявил глава западногерманской делегации Ф. Циммерман, согласие сторон «по всем пунктам» анализа международного положения⁷⁶.

Смыкаясь с силами крайней империалистической реакции, пекинские руководители продемонстрировали безоговорочное одобрение притязаний реваншистских кругов на пересмотр границ в Европе. Пригласив в КНР (декабрь) президента так называемого Паневропейского союза Отто фон Габсбурга, китайские лидеры посоветовали ему «ни в коем случае не отказываться» от территорий, некогда входивших в состав гитлеровского рейха, и добиваться «воссоединения Германии»⁷⁷, т. е. поглощения ГДР Западной Германией.

В беседах маоистских деятелей с западноевропейскими политическими лидерами заметное место заняло обсуждение проблем, связанных с «горячими точками» в Африке и на Ближнем Востоке. Стремясь накалить отношения между социалистическими и капиталистическими государствами Европы, пекинские лидеры приписывали СССР намерение «обойти», «окружить» Западную Европу⁷⁸. Дэн Сяопин в одной из бесед подчеркивал «важность европейской позиции», поскольку, мол, США проявляют «чрезмерную мягкость» в Африке⁷⁹.

Подогреванию настроений тревоги, враждебности к Советскому Союзу должны были способствовать также измышления китайской пропаганды, будто бы советско-американские переговоры ОСВ-2 наносят ущерб интересам западноевропейских государств и потому должны вызвать у них «серьезную озабоченность»⁸⁰.

Важнейшей целью Пекина при этом было создание благоприятных условий для получения от капиталистической Европы различного рода военной помощи. Поездка в КНР (апрель — май) начальника штаба обороны Англии Н. Камерона наглядно показала, насколько далеко способны зайти пекинское руководство и западноевропейские милитаристские круги в налаживании военного сотрудничества, направленного против СССР. Вторя антисоветским высказываниям китайской стороны, Камерон заявил, что Великобритания и Китай имеют перед собой общего

врага — Советский Союз, и призвал к «обмену опытом в отражении советских танковых атак». Речи Камерона вызвали замешательство официального Лондона. Английский министр иностранных дел был вынужден сделать разъяснение, отметив, что Великобритания развивает свои отношения с Китаем «не за счет ухудшения отношений с Советским Союзом»⁸¹.

Рассчитывая на поддержку натовской военщины, пекинское руководство развернуло энергичную деятельность, чтобы получить доступ к арсеналам европейских капиталистических стран. В Западной Европе побывал целый ряд представительных военных делегаций, которые собирали тактическую и экономическую информацию о современной боевой технике, знакомились с ее производством на заводах крупнейших концернов, наблюдали за испытаниями и обсуждали возможности закупок. Наиболее представительная делегация такого рода во главе с заместителем начальника генштаба Чжан Айпином в июне — июле посетила Францию, Италию, Швейцарию и Швецию. Несколько экспертных групп побывали в Англии. В сфере внимания Пекина оказались английские, французские и шведские истребители, французские и западногерманские вертолеты, английские и западногерманские танки, а также различные виды ракетного оружия, артиллерия, военные корабли, электронное оборудование, военно-транспортные средства и т. п. По сообщениям западной прессы, в списках военных товаров, интересующих Пекин, насчитывалось 5 тыс. наименований.

Домогаясь согласия западноевропейских правительств на продажу оружия, китайские представители прибегали к различным средствам нажима на своих партнеров по переговорам. В Париже, как сообщалось, китайская делегация дала понять, что Франция не получит никаких других заказов, если не пойдет навстречу требованиям Пекина относительно поставок военной техники. Китайские эмиссары в Англии, склоняя к уступкам правительство Дж. Каллагэна, намекали, что могут разместить свои заказы и в других местах⁸². Во время визита в Китай лидера голлистской партии ОНР, бывшего премьер-министра Франции Ж. Ширака (сентябрь) маоистские лидеры организовали ему подчеркнуто благожелательный прием как «продолжателю дела де Голля», выразив свое недовольство возражениями французского правительства против продажи КНР некоторых видов оружия, а также прекращением поставок ядерных материалов Пакистану⁸³, с которым Китай имеет тесные военные связи.

Попытки закупить военное снаряжение Пекин сочетал с кампанией за отмену всей системы контроля, через которую проходит экспорт в Китай стратегических товаров из капиталистических стран. В одной из бесед заместитель министра иностранных дел Юй Чжань подчеркнул, что рассматривает деятельность КОКОМ (органа, осуществляющего такой контроль) в отноше-

нии своей страны как «препятствие», которое «необходимо устранить».

Настойчивость Пекина в немалой степени объяснялась тем, что его негласно поощряли США. По сообщениям американской печати, помощник президента З. Бжезинский во время своего визита в КНР информировал китайскую сторону об отсутствии у Соединенных Штатов возражений против поставки в Китай некоторых видов оружия из западноевропейских стран.

В самой Западной Европе усилия маоистского руководства приобрести оружие встретили активную поддержку со стороны крайней империалистической реакции. Во время работы очередной сессии Ассамблеи Западноевропейского союза (июнь) член британского парламента от консервативной партии Ф. Беннет в докладе, озаглавленном «Китай и европейская безопасность», высказался за «экономическое, научное и военное сотрудничество с Китаем». Он призвал Западную Европу «внести свой скромный вклад в модернизацию китайских вооруженных сил» в ответ якобы на «угрозу разрядке со стороны Советского Союза». На основании его доклада некоторые члены Ассамблеи, в основном представители правых буржуазных партий, попытались добиться принятия рекомендации, по существу одобрявшей поставку в КНР военного снаряжения. Однако рекомендация была отвергнута Ассамблеей.

Тем не менее влиятельные силы в Западной Европе не оставили попыток «разыгрывать китайскую карту», видя в этом средство давления на Советский Союз. Вопрос о продаже вооружений Китаю стал темой оживленных дискуссий. Были предприняты попытки скрыть от мировой общественности опасный характер намечавшихся сделок, уверив ее, будто речь идет о предоставлении КНР лишь «оборонительного» оружия. Возражая против подобных неосмотрительных решений, многие деятели указывали, что содействие военному усилению Китая несет в себе угрозу срыва разрядки. Отмечалось, что предоставление Пекину современного оружия может привести к дестабилизации обстановки в Южной и Юго-Восточной Азии. Фирмы — производители оружия выражали опасения, что Китай может составить им конкуренцию в странах «третьего мира», наладив собственное производство боевой техники по предоставленным ему образцам.

Особую остроту приобрели споры о продаже Китаю английского истребителя «Харриер», интерес к которому в КНР проявляли с начала 70-х годов. В 1978 г. эту сделку «пробивал» в Лондоне целый ряд высокопоставленных представителей Пекина, в том числе заместитель премьера Госсовета Ван Чжэнь.

Наращиванию военного потенциала руководство КНР подчинило и развитие своих научно-технических связей с Западной Европой. Так, в январе 1978 г. было заключено научно-техническое соглашение с Францией, которое, как сообщалось в запад-

ной прессе, предусматривало совместные работы «в областях, связанных с обороной». Группы специалистов из КНР были направлены в научные учреждения ряда западноевропейских стран, а также в Европейский центр по ядерным исследованиям. Китайская сторона добилась разрешения пользоваться в экспериментальных целях западногерманско-французской системой спутниковой связи «Симфония». Были подписаны документы о сотрудничестве с Францией в области физики и космической техники, а также научно-технические соглашения с целым рядом западноевропейских стран.

Придя к выводу, что модернизация вооруженных сил невозможна без развития соответствующих отраслей промышленности, китайское руководство в 1978 г. предприняло шаги для значительного расширения торгово-экономических связей с Западной Европой, и в особенности для импорта промышленного оборудования. Важным шагом в этом направлении было заключение торгового соглашения с ЕЭС, предоставившего Китаю режим наибольшего благоприятствования.

В ноябре была достигнута договоренность с Великобританией о существенном повышении уровня двусторонней торговли. В декабре состоялось подписание китайско-французского межправительственного соглашения об экономическом сотрудничестве, определившего объем торговли до 1985 г. в 60 млрд. фр. Был заключен ряд крупных контрактов, предусматривающих участие западноевропейских фирм в поставке оборудования, строительстве или реконструкции предприятий угледобывающей, металлургической, химической промышленности, различных отраслей машиностроения и т. п.

С Францией было заключено соглашение о закупке оборудования для двух атомных электростанций. Поскольку некоторые узлы станций изготавливаются по американским лицензиям, для сделки требовалась санкция США. В прессе отмечалось, что отдельные элементы станций могут быть скопированы и затем использованы в военных целях, вследствие чего Соединенные Штаты обусловили свое согласие получением от Китая соответствующих гарантий. Однако сообщений о том, что КНР действительно дала такие гарантии, не было.

К экономическому и техническому сотрудничеству китайское руководство привлекало и малые государства Западной Европы: Норвегию (совместная разработка подводных нефтяных месторождений), Голландию (гидротехническое строительство) и др.

Развивая торгово-экономические отношения с западноевропейскими странами, китайские руководители призывали их создать «сильный Китай», пытались убедить Запад в том, что участие в модернизации КНР сулит ему политические выгоды. Об этом говорил, например, заместитель премьера Госсовета Ван Чжэнь во время своего визита в Великобританию⁸⁴.

Чтобы финансировать свои программы модернизации, Китаю пришлось взять у ряда западноевропейских банков и фирм крупные кредиты. Сознывая, однако, недостаточность этой меры, китайские руководители дали понять, что хотя бы пересмотреть свое прежнее отрицательное отношение к правительственным займам, а также создавать на территории Китая смешанные компании совместно с иностранным капиталом⁸⁵.

Новая линия пекинских лидеров, с одной стороны, была воспринята на Западе с известными сомнениями, поскольку для Китая с его слабой экспортной базой выплата долгов представляет собой трудноразрешимую проблему. Так, министр хозяйства ФРГ О. Ламбсдорф отметил, что не разделяет эйфории по поводу перспектив развития экономических отношений с КНР.

С другой стороны, у монополистических кругов появилась надежда, используя открывающиеся возможности, внедриться в экономику Китая. Характерно, например, что, обсуждая вопрос о кредитовании крупной сделки на поставку в КНР металлургического оборудования, западногерманские банковские деятели отмечали, что китайская сторона должна будет предоставлять им соответствующую экономическую информацию⁸⁶. Доступ же к ключевым позициям в экономике Запад рассматривает как предпосылку для подчинения Китая своему политическому влиянию.

КНР И ЯПОНИЯ

1978 год явился кульминационным в развитии японо-китайских отношений с момента установления дипломатических связей в 1972 г.

12 августа в Пекине министрами иностранных дел был подписан «договор о мире и дружбе» между КНР и Японией. В августе он был ратифицирован на ПК ВСНП, а в октябре — японским парламентом. Договор не завершил полностью процессов послевоенной нормализации между обоими странами, поскольку за его пределами остались такие серьезные проблемы, как тайваньская и территориальный статус о-вов Сенкаку.

Однако правительство и печать КНР высоко оценили значение договора, изображая его подписание как новую веху «в сохранении мира и стабильности в Азии и на Тихом океане»⁸⁷. Одновременно заключение договора было использовано для очередных нападок и лжи в адрес Советского Союза.

В Японии этому событию давались неоднозначные оценки. Если официальные лица приветствовали договор, то ряд японских газет выступил против опрометчивого восторга по поводу его заключения. Особую озабоченность у трезво мыслящих японских ученых и политических деятелей вызвала антисоветская направленность указанного договора, выраженная в ст. 2 —

о «противодействии гегемонии». Еще при подготовке договора обнаружилось серьезные разногласия между Пекином и Токио по вопросу включения этого положения в текст договора. Правительство Японии пыталось избежать открытого присоединения к антисоветской стратегии Китая, ссылаясь на то, что оно стремится к поддержанию «дружеских отношений со всеми странами». Однако в конечном счете Пекин добился включения этой статьи в договор.

Чтобы как-то смягчить антисоветский характер «антигегемонистской» статьи, в Токио ссылались на другую, 4-ю статью договора, провозглашающую, что «настоящий договор не будет влиять на позицию каждой из договаривающихся сторон в отношениях с третьими странами». Однако из выступлений китайских руководителей явствовало, что не 4-я, а именно 2-я статья призвана определять в дальнейшем существование китайско-японских отношений. Чтобы ни у кого не было сомнения на этот счет, Дэн Сяопин во время своего октябрьского визита в Японию неоднократно подчеркивал: «В противодействии гегемонизму состоит суть японо-китайского договора о мире и дружбе»⁸⁸.

Обращал на себя внимание тот факт, что пекинские лидеры выражали намерение превратить этот договор в инструмент создания военно-политического блока между КНР и Японией. Именно с этой точки зрения следует расценивать выступления китайских руководителей, в которых призывы к наращиванию «сил самообороны» Японии и к укреплению американо-японских военных отношений сопровождалось предложениями «идти нога в ногу» для противодействия «угрозе с Севера». В частности, Дэн Сяопин, беспочвенно обвиняя СССР в «агрессивности» и «гегемонизме», заявлял: «Я считаю, что рано или поздно война разразится. Но если мы станем союзниками, то сможем отсрочить ее»⁸⁹.

Показателем серьезных намерений Пекина установить тесные связи с Японией на антисоветской основе может служить тот факт, что пекинские руководители сообщили о своем решении не возобновлять действие советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, о чем официально было заявлено в ходе японо-китайских переговоров в августе 1978 г.

Опасность подобных акций для мира в Азии усиливается в связи с тем, что они не только поддерживаются, но и поощряются США. По свидетельству газеты «Майнити симбун», заинтересованность Вашингтона в подписании японо-китайского договора, «который является одним из звеньев американской стратегии в мире, неизбежно приводит к выводу о намерении создать в будущем японо-американо-китайский военный союз»⁹⁰.

Этот вывод вряд ли можно считать необоснованным, если принять во внимание то давление, какое оказал Вашингтон на японское правительство в деле заключения договора с КНР. По сообщениям японских газет, во время японо-американских пере-

говоров на высшем уровне в Вашингтоне (май) официальные представители американского правительства, включая президента Дж. Картера, указали премьер-министру Японии Т. Фукуда на то, что «США не только выступают в пользу заключения договора с КНР, но и не возражают против статьи о гегемонии»⁹¹. Такая позиция отражала жесткий курс администрации Картера в отношении СССР, выразившийся, помимо всего прочего, в попытках привязать пекинское руководство к капиталистическим странам и подтолкнуть его к созданию антисоветских коалиций.

Опасные тенденции проявились и в интенсивно развивающихся военных контактах между КНР и Японией. Только в первой половине 1978 г. Китай посетили четыре японские делегации, включавшие отставных генералов и адмиралов, подчеркнута тепло принятых в Пекине. Тревогу в кругах японской миролюбивой общественности вызвал визит в страну заместителя начальника генерального штаба НОАК Чжан Цайцяня, последовавший вскоре после подписания договора (сентябрь). В беседах с представителями военных кругов и военно-промышленного комплекса было достигнуто единство мнений о расширении обмена военными специалистами. Другими словами, Пекин фактически перешел от словесной поддержки американско-японского «договора безопасности» и планов наращивания вооруженных сил Японии к прямым контактам с военно-промышленными кругами Японии с целью получения новейших видов оружия или таких видов продукции, которые можно было бы использовать для усиления военного потенциала КНР. Подобное сотрудничество, по мнению прогрессивных сил Японии, «чревато для страны серьезными последствиями, будет способствовать ее втягиванию в великодержавную стратегию Пекина и росту угрозы для мира и стабильности в Азии»⁹².

Интенсивное развитие японо-китайских политических и военных связей в 1978 г. не могло затушить «тлеющие угли» противоречий в отношениях между Пекином и Токно. В частности, это относилось к вопросу о принадлежности о-вов Сенкаку, вблизи которых в апреле произошел серьезный инцидент (подробнее см. раздел «Пограничная политика»).

Пристальное внимание китайское руководство обращало на развитие экономических отношений с Японией, особенно в контексте реализации программы «четырех модернизаций». В связи с этим широкий размах приняли контакты с деловым миром Японии. Так, из 45 тыс. японцев, посетивших КНР в 1978 г., одна треть приходилась на представителей экономических кругов. Среди них такие ведущие деятели японского бизнеса, как президент сталелитейной компании «Нихон сэйтэцу» Е. Инаяма, трижды побывавший в Китае (февраль, сентябрь, декабрь); руководитель Комитета экономического развития Т. Сасаки (май); президент японского объединения аэрокосмических компаний

Э. Муран, представлявший авиационную промышленность Японии (июль, сентябрь); президент компании «Мицубиси буссан» И. Икэда (июль); вице-президент экспортно-импортного банка Японии С. Накамура (август) и др. Особенно следует отметить делегацию, возглавляемую министром внешней торговли и промышленности Т. Комото (сентябрь).

Резко увеличилось и количество визитов китайцев в Японию по линии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. В апреле была направлена экономическая миссия во главе с заместителем председателя Шанхайского ревкома Линь Хуцзя, в августе — делегация китайского общества по авионикой во главе с его председателем Жэнь Синьминем; вслед за ней в Японию побывали группа по изучению проблем космоса, делегация во главе с директором Аньшаньского металлургического завода Чэнь Юэ и ряд других делегаций.

В результате столь интенсивного обмена делегациями был подписан ряд соглашений и договоров, призванных активизировать китайско-японское экономическое сотрудничество. Так, компания «Нихон сэйтэцу» обязалась экспортировать в КНР техническое оборудование для металлургического комбината в Баошане (недалеко от Шанхая). Кроме того, представители этой компании договорились с китайской стороной о строительстве совместными усилиями крупного металлургического завода в пров. Хэбэй. Компании «Тосиба» и «Хитати» изъявили готовность продать КНР оборудование для завода по производству цветных телевизоров.

Однако важнейшим событием, определяющим перспективы японо-китайской торговли, явилось заключение 16 февраля 1978 г. долгосрочного торгового соглашения на 1978—1985 гг., предусматривающего взаимные поставки на 20 млрд. долл. Преамбула соглашения, подписанного в Пекине президентом японо-китайской экономической ассоциации Ё. Инаяма и заместителем министра внешней торговли Китая Лю Сивэнем, гласит: «Это соглашение подписано в рамках товарообмена между обеими странами при поддержке их правительств на основе равенства и взаимности в удовлетворении нужд друг друга и сбалансирования экспорта и импорта»⁹³. Предполагалось, что Япония поставит комплектное оборудование на 7—8 млрд. долл. и строительные материалы на сумму 2—3 млрд. долл. В свою очередь, Китай обязался продать Японии в первые 5 лет (в млн. т): нефти — 47,1, коксующегося угля — 5,15—5,3, энергетического угля — 3,3—3,9. Объем китайского экспорта на последующие три года (1983—1985) будет определен в 1981 г.

Для корректировки намеченных планов экономического сотрудничества в КНР была направлена японская правительственная делегация во главе с министром внешней торговли и промышленности Т. Комото, которая была принята Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем и министрами, ведающими вопросами экономики

страны. В результате переговоров была достигнута договоренность по следующим вопросам: 1) продлить срок действия японо-китайского долгосрочного торгового соглашения на 5 лет, до 1990 г., и более чем вчетверо увеличить намеченный объем товарооборота между двумя странами; 2) в соответствии с расширением торговли периодически проводить межправительственные совещания на уровне министров; 3) заключить на правительственном уровне соглашение о научно-техническом сотрудничестве; 4) помимо совместного освоения месторождений нефти и угля заняться освоением запасов других видов сырья и совместной разработкой электроэнергетических проектов. Кроме того, Китаю был предложен кредит в сумме 2 млрд. долл. на финансирование торговли с Японией на условиях 7,5% годовых с максимальным пятилетним сроком погашения. По сообщению японской прессы, Китай в принципе не против такого кредита и единственно, что вызывает у него возражение, это высокие процентные ставки.

Активизация экономических связей с КНР, однако, вызывала негативную реакцию некоторой части деловых кругов Японии. Прежде всего это относится к владельцам японских нефтеперерабатывающих заводов, которые без энтузиазма восприняли увеличение сырьевого импорта из Китая. Президенты «Идэмицу косаи компани», «Электрик пауэр», «Коа ойл компани» и других нефтяных компаний поставили в известность свое правительство о нежелании расширять объем закупок нефти в КНР. Такая позиция вызвана тем, что китайская нефть содержит много парафина, а ее цена, учитывая ее низкое качество, завышена на 20—30%. Так или иначе, на смену оптимистическим прогнозам по поводу перспектив китайско-японского экономического сотрудничества пришли более сдержанные оценки экономических экспертов в Японии. При этом они ссылались на невозможность предугадать развитие политической конъюнктуры в Китае из-за продолжающейся там борьбы группировок за власть.

В 1978 г. Пекин сохранил контакты с оппозиционными партиями Японии. В марте КНР посетили генеральный секретарь партии Комэйто Д. Яно, а также председатель ЦК СПЯ И. Асуката. В апреле китайские руководители принимали лидера Союза социал-демократов Х. Дэна. Примечательно, что если в речах Д. Яно и Х. Дэна прозвучали идеи, переключающиеся с китайской концепцией борьбы против СССР, то выступления И. Асуката разочаровали Пекин. В отличие от бывшего председателя ЦК СПЯ Нарита И. Асуката избегал антисоветских заявлений, которых ожидали от него пекинские лидеры. Обращал на себя внимание тот факт, что после заключения «договора о мире и дружбе» контакты Пекина с оппозиционными силами Японии стали заметно сужаться, ограничиваясь в основном только теми группировками в рядах оппозиционных партий, которые поддерживали маоистскую линию.

ОТНОШЕНИЯ КНР С АВСТРАЛИЕЙ И КАНАДОЙ

Австралия. В 1978 г. китайская дипломатия продолжала выступать за наращивание военных приготовлений Австралии, придавая особое значение расширению милитаристской деятельности блока АНЗЮС под предлогом необходимости «сбалансировать советское влияние». Пекин также молчаливо одобрял существование американских баз на территории Австралии, открыто поддерживал присутствие США в Индийском океане. Состоявшийся в конце января очередной визит в КНР парламентской делегации Австралии был использован китайскими лидерами для разжигания антисоветских настроений. Переговоры проходили в атмосфере грубого навязывания китайскими представителями тезиса об «угрозе» со стороны Советского Союза и сопровождались призывами к совместным действиям⁹⁴.

В 1978 г. китайские лидеры старались установить широкое сотрудничество с Австралией в различных областях. Во время пребывания в Пекине заместителя премьер-министра Австралии Д. Антони (ноябрь) заместитель премьера Госсовета Гу Му выразил особую заинтересованность в развитии торгово-экономических отношений⁹⁵. Как отмечала австралийская пресса, визит Д. Антони преследовал главным образом цель расширения продажи австралийского оборудования и технологии. Важное место в 1978 г. занял вопрос о поставках Китаю Австралией стратегического сырья, особенно урана, необходимого для атомной промышленности КНР⁹⁶. В течение года этот вопрос не раз поднимался китайскими представителями в Австралии, однако конкретные переговоры не состоялись.

В сентябре проходили торговые переговоры между КНР и Австралией, на которых были намечены сроки подписания крупных контрактов на продажу австралийского угля, железной руды и алюминия. Представители КНР выразили желание закупать в Австралии также серебро, цинк, свинец и т. д. По предварительным данным, импорт КНР из Австралии в 1977/78 г. достиг 42 млн. долл., что на 30 млн. долл. больше, чем в 1976/77 г.

Для обсуждения перспектив китайско-австралийских торгово-экономических связей из Китая в Австралию выезжали министр внешней торговли Ли Цян и заместитель министра металлургической промышленности Сюй Чи (октябрь). Китайская сторона проявила заинтересованность в увеличении объема австралийского экспорта в КНР в основном за счет поставок новейшей технологии, оборудования, полезных ископаемых и сельскохозяйственных машин. В конце года КНР получила от Австралии кредит в размере 50 млн. австрал. долл. для приобретения современного оборудования и технологии.

В 1978 г. китайское руководство обратилось к Австралии с просьбой ежегодно принимать для обучения в технических вузах 100 китайских студентов.

В рамках дальнейшего развития двусторонних отношений Китай и Австралия подписали соглашение об учреждении генеральных консульств (сентябрь).

Руководство КПК продолжало уделять заметное внимание пропекинской организации в Австралии. Лидер этой организации Э. Хилл в течение года несколько раз приезжал в Пекин, где имел встречи и беседы с Хуа Гофэном. На переговорах подвергалась нападкам миролюбивая политика, проводимая странами социалистического содружества.

Канада. КНР стремилась к дальнейшему укреплению своих отношений с Канадой на основе втягивания этой страны в создание «антисоветского единого фронта». Так, в июне состоялась поездка в Канаду китайской делегации во главе с заместителем председателя ПК ВСНП Цзи Пэнфэем. В ходе состоявшихся встреч Цзи Пэнфэй пытался запугать канадских парламентариев «неизбежностью новой мировой войны»⁹⁷, столкнуть Канаду на путь противодействия разрядке.

Лидеры Пекина в стремлении навязать Канаде свою антисоветскую стратегию особую ставку делали на военные и наиболее консервативные круги этой страны. Итоги поездки парламентской делегации Канады во главе с министром иностранных дел Д. Джеймисоном в Пекин, состоявшейся в конце января 1978 г., в очередной раз продемонстрировали готовность КНР оказывать поддержку военному сотрудничеству Канады с США по линии НАТО и НОРАД (региональная организация по совместной обороне Северной Америки). При обсуждении проблем региона, особенно восточной части Тихого океана, китайская сторона допускала клеветнические выпады против Советского Союза, который якобы угрожает безопасности Канады. Стороны обсудили проблемы развития межгосударственных связей, расширения торговли и научно-технического сотрудничества⁹⁸.

В 1978 г. произошел заметный сдвиг в развитии торгово-экономических связей между двумя странами. В октябре в Пекине находилась высокопоставленная экономическая делегация Канады. В центре переговоров стояли вопросы, связанные с несбалансированностью двусторонней торговли и освоением китайских природных ресурсов. Китайская сторона обратилась к канадским бизнесменам с просьбой о помощи в расширении добычи нефти на континентальном шельфе Китая.

В 1978 г. двусторонняя торговля между Китаем и Канадой составила, по предварительным данным, 451 млн. ам. долл. (импорт Китая — 369 млн. долл., экспорт — 82 млн. долл.). В Пекине был подписан очередной контракт на поставку 3 млн. метрических тонн канадской пшеницы, отгрузку которой было намерено закончить к августу 1979 г.⁹⁹.

В соответствии с установкой о заимствовании у зарубежных стран передового опыта министерство просвещения КНР пригласило на работу в страну группу канадских ученых, занимающих-

ся исследованиями в области естественных, технических и филологических наук. Одновременно китайское правительство решило послать в Канаду около 500 китайских студентов для специализации по современной технологии и точным наукам.

КНР и ООН

Позиция китайской делегации на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН характеризовалась отрицательным отношением к любым мерам, направленным на уменьшение опасности возникновения новой мировой войны и разоружение.

Особым нападкам китайской делегации подверглось советское предложение о заключении международной конвенции об укреплении гарантий безопасности неядерных государств. Как известно, Китай отказался подписать Договор о нераспространении ядерного оружия и неоднократно выступал за то, чтобы ядерным арсеналом обладало как можно большее число стран. Принятие советского предложения, предусматривающего предоставление ядерными державами гарантий безопасности неядерным странам, отказавшимся производить и размещать на своих территориях ядерное оружие, подорвало бы один из краеугольных камней китайской дипломатии. Не находя разумных доводов против советской инициативы, Хуан Хуа выступил на Генеральной Ассамблее с абсурдным заявлением о том, что конвенция будто бы «имеет своей целью связать многочисленные средние и малые страны по рукам и ногам и лишить их способности к самообороне»¹⁰⁰.

Позицию китайского руководства по этому вопросу изложил в Первом комитете член делегации КНР Чэнь Чу. В своей речи 1 ноября он заявил, что советское предложение — «явная ядерная угроза и ядерный шантаж», что Советский Союз «хочет запугать неядерные страны», чтобы они «отказались от законного права на развитие своего ядерного потенциала»¹⁰¹. Вынужденный признать справедливость неоднократных заявлений представителей многих стран о том, что расходы на вооружение становятся непосильным бременем для их народов, Пекин тем не менее продемонстрировал, что его мало интересует действительная обороноспособность этих стран. Главное для него — противодействовать политике Советского Союза.

При голосовании в Первом комитете резолюции, в соответствии с которой Комитету по разоружению предлагалось рассмотреть советский проект конвенции, делегации 137 государств проголосовали «за». Делегация Китая заявила, что решительно выступает против этой резолюции.

Представитель Пекина выступил также против советского предложения о неразмещении ядерного оружия на территориях государств, где его нет в настоящее время. Компанию Китаю в

этом вопросе составили страны НАТО. Представители 105 государств высказались в поддержку советского предложения.

Поведение китайской делегации при голосовании по вопросам разоружения никого на XXXIII сессии не удивило, так как оно явилось практическим воплощением политического курса, который проводила на сессии делегация КНР. По заявлениям представителей Пекина, суть этого курса в следующем: только тогда, когда Советский Союз и Соединенные Штаты полностью уничтожат свое ядерное оружие и сократят обычные вооружения, другие ядерные страны должны будут присоединиться к ним для того, чтобы уничтожить все ядерное оружие; укрепления странами «второго мира» в Западной Европе и в других районах мира своей обороной, координация взаимных отношений и объединение как в экономической и политической, так и в военной областях, по мнению китайского руководства, отвечают интересам не только дела защиты независимости и безопасности этих стран, но и интересам народов всех стран мира; страны «третьего мира» и другие малые и средние страны должны объединиться, укрепить свою обороноспособность, проводить неустанную борьбу против политики «двух сверхдержав».

Таким образом, совершенно очевидно было, что цели пекинского руководства в корне враждебны жизненным интересам народов и направлены на подталкивание человечества к новой мировой войне. Решительный отпор, данный пронкам представителей Китая, одобрение подавляющим большинством делегатов сессии инициатив Советского Союза и других миролюбивых стран, направленных на конструктивное разрешение многих сложных проблем мировой политики, говорят о том, что курсу на упорное разрядки, прекращение гонки вооружений, разоружение — разумной альтернативы не существует.

Важным событием года явилась специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Делегация Китая также приняла в ней участие, но отнюдь не для того, чтобы внести свой вклад в разрешение проблем разоружения. Заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин высказался откровенно: «Конференции по разоружению нас не интересуют... Мы участвовали в сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, так как многие страны просили нас об этом. Наша цель тогда состояла в том, чтобы изложить взгляды и позицию Китая»¹⁰².

С пространной речью на специальной сессии выступил министр иностранных дел КНР Хуан Хуа. Не обращая внимания на то, что сессия была созвана специально для разрешения вопросов разоружения, а не вооружения, китайский представитель громкогласно утверждал, что война неизбежна и отстоять мир невозможно, особенно путем разоружения. Народы, по его словам, «в стремлении защитить мир во всем мире не должны возлагать надежду на разоружение», вместо этого им нужно «как следует

материально и организационно подготовиться к войне»¹⁰³. Хуан Хуа дал ясно понять, что сегодняшнее пекинское руководство полностью унаследовало стратегию Мао Цзэдуна о развязывании новой мировой войны. «Китайский народ не верит в устрашающее разглагольствование о том, будто ядерная война приведет к гибели всего человечества»¹⁰⁴, — утверждал он, повторяя, по существу, печально известное высказывание Мао Цзэдуна.

Специальная сессия приняла решение, согласно которому Женевский комитет конференции по разоружению получил институционную связь с Организацией Объединенных Наций, что, безусловно, открывает большие возможности перед ним. Франция, не участвовавшая в работе Женевского комитета с 1961 г., выразила желание вновь принять участие в его работе. Только КНР решительно отказалась примкнуть к общим усилиям, оставаясь, таким образом, единственной ядерной державой, не принимающей участия в работе этого важного международного органа.

Китайская делегация выступила против заключительного документа специальной сессии, ополчившись, например, на такие формулировки: «проблема всеобщего и полного разоружения является важнейшей задачей», разоружение «прокладывает дорогу к стабильному миру». Отвергая инициативы других стран, китайская делегация не выдвинула ни одного конструктивного предложения, направленного на укрепление всеобщего мира. Трибуну специальной сессии Пекин использовал исключительно для клеветы на Советский Союз и другие социалистические страны, для пропаганды ненависти между народами, для подстрекательства к войне.

Деятельность КНР в ООН в 1978 г. в целом характеризовалась ужесточением конфронтации Пекина курсу на разоружение, еще более откровенной и беззастенчивой пропагандой войны, антисоветизмом. Тот факт, что ни один из аспектов китайской политики не нашел поддержки подавляющего большинства государств — членов ООН, говорит о том, что интересы мирового сообщества не имеют ничего общего с интересами руководства КНР.

НОВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИКИ ПЕКИНА В ОТНОШЕНИИ КИТАЙЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В 1978 г. маоистское руководство приступило к разработке и осуществлению нового политического курса в отношении китайцев, проживающих за границей. Активизируя работу с ними, Пекин преследовал две цели: во-первых, привлечь экономический и научный потенциал зарубежных китайцев к осуществлению программы «модернизации» экономики страны; во-вторых,

добиться поддержки ими великоханьского, экспансионистского курса на международной арене.

Новый курс проводился под лозунгом создания «могучей родины», способной «сокрушить основных врагов»¹⁰⁵, и сопровождался пропагандой идеи «продолжающегося кровного родства» всех китайцев. На основе этой идеи «патриотически настроенные соотечественники» с Тайваня, из Гонконга и Макао, а также граждане КНР, проживающие за границей (хуацяо)¹⁰⁶, включались в состав «единого революционного фронта» китайского народа¹⁰⁷, который оставался открытым и для тех, кто еще «не верует родине» и даже борется против нее¹⁰⁸. Таким образом, Пекин демонстрировал желание сотрудничать даже с самыми реакционными слоями зарубежных китайских общин. Одновременно все китайцы, включая «связанных с Китаем кровными узами» иностранных граждан китайского происхождения, втягивались в так называемый «самый широкий международный антигегемонистский фронт» борьбы с Советским Союзом¹⁰⁹. Это, по мнению китайских руководителей, должно было сплотить все силы, которые «можно сплотить», и поставить на службу Китаю «все активные факторы»¹¹⁰.

Пекин пошел на значительный пересмотр курса, принятого в начале 70-х годов и предусматривавшего проведение политики «шести нероглифов» — «жестче внутри, мягче вовне, пускать корни». В неизменном виде сохранился лишь призыв к зарубежным китайцам «пускать корни» в странах их проживания. Это предполагало активное участие не только в экономической, но и в политической жизни стран, проникновение в различные политические и общественные организации, проведение пропекинской пропаганды. Однако до «удобного случая» китайцы должны были «жить мирно, копить силы, мобилизовать интеллигенцию и буржуазию, направлять в КНР денежные переводы и технических специалистов»¹¹¹.

Согласно новой конституции, которая (как и прежние две) гарантировала охрану государством «соответствующих прав и интересов хуацяо»¹¹², китайцы, проживающие за границей, уже не избирали своих депутатов во Всекитайское собрание народных представителей. Теперь их интересы в высшем органе государственной власти КНР представляли их родственники, проживающие в Китае, репатрианты, «соотечественники» с Тайваня, из Гонконга и Макао, а также депутаты от возобновивших свою деятельность демократических партий (например, партии Чжигундан). Был значительно повышен уровень представительства «соотечественников» в органе Единого фронта — НПКСК. Впервые два депутата от Гонконга и Макао стали членами его Постоянного комитета¹¹³. Возобновили свою деятельность правительственные организации, занимающиеся работой с китайцами, проживающими за границей, — Канцелярия по делам китайцев, проживающих за границей, Канцелярия по приему и размеще-

нию репатриантов, Центральный комитет по вкладам китайцев, проживающих за границей. Основным координирующим органом стала Канцелярия по делам китайцев, проживающих за границей, во главе с членом ЦК КПК Ляо Чэнчжи¹¹⁴. К концу года ее отделения действовали в некоторых городах и уездах провинций Гуандун, Фуцзянь, Хунань, Хэбэй, Цзянсу, Чжэцзян и Цинхай. Столь же разветвленной стала сеть и других правительственных организаций.

Важную роль в пропаганде и разъяснении зарубежным китайцам политики китайского руководства были призваны сыграть их родственники, проживающие в КНР, и репатрианты¹¹⁵. Это, в свою очередь, требовало изменения официальной политики в отношении китайцев, имеющих родственников за границей и означало, по существу, отказ от маоцзэдуновской установки «жестче внутри». В значительной степени изменение политики объяснялось желанием завоевать доверие зарубежной китайской буржуазии. В текст новой конституции впервые был внесен пункт, который гарантировал охрану государством «соответствующих прав и интересов, проживающих в КНР родственников зарубежных китайцев»¹¹⁶. Правительством был разработан и стал применяться ряд мер по экономическому и материальному стимулированию родственников зарубежных китайцев, им возвращали собственность, реквизированную в годы «культурной революции», был облегчен выезд из Китая для «воссоединения семей». Одновременно была усилена политико-воспитательная работа с ними, проведение которой возложили на местные партийные организации и на восстановившую свою деятельность Всекитайскую ассоциацию репатриантов. В течение 1978 г. прошло два съезда этой ассоциации, был изменен ее устав, в состав руководства введены бывшие депутаты ВСНП от зарубежных китайцев. Наряду с «патриотическим воспитанием» в функции Ассоциации входило привлечение китайцев, имеющих родственников за границей, и репатриантов к активному участию в «модернизации» экономики, а также сбор через них сведений о зарубежных китайских общинах. Для большей эффективности этой работы стали поощряться переписка с родными и друзьями, поездки в КНР зарубежных китайцев на традиционные и национальные праздники, а также посещение родных мест.

Для привлечения в страну детей зарубежных китайцев в Китае был открыт ряд школ и университетов. Однако эта инициатива не нашла ожидаемого отклика, и общее количество зарубежных китайцев, обучавшихся в высших учебных заведениях КНР, составляло не более 2 тыс. человек. (Причем в это число входили дети родственников зарубежных китайцев, проживающие в Китае.)

Разработка новой политики проходила на состоявшемся в январе подготовительном совещании по созыву всекитайской конференции по делам китайцев, проживающих за границей, на

самой конференции, прошедшей в конце декабря, а также на многочисленных встречах и «собеседованиях». На первый план была выдвинута задача участия зарубежных китайцев в программе «модернизации». При этом основным показателем их «патриотической позиции» был поток денежных переводов в Китай. По данным гонконгской печати, он составлял 400 млн. долл., но Пекин планировал в скором времени довести его до 1 млрд. долл.¹¹⁷. Для привлечения капиталов в Пекине разработан специальный справочник по инвестициям зарубежных китайцев, запланировано создание смешанных предприятий и особых экспортных зон. Обсуждался вопрос о «размораживании» в банках КНР вкладов зарубежных китайцев. «Соотечественникам» из Гонконга было разрешено покупать дома в пров. Гуандун.

Несмотря на то что это было встречено зарубежными китайцами с интересом, факты показали, что участие зарубежной китайской буржуазии ограничивалось посредничеством между Китаем и западными странами в строительстве в КНР современных гостиниц, создании комплекса по промышленному выращиванию цыплят и цветов для нужд экспорта. Продуктивнее использовались отлаженные торговые связи с зарубежными китайскими торговыми фирмами, через которые на Западе закупались товары, необходимые, в частности, для наращивания военно-промышленного комплекса.

Более перспективным для КНР оказался канал получения передовой технологии и современных научных данных через научно-техническую интеллигенцию и иностранных ученых китайского происхождения, живущих в странах Запада, особенно в США. Заметно участившиеся визиты этих ученых свидетельствовали о том, что политика Пекина находит у них отклик и желание «внести свой вклад в дело четырех модернизаций на родине предков». Эти визиты широко освещались в прессе, ученых принимали руководители КНР. Показательно, что помимо коллег из КНР и родственников на этих встречах, как правило, присутствовал ответственный сотрудник отдела Единого фронта ЦК КПК Ло Цинчан. С марта 1978 г. на экранах КНР, США, Гонконга и Макао демонстрировался фильм «Встреча председателя Хуа Гофэна с доктором Ли Чжэндао»¹¹⁸. Пропекинская газета «Дагунбао», имеющая широкое хождение среди зарубежных китайцев, регулярно помещала статьи о деятельности в КНР бывших выпускников и аспирантов западных университетов. При этом акцент делался на то, что в Китае они занимают ответственные посты в ЦК КПК, постоянных комитетах ВСНП и ИПКСК, АН КНР, комитете по оборонной науке и технике. Эти пропагандистские маневры были призваны оказать воздействие на зарубежных китайцев, и особенно на ученых китайского происхождения, сохранявших негативное отношение к КНР.

По сообщениям западной прессы, вопросы использования китайцев, проживающих за границей, в политических целях были

темой специального совещания, прошедшего в Пекине в середине 1978 г. Как показала практика, формы и методы их использования находились в прямой зависимости от конкретных планов Китая. Если в капиталистических странах Европы и Америки в глазах общественного мнения китайским общинам отводилась роль «моста дружбы», то во Вьетнаме китайцы стали ударной силой в политической борьбе с социализмом. Пекинское руководство через буржуазные и националистические элементы общины пыталось вызвать в стране хаос, беспорядки, дезорганизовать экономику, а затем, запугивая перспективой скорой войны КНР с СРВ, сорвало с родных мест и заставило бежать в Китай многие тысячи лиц китайской национальности. Массовое бегство в Китай было использовано КНР как повод для пограничных столкновений и прекращения экономической помощи СРВ. Эта подрывная деятельность сопровождалась шумной пропагандистской кампанией, обвинявшей правительство СРВ в «преследовании, ограблении и изгнании» лиц китайской национальности. Политическое значение предпринятой акции и тот факт, что потоком беженцев управляли из КНР, подтверждались упорным молчанием Пекина относительно судьбы китайцев в Кампучии (где последние подвергались геноциду со стороны клики Пол Пота — Иенг Сари).

Направляя основной поток беженцев в КНР и акцентируя на этом внимание мировой общественности, Китай хотел показать, что его политика находит поддержку китайцев, проживающих за границей. Нарочитой демонстрацией массового бегства в «трудную минуту на родину» руководство КНР стремилось убедить соотечественников за рубежом, что только КНР является надежной защитницей их интересов.

Не переставая на словах призывать китайцев, проживающих за границей, к принятию гражданства стран проживания, к большей интеграции в обществе этих стран, Пекин на деле делал ставку на националистические настроения зарубежных китайцев. Более того, китайцев призывали сохранять национальную принадлежность, китайские нравы и обычаи, изучать китайский язык, крепить связи с «родиной предков». Подобное нагнетание «психоза единокровия»¹¹⁹, под которым понималась политическая лояльность к Пекину, не может не вызывать тревоги в странах ЮВА, где проживает основная масса зарубежных китайцев (около 95%) и где китайская буржуазия занимает доминирующее положение в экономике.

Правительства стран этого региона старались сокращать контакты своих китайских граждан с официальными представителями КНР. Например, в ходе вояжа Дэи Сяопина осенью 1978 г. по странам ЮВА заранее не сообщалось ни время прибытия, ни маршрут следования китайского гостя. Тем не менее любая иностранная поездка лидеров Китая сопровождалась встречами с лидерами местных общин. Такие встречи были у

Дэн Сяопина в Бирме в начале года. Встречи с китайцами имел и Ли Сяньнянь, посетивший в 1978 г. Филиппины.

Нередко само присутствие в странах дипломатических представительств КНР оказывало значительное влияние на настроения зарубежных китайцев, приводило к созданию пропекинских китайских организаций. В США наиболее рьяной сторонницей КНР стала Общенациональная ассоциация американцев китайского происхождения во главе с видным физиком-ядерщиком, лауреатом Нобелевской премии Ян Чжэньнином. В Японии особой активностью отличались токийские организации, работа которых находилась под неослабным контролем сотрудников китайского посольства в Токио. Значительно активизировалась деятельность китайских официальных представителей и в таких странах, как Ямайка, Перу, Панама и Венесуэла. Одним из свидетельств активизации стало обострение в общинах борьбы между сторонниками Пекина и Тайбэя. Особенно наглядно это проявилось в Перу, где находится одна из самых больших китайских общин Латинской Америки.

Активизация работы с зарубежными китайцами, в ходе которой пекинское руководство использует в своих целях иностранных граждан китайского происхождения, не может не рассматриваться как откровенное вмешательство в дела других стран. Одновременно это показывает, что для Китая не существует разделения китайцев на граждан КНР и иностранцев китайского происхождения. Вопрос об их гражданстве используется Пекином лишь для политических спекуляций на международной арене.

В своих действиях Пекин руководствуется лишь узкоэгоистическими, националистическими интересами, при которых не учитывается и судьба самих зарубежных китайцев. События во Вьетнаме показали, что китайское руководство, спровоцировавшее массовое бегство китайцев из СРВ в Китай, вскоре стало предпринимать активные меры по изгнанию их из страны. Столь же безразлична Пекину была судьба кампучийских китайцев. Он не только не защитил их от политики геноцида, проводимой властями Пол Пота — Йенг Сари, но приказал созданному в Париже Комитету спасения кхмерских китайцев прекратить свою деятельность и «сохранять спокойствие».

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА КНР

Уход Мао Цзэдуна с политической арены не внес принципиальных изменений в политику националистического руководства КНР в вопросах государственных границ. По-прежнему китайские руководители рассматривали созданные ими проблемы на границах страны, с одной стороны, как средство давления на сопредельные государства с целью вовлечения их в сферу сво-

его влияния и, с другой — как стимулятор роста националистических настроений внутри страны.

Китайская сторона продолжала занимать деструктивную позицию на советско-китайских переговорах по пограничным вопросам. Советская делегация вновь подтвердила выдвинутые ею ранее предложения о заключении договора о неприменении силы, о взаимном ненападении и др. Однако китайская сторона отвергла все эти инициативы, и переговоры не дали положительных результатов.

Китайские представители пытались воспользоваться тем обстоятельством, что на встрече Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с премьером Чжоу Эньлаем, состоявшейся в Пекине 11 сентября 1969 г., не было принято каких-либо документов, если не считать краткого сообщения для печати, в согласованный текст которого китайская сторона внесла в одностороннем порядке ряд изменений. Отсутствие такого документа давало Пекину возможность для субъективного толкования результатов встречи и того модус вивенди, который на ней был достигнут. Так, 13 марта 1973 г. «Жэньминь жибао» поместила «справку» о встрече Чжоу Эньлая с А. Н. Косыгиным в 1969 г., в которой вопреки очевидным фактам утверждалось, что советское руководство якобы «нарушило» достигнутое тогда взаимопонимание.

Исходя из своей версии этого модус вивенди, Пекин настаивает на том, что до конкретных переговоров по пограничным вопросам Советский Союз, как якобы было согласовано, должен выполнить ряд предварительных условий: признать существование так называемых «спорных районов», расположенных на советской территории, вывести Советские Вооруженные Силы из этих «спорных районов», заключить соглашение о сохранении статус-кво на границе. Дополнительно к этому китайская сторона в качестве предварительного условия для переговоров по пограничным вопросам требовала вывода советских войск из Монгольской Народной Республики и отвода их от линии советско-китайской границы на всем ее протяжении. В связи с этим требованием Пекина 12 апреля 1978 г. правительство МНР передало китайской стороне ноту, в которой отмечается, что требование к СССР вывести советские войска из Монголии, выдвинутое в обход правительства МНР, «нельзя расценить иначе, как попытку игнорировать МНР как независимое государство». Что касается причин пребывания советских воинских частей в Монголии, отмечалось в ноте, то они заключаются в политике Пекина в отношении МНР, неоднократных заявлениях высших руководителей Китая о намерении присоединить МНР к Китаю и действиях китайской стороны на границе, прямо угрожающих безопасности МНР¹²⁰.

Фальсификация китайской стороной положений, согласованных на встрече глав правительств СССР и Китая 11 сентября

1969 г., была подробно вскрыта и разоблачена в статье «Реальность и вымыслы. К вопросу о советско-китайском пограничном урегулировании», опубликованной в газете «Правда» 1 апреля 1978 г.

Для «подтверждения» тезиса об угрозе безопасности границам КНР использовались всякого рода сообщения об «инцидентах», которые якобы провоцируются советской стороной на советско-китайской границе. Так, например, агентство Синьхуа распространило 11 мая 1978 г. клеветническую информацию об инциденте, имевшем место в ночь на 9 мая, — непреднамеренном переходе границы группой советских пограничников, совершенном при поиске опасного вооруженного преступника. Однако твердая, принципиальная позиция, занятая по этому поводу Советским правительством, не дала Пекину возможности широко использовать этот случайный инцидент для дальнейшего нагнетания напряженности.

Пекинское руководство в широких масштабах вело пропагандистскую кампанию, имеющую целью с помощью «исторических» примеров закрепить в сознании китайского народа тезис о постоянной, чуть ли не традиционной агрессивности северного соседа, якобы всегда являвшегося «главным врагом» и угрозой целостности и независимости Китая, и тем самым «обосновать» территориальные притязания к Советскому Союзу. Именно эту цель преследовали работы Ши Да «Краткая история агрессии царской России в Китае» (Пекин, 1976), 4-томное издание «Истории агрессии царской России в Китае» (Пекин, 1978), книга «Мировая гегемония — неизменная цель царской России» (Пекин, 1978), а также многочисленные статьи в периодических изданиях.

Все эти «исследования» бесцеремонно искажали основные исторические факты национальной истории Китая и фальсифицировали как историю СССР, так и историю русско-китайских и советско-китайских отношений. В них старательно затушевывалась борьба китайского народа против экспансии основных колониальных держав, прежде всего Англии, и в то же время «доказывалась» якобы извечно существовавшая враждебность между русским и китайским народами.

Тем же задачам «обоснования» территориальных притязаний пекинского руководства к Советскому Союзу служила и публикация «новых материалов» о результатах «археологических изысканий», которые особенно активно ведутся в районах, примыкающих к советско-китайской границе. Одним из образцов такого рода явилась статья в газете «Гуанмин жибао» от 23 июля 1978 г., в которой на основе результатов археологической экспедиции, работавшей в пров. Хэйлуцзян, делалась попытка доказать «исконную принадлежность» всего Приамурья Китаю.

В 1978 г. Пекин продолжал провоцировать расширение очага напряженности в Индокитае. Когда ему стало ясно, что прави-

тельство объединенного Вьетнама намерено проводить политический курс, диктуемый национальными интересами страны, а не прислушиваться к «советам» и «рекомендациям» из Пекина, оно прибегло сначала к уже апробированному им методу провоцирования конфликтов на границе страны-соседа (в данном случае — СРВ) с третьей страной.

К 1978 г. кампучийская армия режима Пол Пота — Иенг Сари, вооруженная Китаем и обученная китайскими инструкторами, развернула пограничную войну против Вьетнама. Все попытки вьетнамской стороны достичь урегулирования проблем за столом переговоров ни к чему не привели. В начале января 1978 г. в Пномпень прибыла заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП и член ЦК КПК Дэн Инчао, что было открытой демонстрацией поддержки Китаем позиции Кампучии по отношению к Вьетнаму.

Поскольку попытки с помощью провокаций марионеточного режима Пол Пота заставить вьетнамское правительство изменить свою позицию по принципиальным вопросам провалились, китайское руководство перешло к другим методам давления на СРВ. Был использован, в частности, «вопрос» о лицах китайской национальности, проживающих во Вьетнаме, которые якобы подвергались гонениям со стороны вьетнамских властей. Как известно, вьетнамская сторона заявила, что все хуацяо, желающие выехать в Китай, могут это сделать беспрепятственно. Определенное число хуацяо изъявило такое желание и, оформив соответствующие документы, направилось в район границы. Однако 12 июля 1978 г. китайская сторона без всякого предупреждения закрыла для них границу. В результате возле контрольно-пропускного пункта в пров. Каобанг скопилось свыше 3 тыс. человек, ожидавших разрешения китайских властей пройти на территорию Китая. Воспользовавшись созданной ею же напряженностью, китайская сторона совершила открытую провокацию, нелегально перебросив на территорию СРВ своих агентов, которые спровоцировали беспорядки среди хуацяо. Одновременно с этим на вьетнамскую территорию перешли китайские военнослужащие, попытавшиеся захватить в плен нескольких вьетнамских пограничников¹²¹.

С этого времени началась эскалация враждебных действий Китая на вьетнамской границе. Газета «Куан дой нян зан» (25.X.1978) сообщала, что в приграничных районах началось сосредоточение крупных воинских соединений, оснащенных орудиями, танками, бронетранспортерами. Газета особо подчеркивала, что китайские власти стремились создать в приграничных районах нестабильную ситуацию, спровоцировать антиправительственные мятежи, с помощью которых можно было бы создать плацдармы для широких агрессивных операций. 24 октября 1978 г. газета «Куан дой нян зан» сообщила, что вблизи китайско-вьетнамской границы пекинские власти сосредоточили де-

сятки тысяч китайцев, ранее выехавших из Вьетнама. 26 октября эта же газета поместила информацию о том, что пекинские власти отобрали из числа вернувшихся в Китай из Вьетнама хуацяо свыше 20 тыс. человек для военной подготовки. После специального обучения их предполагалось перебросить во Вьетнам для подрывной деятельности.

Китайско-вьетнамская граница определена франко-китайскими пограничными документами 1887 и 1895 гг. Ранее китайская сторона не высказывала никаких возражений против установленной этими документами пограничной линии. Поэтому Пекину, очевидно, затруднительно было использовать тезис о «неравноправности» существующей китайско-вьетнамской границы. Не отмечены и акты «картографической агрессии» Китая в отношении материковой части территории Вьетнама. Поэтому китайская сторона, осуществляя многочисленные провокации на границе, стремилась овладеть участками вьетнамской территории, закрепить на них и тем самым создать «спорные районы» в качестве основы для «вопроса» о китайско-вьетнамской границе.

В заявлении МИД СРВ от 4 сентября 1978 г. констатировалось, что китайские солдаты и «ополченцы» не только вторгались на территорию Вьетнама и открывали огонь по вьетнамским пограничникам и мирным жителям, но и пытались закрепиться на ней¹²². В другом заявлении МИД Вьетнама, опубликованном 14 октября 1978 г., отмечалось, что китайские военнослужащие проложили по вьетнамской территории дорогу протяженностью 1400 м¹²³. А во время инцидента 1 ноября зафиксирована попытка китайских военнослужащих, перейдя границу, построить на вьетнамской территории укрепления и возвести проводочные заграждения¹²⁴.

Все эти действия китайской стороны сопровождалась широкой антивьетнамской кампанией китайской печати, в ходе которой вьетнамцам пытались приписать все те действия, которые осуществлялись китайскими военнослужащими. Так, уже в конце августа агентство Синьхуа распространило сообщение, утверждавшее, будто вьетнамская сторона «захватила» часть китайской территории и «роет траншеи и окопы, устанавливает проводочные заграждения на территории Китая»¹²⁵.

Намеренный, провокационный характер нарушений китайской стороной территориальной целостности Вьетнама подтверждает и то обстоятельство, что многочисленные нарушения сухопутной границы сопровождалась нарушениями воздушного пространства страны и вторжениями китайских судов в территориальные воды СРВ. Китайские самолеты углублялись на 30—40 км в воздушное пространство СРВ, а вооруженные суда заходили в территориальные воды Вьетнама, угрожали безопасности вьетнамских рыбаков, минами и гранатами уничтожая рыболовецкие снасти¹²⁶.

В конце 1978 г. китайская сторона продемонстрировала свое

стремление к расширению конфронтации с Вьетнамом, впервые открыто выдвинув обвинение в том, что «вьетнамские власти оккупировали шесть из китайских островов Наньша»¹²⁷ (так в Китае именуют о-ва Спратли). После захвата китайскими войсками Парасельских островов в январе 1974 г.¹²⁸ вьетнамское правительство неоднократно обращалось к Пекину с предложениями об урегулировании возникших в Южно-Китайском море проблем путем переговоров, однако китайская сторона от таких переговоров отказывалась. Об этом прямо заявил на одном из совещаний министр иностранных дел КНР Хуан Хуа: «В настоящее время острова Сиша (Парасельские.— *Авт.*) находятся под нашим контролем. Вьетнамцы претендуют на то, что острова принадлежат им. Пусть говорят об этом! Они неоднократно просили нас обсудить с ними вопрос об островах Сиша, но мы отказывались. Несколько вьетнамских делегаций, которые недавно побывали в Китае, также поднимали этот вопрос. Когда 20 апреля 1977 г. сюда приехал Фам Ван Донг, он опять просил нас обсудить этот вопрос, но мы отказались, как и раньше... В переговорах нет необходимости, поскольку острова принадлежат Китаю с самого начала»¹²⁹.

С середины апреля 1978 г. резко обострилась ситуация в Восточно-Китайском море, в районе о-вов Сенкаку, на которые еще в 1970 г. выдвинул притязания гоминьдановский Тайвань, активно поддержанный впоследствии и Пекином. Во время переговоров премьер-министра Японии К. Танака с Чжоу Эньлаем в 1972 г. было решено вынести вопрос об этих островах за рамки переговоров относительно «договора о мире и дружбе» между двумя странами и решать его в «период после договора».

Однако 12 апреля 1978 г. катер японской морской охраны обнаружил в районе островов около 100 китайских рыболовных судов, часть из которых находилась в пределах 12-мильной зоны территориальных вод. На предложение японских пограничников покинуть территориальные воды Японии с китайских судов ответили отказом, вывесив заранее приготовленные плакаты, надписи на которых гласили, что о-ва Дяоюй (китайское название Сенкаку) являются китайской территорией и китайцы, естественно, имеют право ловить рыбу в территориальных водах Китая. На китайских судах, как отмечали японские пограничники, имелись пулеметы, а члены экипажей были вооружены автоматами.

МИД Японии немедленно сделал представление китайской стороне, однако последняя, не давая никаких объяснений и гарантий, что подобные инциденты в будущем не повторятся, упорно настаивала на том, что «инцидент был совершенно случайным и не был запланирован»¹³⁰. Из такого рода заявлений можно было сделать единственный вывод: китайская сторона продолжает придерживаться по вопросу принадлежности о-вов Сенкаку позиции, изложенной в заявлении МИД КНР от 30 декаб-

ря 1971 г.: острова являются неотъемлемой частью китайской территории и принадлежат Китаю¹³¹.

Наряду с этим китайские дипломаты давали объяснения инциденту, имевшие и прямо противоположный смысл. Так, по словам представителя посольства КНР в Токио, китайские рыбаки просто-напросто увлеклись преследованием косяка рыбы и не заметили, как вошли в 12-мильную зону территориальных вод¹³². Из этого заявления должно бы следовать, что китайская сторона признает принадлежность в настоящее время островов Японии.

Японская печать категорически отвергла версию о случайном характере происшедшего инцидента. Китайская сторона не только отказалась вывести свои суда из района островов, но и увеличила их численность до 200. Кроме того, вопреки утверждениям китайской стороны, суда не занимались ловом рыбы — рыболовные сети были сложены на палубах и оказались абсолютно сухими¹³³.

Любопытно отметить и тот факт, что в китайской периодической печати этот инцидент не получил никакого освещения.

Без сомнения, инцидент в водах Сенкаку явился откровенным актом военного давления Пекина на Японию. Во-первых, появление здесь китайской флотилии должно было напомнить Японии о китайских притязаниях на острова. Во-вторых, с помощью этой акции Пекин попытался сдвинуть с мертвой точки переговоры о заключении японо-китайского «договора о мире и дружбе». Учитывая китайские притязания на острова, можно, видимо, говорить и о третьей причине инцидента. Дело в том, что все конфликты на морских и сухопутных границах КНР тщательно готовились китайской стороной. Так, весной 1959 г. в районе Парасельских островов возникла конфликтная ситуация, которая вплоть до мельчайших деталей была повторена на первом этапе захвата Китаем этих островов в январе 1974 г. Поскольку в своей пограничной политике, как свидетельствуют факты, Пекин твердо следует апробированным тактическим схемам, можно предположить, что инцидент в районе Сенкаку в апреле 1978 г. явился своего рода разведывательной акцией китайской стороны перед будущим конфликтом.

В 1978 г. продолжал оставаться острым вопрос о китайско-индийской границе. Время от времени Пекин делал намеки на готовность урегулировать с Индией весь комплекс взаимоотношений, включая и пограничный вопрос. Так, например, во время посещения Пекина членом парламента Индии от Джаната парти С. Свами летом 1978 г. заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП КНР Цзи Пэйфэй заявил ему, что Китай готов разрешить пограничный спор с Индией путем переговоров¹³⁴.

Однако реальные события не подтвердили действительного стремления Китая к урегулированию. По-прежнему китайская сторона продолжала нарушать воздушное пространство Ин-

дни¹³⁵. Газета «Индиан экспресс» сообщала 25 сентября 1978 г., что за предыдущие четыре месяца в девяти штатах и союзных территориях Индии обнаружено большое количество воздушных шаров с оборудованием и пропагандистскими материалами для китайских агентов. Беспокойство в Индии вызвало завершение строительства Каракорумской дороги, связавшей Синьцзян с Пакистаном.

Выступая в конце года в парламенте, министр обороны Индии Дж. Рам отметил, что Китай провел ряд мер по повышению боеготовности своих войск, расквартированных вдоль китайско-индийской границы¹³⁶. В конце декабря, по сообщению «Пресс Эйша интернэшнл», поступили сведения о концентрации китайских войск в долине Чумби, вблизи от китайско-бутанской границы. Индийская печать отмечала, что через границу постоянно просачиваются представители племен нага и мизо, прошедшие специальную подготовку в Китае; враждебные пропекинские элементы проникают и в Сикким через Непал. «Ничто не свидетельствует о том, — писала „Таймс оф Индия“ (9.VII.1978) по поводу нынешнего этапа китайско-индийских пограничных отношений, — что Пекин прекратил обучать и снаряжать шпионов и диверсантов, которых он забрасывает в индийский штат Нагаленд и союзную территорию Мизорам. Пекин не отказался от известного тезиса Мао, согласно которому Тибет является „ладонью Китая, а Ладак, Непал, Бутан, Сикким и Нагаленд — пятью пальцами“».

Следует отметить, что в последнее время Пекин стал уделять еще большее внимание обучению, подготовке и заброске в сопредельные страны в значительном количестве своих агентов, диверсантов и «специалистов по народной войне». Как и в предыдущие годы, Китай оказывал помощь антиправительственным силам в Бирме, хотя неоднократно утверждал, что в своих отношениях с этой страной будет придерживаться принципов уважения территориальной целостности, суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Так, уже вскоре после посещения Рангуна заместителем премьера КНР Дэн Сяопином в январе 1978 г. антиправительственные силы, базирующиеся вблизи границы с Китаем, развернули широкие боевые действия против правительственных войск в Шанской области, в районе городов Кунлон и Танъян. При этом сообщалось, что повстанческие силы не только получили из КНР в значительном количестве вооружение и боеприпасы, но в них увеличилось число китайских военных советников и инструкторов. Как и прежде, антиправительственные силы в Бирме широко использовали для своего развертывания китайскую территорию.

13 сентября 1978 г. тайландская газета «Багкок пост» поместила сообщение о том, что Пекин проявляет большой интерес к деятельности антиправительственных и реакционных сил в Лаосе. Газета указывала, что Пекин установил связи с неизвест-

ным генералом Ванг Пао—ставленником ЦРУ, под руководством которого секретные службы США в период интервенции США в Индокитае сколотили из племен мео в горных районах Лаоса 10-тысячную группировку наемников. Остатки ее, пишет «Бангкок пост», до сих пор проводят бандитские вылазки в районах проживания народности мео в Лаосе и Вьетнаме.

Таким образом, новое политическое руководство КНР продолжает прежнюю линию, направленную на создание конфликтных ситуаций и инцидентов на границах, на использование искусственно создаваемых «пограничных проблем» для достижения своих гегемонистских и экспансионистских целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Коммунист». 1978, № 13, с. 4.
- ² «Жэньминь жибао», 26.III.1978.
- ³ «Жэньминь жибао», 29.I, 25.III, 29.XII.1978; «Хунци». 1978, № 10.
- ⁴ «Жэньминь жибао», 23.X.1978.
- ⁵ «Гуаньмин жибао», 19.IV.1978; «Жэньминь жибао», 9.XI.1978.
- ⁶ «Жэньминь жибао», 28.30.VII.1978.
- ⁷ «Жэньминь жибао», 28.IX, 20.XI.1978.
- ⁸ «Жэньминь жибао», 14.VIII.1978.
- ⁹ «Правда», 4.XI.1978.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: «Правда», 14.IV.1978.
- ¹³ См.: «Правда», 28.IX.1978.
- ¹⁴ См.: «Правда», 16.VII.1978.
- ¹⁵ См.: «Коммунист». 1978, № 8, с. 157, 158.
- ¹⁶ «Правда», 25.IV.1978.
- ¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 22, 23, 24, 28.VIII.1978.
- ¹⁸ См.: «Правда», 13.XII.1978.
- ¹⁹ См.: «Правда», 15.X.1978.
- ²⁰ См.: «Правда», 26.V.1978.
- ²¹ «Руде право», 20.III.1978.
- ²² «Руде право», 26.X.1978.
- ²³ «Жэньминь жибао», 8.V.1978.
- ²⁴ См. «Жэньминь жибао», «Нодоп синьун», 6, 8, 10.V.1978.
- ²⁵ «Жэньминь жибао», 8.V.1978.
- ²⁶ См.: «Правда», 15.VI.1978.
- ²⁷ «Жэньминь жибао», 18.VIII.1978.
- ²⁸ «Жэньминь жибао», 23.VIII.1978.
- ²⁹ См., например, «Жэньминь жибао», 4.I.1978.
- ³⁰ «Жэньминь жибао», 19.IX.1978.
- ³¹ «Жэньминь жибао», 16.IX.1978.
- ³² «Берита Буана» (Джакарта), 26.XII.1978.
- ³³ См. «Известия», 28.IX.1978.
- ³⁴ «Жэньминь жибао», 2.VI.1978.
- ³⁵ «Жэньминь жибао», 19.IX.1978.
- ³⁶ «Жэньминь жибао», 1.IX.1978.
- ³⁷ «Блиц», 19.III.1978.
- ³⁸ «Жэньминь жибао», 26.V.1978.
- ³⁹ «Атта», 25.II.1978.
- ⁴⁰ «Аль-Ахрам» (Каир), 30.XI.1978.

- 41 «Аш-Шааб» (Бейрут), 8.VIII.1978.
- 42 «Правда», 13.I.1979.
- 43 «Far Eastern Economic Review», 28.VII.1978.
- 44 См.: «Правда», 6.VI.1978.
- 45 «Christian Science Monitor», 24.V.1978.
- 46 См.: «Правда», 11.VI.1978.
- 47 «Жэньминь жибао», 18, 19.V.1978.
- 48 «Правда», 18.XI.1978.
- 49 «The Sunday Telegraph», L., 19.II.1978.
- 50 «The African Communist», L., 1978, № 75, с. 32.
- 51 См., например, «Жэньминь жибао», 1.IV.1978.
- 52 «Жэньминь жибао», 24.VI.1978.
- 53 «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
- 54 «Правда», 31.XII.1978.
- 55 «The Washington Post», 5.XII.1978.
- 56 «US News and World Report», 11.XII.1978.
- 57 «The New York Times», 17.XII.1978.
- 58 Торгово-экономические связи США с Тайванем значительно превосходили связи с КНР. В 1978 г. объем американо-тайваньской торговли достиг 7 млрд. долл., а американские займы Тайваню и капиталовложения в его экономику составили к концу 1978 г. в общей сложности 4,5 млрд. долл. («Washington Post», 26.XII.1978).
- 59 «The New York Times», 12.I.1979.
- 60 «Жэньминь жибао», 19.II.1972; 15.III.1978.
- 61 «Жэньминь жибао», 8.VIII.1978.
- 62 См., например, «Жэньминь жибао», 18.I, 17.VIII.1978.
- 63 См., например, «Жэньминь жибао», 26.IX.1978.
- 64 «Guardian», 14.X.1978.
- 65 «Жэньминь жибао», 2.III.1978.
- 66 «Жэньминь жибао», 28.I.1978.
- 67 «Жэньминь жибао», 13.II.1978.
- 68 «Жэньминь жибао», 26.IX, 8.XII.1978.
- 69 «Жэньминь жибао», 10.I.1978.
- 70 «Жэньминь жибао», 5.V.1978.
- 71 «Жэньминь жибао», 20.I.1978.
- 72 «Guardian», 14.X.1978.
- 73 «Жэньминь жибао», 17.VI, 23.IX.1978.
- 74 «Papagata», 1.VIII.1978.
- 75 «Times», 14.X.1978.
- 76 «Die Welt», 25.III.1978.
- 77 «Die Welt», 22.XII.1978.
- 78 Такое утверждение содержалось, в частности, в выступлении Хуан Хуа на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. См. также «Жэньминь жибао», 19.I, 2.III.1978.
- 79 «Die Welt», 25.III.1978.
- 80 «Жэньминь жибао», 1.V.1978.
- 81 «Times», 28.V.1978.
- 82 «Daily Telegraph», 22.XII.1978.
- 83 «Le Figaro», 20.IX.1978.
- 84 «Жэньминь жибао», 11.XI.1978.
- 85 См., например, «The Washington Post», 24.XII.1978.
- 86 См., например, «Handelsblatt», 10.XI.1978.
- 87 «Жэньминь жибао», 24.X.1978.
- 88 «Правда», 27.X.1978.
- 89 «The Japan Times», 18.IX.1978.
- 90 «Майини симбун», 13.VIII.1978.
- 91 «Санкэй симбун», 4.IX.1978.
- 92 Цит. по: «Правда», 14.IX.1978.
- 93 «Far Eastern Economic Review», 3.III.1978.
- 94 «Жэньминь жибао», 2.II.1978.

- ⁹⁵ «Жэньминь жибао», 2, 4.XI.1978.
- ⁹⁶ «The Financial Times», 8.II.1978.
- ⁹⁷ «Peking Review», № 28, 19.VII.1978, с. 4.
- ⁹⁸ «Жэньминь жибао», 1.II.1978.
- ⁹⁹ «Globe and Mail», 24.VI.1978.
- ¹⁰⁰ «Жэньминь жибао», 30.IX.1978.
- ¹⁰¹ «Жэньминь жибао», 4.XI.1978.
- ¹⁰² «Асахи шинбун ньюс», 30.IX.1978.
- ¹⁰³ Цит. по: «Правда», 2.VI.1978.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ «Жэньминь жибао», 4.I.1978.
- ¹⁰⁶ Согласно китайским заявлениям, под «хуацяо» понимаются граждане КНР, проживающие за границей. Например, в передовой статье «Жэньминь жибао» от 3 июля 1978 г. говорилось, что «если хуацяо принимает гражданство страны проживания, то он перестает быть хуацяо и теряет гражданство КНР».
- ¹⁰⁷ 1-я сессия ВСНП КНР 5-го созыва (документы). Пекин, 1978, с. 111—112.
- ¹⁰⁸ «Жэньминь жибао», 4.I.1978.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ 1-я сессия ВСНП КНР..., с. 112.
- ¹¹¹ «Нян зан», 8.IX.1978.
- ¹¹² «Жэньминь жибао» 8.III.1978.
- ¹¹³ Этими представителями стали: крупный миллионер, банкир и промышленник из Макао Хэ Ин и редактор гонконгской пропекинской газеты «Дагунбао» Фэй Иминь.
- ¹¹⁴ До 1975 г. эту роль выполняла Комиссия по делам китайцев, проживающих за границей, действовавшая в ранге министерства.
- ¹¹⁵ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.
- ¹¹⁶ 1-я сессия ВСНП КНР..., с. 184. (ст. 54).
- ¹¹⁷ «Far Eastern Economic Review», 16.VI.1978.
- ¹¹⁸ Ли Чжэндао — известный физик-ядерщик, лауреат Нобелевской премии.
- ¹¹⁹ «Нян зан», 8.IX.1978.
- ¹²⁰ «Правда», 14.IV.1978.
- ¹²¹ «Нян зан», 3.VIII.1978.
- ¹²² «Нян зан», 5.IX.1978.
- ¹²³ «Нян зан», 14.X.1978.
- ¹²⁴ «Нян зан», 3.XI.1978.
- ¹²⁵ «Жэньминь жибао», 26, 29.VIII.1978.
- ¹²⁶ «Нян зан», 24.I, 15.IX.1978.
- ¹²⁷ «Жэньминь жибао», 25.XII.1978.
- ¹²⁸ Китайская Народная Республика в 1974 г.: политика, экономика, идеология. М., 1977, с. 218—219.
- ¹²⁹ «Background on China», 26.XII.1977, с. 8.
- ¹³⁰ «The Japan Times», 23.VI.1978.
- ¹³¹ См.: «Жэньминь жибао», 31.XII.1971.
- ¹³² «The Japan Times», 21.IV.1978.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ «Times of India», 6.IX.1978.
- ¹³⁵ «Indian Express», 25.IX.1978.
- ¹³⁶ «Hindustan Times», 8.XII.1978.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Особенностью идеологической жизни Китая в 1978 г. явилось заметное оживление идейно-теоретической пропаганды. Курс на усиление идеологической активности наглядно проявился в возобновлении выпуска многих общественно-теоретических специализированных периодических изданий, прерванного «культурной революцией». Появились и новые издания, например журналы «Лилунь сюеси» («Теоретическая учеба»), «Сысян чжаньсянь» («Идеологический фронт»), «Шэхуэй кэсюе чжаньсянь» («Фронт общественных наук»). Появление новых изданий означало также дифференциацию и специализацию идеологической пропаганды по основным общественно-научным отраслям с соответствующим углублением ее идейно-теоретического содержания. В этом отношении ведущими являлись журналы «Чжэсюе яньцзю» («Философские исследования»), «Цзинцизи яньцзю» («Экономические исследования»), «Лиши яньцзю» («Исторические исследования»).

В целом идеологическая ситуация в стране характеризовалась исключительной напряженностью, которая явилась следствием разногласий, возникших в пекинском руководстве в связи с отношением к «идеям» и «линии» Мао Цзэдуна. Новое руководство заявило о своей приверженности «идеям Мао», однако при этом отказалось от прежней левомоистской абсолютизации «революции в области надстройки», связанной с пренебрежением материально-производственной деятельностью, отнеся эту черту маоизма на счет искажения «идей Мао» со стороны «четверки» и развернув критику «извращений». В результате появилась новая интерпретация «линии Мао» как «диалектического сочетания задач революции и задач строительства», а вслед за этим и новая версия идейного содержания маоизма как «теории социалистической революции и социалистического строительства». Однако это не устранило разногласий по вопросу о том, что считать главным в «диалектическом сочетании»: политику или экономику? Поскольку идейно-теоретической основой деятельности партии оставался маоизм, рассматривающий взаимосвязь политики и экономики как противоречие, где политика — «главная сторона», а экономика — «второстепенная», то в теории вопрос по-прежнему решался в пользу политики. В официальных

выступлениях по случаю выхода в свет в апреле 1977 г. 5-го тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна» и в материалах XI съезда КПК, где была провозглашена новая версия маоизма, «ценнейшим вкладом» в «теоретическую сокровищницу» была объявлена так называемая «великая теория председателя Мао о продолжении революции при диктатуре пролетариата», основанная на абсолютизации в субъективистском духе надстроечных факторов, в частности «классовой» борьбы. Фактически же новое руководство вынуждено было под давлением реальной жизни отойти от «революционной линии Мао», заведшей страну в тупик, и уже с начала 1977 г. вплотную заняться выработкой позитивной, с его точки зрения, программы экономического строительства. В результате и был провозглашен направленный на ускоренное наращивание военно-промышленного потенциала Китая курс «четырёх модернизаций», выдержанный в духе великодержавно-националистических установок Мао Цзэдуна. 1-я сессия ВСНП 5-го созыва конституционно закрепила маоизм в качестве государственной идеологии и зафиксировала курс «четырёх модернизаций» в качестве «генеральной задачи», интерпретировав ее, однако, в духе маоистской «основной линии», исходящей из признания наличия классов и обострения борьбы между ними в течение «всего исторического периода социализма»¹.

Необходимость уделять внимание развитию экономики повлекло за собой некоторый пересмотр «идей Мао» в целях согласования их с «четырьмя модернизациями» и приспособления к задачам обоснования и пропаганды этого курса. В частности, для этого необходимо было подкорректировать маоистскую концепцию приоритета политики перед экономикой, что и было сделано под видом критики приписанной «четверке» так называемой «концепции решающей роли надстройки». При этом принципу Мао «политика — командная сила» новое руководство стало приписывать противоположный смысл: «Если мы говорим, что политика — командная сила, — писала газета „Гуанмин жибао“, — то это означает, что... в конечном счете политика служит экономике. Из этого следует, что не какая-то там политика определяет направление развития, а как раз наоборот: экономика определяет направление развития политики»². В процессе выработки экономической политики пекинским идеологам пришлось существенно подправить маоистскую концепцию «ограничения буржуазного права» и признать принципы материальной заинтересованности и материального стимулирования труда, причем трактуемые уже не как «неизбежное существование буржуазного права при социализме», а как собственно социалистические принципы, противоположные принципам капиталистического общества³. Однако наряду с этим направлением пекинской пропаганды наблюдалась и другая тенденция — попытки обосновать экономическую политику «идеями Мао» о приоритете политики над экономикой. При этом исходили из маоцзэдуновских поло-

жений о том, что «революция — компас и двигательная сила строительства», что «гарантией осуществления экономической работы является идейно-политическая работа»⁴. При этом принцип морально-политического стимулирования, истолкованный в маоистском духе, отстаивался как принцип, в котором-де «выражаются преимущества социалистического строя»⁵. Между этими двумя крайними тенденциями существовала средняя, компромиссная, пожалуй, самая типичная для публикаций на эту тему. Ее суть сводилась к попыткам выискать и пустить в оборот те из «идей Мао», которые в какой-то мере согласуются с требованиями объективных экономических законов, или, во всяком случае, «перекроить» соответствующим образом уже находящиеся в обиходе «идеи». Как правило, при этом обращались к высказываниям Мао Цзэдуна, относящимся к тому периоду, когда он вынужден был приспособлять свои «идеи» к генеральной линии КПК на построение социализма в Китае в соответствии с принципами марксизма-ленинизма, т. е. до 1958 г. Примером этого явилась пропаганда положений работы Мао Цзэдуна «О десяти важнейших взаимоотношениях». При этом Мао Цзэдун изображался теоретиком-экономистом, каким он никогда не был на самом деле.

Для правильного понимания идеологической ситуации в Китае в 1978 г. необходимо иметь в виду, что в основу экономического курса руководства на форсированное наращивание военно-промышленного потенциала страны по-прежнему были положены «идеи Мао» в их «ортодоксальном» виде. Речь идет о сформулированной в середине 50-х годов «генеральной линии» Мао («больше, быстрее, лучше и экономнее») и так называемом «великом стратегическом курсе председателя Мао» начала 70-х годов — призыве «готовиться к войне», который возведен его наследниками в принцип экономической политики и который необходимо учитывать прежде всего «при планировании, постановке и решении вопросов во всех областях»⁶. Именно эта социал-милитаристская платформа объединила различные фракции пекинского руководства в их отношении к «идеям Мао», которое в обобщенном виде сформулировано в следующем тезисе: «Диалектическое представление о единстве противоположностей — революции и строительства — это есть коренной вопрос всей системы идей Мао Цзэдуна, это есть главная теоретическая основа выдвинутого председателем Мао курса: взявшись за революцию, стимулировать производство, стимулировать работу, стимулировать подготовку к войне»⁷. Социал-милитаристская сущность маоизма в целом поддерживалась китайским руководством. Разногласия касались методов осуществления милитаризации Китая. Именно здесь наметились две тенденции: первая — учитывать роль экономики, экономических расчетов; вторая — продолжать делать ставку на военно-казарменные методы, вытекающие из маоистской абсолютизации роли надстроечных фак-

торов в осуществлении экономической политики. Между этими тенденциями существовало противоречие, причем вторая тенденция явно сдерживала первую. Это видно из того, например, что необходимость использования принципа распределения по труду признавалась на страницах пекинской печати только при условии сочетания его с принципом «политика — командная сила»⁸; принцип материального поощрения труда признавался только как «вспомогательное» средство наряду с основным морально-политическим стимулированием⁹. Стремление сохранить приоритет политики в качестве руководящего принципа осуществления экономического курса весьма важно для идеологической пропаганды в КНР, поскольку отказ от данной концепции нанес бы существенный ущерб престижу маоизма.

Без этой концепции «теория продолжения революции» становится неприменимой к экономическому курсу и «самый великий вклад» «не работает», т. е. оказывается в стороне от насущных проблем страны, что дискредитирует маоизм в целом как идейно-теоретическую основу деятельности партии и правительства. Таким образом, разногласия по поводу методов осуществления экономической политики вели к разногласиям по вопросу об отношении к идеологии маоизма в целом.

В середине 1978 г. противоречия в китайском руководстве по вопросу об отношении к «идеям Мао» выплыли наружу в форме «дискуссии об истине», которая началась в мае и продолжалась до конца года.

8 мая газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью, в которой под предлогом критики приписываемой Линь Бяо так называемой «теории вершины» резко выступила против утверждений времен «культурной революции» о том, что «идеи Мао» якобы являются «вершиной развития» марксизма. Подчеркивая важность поднятой темы, статья указывала, что в данном случае поставлен вопрос о том, как следует «правильно относиться к революционным вождям и их учениям». Тем самым был назван центральный пункт разногласий в китайском руководстве по проблемам идеологического строительства. В качестве теоретических аргументов в пользу нового подхода к «идеям Мао» были демагогически использованы положения марксистской гносеологии о бесконечности процесса познания: «теория вершины» отвергалась как «метафизическая концепция», которая постулирует предел развитию «марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна». Ей были противопоставлены призывы «исправлять», «обогащать», «развивать» идеи Мао Цзэдуна и создавать «новые теории».

С этой публикацией пересмотр «учений революционных вождей» стал одной из главных тем идейно-теоретической пропаганды.

11 мая «Гуаньмин жибао» опубликовала статью «Практика — единственный критерий проверки истины», в которой обоснова-

ла правомерность «пересмотра теории» под углом зрения проблем истины. В дальнейшем вопрос об отношении к «учениям вождей» стал рассматриваться именно в этом аспекте. В качестве исходного аргумента было использовано известное положение К. Маркса, которое гласит, что окончательное решение вопроса об истинности какой-либо теории не за самой теорией, а за практикой. Исходя из тезиса о том, что «истина — это процесс развития», в основе которого находится практика, и истолковывая проблему истины в релятивистском духе, в статье утверждалось: «любая теория» по своей природе «ограничена практикой», истинность любой теории преходяща.

Из этого были сделаны выводы о том, что «любая идея или теория, несмотря на то что ее истинность была подтверждена практикой, все равно постоянно нуждается в проверке новой практикой». Упор на «любую теорию» указывал на то, что преходящей, по мнению маонистских теоретиков, является и истинность марксизма и что «в процессе развития истины» нужно находить иные истины, нежели «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна».

Позиции различных группировок в китайском руководстве в этих вопросах выявились в выступлениях на всекитайском совещании по вопросам политической работы в НОАК, открывшемся в Пекине в конце мая 1978 г. Обнаружились два различных подхода: с одной стороны, Хуа Гофэна и Е Цзяньина, с другой — Дэн Сяопина.

В выступлении Хуа Гофэна 29 мая был провозглашен курс на усиление политической работы в армии в духе «идей Мао»¹⁰. Председатель ЦК КПК подробно остановился на содержании «революционной линии Мао» и идейно-теоретических основ маоизма, а также на их месте в жизни современного Китая, подчеркнув, что «генеральная задача на новый период основана на теории председателя Мао о продолжении революции при диктатуре пролетариата». Он призвал твердо придерживаться этой «теории» и «использовать революционизацию в качестве ведущей силы модернизации». Роль политической работы в армии Хуа Гофэн трактовал в духе «идей Мао»: «политика — это командная сила, это душа». Говоря непосредственно о задачах и путях усиления политической работы, Хуа Гофэн напомнил, что основы этой работы в НОАК были сформулированы Мао Цзэдуном в решениях Гутяньского совещания (1929 г.); «основы», по заявлению Хуа Гофэна, «непоколебимы», и «самое основное заключается в том, чтобы в новых исторических условиях восстановить и широко распространить лучшие традиции созданной председателем Мао идейно-политической системы для работы в армии». В заключение Хуа Гофэн отметил, что «на новом историческом этапе нужно опираться на целостное и точное овладение идеями Мао Цзэдуна и применение их», а также подчеркнул, что речь идет «о сплочении под великим знаменем

председателя Мао» и что «идейная система Мао Цзэдуна... является неопровержимой истиной».

Аналогичной была и позиция Е Цзяньина. Суть его выступления 29 мая сводилась к следующим тезисам: 1) «председатель Мао в ходе длительной революционной войны создал целостную теорию, наметил линию и курс, сформулировал принципы и методы политической работы в армии»; 2) работы Мао Цзэдуна по вопросам военного строительства «по-прежнему имеют великое руководящее значение»; 3) «в новых исторических условиях нужно восстановить и продолжить лучшие традиции, идущие от Гутяньского совещания»¹¹.

В отличие от позиции Хуа Гофэна — Е Цзяньина в выступлении Дэн Сяопина 2 июня была провозглашена линия на пересмотр теоретических основ политической работы в НОАК¹². Вместо предложенного Хуа Гофэном «целостного и точного овладения и применения идейной системы Мао Цзэдуна... в новых исторических условиях» Дэн Сяопин провозгласил принцип: «искать истину, опираясь на реальные факты», отметив, что именно в этом находится «ключ к верному решению всех проблем». При этом он прямо заявил, что его выступление направлено против позиций «некоторых товарищей», которые ратуют за то, чтобы «выскакивать фразы Маркса — Ленина — Мао и поступать в соответствии с ними». Касаясь «восстановления традиций», Дэн Сяопин напомнил, что с момента Гутяньского совещания прошло 40 с лишним лет и поскольку за это время «произошли большие изменения», то «нужно изменить и методы, и содержание, и требования работы». Восстановление «лучших традиций и стиля работы в армии в новых исторических условиях» Дэн рассматривал как двуединый процесс — разрушения и создания. «Разрушением» была названа критика Линь Бяо и «банды четырех», а по существу имелся в виду пересмотр теоретических основ политработы в НОАК. В заключение Дэн заявил, что политработа в армии в целом «непрерывно должна приобрести новый цвет». В обоснование своей позиции Дэн Сяопин привел все те положения, которые в свое время сформулировал Мао Цзэдун для прикрытия отхода от марксизма-ленинизма под видом его «творческого развития в процессе конкретной революционной практики». Эти положения Дэн Сяопин свел к трем, как он их назвал, «самым основным принципам марксизма»: «искать истину, опираясь на реальные факты», «исходить из реальной обстановки» и «соединять теорию с практикой». Декларируя необходимость соблюдения «самых основных принципов марксизма», Дэн противопоставил друг другу «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна», с одной стороны, и «реальную обстановку» и «реальные проблемы» — с другой, подчеркнув при этом, что решение, из чего исходить в «новой исторической обстановке», — «это не мелочь, а крупный вопрос о том, как относиться к марксизму-ленинизму — идеям Мао Цзэдуна». Эти рассуждения понадоби-

лись Дэн Сяопину, чтобы подвести «теоретическую базу» под свой вывод: следует исходить главным образом из «реальности». При такой трактовке «истинными» оказывались только сиюминутные «идеи» или теории, причем для каждой конкретной ситуации нужна своя особая теория. Тем самым сформулированные когда-то «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна» предстают как уже не соответствующие «новой исторической обстановке», что диктует необходимость, «исходя из реальной обстановки», «создавать новые теории». К этому, собственно говоря, свелся тот «самый основной метод идеологической работы», за который ратовал Дэн Сяопин. За всеми этими «теоретическими» упражнениями скрывался прагматический подход к теории вообще, в том числе и к «идеям» Мао Цзэдуна, которые Дэн Сяопин призывал «согласовать» с современной практикой Китая, иными словами — с программой милитаризации страны. «Теоретическое» наследие Мао Цзэдуна не отбрасывалось — ему придавалось новое, «современное» звучание.

Взгляды Дэн Сяопина на проблему «истинности теории» были идентичны позиции авторов других публикаций пекинской печати на эту тему. После опубликования выступления Дэн Сяопина стало ясно, кто является идейным вдохновителем кампании пропаганды «проблем гносеологии». В то же время на страницах печати пропагандировалась и позиция Хуа Гофэна: «Революционизация должна командовать и вести за собой модернизацию»¹³. 24 июня армейская газета «Цзефанцзюнь бао» поместила обширную статью своего «Специального обозревателя» «Самый основной принцип марксизма», которая была перепечатана другими центральными газетами. Статья, по существу, воспроизвела все положения, высказанные до этого по поводу «истинности теории», и открыто связала поднятую проблему с выступлением Дэн Сяопина, в частности с его выпадами против «некоторых товарищей», которые следуют не «самоу основному принципу марксизма», а «цитатам из сочинений Маркса — Энгельса — Мао». Все рассуждения об «истинности теорий» и о «самом основном принципе марксизма» были подчинены тезису о том, что марксизм-ленинизм не способен раскрыть истину, ибо ее критерий — только практика. В статье утверждалось, что в имеющихся «теориях» принципиально не может, ввиду их «ограниченности практикой», быть найден ответ на актуальные вопросы, поэтому нужно создавать «новые теории». В то же время в статье была предпринята попытка направить обсуждение проблемы в русло пропаганды «идей Мао», «восстановить авторитет работы Мао Цзэдуна „Относительно практики“, его требований искать истину путем опоры на реальные факты и его понимания практики как критерия истины, с тем чтобы положения, находящиеся в основе идей Мао Цзэдуна, засверкали с новой силой»¹⁴.

7 июля в пекинской печати появилось сообщение о том, что

редакция журнала «Чжэсюе яньцзю» провела с участием представителей научных, партийных и государственных учреждений совещание по проблеме критерия истины. Участники совещания были якобы единодушны в том, что «основная точка зрения и основная методология в освещении заместителя председателя Дэна — это правильная идеологическая линия, которой следует руководствоваться в познании и преобразовании мира»¹⁵. В сообщении говорилось также, что Мао Цзэдун, «взяв за основу точку зрения практики, систематически и целостно раскрыл диалектико-материалистическую теорию познания». Тем самым было дано понять, что тезис о практике как критерии истины не есть отрицание «идей» Мао — он полностью согласуется с ними и основывается на них. Совещание призвало «усилить критику „четверки“ и отстоять теоретические основы марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна»¹⁶.

Проблема «единственного критерия истины» продолжала оставаться в центре внимания идеологической пропаганды вплоть до конца года. В августе — сентябре была проведена общенациональная кампания симпозиумов и семинаров на эту тему. С октября эта кампания продолжалась под несколько измененным лозунгом: «раскрепостить сознание». Суть ее по-прежнему состояла в призыве «исходить во всем из реальной обстановки», избавившись от «идеологических оков», якобы созданных «четверкой». На этом этапе кампании официальная пропаганда конкретизировала, от чего нужно «избавляться»: 1) от «реакционной идеологии Линь Бяо и „банды четырех“»; 2) от «силы привычки мелкого производства»; 3) от «идеологии самодовольства и зазнайства»¹⁷. Позже этот перечень был дополнен: от «советского опыта»¹⁸. При этом специально были сделаны оговорки, что «раскрепощение сознания» не должно пойти «по рельсам отказа от идей Мао», поскольку они «были в прошлом, являются в настоящее время и будут впредь навсегда компасом в нашем движении»¹⁹. Теоретико-гносеологические выкладки отошли на задний план, на передний вышли конкретные требования к кадровым работникам — проявлять инициативу, деловитость, независимость от «указаний», а если последуют «новые указания», претворять их в жизнь творчески, «сообразуясь с конкретной обстановкой». Смысл всех этих рассуждений остается прежним — «исходить из реальности». На этом этапе «дискуссии» стало очевидным, что проблемы гносеологии служили лишь поводом к теоретическим прикрытием борьбы между сторонниками прагматического — «делового» и «идеологического» подходов к решению задач внутренней экономической и социальной политики.

Итоги «дискуссии» подвел 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, принявший установку «перенести центр тяжести всей работы» на «четыре модернизации», что означало признание прагматической линии Дэна Сяопина. Небезрезультатной оказалась и критика «теории вершины». В коммюнике пленума признавалось,

что Мао Цзэдун в свое время допустил ошибки²⁰. Однако здесь же подтверждается приверженность нынешнего руководства «знамени Мао Цзэдуна», а также незыблемость «очищенных» от извращений «четверки» «идей Мао» в качестве основы идеологической деятельности КПК и правительства КНР. Как и прежде, Мао Цзэдун назван «великим марксистом», а следование его «идеям» квалифицировано как обязательная духовная предпосылка успеха внутреннего и внешнеполитического курса Китая. Решения пленума зафиксировали, таким образом, максимум того, чего добивались сторонники «делового» подхода к маоизму: восприняв и унаследовав в нем главное — великодержавный милитаристский социал-шовинизм — и ратуя за создание на его основе «новых теорий», они стремились сохранить маоизм в качестве «аргументации в теоретической борьбе», «острого оружия критики ревизионизма»²¹. Пленум подтвердил также «правильность» и дэнсяопиновского «самого основного принципа марксизма», согласившись, таким образом, на прагматическую реинтерпретацию «марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна».

Прагматизм проявился и в подходе авторов коммюнике пленума к маоцзэдуновской «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата». Стремясь, очевидно, приглушить хотя бы на бумаге тезис о необходимости разворачивать «классовую борьбу» в Китае, пленум сделал акцент на методологической основе этой «теории» — концепции «двух типов противоречий» при социализме. Вопрос, таким образом, был перенесен как бы в «философскую плоскость». Это не означает, конечно, отказа от самой «теории» Мао. Изменились лишь акценты: «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата» по-прежнему превозносилась в пекинской печати, но уже главным образом как «образец» «применения диалектики к анализу социалистического общества».

К концу года пекинская пропаганда определила наконец и свое понимание «системы идей Мао Цзэдуна», о которой заговорили после издания 5-го тома «Избранных произведений» Мао в апреле 1977 г. В ноябре 1978 г. «Жэньминь жибао» следующим образом охарактеризовала содержание этой «системы»: во-первых, «путь окружения города деревней, выдвинутый на демократическом этапе китайской революции»; во-вторых, «учение о строгом разграничении и правильном разрешении двух неодинаковых по своему характеру противоречий, выдвинутое на этапе социалистической революции и социалистического строительства»; в-третьих, «выдвинутая в ходе борьбы на международной арене теория деления на три мира»²².

В попытках пекинской пропаганды «научно обосновать» идеологическую платформу ведущее место в 1978 г. принадлежало философским «разработкам». Проблемы философии освещались преимущественно специализированными изданиями — журналом «Чжэсюе яньцзю», философской рубрикой в газете «Гуанминь

жибао», вестниками, издаваемыми философскими факультетами вузов.

Заметная активизация философских исследований в Китае в 1978 г. была связана с усилением попыток пекинского руководства паразитировать на марксизме. Эти исследования в основном были подчинены обоснованию тезиса о так называемой «целостной системе: марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна», причем последние предстают не просто «системой», но и дальнейшим «развитием марксизма»²³. В этой связи, с одной стороны, был произведен пересмотр «идей Мао», в процессе которого субъективно-идеалистические крайности маоизма были отнесены за счет «извращения „банды четырех“». С другой стороны, в пропаганде были акцентированы отдельные, казалось бы, материалистически звучащие высказывания Мао Цзэдуна о роли производительных сил в общественном развитии, которые искусственно возводились в ранг цельной и оригинальной материалистической концепции. При этом отдельные положения исторического материализма беззастенчиво приписывались Мао Цзэду²⁴. Перекрашивая волюнтаристские взгляды Мао в материализм, китайская пропаганда пыталась изобразить их как «развитие марксизма». Этим сугубо спекулятивным целям и была подчинена так называемая «пропаганда марксизма», развернутая на страницах теоретических изданий Китая в 1978 г.

В пекинской пропаганде появилась новая версия идеологической борьбы в КНР как «борьбы на два фронта в философии»²⁵. В отличие от прежней маоистской версии — «о борьбе председателя Мао против правого и „левого“ ревизионизма», теперь утверждалось, что в течение 28 лет, с момента образования КНР, Мао Цзэдун якобы вел непрерывную борьбу в защиту диалектического материализма на два фронта — против субъективного идеализма и вульгарного материализма. Это «научное определение», как сами авторы оценивают свою версию, претендовало на новое слово в обобщении не только «опыта длительной борьбы двух линий в КПК», но и «опыта борьбы двух линий в международном коммунистическом движении, начиная с Маркса»²⁶. Все это было призвано не только подтвердить правомочность организованных по инициативе Мао Цзэдуна крупнейших идеологических кампаний, но и «вскрыть новые эпизоды», в частности, якобы имевшей место борьбы Мао Цзэдуна против его же ближайших сподвижников — Чэнь Бода, Линь Бяо и «банды четырех» в ходе осуществления политики так называемых «трех красных знамен» (1958—1960 гг.). Таким образом, в попытках обелить Мао апологеты маоизма прибегли к грубой фальсификации истории, списав авантюризм и волюнтаризм Мао на других.

Нарочито подчеркивая пороки «вульгарного материализма», китайские философы противопоставляли ему «учение Мао о противоречиях», выдаваемое за «вклад» в марксистскую диалекти-

ку. Причем Мао Цзэдуну ставилось в заслугу то, что он якобы первым в «истории марксизма» применил «диалектическую точку зрения» к анализу социалистического общества, и в подтверждение приводилась «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата».

В 1978 г. маоистская «теория продолжения революции» получила новое освещение. В отличие от прежней трактовки, выведившей эту «теорию» непосредственно из постулатов Мао о наличии антагонистических классов и о продолжении борьбы между ними в течение «всего исторического периода социализма», новая трактовка выводила данную «теорию» из «учений» Мао «об основных противоречиях» и «о главном противоречии»²⁷. По утверждению наследников Мао, «теория продолжения революции базируется на созданном им «учении об основных противоречиях социалистического общества» — между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой. Будучи общесоциологическими, эти противоречия якобы проявляются специфически — не как классовые, а как «противоречия внутри народа». Однако, утверждают маоисты, «главным» противоречием при социализме остается противоречие классовое — между пролетариатом и буржуазией, точнее, «новыми буржуазными элементами», которые не связаны своим происхождением с проявлением «основных противоречий социалистического общества» и порождаются «не собственно социалистическим строем, а его подрывом». Констатируя отсутствие взаимообусловленности «главных» и «основных» противоречий, маоистские философы тем не менее продолжали толковать о «диалектической связи» между ними: «Решение главного противоречия (т. е. классовая борьба. — Авт.) имеет важное значение для решения основного противоречия», а «решение основного противоречия имеет большое значение для победы над буржуазией»²⁸. Выходило, что из «теории Мао о продолжении революции», если ее «правильно понимать», якобы следует вывод о необходимости диалектического сочетания «революции» и «строительства». В сущности же новая версия «теории продолжения революции» в условиях социализма еще более, чем прежняя, антинаучна, противоречива и эклектична. Она не дает ответа на принципиальный вопрос: что же все-таки является определяющим при социализме — «основное» или «главное» его противоречие? В сущности, ответ подразумевается: по усмотрению руководства и в зависимости от потребностей политического момента. Таким образом, сохранив прежний субъективистский характер маоистской «теории продолжения революции», нынешние китайские философы попытались «увязать» ее с признаваемыми марксизмом общесоциологическими противоречиями и тем самым затруднить распознавание ее антимарксистской сущности.

О том, что представляет собой «диалектический материа-

лизм» в понимании современных китайских философов, наглядно свидетельствует курс соответствующих «лекций», опубликованных в мае — сентябре в философской рубрике газеты «Гуанмин жибао»²⁹.

Своеобразие изложения материала в этих лекциях состояло в том, что все философские темы были сформулированы в виде «призывов» — в духе так называемых «лучших традиций и стиля деятельности КПК», а их содержание раскрывалось в форме соответствующих «требований». Например, принципы материальности и развития мира разъяснялись в свете требования: «стремиться раскрывать в реальных фактах их подлинную сущность», сформулированного в свое время Мао Цзэдуном и возведенного в «лучшую традицию КПК», где, по мнению маоистов, эти два принципа в их единстве нашли свое «конкретное воплощение». В лекциях по проблемам онтологии основные положения материализма, сформулированные марксизмом-ленинизмом, воспроизводились в изложении Мао Цзэдуна, а редкие выдержки из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, как правило, «дополнялись» «подходящей к случаю» «идеей Мао». Что касается лекций по «диалектике», то они полностью состояли из «идей Мао», изредка приводились и цитаты из трудов классиков марксизма, которые якобы подтверждают эти «идеи». Таким образом, создавалось впечатление, будто философские основы марксизма были сформулированы Мао Цзэдуном.

В качестве методологической основы при изложении предмета в лекциях была избрана «идея Мао» о борьбе так называемых «двух пар противоположностей в философии» — материализма и идеализма, диалектики и метафизики³⁰. Этой «идеей», превозносимой как «глубокое обобщение всей истории развития философии», авторы лекций, по существу, отвергли марксистское положение об основном вопросе философии, что привело к вопиющей путанице. Так, например, при характеристике «первой пары противоположностей» — между идеализмом и материализмом — авторы лекций касались проблем, которые относятся к области диалектики (о так называемых «двух сторонах» человеческой практики, о познании как процессе «превращения материи в дух» и «духа в материю», как «разрешении противоречия между субъективным и объективным»). Таким образом, марксистская постановка основного вопроса философии подменялась вульгарно-механистической «идеей Мао».

Что же касается лекций о «диалектике», то в них диалектика оказалась полностью подмененной так называемой «теорией двойственности», согласно которой все вещи и явления в мире «сочетаются» как «противоположности»: «революция» и «производство», «красный» и «специалист», «промышленность» и «сельское хозяйство», «хорошее» и «плохое», «ароматные цветы» и «ядовитые травы» и т. д.³¹. При такой постановке вопроса из диалектики выпадает главное — объяснение природы и механиз-

ма движения и развития. Таким образом, «лекции по философии» в целом представляют собой грубую попытку подменить диалектический материализм маонизмом.

Идеологическая жизнь в КНР в 1978 г. дала новые убедительные доказательства кризиса идеологии маонизма. Лихорадочные попытки пекинского руководства подправить, «модернизировать» маонизм, создать новую его версию, базирующуюся на социал-шовинистической его сути, лишь обнажили теоретическое банкротство маонизма, его принципиальную враждебность наукам социализму.

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОПЕКИНСКИХ ГРУППИРОВОК

Идейно-теоретической основой, определявшей внешнеполитические акции китайского руководства в 1978 г., служила «теория трех миров», изложенная 1 ноября 1977 г. в «Жэньминь жибао». Политическая цель этой «теории» состоит в том, чтобы создать под руководством Китая «самый широкий международный фронт» борьбы с Советским Союзом и мировой системой социализма. По существу, это означает поддержку маонистами любой силы и любой ситуации на международной арене, если только они направлены против интересов СССР и социалистического содружества.

Кризис маонистского движения за пределами Китая, порожаемый аморфностью этого движения, отсутствием у него широкой социальной базы и конструктивной программы, а также его неблагоприятной в глазах общественного мнения ролью фактической агентуры Пекина, усугубляется попытками маонистского руководства резко усилить политическую конфронтацию с СССР и странами социалистического содружества.

Откровенно великодержавные цели политики пекинских лидеров, их прямые контакты с реакционными кругами империалистических государств и союз с антикоммунистическими элементами поставили перед пропекинскими зарубежными группировками дилемму: либо продолжать действовать в духе разработанного маонистским руководством еще в начале 60-х годов «Предложения о генеральной линии международного коммунистического движения» («25 пунктов»), либо признать нынешнюю «теорию трех миров» в качестве «новой» стратегии и тактики и перестроить свою работу в соответствии с требованиями неприкрытого проимпериалистического курса Пекина.

Некоторые группировки, сумевшие трезво оценить свою роль пособников маонизма, порвали связи с Пекином и официально объявили о самороспуске. Другая их часть после продолжительных и ожесточенных дискуссий отмежевалась от новых лидеров Китая и продолжает сохранять верность идеям «Предложения

о генеральной линии международного коммунистического движения», образовав секту из группировок, остающихся в рамках ортодоксального «международного маоизма».

Созданные после смерти Мао Цзэдуна новые группировки, а также группировки, руководство которых слепо и неукоснительно следовало любым поворотам китайской политики, ныне выполняют функции откровенных прислужников Пекина, являются инструментом осуществления его великодержавного курса на международной арене. Судя по практической деятельности этих группировок в 1978 г., поставленные перед ними задачи сводятся к следующему:

отстаивать правомерность и жизненность маоизма как идейно-политического течения, противостоящего странам социалистического содружества и международному коммунистическому движению в качестве якобы мировой революционной силы, которая в соответствии с «теорией трех миров» является ядром будущего «широчайшего единого международного фронта» борьбы против СССР;

в условиях растущего недоверия народных масс к целям и политическим шагам пекинского руководства на мировой арене политически поддерживать и оправдывать в глазах общественного мнения своих стран внешнеполитические акции Китая вообще, контакты его лидеров с местными милитаристскими, реваншистскими, диктаторскими и другими реакционными кругами в частности;

оформиться в центры маоистского антисоветизма и антикоммунизма, объединить свои усилия с любыми местными антисоветскими, антикоммунистическими течениями и с «левыми» «революционных» позиций поддерживать и углублять обанкротившуюся в глазах трудящихся бредовую концепцию враждебности реального социализма интересам личности и мировому общественному прогрессу;

при материальной и другой поддержке Китая прилагать максимальные усилия для выхода из социально-политической изоляции в своих странах и создавать «партии» и организации с более широкой массовой базой, способные взаимодействовать с другими антиобщественными политическими силами в стране на основе вражды к Советскому Союзу;

на основе маоистской концепции о взаимосвязи мировой войны с мировой революцией, в соответствии с которой классовую борьбу следует понимать как национально-освободительную войну против «гегемонизма» стран социалистического содружества во главе с Советским Союзом, совместно с реакционными силами всячески препятствовать деятельности коммунистических партий и других прогрессивных общественных организаций, направленной на защиту политических и экономических интересов трудящихся.

Таким образом, как видим, зарубежные маоистские группи-

ровки выполняют прикладную, служебную роль в глобальной гегемонистской и экспансионистской политике Пекина.

В связи с неприкрытым прислужничеством Пекина перед монополистической буржуазией, которое особенно четко обозначилось в политике и идеологических установках послемаоцзэдуновского руководства Китая, в прессе и выступлениях некоторых лидеров маоистского зарубежного движения обнажается подлинное содержание пресловутой «теории трех миров».

Пекин, в 60-х годах отрицавший руководящую роль международного рабочего класса в мировом революционном процессе, в настоящее время демагогически призывает его стать «ядром единого фронта борьбы против гегемонизма», утверждая, что создание такого фронта якобы «единственно возможный путь пролетарской революции»³². Вместе со своей агентурой китайские руководители хотели бы превратить рабочий класс капиталистических стран в активную силу подготовки и проведения империалистической политики агрессии и войны, нацеленной против стран социалистического содружества во главе с Советским Союзом. Защиту, а следовательно, и подготовку к защите «империалистического отечества» от якобы возможной «агрессии» со стороны стран Варшавского Договора они объявляют «важнейшим классовым долгом» пролетариата капиталистических стран. Статья «Жэньминь жибао» от 18 января 1978 г. под фальсификаторским заголовком «С точки зрения ленинской теории о защите отечества подходить к вопросу о справедливости защиты национальной независимости стран второго мира» призвала трудящихся капиталистических стран «всесторонне готовиться к антиагрессивной войне», подчеркивала, что их участие во всемерном наращивании военного потенциала империализма якобы «соответствует выдвинутому Марксом, Энгельсом и развитым Лениным и Сталиным принципам стратегии марксизма» и отвечает «коренным интересам не только западноевропейских народов, но и народов всего мира».

В этой связи руководители зарубежных маоистских группировок пытаются превратить эти организации в «авангард рабочего класса» своей страны. Не имея для этого никаких реальных оснований, наоборот, все более проявляя свою антисоциальную, монополистическую и антирабочую сущность, пропекинские группировки тем не менее на словах тщатся выступать от имени всего рабочего класса. Так, например, в одной из резолюций 1-го национального съезда «Испанской партии труда», состоявшегося в марте 1978 г., сказано, что «ИПТ является авангардом рабочего класса» Испании. В коммюнике о встрече представителей «Норвежской рабочей коммунистической партии (м-л)» и «Коммунистического объединения (м-л) Исландии» говорилось, что «обе партии являются братскими партиями, представляющими интересы пролетариата и рабочих масс обеих стран»³³.

Наиболее характерным примером новой интерпретации роли рабочего класса в глобальной стратегии маоистов могут служить заявления так называемой «КППГ». Как писала «Унзере Цайт», «„КППГ“ с отчаянной решимостью возвестила о том, что она в качестве авангарда всего немецкого рабочего класса готовит народные массы в Германии к грядущей мировой войне»³⁴. В резолюции 2-го съезда «КППГ» говорится: «Если буржуазия привлекает к военной подготовке значительную часть народа, то это не плохо, наоборот, это хорошо...», потому что и мы считаем своей обязанностью «возглавить войну для обороны или же — соответственно — для освобождения нашей страны». Маоистская группировка требует, пишет далее газета, «создания своей собственной военной организации в бундесвере», чтобы в еще большей степени усилить воспитание населения в духе обороны отечества от «советских экспансионистских устремлений»³⁵.

Подобного рода высказывания прозвучали на состоявшемся в июне 1978 г. во Флоренции 3-м съезде «Объединенной компартии» Италии, в речи председателя «КП (м-л)» США М. Клонски 11 июня на собрании по случаю годовщины создания «партии» в Чикаго.

Для пекинских руководителей важно, чтобы их зарубежные марионетки выглядели внутри своих стран активными представителями неких «левых сил», якобы по «тактическим соображениям» сотрудничающих с правобуржуазными элементами в интересах «защиты отечества» от возможностей агрессии «социалимперализма». Выполняя прямые указания Пекина, эти группировки ведут яркую антисоветскую подрывную антикоммунистическую деятельность и клеветнические кампании на страницах буржуазных газет.

Важной стороной пропагандистской деятельности пропекинских группировок является поддержка и оправдание внешнеполитических шагов нынешнего китайского руководства, особенно тех, которые нагнетают вражду к реальному социализму и международному коммунистическому движению, оправдывают союз Пекина с мировыми империалистическими и реакционными силами.

«Аргументация» и злобные инсинуации этих группировок нередко используются официальными органами некоторых буржуазных государств для обоснования своей политики союза и сотрудничества с маоистским руководством Китая на антисоветской, антисоциалистической, враждебной делу мира основе.

Показательная реакция зарубежных пропекинских группировок на важнейшие дипломатические акции Китая, предпринятые им в 1978 г. Например, подписание китайско-японского договора о мире и дружбе было расценено «Японской рабочей партией» как «тяжелый удар» по СССР. «Коммунистиче фольксцайтунг» (орган «Коммунистического союза Западной Германии») счита-

ла, что «заключение этого договора... является великой победой в борьбе против агрессии сверхдержав...»³⁶.

Пекинское руководство инспирирует, а затем использует публикации маоистских группировок в целях вмешательства во внутренние дела социалистических государств. Откровенно подстрекательский, провокационный характер носили заявления пропекинских группировок о китайско-вьетнамских отношениях и визите Хуа Гофэна в Румынию и Югославию в августе — сентябре 1978 г. Группировкам отводилась роль «разоблачителей» и «обвинителей» Советского Союза, который якобы применяет «империалистические методы давления на социалистические страны».

Так, заключение советско-вьетнамского договора, вступление СРВ в СЭВ и другие политические мероприятия СРВ на международной арене квалифицировались швейцарскими маоистами в июльском номере журнала «Октябрь» как результат будто бы стремления Советского Союза установить «сферу влияния» и «гегемонию на Азиатском континенте»³⁷. В таком же духе писали лидеры маоистов Люксембурга в своем журнале «Красное знамя»³⁸ и высказывался маоистский орган «Революционной коммунистической лиги Великобритании», пытавшийся возложить ответственность за ухудшение отношений Пекина с СРВ на Советский Союз³⁹.

Пропекинские группировки развернули кампанию нападок на политику Советского Союза в отношении социалистических стран в связи с официальным визитом Хуа Гофэна в Румынию и Югославию. Цель визита Хуа Гофэна интерпретировалась в прессе маоистских группировок как поддержка позиций Румынии и Югославии, «выступивших в защиту независимости своих национальных интересов и государственного суверенитета» от посягательств, исходящих якобы от СССР⁴⁰.

Таким образом, Пекин использует своих приспешников за рубежом для попыток убедить общественное мнение, будто бы сближение с Советским Союзом противоречит не только национальным и государственным интересам отдельных стран, но и интересам целых континентов. Маоисты призывают социалистические страны не следовать курсу на развитие братских отношений с СССР, а придерживаться политики «антигегемонизма», т. е. политики вражды к Советскому Союзу⁴¹.

Заслуживает внимания еще одна сторона деятельности пропекинских зарубежных группировок. В 1977—1978 гг. в Пекине была проведена серия встреч с делегациями, представляющими зарубежные маоистские группировки. Во время этих встреч, широко освещавшихся китайской прессой, провозглашались правильность внешней и внутренней политики нового руководства КНР, «теории трех миров» и универсальное значение «идей Мао Цзэдуна»⁴².

Кроме встреч в Пекине китайские лидеры организуют плано-

мерные встречи своих последователей и вне Китая. В прессе пропекинских группировок публикуются совместные «коммунике» и «заявления», в которых всегда присутствуют стереотипное одобрение политической линии Китая, оформленное в соответствующем «революционно»-фразеологическом стиле, а также идейно-теоретические «аргументы», служащие ориентирами для большинства маоистских зарубежных организаций, зачастую не поспевающих за головокружительными зигзагами пекинской политики.

Другая важная функция «совместных заявлений» пропекинских группировок состоит в том, чтобы служить фоном для создания видимости широкой поддержки «международными революционными силами» политического курса китайского руководства. Эти «заявления» используются также на страницах реакционной буржуазной прессы в качестве примеров идентичности взглядов правых и «левых» врагов научного коммунизма и социализма.

Подводя итог, можно отметить, что в 1978 г. усилия Китая были направлены на максимальное использование пропекинских группировок во взаимодействии и сотрудничестве с реакционными силами империализма в целях поддержки борьбы Пекина против сил мира, демократии, социализма и общественного прогресса.

Враждебная деятельность Пекина по отношению к мировому коммунистическому движению, провокационный курс маоистов на расшатывание единства международного рабочего движения и подрыв антимпериалистической борьбы не могут не вызвать решительного противодействия подлинных революционных сил современности. Коммунистические и рабочие партии разоблачают теорию и практику маоизма, его раскольническую деятельность, ведут борьбу с пропекинскими группировками в своих странах.

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КНР

В идейно-политической жизни Китая в 1978 г. можно отметить ряд явлений, связанных с кардинальной переориентацией в оценке места и роли культурного наследия. Новое руководство стремилось ликвидировать разрыв между культурным наследием и политикой, который произошел в КНР в последние годы жизни Мао Цзэдуна, когда политика активно паразитировала на историческом прошлом, произвольно искажая и фальсифицируя целые пласты истории. В Пекине поняли широкие возможности использования культурного наследия в целях модернизации страны — ему отводилась роль дополнительного импульса национальной активности. Китайская пресса все чаще публику-

вала материалы, доказывающие необходимость усилить внимание к изучению и правильному толкованию исторических событий, новой оценке исторических личностей и к охране памятников культуры.

В подходе к этой проблеме происходили заметные сдвиги. Так, например, в одной из статей подчеркивалось, что Лу Синь «никогда полностью не отрицал важность исследования исторического наследия». «Лу Синь не отбрасывал целиком все культурное наследие,— писал автор статьи,— он отбирал и анализировал... уделяя большое внимание изучению и преемственности»⁴³.

Весьма показательна статья известного китайского историка профессора Дин Вэйчжи, в которой со ссылкой на К. Маркса подчеркивалось, что «проблема правильного отношения к историческому наследию — это в определенном смысле проблема правильного отношения к историческому опыту»⁴⁴. Органы пекинской пропаганды всячески стремились дать новую оценку культурному наследию Китая, однако в этой переоценке по-прежнему виден не марксистский, а сугубо прагматический подход к истории.

На общем фоне изменения отношения к истории и культуре Китая знаменателен факт переиздания «Эр ши сы ши» («Двадцать четырех историй»), являющихся официальными летописями династий и представляющих собой важную часть культурного наследия страны. Журнал «Китай на стройке» отмечал, что «согласно указанию председателя Мао о правильном подходе к культурному наследию и его установке „древность на службе современности“ Госсовет КНР обязал привести в порядок „Эр ши сы ши“ и переиздать их с поправками и дополнениями, чтобы сделать доступными массовому читателю»⁴⁵. «Гуанмин жибао» в рубрике «Ши сюэ» («Историческая наука») утверждала, что «Эр ши сы ши» — «один из огромных вкладов в культурное наследие страны и переиздание их соответствует курсу „древность на службе современности“»⁴⁶. Публикация серии статей, разъясняющих читателям содержание «Двадцати четырех историй», а также подробное комментирование их продолжались на страницах «Гуанмин жибао» более чем полгода.

В течение всего года китайская пресса уделяла большое внимание Конфуцию и его учению. Если во время «культурной революции» и после нее Конфуций был объектом резкой критики, то, судя по печати 1978 г., конфуцианство постепенно «реабилитируется». Оценка некоторых сторон деятельности Конфуция изменилась в общем русле пересмотра отношения к культурному наследию. Однако следует отметить, что по сравнению с 1977 г. и даже по сравнению с началом 1978 г., когда отношение к конфуцианству менялось медленно и в печати употреблялись только весьма осторожные формулировки, во второй половине года так называемая «реабилитация» пошла полным ходом. Так,

например, взгляды Конфуция в области образования нашли отклик в атмосфере политической жизни страны. Некоторые материалы, посвященные Конфуцию, вероятно, отражали попытку Пекина нейтрализовать пагубное влияние, которое оказала на систему образования в Китае политика Мао в отношении интеллигенции.

В статье «Оценка идей Конфуция в области образования»⁴⁷ «Гуанмин жибао» выступила с призывом использовать рациональные стороны конфуцианства для создания совершенно новой пролетарской системы образования. Автор указывал, что Конфуций «применял материалистические методы педагогики, следовал объективной действительности и выступал против субъективных предрассудков». Полное отрицание конфуцианства, оказывается, было необходимо «четверке» для завуалированных нападок на Чжоу Эньлая и Хуа Гофэна и в особенности на председателя Мао, который сам якобы «дал правильную оценку Конфуцию». Останавливаясь на «положительных моментах» конфуцианского учения, автор, в частности, выделял «правильное понимание Конфуцием связи между обучением и способностью к самостоятельному мышлению, соответствующее законам диалектики».

В другой статье — под названием «Заново оцениваем идеи Конфуция»⁴⁸ — дано определение исторической роли идей Конфуция и их влияния в последующие эпохи. Автор на протяжении всей статьи объемом в целую газетную полосу усиленно подчеркивал, что Конфуций был величайшим мыслителем в истории Китая, влияние идей которого вышло за пределы страны.

Автор пояснял далее, что Конфуций имел огромный опыт в области образования и культуры, был предан наукам, много размышлял и благодаря этому стал величайшим мыслителем. В статье неоднократно отмечались «громкие успехи Конфуция» в области образования и его «большой вклад» в культуру Китая.

В статье «Процесс эволюции конфуцианского учения» Дин Вэйчжи поставил вопрос, каким образом конфуцианство смогло процветать более 25 веков и только в ходе движения «4 мая» 1919 г. ему был нанесен первый удар⁴⁹.

Многие статьи на эти темы заполнены обвинениями по адресу «четверки» и ее приспешников, которые в «критике конфуцианцев и восхвалении легистов» действовали якобы произвольно, «исходя из реакционного метода прагматизма». «После разоблачения и критики деятельности „четверки“ можно позволить историческим личностям — Конфуцию и Мэнцзы — выйти из тюрьмы, созданной для них „четверкой“, а также позволить людям, опираясь на принципы марксизма и исторического материализма, дать им новую оценку»⁵⁰ — так писал автор одной из статей. «Почему могли утверждать, что поступки всех конфуцианцев преступны и отрицательны? — вопрошал он далее. — Я не вижу

для этого оснований. Время определяет суть исторических заслуг и провинностей человека. Однако вплоть до сего дня существовали большие разногласия даже относительно времени жизни Конфуция и Мэнцзы, и в конце концов нет согласия в вопросе, в какой же эпохе они жили — при рабовладении или феодализме. Если относительно эпохи можно позволить иметь неодинаковые мнения, то почему нельзя по-разному оценивать Конфуция и Мэнцзы?»

Таким образом, судя по китайской печати, происходит процесс «реабилитации» и переоценки учения и личности Конфуция. Анализ материалов показал, что это не было связано с развенчанием культа Мао. Мао Цзэдун, говорилось в одной из статей, «никогда полностью не отвергал Конфуция, различал в его учении главное и шелуху, а также неоднократно давал положительную оценку идеям Конфуция в области педагогической науки, призывая критически исследовать их»⁵¹. Другая газета заявляла: «Председатель Мао указывал, что Конфуция надо „обобщать“, поэтому разве мы не можем взглянуть на идеи Конфуция с точки зрения „раздвоения единого“? Даже сам Мао, — говорилось далее, — много цитировал Конфуция, приводя такие высказывания, как „не пресыщаться учебой“, „поучение не может надоесть“, призывал учиться совету Конфуция „задавать вопрос по каждому делу“». «Критикуя Конфуция, мы не должны обходить эти вопросы»⁵², — призывал автор.

Материалы пекинской прессы показывают и некоторую двойственность отношения к конфуцианству. Как отмечалось выше, в китайских газетах и журналах за 1978 г. конфуцианство уже не критиковалось. Однако в одном из очерков по древней истории Китая, озаглавленном «Реакционные идеи Конфуция», журнал «Китай на стройке» прямо указывал, что Конфуций «выдвинул реакционное требование удержаться от краха рабовладельческого строя»⁵³. Далее сообщалось, что Конфуций «испытывал безграничный страх и отвращение перед лицом социальных проблем... всемерно восхвалял рабовладельческую систему Западного Чжоу... его учение о „гуманности“ служило политической цели — сохранить рабовладельческую систему». В очерке неоднократно подчеркивалась «реакционность идей Кунцзы», в последующие эпохи «переработанных и использованных феодальным господствующим классом в качестве духовного орудия, с помощью которого он поддерживал систему феодальных отношений и держал народ в повиновении».

Процесс изменения отношения к конфуцианству сопровождался также и переоценкой легизма, которая началась еще в конце 1976 г. Китайская печать по-прежнему старалась свалить на «четверку» все ошибки, допущенные за последние годы в связи с восхвалением легистов и распространением концепции так называемой «извечной борьбы конфуцианцев с легистами». Так, например, в статье У Цзяна «Критика философии прагматизма

Линь Бяо и „банды четырех“»⁵⁴ указывалось, что «в ходе кампании „правильной оценки легизма и критики конфуцианства“ „четверка“, в соответствии со своими фракционными интересами и исходя из созданной ими якобы извечной исторической формулы „борьбы легистов и конфуцианцев“, переписала практически целый период древней истории Китая, искажила облик многих деятелей древности».

«Жэньминь жибао» перепечатала с сокращениями опубликованную в журнале «Лиши яньцзю» статью «На сцене и за кулисами разыгранного „бандой четырех“ фарса почитания школы легистов»⁵⁵. В ней подробно освещались предыстория и ход состоявшегося в июле — августе 1974 г. совещания по вопросам комментирования произведений представителей школы легистов, на котором сторонники «четверки» выступали за популяризацию истории «борьбы конфуцианцев с легистами». Начиная эту кампанию, «четверка» и ее сторонники преследовали чисто практические цели. Поскольку в период кампании происходила фальсификация реальной истории, то это не могло не отразиться и на уровне освещения этой проблемы. Согласно указаниям «четверки», сообщала газета, в учебники для начальных и средних школ было включено большое количество материалов на тему «почитания легистов и борьбы с конфуцианцами». Еще более серьезно было подорвано преподавание и исследование этой проблематики в высших учебных заведениях. В течение двух последующих лет, указывалось далее в статье, стали выходить книги, не представлявшие никакой исторической ценности, но наводившие на мысль о существовании «современных конфуцианцев».

Многие материалы, публиковавшиеся в 1978 г. в газетах и журналах, написаны специалистами. Так, журнал «Китай на стройке» поместил статью историка Бай Шоуи, озаглавленную «Фальсификация истории борьбы между конфуцианством и школой законников»⁵⁶ (т. е. легистами), которая была написана, как указывалось в предисловии, «с целью восстановления подлинного облика истории». Автор подробно и аргументированно рассматривал эпоху создания двух школ, а изменение взаимоотношений между их последователями связывал с изменением исторических условий. Статья полна критических замечаний в адрес «четверки» и обвинений, что она «фальсифицировала историю», «ревизовала марксистское учение о классах. Цель подобной ревизии — приукрасить законников, выдвинуть их на важное место в развитии истории»⁵⁷. Статья вызывает интерес еще и тем, что критику легистов Бай Шоуи подкреплял сравнением их с конфуцианцами; так, в частности, он отмечал, что «законники стояли за объединение страны, но и Конфуций и Мэнцзы тоже стояли за объединение. Как правило, именно конфуцианцы, а не законники теоретически обосновывали объединение, способствуя тем самым укреплению феодального господства»⁵⁸.

Переоценка конфуцианства и легизма не могла не коснуться и личности знаменитого исторического деятеля древнего Китая — императора Цинь Шихуана, который считался одним из любимых героев Мао Цзэдуна. До последнего времени к наследию и идеям Мао подходили с осторожностью, в типично китайском духе используя исторические аллегории. Однако в 1977—1978 гг. пекинская печать стала делать признания, которые считались бы «богохульством» всего за год или два перед этим. Так, в опубликованной «Жэньминь жибао» статье Дин Вэйчжи «Отбросить суеверия, освободить сознание»⁵⁹ утверждалось, что «в исторической науке существует много запретных областей, в которые по-настоящему не вторглись, хотя это и необходимо сделать. Оценка исторических личностей стала опасной зоной, а решение вопроса о развенчании или восхвалении исторической личности было всецело монополизировано „четверкой“. Вот почему часть исторических личностей „обожествляли“. Тех, кого „обожествляли“, например Цинь Шихуана, превратили в идолы, по которым никто не мог ударить». Упоминание об этом императоре заставляло задуматься, поскольку известно, что Мао весьма импонировало, когда его сравнивали с древним императором. В новых статьях же подчеркивалось, что председатель Мао «подходил к Цинь Шихуану аналитически, но „четверка“ злонамеренно не позволяла подвергнуть Цинь Шихуана анализу, докопаться до сути в этом вопросе. Тот, кто пытался в то время хотя бы слегка его покритиковать, мог быть обвинен в контрреволюции».

В целом ряде работ, опубликованных в центральной печати, критиковались те, кто изображал императора «героем», доминировавшим над всеми и «в одиночку» добившимся объединения Китая. Авторов, утверждавших, что Цинь Шихуан «открыл новую историческую эпоху», обвиняли в забвении того, что творцами истории являются массы, а не отдельные личности.

В статье Чэнь Тецзяня «Об обожествлении»⁶⁰ говорилось, что, когда средства массовой информации находились под контролем «банды четырех», «исторические личности либо обожествлялись, либо представлялись в виде каких-то абстракций. Хорошие люди считались абсолютно хорошими, и их всячески восхваляли, а плохие считались абсолютно плохими, и их ругали».

„Банда четырех“, — сообщалось далее в этой статье, — часто ссылалась на произведения Лу Синя для того, чтобы обожествить Цинь Шихуана, но умалчивала о том, что Лу Синь также и критиковал императора. Например, Лу Синь одобрительно отзывался о том, что он сжег конфуцианские книги, чтобы добиться „унифицированного мышления“, но он же называл это „оболваниванием масс“. Правильное понимание деятельности Цинь Шихуана лежит где-то посередине, — говорилось в газете. — У него были и положительные и отрицательные черты».

К концу года поток материалов с критикой Цинь Шихуана

ослабел, однако редкая статья на историческую тему обходилась без упоминания об этом императоре и порицания его деятельности. Так, журнал «Лиши яньцзю» указывал, что роль Цинь Шихуана в истории помимо положительной оценки заслуживает и критики; «четверка» же и ее приспешники превратили его в «великого императора, что полностью противоречит марксизму»⁶¹. В другой публикации этого журнала неоднократно подчеркивалось, что Цинь Шихуан «был тираном по отношению к народу»⁶².

Следует обратить внимание на возросший интерес к проблеме периодизации древней истории Китая. Долгие годы эта тема находилась под запретом, поскольку господствовала точка зрения Го Можо. Мао Цзэдун уделял этой проблеме большое внимание, так как именно угодная ему периодизация древней истории, в соответствии с которой феодализм начинался с реформ Шан Яна, заложила теоретический фундамент кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». В ноябре «Гуанмин жибао» сообщила о широкой научной дискуссии, проведенной в Чанчуне по вопросам периодизации китайской истории⁶³. Конференция была созвана редакциями журналов «Лиши яньцзю» и «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь». Как указывала газета, «научный уровень конференции был очень высок». В ней приняли участие историки старшего поколения, обсуждавшие проблему периодизации древней истории Китая еще в 50-е годы: Ли Шу, Тун Дун, Бай Шоун, Ян Сянкуй, Цзинь Цзинфан и др.

В ходе полемики выявились различные точки зрения по вопросу о времени смены рабовладения феодализмом. Если одни ученые связывали становление феодализма с Западным Чжоу (XI—VII вв. до н. э.), то другие полагали началом его III—IV вв. н. э. Та же тема получила развернутое отражение и в журнале «Лиши яньцзю»⁶⁴, — где говорилось, что на конференции в Чанчуне «раздавались требования организации дискуссий между различными научными школами на равноправной основе». В статье, в частности, говорилось, что несогласие тех или иных ученых с системой периодизации, предложенной Го Можо, является «нормальным явлением».

Таким образом, в области периодизации древней истории китайская историческая наука вновь вернулась к оценкам, характерным для первого десятилетия КНР. Политическая же подоплека этой переоценки означает открытое отрицание периодизации Го Можо — Мао в качестве незыблемой доктрины.

Из анализа материалов официальной китайской печати следует вывод об усилении роли исторического и культурного наследия в общественно-политической жизни КНР и о приобретении им нового значения в связи с новыми задачами, выдвинутыми пекинским руководством. Стремясь ликвидировать отрыв маоизма от культурных традиций китайского народа, пекинское руководство пытается с помощью критики «четверки», переоцен-

ки и осуждения Цинь Шихуана и школы легистов, а также «реабилитации» Конфуция перетолковать отдельные положения и отдельные извращенные оценки исторического прошлого, дискредитирующие самого Мао. Что касается основных догм маоизма, и прежде всего концепции великоханьского шовинизма, то они остаются в неприкосновенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. «Жэньминь жибао», 7, 8.III.1978.
- ² «Гуанмин жибао», 17.I.1978.
- ³ См. «Жэньминь жибао», 8.IV.1978.
- ⁴ «Гуанмин жибао», 14.II.1978.
- ⁵ «Жэньминь жибао», 22.II.1978.
- ⁶ «Гуанмин жибао», 15.I.1978.
- ⁷ «Гуанмин жибао», 14.II.1978.
- ⁸ См. «Жэньминь жибао», 22.II.1978.
- ⁹ См. «Жэньминь жибао», 9.IV.1978.
- ¹⁰ «Гуанмин жибао», 4.VI.1978.
- ¹¹ «Гуанмин жибао», 5.VI.1978.
- ¹² «Гуанмин жибао», 6.VI.1978.
- ¹³ «Жэньминь жибао», 10.VI.1978.
- ¹⁴ «Гуанмин жибао», 25.VI.1978.
- ¹⁵ «Гуанмин жибао», 7.VII.1978.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ «Хунци». 1978, № 10, с. 14, 15, 16.
- ¹⁸ «Жэньминь жибао», 9.XI.1978.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См. «Жэньминь жибао», 24.XII.1978.
- ²¹ См. «Гуанмин жибао», 11.V.1978.
- ²² «Жэньминь жибао», 9.XI.1978.
- ²³ См. «Гуанмин жибао», 25.IV.1978.
- ²⁴ См., например, «Чжэсюе яньцзю». 1978, № 1—2, с. 30.
- ²⁵ См. «Чжэсюе яньцзю». 1978, № 1—2, с. 41—65.
- ²⁶ «Чжэсюе яньцзю», 1978, № 1—2, с. 63.
- ²⁷ «Чжэсюе яньцзю». 1978, № 6, с. 9—17, 18—25.
- ²⁸ «Чжэсюе яньцзю». 1978, № 6, с. 15.
- ²⁹ «Гуанмин жибао», 2.V.1978.
- ³⁰ См. «Гуанмин жибао», 9.V.1978.
- ³¹ «Гуанмин жибао», 6.VI.1978.
- ³² «Peking Review». 1978, № 31, с. 23.
- ³³ «Классенкампф», 19.VI.1978.
- ³⁴ «Unsere Zeit», 25.I.1978.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ «Жэньминь жибао», 25.VIII.1978.
- ³⁷ См. «Жэньминь жибао», 8.VIII.1978.
- ³⁸ См. «Жэньминь жибао», 20.VIII.1978.
- ³⁹ «Жэньминь жибао», 11.VIII.1978.
- ⁴⁰ «Жэньминь жибао», 9.IX, 26.VIII.1978.
- ⁴¹ См., например, передовую статью еженедельника «Классенкампф», органа «Рабочей компартии (м-л)» Норвегии, на которую ссылается «Жэньминь жибао» от 4 сентября 1978 г.
- ⁴² «Жэньминь жибао», 11.VI.1978.
- ⁴³ См.: Лу Хунжань. Лу Синь и историческое наследие. — «Лини яньцзю». 1978, № 2, с. 22—23.

- ⁴¹ Д и н В э й ч ж и. «Четверка» -- враг исторической науки. — «Лиши яньцзю». 1978, № 6, с. 8.
- ⁴⁵ «Китай на стройке». 1978, № 4, с. 33.
- ⁴⁶ См. «Гуанмин жибао», 19.V.1978.
- ⁴⁷ «Гуанмин жибао», 18.VII.1978.
- ⁴⁸ «Гуанмин жибао», 12.VIII.1978.
- ⁴⁹ Д и н В э й ч ж и. Процесс эволюции конфуцианского учения. — «Лиши яньцзю». 1978, № 12.
- ⁵⁰ Лю Ц з э х у а. Разбить кандалы и цепи, освободить историческую науку. — «Лиши яньцзю». 1978, № 8, с. 17.
- ⁵¹ «Гуанмин жибао», 18.VII.1978.
- ⁵² См. «Жэньминь жибао», 16.III.1978.
- ⁵³ «Китай на стройке». 1978, № 12, с. 50—51.
- ⁵⁴ «Жэньминь жибао», 3.IV.1978.
- ⁵⁵ «Жэньминь жибао», 5.VI.1978.
- ⁵⁶ «Китай на стройке». 1978, № 9, с. 50—53.
- ⁵⁷ Там же, с. 51.
- ⁵⁸ Там же, с. 52.
- ⁵⁹ «Жэньминь жибао», 16.II.1978.
- ⁶⁰ «Жэньминь жибао», 15.IV.1978.
- ⁶¹ «Лиши яньцзю». 1978, № 6, с. 14.
- ⁶² См. «Лиши яньцзю». 1978, № 8, с. 18.
- ⁶³ См. «Гуанмин жибао», 8. II.1978.
- ⁶⁴ См. «Лиши яньцзю». 1978, № 12.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

На протяжении истории КНР политика пекинского руководства в области культуры и образования неоднократно совершала резкие повороты — от провозглашения «либерализации» в период «ста цветов» (1956—1958 гг.) до полного удушения творческой деятельности и закрытия школ в годы «культурной революции». Но при всех зигзагах в политике в области культуры есть общий стержень: стремление полностью подчинить литературу, искусство и образование маоистскому политическому курсу внутри и вне страны. На данном этапе речь идет о служении китайской культуры курсу «четырёх модернизаций». Пекинские лидеры отдают себе отчет в том, что осуществить этот курс без самого активного участия интеллигенции, без повышения образовательного и культурного уровня трудящихся (чего требует современное производство) невозможно.

Позитивная оценка роли интеллигенции, призыв к уважению ее труда и улучшению условий ее работы содержался в выступлении Хуа Гофэна на сессии ВСНП. В новой конституции КНР декларирована «свобода научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности», говорится об осуществлении курса «пусть расцветают сто цветов». Эти обещания усиленно используются в пропаганде китайской печати по данному вопросу. При этом преследуется цель привлечь симпатии китайской интеллигенции к новому руководству, расширить социальную базу режима, заручиться поддержкой работников культуры и просвещения в продолжающейся фракционной борьбе.

Продолжая критику «банды четырех», китайская печать подчеркивала, что сфера культуры и образования больше других пострадала за последнее десятилетие. Приводились факты жестоких репрессий, жертвами которых стали виднейшие писатели, актеры, ученые; говорилось об огульных, несправедливых обвинениях, разгоне творческих коллективов, прекращении издательской деятельности и культурных контактов. Много писалось о «политике оглушения народа», приведшей к резкому снижению уровня обучения во всех звеньях системы образования.

Такие материалы, по существу, являются обвинительным актом по отношению к маоистскому режиму с его систематически-

ми гонениями на интеллигенцию, с его пренебрежением к культурным и общеобразовательным потребностям масс. Однако вину за все преступления печать старалась свалить на «банду четырех», которая-де извращала «правильные» указания Мао Цзэдуна. Между тем ясно, что, даже если допустить, что участники этой группы ради достижения личных целей или сведения счетов иногда могли действовать самостоятельно, в основном и главным они проводили политику, намеченную и санкционированную Мао Цзэдуном.

Программным документом «культурной революции» в сфере культуры явился «Протокол армейского совещания по литературно-художественной работе, проведенного Цзян Цин по поручению Линь Бяо» (февраль 1966 г.). В свое время было объявлено, что протокол трижды просматривался и редактировался Мао Цзэдуном. В 1978 г. печать, резко критикуя положения протокола, не упоминала его названия и тем более умалчивала об участии Мао в его составлении. Из нередко противоречивых высказываний «кормчего» выбирались те, в которых звучала позитивная оценка тогдашнего состояния культуры и образования, другие же цитаты перетолковывались в новом духе. Это относится, в частности, к высказываниям о романе «Речные заводы», послужившим в 1975 г. основой для кампании по дискредитации классической литературы. После почти двух лет раздумий пекинское руководство решило и эту кампанию списать на «четверку» и «реабилитировать» роман.

Равным образом печать взвалила на «четверку» всю вину за появление статьи Яо Вэньюаня с критикой пьесы У Ханя «Отставка Хай Жуя» (которая явилась сигналом к развертыванию «культурной революции»), сделав вид, будто Мао не имел никакого к ней отношения.

В 1978 г. была возобновлена деятельность Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства Китая (ВАРЛИ) и большинства входящих в нее творческих союзов. При этом было объявлено, что их работа в 1966 г. была самовольно прервана «четверкой», хотя Мао Цзэдун еще в 1964 г. развернул кампанию нападков на руководство творческих организаций. Возобновился выход органа ВАРЛИ журнала «Вэнь бао» и академического литературоведческого журнала «Вэньсюэ шишунь».

Во главе творческих организаций, их печатных органов и академических институтов поставлены деятели старшего поколения, многие из которых занимали эти посты и раньше, до «культурной революции». Так, Союзом писателей по-прежнему руководит Мао Дунь; он же является одним из заместителей председателя ВАРЛИ (пост председателя вакантен после смерти Го Можо — с июня 1978 г.). Заместителями председателя ВАРЛИ являются также виднейшие литераторы Ба Цзинь, Ся Янь и Чжоу Ян. Главным редактором «Вэнь бао» назначен известный

критик Фэн Му. Институт истории литературы возглавил видный романист Ша Тин.

Почти все эти деятели играли активную роль в литературе и искусстве Китая, начиная еще с 20-х и 30-х годов. Естественно, они выступают за пересмотр негативных оценок состояния культуры в предшествовавшие десятилетия, характерных для «культурной революции». К концу года в печати возобладала тенденция положительно оценивать основную линию развития китайской прогрессивной культуры с 30-х годов вплоть до 1966 г., при этом отрицается существование какой-то «черной линии» в этот период (на чем настаивали организаторы «культурной революции»). Некоторые произведения тех лет переизданы или показаны зрителю, другие еще ждут своей очереди.

Отход от тезисов «культурной революции» проходил и по острому для Китая вопросу об отношении к классическому наследию и мировой культуре. Подверглись критике огульное отрицание наследия прошлого и антинаучные попытки представить всю историю китайской традиционной культуры как историю борьбы конфуцианцев с легистами. Более широкие масштабы приняло издание произведений китайской классики, а также памятников мировой литературы. Вновь стали — пока еще довольно редко — исполняться пьесы китайского традиционного репертуара, музыка западных композиторов, сцены из классических балетов. Восстановлены в правах традиционные сюжеты китайской национальной живописи. Но все эти меры лишь в малой степени помогают заполнению культурного вакуума, созданного политикой маоистов в предшествующий период.

Во всех уставочных документах в 1978 г. заявлялось, что теоретической основой проводимого курса является «идея Мао Цзэдуна» и его «революционная линия в области культуры». В докладе на сессии ВСНП Хуа Гофэн говорил о необходимости «ставить литературу и искусство на службу рабочим, крестьянам и солдатам», «идти на заводы и фабрики, в деревню, в воинские части, углубляться в жизнь». Однако в комментариях печати этим тезисам давалось смягченное по сравнению с ортодоксально-маоистским толкование. Отмечалось, что литература и искусство должны быть адресованы наряду с другими слоями общества также и к интеллигенции, представители интеллигенции могут и должны быть героями произведений писателей и художников. Подчеркивалось также, что деятели культуры, отправляясь в деревню или на предприятия для «изучения действительности», должны на первое место ставить творческую работу.

Пекинская печать усиленно старалась доказать, будто после разгрома «четверки» в Китае вновь осуществляется марксистско-ленинская политика в области культуры. В прессе часто встречаются цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, из работ А. М. Горького и А. В. Луначарского. Несомненно, это является составной частью кампании по камуфлированию сущ-

ности проводимой ныне политики. В то же время публикация материалов, содержащих правильные положения и оценки, объективно способствует дискредитации маоистских схем и вульгаризаторских концепций.

Как подтверждают официальные материалы, в целом китайское руководство разделяет характерное для «линии Мао Цзэдуна» утилитарное отношение к культуре. Оно не собирается отказываться от всемерного использования литературы и искусства в интересах антисоциалистической гегемонистской политики. Об этом свидетельствует восхваление средствами искусства творцов этой политики, активное вовлечение деятелей культуры в текущие политические кампании, использование литературы, театра, кино и изобразительного искусства для нагнетания антисоветских настроений, для нападков на реальный социализм.

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Положение деятелей культуры в 1978 году определялось в первую очередь целями и задачами «четырёх модернизаций». На сессии ВСНП привлечение интеллигентов к активной деятельности оказалось одним из тех вопросов культурной политики, которым уделялось особенное внимание. Хуа Гофэн отметил, что «как для ускорения развития науки, просвещения и культуры, так и для строительства могучей современной социалистической державы огромное значение имеет полное выявление роли интеллигенции». Поскольку этому неизбежно должно предшествовать возвращение интеллигенции престижа, подрывавшегося в течение многих лет, председатель КПК объявил, что «абсолютное большинство» интеллигенции «горячо любит партию и дело социализма и поддерживает революционную линию председателя Мао Цзэдуна», и еще раз осудил «четверку», превращавшую тот слой общества, «с которым рабочий класс должен сплавиваться и на который он должен опираться, в объект ударов и диктатуры» и «бешено насаждавшую фашистский деспотизм в культуре». Хуа Гофэн, кроме того, не скупился на призывы «уважать труд интеллигенции, улучшать условия ее работы, дать простор развитию ее знаний и способностей, отмечать ее успехи».

Основной поток печатных материалов, связанных с этой темой, вскрывал преступления, совершавшиеся по отношению к интеллигенции в течение десятков лет. Замалчивая истинную роль Мао Цзэдуна и его «идей», нередко прикрываясь ими, обвиняя во всем только «четверку», авторы таких выступлений в печати объективно критиковали самого «великого кормчего». Приводились примеры «величайшего расточительства, величайшей траты попусту драгоценных человеческих жизней», загубленных талантов, изуродованных судеб, моральных и физических надруга-

тельств. По этим публикациям можно воссоздать картину трагедии, которую довелось пережить деятелям культуры в годы всевластия Мао Цзэдуна и его окружения: «То, что наши лица покрылись морщинами, головы поседел, а здоровье совершенно расстроено, — все это приметы жестоких притеснений со стороны „четверки“. Мы были полны энтузиазма по отношению к партии и народу, но драгоценное время утекло зря, а мы ничего не сделали, не могли... Так многие из нас с каждым днем дряхлели, становились инвалидами, умирали»¹.

Гонения, которым подвергалась интеллигенция, особенно творческая, были также предметом обсуждений на всевозможных форумах работников литературы и искусства. Свыше 300 представителей творческой интеллигенции участвовали в конце мая — начале июня в заседаниях расширенного пленума Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства. В отчетах о работе пленума большое место занимало перечисление преступлений руководства предыдущих лет по отношению к работникам литературы и искусства. Сообщалось о трагической гибели в августе 1966 г. одного из виднейших представителей реалистической китайской литературы, всемирно известного писателя Лао Шэ, о том, что вслед за ним «в дьявольских лапах „четверки“» погиб такой талантливый писатель, как Чжао Шули; назывались также другие жертвы: известный киносценарист Хай Мо, крупный кинорежиссер Чжэнь Цзюньли, великий актер-трагик и режиссер Чжоу Синьфан и многие другие.

Характер процесса реабилитации в течение года претерпел некоторые изменения. В первые месяцы 1978 г., как и в предыдущем, 1977 г., о возвращении к общественно-политической жизни того или иного деятеля культуры или о снятии запрета с его имени можно было узнать лишь по спискам участников того или иного совещания или выставки (например, 26 февраля центральные газеты опубликовали список работников литературы и искусства, участвовавших в заседании сессии ВСНП), по подписанным известными именами статьям или произведениям, а также по упоминаниям отдельных имен в прессе. При этом былые «ошибки» подвергались длительным обсуждениям и «пересмотр старых дел» оказывался процессом болезненным и многоступенчатым.

Постепенно усилия по активизации этой деятельности становились все более заметными. Еще в мае министр культуры Хуан Чжэнь заявил: «Нужно реабилитировать всех тех, кто был несправедливо осужден „шайкой четырех“, и опровергнуть все навязанные ею несостоятельные обвинения... Надо пересмотреть все несправедливые судебные дела, как можно скорее устроить на работу всех тех, кто может работать, но не работает»². В столице проходили торжественные перезахоронения останков известных писателей, актеров, которые «погибли в результате преследований» со стороны «четверки» в конце 60-х — начале 70-х

годов. 1 сентября в Пекинском университете прошло «политическое собрание», на котором «полностью реабилитировали большую группу преподавателей и студентов» (стало известно, что из 177 профессоров и доцентов, работавших в этом университете до «культурной революции», 145 были арестованы по «особым делам»).

Следует отметить, что большинство оставшихся в живых широко известных работников культуры вернулись к общественно-политической жизни, и если многие из них еще не могли (или не хотели?) заниматься творческой деятельностью, то по крайней мере были заняты работой в творческих союзах и организациях (например, поэт Хэ Цзинчжи — заместитель министра культуры, писатель Ба Цзинь — заместитель председателя ВАРЛИ, поэт Ли Цзи — главный редактор журнала «Жэньминь вэньсюе», критик Фэн Му — главный редактор журнала «Вэньбао» и т. д.). К середине декабря 1978 г. в Пекинском управлении культуры из 479 «старых дел» кадровых работников и интеллигентов было пересмотрено 441.

Однако с многих менее крупных писателей, кинодеятелей, актеров (главным образом на местах) все еще не были сняты несправедливые обвинения, предъявленные им в прошлом. По-прежнему не упоминались в печати имена таких известных в прошлом деятелей, как писательница Дин Лин, драматурги и руководители театрального движения Тянь Хань и Ян Ханьшэн, публицисты Дэн То и Ляо Моша и многие другие. Зато реабилитированы и получили высокие посты те, кто в свое время приложил руку к пропаганде «идей Мао Цзедуна» и борьбе против «современного ревизионизма». — Чжоу Ян, Линь Мохань, Лю Байюй и т. д.

В конце декабря «Жэньминь жибао» опубликовала статью обозревателя «Ускорить пересмотр дел подвергшихся преследованиям писателей и переоценку их произведений». Отметив, что за 10 с лишним лет Линь Бяо и «четверка», сфабриковав массу ложных обвинений, «подвергли жестоким притеснениям многие тысячи работников литературы и искусства», обозреватель подчеркивал, что за 2 с лишним года, прошедших после разгрома «четверки», дела «части писателей» были пересмотрены, но пересмотр проходил неравномерно, в отдельных местах и учреждениях «не очень быстро и даже очень медленно». Такое положение автор статьи объяснял тем, что многие работники на местах не понимают значения и настоятельной необходимости этой работы, другие все еще верят в «антипартийность» осужденных «четверкой» писателей, в результате многие писатели не были реабилитированы, а дела других если и пересмотрены, то лишь номинально, на деле же их работой никто не интересуется. Эти пострадавшие литераторы, подчеркивал обозреватель, не нарушали ни партийной дисциплины, ни государственных законов, и ярлык «антипартийных элементов» на них был наклеен «четвер-

кой» произвольно, из-за не устраивавшего ее произведения или статьи. Обращал на себя внимание призыв не только пересмотреть дела тех, кто подвергся преследованиям «со стороны Линь Бяо и четверки» (т. е. в период «культурной революции» и ближайшие годы после нее), но и «исправить также положение тех, кого ошибочно критиковали в течение 17 лет до великой культурной революции». «Неужели же можно допустить, чтобы безвинно пострадавшие писатели продолжали бесконечно ждать?»³ — вопрошал автор. Фактически такие призывы звучали как осуждение всей маоистской политики в отношении интеллигенции.

В марте на всекитайском совещании по вопросам развития науки Дэн Сяопин особо подчеркнул, что китайские работники умственного труда являются неотъемлемой «частью трудового народа».

«Реакционной теорией невежества» был назван излюбленный тезис маоистских идеологов «чем больше у человека знаний, тем он реакционнее»⁴. Газета «Гуанмин жибао» перепечатала статью обозревателя журнала «Жэньминь цзяоюй» («Народное образование»), в которой (со ссылкой на выступление Дэн Сяопина на совещании по науке) интеллигенция уже названа не просто частью трудового народа, но и «непосредственной частью пролетариата». В статье подчеркивается, что с того времени, как Мао Цзэдун дал пятимиллионному отряду интеллигенции определение «буржуазная», прошел 21 год и этот отряд, состоящий уже почти из 25 млн. человек, претерпел серьезные изменения, отчего в новых условиях должно измениться и это определение: интеллигенцию следует рассматривать в основном как пролетарскую. Соответственно должна меняться и политика по отношению к ней⁵. Если прежняя политика заключалась в «сплочении, воспитании и перевоспитании» деятелей умственного труда, то, с тех пор как интеллигенция стала непосредственной частью рабочего класса, упор следует делать на тесную связь пролетариев умственного и физического труда и не смотреть на интеллигенцию как на объект «особой политики».

Во всех этих рассуждениях деятели культуры не выделялись из общей массы интеллигентов. Однако если в 1977 — начале 1978 г. утилитарность целей, преследуемых апелляцией к интеллигенции, подчеркивалась обращением китайских руководителей в первую очередь к представителям научно-технических кругов, то постепенно в орбиту «новой политики» была вовлечена и творческая интеллигенция. Ведь «четыре модернизации» невозможны без повышения общего культурного уровня народа, а это, в свою очередь, невозможно без деятелей культуры. Кроме того, для пропаганды политики руководства в новых условиях нужны усилия профессионалов, самостоятельного творчества здесь недостаточно. Этим объясняется форсирование реабилитации и активизации творческой интеллигенции. Возможно, однако, что

этот процесс вышел из первоначально предусматривавшихся рамок.

Анализируя все эти, казалось бы, в общем положительные явления, следует учитывать, однако, что, призывая деятелей культуры к активности, от них требовали в первую очередь поддержки великодержавного, антисоциалистического курса. Основным направлением творчества объявлялся разгром «четверки», т. е. поддержание части руководства во фракционной борьбе. Приветствуя возобновление работы ВАРЛИ, «Жэньминь жибао» напоминала деятелям культуры «прекрасное выражение»: «творчество должно подниматься, а писатели должны спускаться» (т. е. «идти в низы», «врастать в массы», участвовать в «трех великих революционных движениях» и т. д.)⁶. Все эти ставшие привычными маоистские штампы, правда, тонули в потоке словословий по адресу интеллигенции. Однако интеллигенция не может не помнить, что именно под этими лозунгами еще не так давно подавляли ростки социалистической культуры в КНР, что хорошие слова и призывы к творческой самоотдаче она уже слышала и в 1956 и в 1961 г. и знает, какими репрессиями это потом оборачивалось. Кроме того, широкое признание прошлых ошибок и преступлений объективно создает предпосылки для роста политической зрелости интеллигентов и может быть чревато проявлением недовольства антисоциалистической, националистической по существу политикой властей. Вряд ли пекинские лидеры могли не понимать и не бояться этого. И не случайно, даже доказывая принадлежность интеллигенции к классу пролетариата, официальные идеологи подчеркивали: следует также видеть, что среди интеллигентов по-прежнему есть люди, буржуазная идеология которых не изменилась до конца или на которых «довольно сильно сказывается влияние буржуазной идеологии», они «колеблются в кипучей классовой борьбе», и по отношению к ним следует проводить прежнюю политику «сплочения, воспитания, перевоспитания»⁷. В такого рода заявлениях видно и стремление использовать понятие «классовая борьба» (как это делал и Мао Цзэдун) для камуфлирования борьбы политических группировок, и желание сохранить в отношениях с интеллигенцией открытыми двери для быстрого поворота вспять — к политике нажима и репрессий.

ЛИТЕРАТУРА

В 1978 г. критика «четверки» занимала главное место в литературной жизни. Впервые после реабилитации выступили с речами Чжоу Ян и Ся Янь, причем последний в резких выражениях потребовал убрать «духовные оковы», сохранившиеся после падения «четверки»⁸.

В сентябре творческие бригады писателей выезжали в Да-

цин, Аньшань, Кайлуань, Цайдам и на нефтепромыслы Северного Китая.

После 20 лет молчания осенью 1978 г. в газетах и журналах поместил ряд стихотворений известный поэт Ай Цин. Резкостью критики привлекает внимание его стихотворение «На гребне волны», посвященное событиям 5 апреля 1978 г. на площади Тяньаньмэнь. Этим событиям были посвящены также несколько поэтических сборников, опубликованных в 1978 г., в которые вошли стихи самих участников демонстрации.

Из новых произведений, вызвавших дискуссии, наибольший интерес представляют рассказы молодых писателей, критикующих политику «четверки» и те порядки, которые господствовали в Китае в последние годы.

22 сентября «Гуанмин жибао» сообщила об обсуждении в Пекине рассказа Лю Синью «Классный руководитель». Рассказ вызвал множество читательских писем и был признан «прекрасным произведением». Обсуждение было организовано редакцией журнала «Вэньсюэ пинлунь», в нем участвовали работники редакций центральных литературно-критических журналов, издательств, представители вузов и школ Пекина. Особо подчеркивалось, что успех рассказа определяется откликом и оценкой «народных масс». Была отвергнута точка зрения, что рассказ представляет собой «обличение темных сторон действительности» и «критический реализм», хотя рассказ и в самом деле обличает китайскую действительность предшествующего десятилетия. Отмечен был и другой рассказ Лю Синью — «Место любви».

В «Классном руководителе» рассказывается о судьбе подростка, задержанного органами безопасности за похищение «запрещенной» литературы (книги Э. Войнич «Овод»). Освобожденный после допроса школьник переходит в другую школу, но ни учителя, ни ученики, воспитанные в духе идей «четверки», не желают принимать к себе такого «хулигана», и только благородный классный руководитель Чжан соглашается взять его к себе и в долгих спорах преодолевает предубеждение коллег и учеников. Он дает школьникам прочесть повесть советского писателя Л. Пантелеева «Часы» и вспоминает, что, когда он сам учился в 50-х годах, обстановка в китайских школах была совершенно иной. Подобные рассказы, содержащие критику некоторых политических установок предшествующего периода, влияние которых продолжает ощущаться, появились уже в разных органах китайской печати.

В другом получившем широкий отклик рассказе, «Священная миссия» Ван Япина, показывается столкновение «хорошего» кадрового работника органов безопасности (пробывшего восемь лет в лагере «перевоспитания») с агентами «четверки», пытающимися убить его, чтобы скрыть следы собственных беззаконий.

Наряду с позитивной тенденцией показывать реальные явления китайской действительности и затрагивать острые общест-

венные вопросы основная масса литературных произведений 1978 г. продолжает придерживаться маоистского русла. Это относится к многочисленным стихам и воспоминаниям о Мао Цзэ-дуне и других деятелях, публикациям стихов недавно скончавшихся руководителей, очеркам Великого похода, а также к произведениям, восхваляющим Хуа Гофэна.

Кончина Го Можо 15 июня 1978 г. вызвала появление многочисленных статей о нем и посмертную публикацию его произведений, в том числе выдержанных в антисоветском духе. Китайская литература вообще продолжает использоваться для целей антисоветской пропаганды. Ряд поэтов выступил с политическими стихотворениями антисоветского и антивьетнамского содержания, например Цзоу Дифань⁹. 14 июля «Жэньминь жибао» напечатала клеветническую рецензию о романе Ю. Бондарева «Берег».

Злобные антисоветские выпады содержатся в научно-фантастической повести Тун Эньчжэна «Лучи смерти на атолле» («Жэньминь вэньсюэ». 1978, № 8), которая вышла и отдельным изданием массовым тиражом. Герой повести — юный китаец-эмигрант, получивший образование в «капиталистическом обществе». Китайским изобретением — лучами смерти, предназначенными будто бы для борьбы с акулами, — стремится завладеть «представитель некой великой державы» «капитан первого ранга Шабунофу» и его приспешник по имени Ивань. Внешним обликом злодей Шабунофу «напоминает полярного медведя». Положительные герои повести — китайцы — пользуются любовью и признанием в «капиталистическом обществе», получают поддержку прессы, но относятся свысока к «нездоровым явлениям»: увлеченно детективами, порнографией и рок-н-роллом. Повесть пронизана настроением национального превосходства (в ней, между прочим, выведен слуга-малаец, рабски преданный китайским хозяевам). Это первое произведение китайской литературы, сделанное по образцу западных антисоветских комиксов.

В области зарубежного и китайского классического наследия исследования и публикации были довольно активными. Шла подготовка к переизданию произведений Ли Бо, Ду Фу, Пу Сунлина, У. Шекспира, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, М. Сервантеса и других авторов. Китайская печать опубликовала серьезные статьи о Ренессансе в Европе, об истории индо-китайских культурных связей, о творчестве С. Цвейга и др. Были отмечены юбилей М. Горького и Л. Н. Толстого — статьями в газетах и журналах, публикацией переводов их произведений и воспоминаний о них. В частности, первый номер возобновившего издания журнала «Шицзе вэньсюэ» опубликовал произведения «Холстомер», «Не могу молчать» Л. Толстого и воспоминания И. Л. Толстого об отце.

В специальной статье была отвергнута прежняя абсурдная

критика в адрес Н. Г. Чернышевского¹⁰. Китайская критика в статьях не только историко-литературных, но и по вопросам современного литературного процесса начала в позитивном плане использовать наследие русских революционных демократов В. Г. Беллинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Опубликован перевод повести М. Ю. Лермонтова «Тамань» с высокой оценкой этого произведения в послесловии переводчика («Шанхай взъпьюэ». 1978, № 7). Критик Цзи Сяньлинь в статье о Лу Сине отметил, что форма рассказов Лу Синя была заимствована писателем из русской литературы («Гуанмин жибао», 13.V.1978). Статья установочного характера, написанная видным литературоведом и переводчиком русской литературы Е Шуйфу, ратовала за научный подход к изучению зарубежной литературы. Много критических статей было посвящено пересмотру отрицательной оценки китайского классического романа «Речные заводы». Известный ученый профессор У Цзусян пишет о «Речных заводах» так, словно негативного отзыва Мао Цзэдуна о романе вообще не было.

В отличие от прежних лет в современной китайской литературе возникли и одновременно существуют противоречивые тенденции: фактическая критика маоистских порядков сочетается с прославлением Мао Цзэдуна и его наследников, с выступлениями шовинистического характера против СССР и СРВ.

ТЕАТР

Суть политики руководства КНР в области театра — подчинение его «главным задачам партии в новый период», включая «общее резкое повышение уровня науки и культуры»¹¹. В соответствии с этим театру отводится роль одного из важных факторов «ускорения четырех модернизаций» путем «воодушевления народных масс на достижение великих побед»¹².

Рассматривая театр как важное средство воздействия на общественное мнение, как канал распространения в массах своих внутривнутриполитических и внешнеполитических установок, руководство страны в 1978 г. старалось разработать радикальные меры по консолидации сил, активизации творчества, повышению качественного уровня деятельности театра. Критика и разоблачение «банды четырех» продолжались, постепенно на первый план выступили реабилитация театральных кадров, возрождение установок ряда важных театральных совещаний начала 60-х годов; осуждение в период «культурной революции» большинства драматургов, теоретиков театра, равно, как и их произведений, было объявлено ошибочным и злонамеренным.

В мае состоялось всекитайское совещание по вопросам театрального творчества: оно было проведено журналом «Жэньминь шицзюй» с утверждения парткома министерства культуры КНР.

В его работе приняли участие министр культуры Хуан Чжэнь, его заместители Чжоу Вэйчжи, Хэ Цзинчжи, Линь Мохань, а также видные деятели театра и литературы Ся Янь, Цао Юй, Юй Лин, Чжан Гэн, Фэн Му и др. Совещание ориентировало театр на возвращение к платформе, выработанной в период «урегулирования» (начало 60-х годов); установки Гуанчжоуского совещания по вопросам разговорной драмы, новой оперы, детских театров (1962 г.), квалифицировавшиеся с начала «культурной революции» как «ревизионистские», «противоречащие идеям Мао Цзэдуна», были в 1978 г. объявлены «в основном правильными».

В выступлениях Чжоу Яна, Ся Яня, Линь Моханя содержались призывы ликвидировать «запретные зоны» в тематике; преодолеть боязнь правдивого отображения реальной действительности, отказаться от абстрактного, упрощенного изображения «социалистического строительства». Много говорилось о необходимости упорядочить руководство театральным делом, восстановить принципы демократии.

4-го июня на расширенном совещании постоянных членов правления Союза деятелей театра Китая было объявлено о «возобновлении» деятельности союза, его филиалов на местах. На совещании выступили заведующий отделом пропаганды ЦК КПК Чжан Пинхуа, его заместитель, министр культуры Хуан Чжэнь (их выступления опубликованы не были). Были официально реабилитированы (посмертно) видные деятели театра Чжоу Синьфан, Гай Цзяотянь, Чжан Дэчэн, Янь Фэнъин, Сунь Вэйши и др. Работникам театра рекомендовались следующие основные тематические направления: прославление старых революционных кадров, показ достижений политики «четырёх модернизаций», критика и разоблачение «банды четырёх». Был утвержден план работы. В нем, в частности, предусмотрены: подготовка к проведению 3-го съезда Союза деятелей театра Китая, проведение ряда творческих совещаний (о проблемах нового репертуара, системе Станиславского, произведениях на современную тему и др.), содействие активизации издательской деятельности, восстановлению театральной периодики, развитию в плановом порядке работы по международным театральным связям¹³. Состоявшееся в 1978 г. творческое совещание по системе К. С. Станиславского признало необходимость «критического» использования ее театрами Китая. Проведена подготовка к возобновлению издания с 1979 г. журнала «Цзюйбэнь» («Драматургия»).

Во второй половине года по линии управлений культуры провинций и крупных городов проходили собрания по реабилитации жертв «банды четырёх». Реабилитированы посмертно Ма Ляньлян, Сяо Бай Юйшуан, Сюнь Хойшэн, У Тяньбао и многие другие¹⁴. В печати публиковались материалы о зверских издевательствах над ними.

В связи с большим перерывом в подготовке театральных кад-

ров, уходом из театра и гибелью многих актеров и режиссеров в стране ощущается острая нехватка театральных работников высокой квалификации. С целью выявления талантливой молодежи в Шанхае в апреле был проведен смотр молодых артистов; из 947 участников (средний возраст 25 лет) 148 были удостоены наград.

Центральная театральная Академия провела значительный по численности набор на факультеты режиссуры, актерского искусства, драматургии. При Академии организовано и набрано несколько групп усовершенствования (для режиссеров, преподавателей режиссуры).

Восстановлена деятельность одного из ведущих центров подготовки кадров национального театра — Училища театра сишюй Китая. Обучение в нем ведется по старым программам, отмененным в 1965 г.

В апреле министерство культуры КНР приняло решение о восстановлении всех ведущих театральных коллективов страны, расформированных в 1966 г. Это, в частности, Народный художественный театр Пекина, Молодежный художественный театр Китая, Центральный экспериментальный театр разговорной драмы, Детский художественный театр Китая, Центральный театр оперы и балета Китая, Театр пекинской музыкальной драмы Китая и др.

В 1978 г. было опубликовано значительное число статей, призывавших вернуть на сцену лучшую часть традиционного репертуара. В конце года было объявлено о снятии запрета на спектакли о «справедливых чиновниках», в том числе «Докладная Хай Жуя императору» (постановка Чжоу Синьфана), «Разжалование Хай Жуя» У Ханя. В печати было объявлено, что восстановление старых спектаклей взято под строгий контроль; возобновлять постановки можно лишь после получения специального разрешения министерства, провинциальных и городских управлений культуры¹⁵.

В 1978 г. были сделаны первые шаги по восстановлению в правах прогрессивной драматургии 30-х годов: переиздаются ранние произведения Го Можо, Цао Юя, снят запрет на постановку спектакля «Рекрутский набор». Предполагается переиздание «Материалов к 50-летию истории театра разговорной драмы Китая»¹⁶.

В 1978 г. наметился отход от огульного отрицания зарубежного театрального опыта. Выступая на совещании, посвященном театральному творчеству, Чжоу Ян высказался в пользу изучения и использования зарубежного опыта: «Нельзя говорить, что все зарубежное — буржуазное, все советское — ревизионистское». В 1978 г. обращение к опыту советского театра ограничилось подготовкой переиздания 4-томного собрания сочинений К. С. Станиславского, восстановлением в репертуаре отрывков из классических русских балетов. Сообщалось о готовящемся

переиздании произведений У. Шекспира, Ж. Б. Мольера, Г. Ибсена¹⁷. Велась работа над восстановлением балетов «Дон Кихот», «Корсар».

Впервые с 1949 г. театр разговорной драмы рассматривается как наиболее перспективный; ныне он практически ставится в равные условия с национальным театром сицзюй.

В 1978 г. был создан ряд спектаклей, посвященных памяти Чжоу Эньлая («Разносчик газет», «Сианьские события»); раннему периоду деятельности Мао Цзэдуна посвящены постановки «Ян Кайхой», «Раскаты грома во время „Осеннего урожая“»; в ряде спектаклей отдана дань военным заслугам Чэнь И, Хэ Луна.

По количеству и по популярности в 1978 г. лидировали произведения, «разоблачающие и осуждающие банду четырех». К наиболее значительным произведениям этой группы принадлежат: «Там, где хранили молчание» Цзун Фусяня, «Чистые сердца» Су Шуляна, «Смутное время» Гу Эртаня, Фан Хунъюя. В 1978 г. была опубликована «новая историческая пьеса» Цао Юя «Ван Чжаоцзюнь», действие которой происходит в I в. до н. э. В ней драматург дал совершенно новое толкование традиционного сюжета: трагедию он превратил в оптимистическую драму, героиню из жертвы коварства и дворцовых интриг сделал мудрой красавицей, добровольно решившей покинуть родину ради «укрепления дружбы» с «братским народом» гуннов. Пьеса явно подыгрывает пропагандистскому тезису о том, что Китай якобы с древнейших времен представлял собою многонациональное государство, охватывавшее всю Восточную Азию.

Восстановлен спектакль по исторической пьесе Го Можо «Цай Вэньцзи» в постановке Цзяо Цзюйиня — талантливого режиссера-новатора, погибшего в результате преследований.

Отдельно следует упомянуть о созданных явно по заданию антисоветских и антирусских пьесах 1978 г. Среди них «На той стороне» Ду Сюаня, клеветнически извращающая политику СССР в отношении национально-освободительного движения в Африке, «Аолэй Илань» (либретто Тянь Чжуаня и Дин И по одноименному киносценарию), две части «Поэмы о Новом великом походе» и др.

Впервые после 1964 г. на сценах театров Китая появились спектакли традиционного репертуара — «Прощание Бавана с наложницей», «Сказание о Белой змейке», «15 связок монет», «Пересполох в Небесном дворце», «Похищение волшебной травы», «Осенняя река», «На перекрестке», «Женщины-генералы из рода Ян» и др.

Несмотря на позитивные сдвиги в области театра, положение в целом остается неопределенным и неустойчивым. Это объясняется целым рядом причин. Рекомендуемые ныне творческие установки вступают в явное противоречие с концепциями маоизма, в верности которому клянется руководство КНР. Видимо, не

случайно в конце года творческие работники стали все чаще поднимать вопрос о «гарантиях» того, что произведения, воспроизводящие китайскую реальность, не будут осуждены как произведения «критического реализма», «разоблачительная драматургия», «очернение социализма»¹⁸ и т. д.

Значительный элемент неустойчивости вносит продолжающаяся борьба в руководстве и в театральных кругах. Она прослеживается по проходившим в 1978 г. дискуссиям о жанрах сатиры и трагедии. Видимо, не случайно Чжоу Ян заявил об опасности «левого догматизма» и «сектантства»¹⁹. Общая неопределенность и нестабильность, сохранение «остатков страха» объясняются и тем, что новые установки не были подтверждены ни одним официальным партийным документом, а значит, как это было не раз в недавнем прошлом, в любой момент могут быть объявлены «пронсками классовых врагов».

Появившиеся в конце года ссылки на «либеральные» высказывания Мао Цзэдуна о том, что, дескать, окончательные суждения о произведениях выносят только зрители, что не следует торопиться с запрещением постановок и т. д.²⁰, призваны успокоить творческую интеллигенцию, но они же могут и напомнить о крутых, трагических для судьбы театра поворотах маоистской политики.

Международные театральные контакты свелись главным образом к гастролям Художественного ансамбля Китая в США, выступлениям Тибетского ансамбля песни и танца в Скандинавских странах. В Китай в 1978 г. приезжали на гастроли ансамбль танца и музыки Бирмы, корейский симфонический оркестр, японская труппа народных танцев и песен, мексиканский художественный ансамбль.

КИНО

В докладе Хуа Гофэна на сессии ВСНП были особо отмечены пропагандистские возможности кино, определяющие необходимость снимать «большое количество хороших фильмов». Однако основу оценки составляли «6 критериев» Мао, иначе говоря, только политический подход. Методом творчества по-прежнему провозглашалось «сочетание революционного реализма и революционного романтизма».

Ведущей задачей года была объявлена критика «банды чепухи», освобождение от ее «яда», отравившего якобы не только ее бывших сторонников, но даже и тех, кто подвергался репрессиям. Для этого упор предлагалось сделать на сценарной работе и предписанном кинематографистам «углублении в жизнь» в обычной маоистской трактовке. В официальных материалах было явно заметно колебание между стремлением руководства привлечь кинематографистов к более активному выпол-

нению пропагандистских задач и опасением выпустить творческие процессы из-под контроля. Правда, в отдельных авторских публикациях встречались и решительные призывы разрушить шаблоны, поставить искусство на службу жизни, а не «концепциям», смело искать новаторские пути.

Вред, нанесенный «бандой четырех» кинематографу, усматривали преимущественно в невыполнении указаний Мао, в критике «революционных» фильмов, в подчинении всей тематики кино борьбе с «каппутистами», в пропаганде «бредовых теорий» в области киноэстетики. От критики «четверки» неотделима и реабилитация опороченных произведений и их создателей. Цифры были даны только на начало 1979 г. (реабилитировано 100 художественных фильмов из 518 выпущенных до «культурной революции»). Процесс возвращения на экран зашел уже далеко: он коснулся и чисто развлекательных («Удивительные встречи чародея»), и остро критиковавшихся по идейным соображениям («Рекрутский набор») фильмов. На этом фоне отсутствие в списках реабилитированных отдельных работ, особенно резко осуждавшихся за «отход» от «идей Мао Цзэдуна» («Пожар разгорается» и др.), еще раз подтверждает, что новая цензура ориентировалась на степень воплощения в произведении «идей Мао Цзэдуна». Этим процессом двигало не столько желание возродить киноискусство, сколько необходимость подтвердить фактами «преступления банды четырех». В кинематографии эта тенденция задержалась дольше, чем в других видах искусства.

Возвращение к деятельности многих кинематографистов сделало возможным восстановление Союза работников кино, возглавленного бывшими заместителями председателя Юань Вэньшу и Юй Лином (председатель Союза Цай Чушэн погиб в итоге репрессий, и этот пост вакантен).

Эти перемены, однако, пока не сказались существенно на уровне кинопроизводства. Правда, среди сценариев, запущенных в производство, появились профессионально интересные работы типа «Вклада» (о геологах). Но и тут не обошлось без милитаристского налета — геологи ищут сырье для атомной бомбы. В фильме «Надежда» нефть, которую (наперекор проискам сторонников «четверки») ищут герои, тоже нужна как горючее для танков. Фильм «Опережая войну» провозглашает необходимость первостепенного внимания к армии как важнейшей военной и политической силе общества. Впервые в кино КНР предприняты попытки показать на экране Мао Цзэдуна («Речная стремнина») и Чжоу Эньляя («Вклад»).

Идеи «модернизации» еще не успели воплотиться в произведениях киноискусства, однако пресса уже наполнилась призывами к этому, особенно в отношении научно-популярного и документального кино.

Неизменным политическим мотивом в китайском кино оста-

вался антисоветизм. Усиленно пропагандировались антисоветские («След медведя») и антирусские произведения («Аолэй Илань»), делались попытки противопоставить различные периоды развития кино СССР (выпускались в прокат старые фильмы с одновременными нападками на современное советское киноискусство).

Иным стало отношение к кино Запада: американский боевик «Звездные войны» удостоился рецензии в «Жэньминь жибао». Именно в страны капиталистического мира (Голландию, Японию, Италию и др.) КНР присылает на фестивали свои фильмы. Актер К. Рейнер (США), побывав в КНР, писал в журнале «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» об интересе КНР к «культурным программам», которые могут предложить США.

Активизировались связи с Гонконгом, в прокат в КНР вышел созданный там фильм «Цюй Юань», где конфликт древнего поэта-сановника с придворными рассматривался в плане современных политических ассоциаций («противоборство» Чжоу Эньлая и «банды четырех»).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В русле новой культурной политики китайское руководство приняло ряд практических мер, направленных на оживление художественной жизни страны.

Началось восстановление творческих организаций деятелей изобразительного искусства. Официально было объявлено о возобновлении деятельности Гуандунского, Хубэйского, Ляонинского и Шанхайского отделений Союза китайских художников. Хотя в китайской печати не сообщалось о составе руководства Союза, можно полагать, что его возглавляют бывшие заместители председателя союза Цай Жохун, У Цзожэнь, Лю Кайцюй, Е Цяньюй и другие известные до «культурной революции» деятели изобразительного искусства, поскольку их имена постоянно упоминаются в списках участников различных официальных мероприятий и церемоний.

Заметно увеличился выпуск изданий по искусству и печатной изопродукции. Вышли в свет альбомы репродукций картин Ци Байши, Сюй Бэйхуна и других известных художников Китая, рисунков Рембрандта и А. Менцеля. Было объявлено о предстоящем издании еще ряда альбомов произведений китайского классического искусства, а также двух обширных серий — «Избранных произведений зарубежного искусства» и «Полного собрания произведений китайского искусства»²¹. В литературно-художественных журналах опубликовано большое количество репродукций живописных и графических работ современных китайских авторов. В конце года появилось сообщение о возобновлении журнала «Мэйшу яньцзю», посвященного теоретическим

проблемам изобразительного искусства, который был закрыт еще в 1957 г. во время борьбы с «правыми». Журнал «Мэйшу», выходящий 6 раз в год, стал ежемесячным. Кроме того, сообщалось о том, что начнет выходить кварталный журнал «Мэйшу цзикань», предназначенный главным образом для профессиональных работников изобразительного искусства²². Значительно вырос, по данным китайской печати, выпуск лубков (так называемых «новогодних картин»), общий тираж которых в стране достиг 300 млн. экз. в год²³ — больше, чем до «культурной революции».

Оживленнее и разнообразнее стала выставочная деятельность. В течение года в различных городах Китая было организовано, по приблизительным подсчетам, более ста художественных выставок. Заметным явлением стала Всекитайская выставка художественных промыслов, работавшая в Пекине с 22 февраля по 28 мая. Среди 12 тыс. экспонатов было немало изделий из полудрагоценных камней, слоновой кости, дерева, металла и других материалов, выполненных на традиционные сюжеты и отличающихся высоким техническим мастерством исполнения. До официального открытия экспозицию осмотрели руководители КНР во главе с Хуа Гофэном, который после этого написал фразу: «Развивать художественные промыслы нашей страны!»²⁴. За весь период с 1949 г. это первый случай посещения художественной выставки председателем КПК. Сам этот факт, а также отклики на выставку в печати²⁵ свидетельствуют о том, что китайское руководство стало уделять повышенное внимание развитию прикладного искусства. При этом мастеров прикладного искусства ориентировали прежде всего на создание произведений, предназначенных для экспорта, хотя в печати декларировалась также необходимость учитывать запросы широких народных масс.

Намерения китайского руководства активно использовать художественную продукцию в качестве источника валюты, необходимой для осуществления «четырёх модернизаций», подтверждаются постепенным восстановлением многочисленных магазинов и лавочек, торгующих антиквариатом и произведениями искусства, на известной улице Люличан в Пекине, которые были разгромлены во время «культурной революции». Возрождение этого традиционного центра торговли художественными ценностями прямо связывалось в печати с увеличением числа иностранцев, приезжающих в Китай²⁶.

Среди выставок живописи и графики, организованных в течение года, помимо привычных тематических экспозиций типа «Председатель Хуа в Хунани» или «85 лет со дня рождения председателя Мао» обратили на себя внимание выставки, отражившие определенные перемены в художественном творчестве. На них экспонировался ряд произведений (которые затем репродуцировались на страницах газет и журналов), свободных от

утилитарной политической нагрузки. Это относится прежде всего к композициям традиционного жанра национальной живописи «цветы и птицы» и в меньшей мере к жанрам пейзажа и портрета, которые стали своеобразной «отдушной» для художников, позволяющей удовлетворять «эстетический голод» в стране. В этих жанрах появились действительно интересные произведения: портреты художников Цянь Шаоу, Ван Цзыу, пейзажи и композиции «цветы и птицы» Ли Кучаня и Хуан Юнъюя. Что же касается сюжетно-тематических произведений, то они по-прежнему пропагандировали лозунги «четырех модернизаций», прославляли лидеров КНР и т. п., т. е. использовались исключительно как средство политической пропаганды. Наиболее заметно это проявилось в искусстве карикатуры, «реабилитированном» после периода запрета при жизни Мао Цзэдуна. Почти во всех карикатурах, появившихся на страницах китайских газет, в том числе таких известных в прошлом художников, как Хуа Цзюнью и Фан Чэн, клеветническим нападениям подвергались советская политика по отношению к странам социалистического содружества, помощь Советского Союза молодым государствам Африки, усилия нашей страны в борьбе за международную разрядку.

НАЧАЛЬНАЯ И СРЕДНЯЯ ШКОЛА

В 1978 г. в основном определилась политика нового руководства в области образования. 1-я сессия ВСНП утвердила ряд мероприятий, которые начали проводиться в жизнь со второй половины 1977 г. Материалы сессии повлияли на ход всекитайского рабочего совещания по образованию (апрель — май), на характер директивных документов о работе школ и вузов. Выраженная на сессии решимость «сосредоточенными силами решать главные проблемы» означала подготовку отряда высококвалифицированных специалистов через узкую сеть привилегированных «ключевых учебных заведений» (около 15—20% общего числа школ). Создаваемые на различных уровнях — от провинций до отдельных предприятий — такие школы открывались на базе старых, хорошо оборудованных учебных заведений, ассигнования на них выделялись из госбюджета, туда направлялись наиболее опытные преподаватели, лучшее оборудование. Поступают в них по конкурсу наиболее одаренные дети независимо от места жительства.

Накануне сессии новое руководство определило свое отношение к тем или иным этапам развития школы до 1966 г., объявив что оно использует из этого наследия (в основном достижения начала 60-х годов) и что отвергает. В серии статей на эту тему все успехи первых 17 лет КНР приписывались Мао Цзэдуну, вопреки исторической правде он объявлялся сторонником

не «новодемократической» (нерегулярной сельской школы), а школы социалистического типа²⁷.

В январе — феврале был издан ряд постановлений: решение о создании по стране сети ключевых средних и начальных школ; директива Госсовета КНР о переводе преподавателей в ведение административных учреждений, занимающихся вопросами образования (запрещалось использовать учителей на работе не по специальности, что широко практиковалось в предшествующее десятилетие); проект введения в опытном порядке системы десятилетнего образования в школах полного учебного дня (вместо 12 лет до 1966 г. и 9 лет, установленных в период «культурной революции», теперь 5 лет начальной школы дополнялись двумя ступенями средней школы — 3 и 2 года).

На всекитайском рабочем совещании по образованию были выработаны политика, курс и задачи «в новых исторических условиях», утвержден проект основы развития системы образования на 1978—1985 гг. Предполагается к 1985 г. ввести всеобщее 8-летнее обучение в деревнях и 10-летнее в городах. Внутри этого периода намечались два этапа: 3 года — нормализация положения и 5 лет — развитие образования ускоренными темпами. В новой конституции декларировалось, в частности, введение всеобщего обязательного обучения, хотя это не подкреплялось реальной гарантией бесплатности образования.

Однако руководство, вероятно, недооценило упорство сопротивления со стороны ортодоксальных маоистов и размеры ущерба, нанесенного образованию в 1966—1976 гг. Все это ставит под сомнение названные сроки. На всекитайском рабочем совещании и на некоторых провинциальных совещаниях по образованию сторонники методов «культурной революции» упорно противились принятию любых решений, идущих вразрез с курсом «культурной революции», высказывали недовольство возрождением политики начала 60-х годов. Сразу после рабочего совещания редакция журнала «Жэньминь цзяоюй» писала: «Ни в коем случае нельзя оставлять на руководящих постах в педагогической работе тех, кто поддерживает реакционные педагогические воззрения „банды четырех“...»²⁸.

Комментируя предложения, высказанные на совещании, китайская печать подчеркивала следующие моменты: недопустимость расхищения и утечки средств, выделяемых местными властями на образование, на другие нужды; возвращение школам учебных помещений, занятых различными партийными, государственными учреждениями и воинскими частями (начиная с 1966 г.). В соответствии с этим в сентябре 1978 г. был принят одобренный Госсоветом циркуляр министерства просвещения с требованием ко всем учреждениям и ведомствам не позже конца августа 1979 г. освободить все занятые учебные помещения, которые вмещают около 900 тыс. ученических мест в средней и 810 тыс. в начальной школе. Нехватка помещений тормозит раз-

вние образования. Если учесть, что новых школ в Китае строится немного, большинство существующих школьных зданий, особенно на селе, находится в плохом состоянии, а процесс возвращения конфискованного в период «культурной революции» школьного имущества (не только помещений, но и оборудования, транспорта, пришкольных участков) идет крайне медленно, то можно представить, какие трудности испытывают сейчас китайские учащиеся. Многие дети не посещают школу, в отдельных районах в 85% школ занятия идут в две, а то и в три смены.

По весьма приблизительным и, вероятно, завышенным оценкам китайских властей, количество учащихся школ различных типов составляет около 200 млн. (из них около 150 млн. в начальной и около 58 млн. в средней школе).

В течение всего 1978 года шла напряженная работа по составлению новых единых стабильных учебников, которые вступили в действие с 1978/79 учебного года в школах полного учебного дня. В учебниках по математике, физике, химии использованы новейшие достижения науки. Как сообщила «Жэньминь жибао» от 14 мая 1978 г., новые учебники для китайских школ составлялись после изучения и усвоения опыта в этой области, накопленного в США, Англии, Франции, ФРГ, Японии. Ныне в программах начальных школ 8, а средних — 14 дисциплин, основными считаются язык и литература, математика, иностранный язык (в 80% школ — английский). Методике преподавания последних трех дисциплин уделяется особое внимание в связи с катастрофически низким уровнем их изучения в китайской школе.

В 1978 г. возродилась очень молодая и слабая в Китае наука — педагогика. Наиболее актуальными для работников просвещения Китая оказались проблемы выявления и развития способностей с помощью индивидуального подхода, развития у учащихся логического мышления, усовершенствования методики преподавания.

После долгих лет бездействия в Пекине вновь начал функционировать центр по изучению зарубежного опыта в педагогике. В поисках ответа на вопросы о раннем развитии способностей, специализации в средней школе и вузах Китай обратился прежде всего к опыту США, Японии, ФРГ, Франции. Разделение учащихся на потоки в зависимости от способностей, прием в школу с 6 и даже с 5 лет — все эти новшества в Китае — результат влияния западной педагогики. Вводятся эти новшества без предварительного экспериментирования. Неудача в разделении учащихся на потоки уже налицо — при острой нехватке квалифицированных преподавателей, учебного оборудования и т. п. отстающие классы не могут освоить учебную программу.

Большие надежды возлагаются на модернизацию методов преподавания (обучение по телевидению и т. п.). За счет повы-

шения эффективности обучения предлагается добиться расширения контингента учащихся.

Новшества не коснулись идеологического воспитания — оно по-прежнему проводится в духе воинствующего национализма. По сообщению газеты «Тиюй бао» от 12 мая 1978 г., министерство просвещения совместно с рядом соответствующих ведомств разослало инструкции по вопросам спортивной и санитарной работы в школах, где указывалось на необходимость в соединении с учебой у НОАК и ведением подготовки к войне развернуть занятия военными видами спорта: строевой подготовкой, метанием гранат, маршами с полной боевой выкладкой и т. п.

ВЫСШЕЕ И СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

На всекитайском рабочем совещании по вопросам образования Дэн Сяопин из совокупности высказываний Мао выделил тезис: «Образование должно служить пролетарской политике, должно сочетаться с производительным трудом». Ранее, начиная с «большого скачка», этот тезис трактовался как призыв к сочетанию образования с примитивными трудовыми процессами, характерными для мелкого сельскохозяйственного или ремесленного, полукустарного производства. Иными словами, этот лозунг служил теоретическим обоснованием курса на архаизацию образования, проводившегося при жизни Мао. Дэн Сяопин трактовал этот лозунг иначе: «Быстрое развитие современной экономики и техники требует быстрого повышения качества и эффективности обучения, непрерывного обновления содержания и обновления методов соединения обучения с производительным трудом...» Была выдвинута задача опережающего развития народного образования: «Мы должны... не только опираться на нынешние потребности производства и строительства, но и полностью учитывать и оценивать тенденцию развития современной науки и техники». Вместе с тем Дэн Сяопин предложил весьма умеренные и осторожные проекты реорганизации образования, предложив Госплану, министерству образования и другим заинтересованным ведомствам при разработке плана «подумать над определением пропорций развития учебных заведений всех ступеней и типов, особенно над увеличением удельного веса средних сельскохозяйственных школ, техникумов и ремесленных училищ». Четкой задачи восстановления целостной системы регулярного народного образования Дэн не выдвинул. Он ограничился призывом к упорядочению хаотического нагромождения существующих ныне в Китае различных форм и типов образования.

Министерство образования после падения «четверки» и вывода из министерства ее сторонников возглавил Лю Сяю. До «культурной революции» Лю Сяю был заместителем председа-

теля Госкомитета по науке и технике, в годы «культурной революции» подвергался репрессиям, в 1972 г. возглавил группу по науке и образованию в Госсовете. Пять его заместителей — Лю Айфэн, Юнь Вэньтао, Ли Цитао, Гао И и Чжоу Линь — тоже были репрессированы в период «культурной революции».

Внутренняя борьба в вузах между сторонниками и противниками курса «четырёх модернизаций» подчас принимала крайне ожесточенные формы. В Пекинском университете была осуществлена такая экстраординарная мера, как назначение заместителя министра образования Чжоу Линя одновременно секретарем парткома университета для непосредственного руководства разгромом оппозиции. Печать ставила в пример партком пров. Ляонин, «который в ходе третьего этапа по разоблачению и критике „четверки“ хорошо проводит упорядочение руководящих звеньев в высших учебных заведениях». В течение 1978 г. партком этой провинции «выбрал и назначил» секретарей парткомов и директоров, а также их заместителей в 40 вузах.

В результате восстановления ряда вузов, закрытых в период «культурной революции», и создания новых в конце 1978 г. в Китае насчитывалось 598 вузов, в которых обучалось 850 тыс. человек²⁹. Среди восстановленных Народный университет Китая, Пекинский институт политико-юридических наук, Институт политико-юридических наук Северо-Восточного Китая, Центральный институт финансов и кредита, Гиринский торгово-финансовый институт и др. Целый ряд медицинских училищ и педагогических училищ в районах меньшинств (с двух-трехлетним сроком обучения) превращены в вузы с четырехлетним сроком обучения.

Набор 1977 г., в результате которого студентами стали 276 тыс. человек, приступил к занятиям в марте 1978 г. За основу правил приема в вузы на 1978 г. были взяты правила 1977 г., частично дополненные. Возраст абитуриентов не должен превышать 25 лет, исключения делаются только для особо одаренных, а также для выпускников школы 1966—1967 гг., т. е. начала «культурной революции». К экзаменам не допускались учащиеся «университетов 21 июля», сельскохозяйственных «университетов 7 мая», учащиеся и выпускники средних технических учебных заведений и лица, направленные на работу в сельскохозяйственные районы, но не выехавшие туда. Учителя средней и начальной школы могли поступать только в педагогический вуз. Весной 1978 г. министерство образования выпустило единую «Программу для подготовки в вуз на 1978 г.». Ей придавалось особое значение, поскольку «в настоящее время в Китае учебные материалы в средней школе не унифицированы, программы отдельных районов не полны, а уровень знаний учеников различных районов не совпадает». Вступительные экзамены 1978 г. были унифицированы в двух вариантах (для гуманитарных и технических вузов) в масштабе всей страны. Летом вузы выпу-

стили в общей сложности 166 тыс. специалистов³⁰. Вновь восстановлена аспирантура (при вузах, НИИ и других организациях), не функционировавшая 12 лет³¹.

Противоречивый характер проведенных в системе китайского высшего образования мероприятий отражает и объективные трудности, и новый этап фракционной борьбы. Это прослеживается, например, по отношению к учебным заведениям типа «21 июля»³². В апреле 1978 г. министерство образования призвало промышленные предприятия страны «активно и по-настоящему наладить работу „университетов 21 июля“». Оно потребовало, чтобы университеты при промышленных предприятиях рассматривались как составная часть системы высшего образования страны, а их выпускники приравнивались к выпускникам обычных вузов. Эти учебные заведения должны готовить персонал для нужд тех отраслей и ведомств, в системе которых они функционируют. Срок обучения для занимающихся с отрывом от производства — 2—3 года, а для занимающихся с частичным отрывом от производства — более длительный. Учебная программа этих «университетов» может быть менее насыщенной и иметь большую степень специализации по сравнению с обычными вузами; они могут использовать учебники государственных вузов или составлять учебные пособия самостоятельно. С одной стороны, в решении об «университетах 21 июля» очевидно стремление китайского руководства хотя бы в какой-то степени упорядочить подготовку специалистов в учебных заведениях этого типа и повысить ее качество. С другой стороны, эти учебные заведения, фактически выпускающие средний технический персонал, формально приравниваются к вузам. Кроме того, разрешение использовать «собственные учебники» закрепляет существующую децентрализацию образования. В 1978 г. китайская печать не сообщала о количестве «университетов 21 июля», отнесенных к числу «настоящих вузов»³³. По-видимому, новое постановление распространялось не на все заведения такого типа и отбор «достоинных» еще не был завершен.

Если «университеты 21 июля» получили официальное признание, то другой «маяк» прежних лет — Чаоянский сельскохозяйственный институт — подвергался критике. Эта архаическая модель более соответствовала маоистской идеологии; новое руководство отдало предпочтение модернизированной форме нерегулярного образования.

Из 598 вузов 88 объявлены «ключевыми», это означает, что государство в первую очередь будет укреплять материально-техническую базу и снабжать лучшими преподавательскими кадрами именно эти вузы. Разделение вузов на различные категории фактически и юридически закрепляет разницу в уровнях высшего образования, сложившуюся еще в период «большого скачка». Китайское руководство возлагает особые надежды на отбор в вузы одаренных людей. Если учесть, что вопрос демократизации

образования на его начальных стадиях, особенно в сельской местности (где проживает более 80% населения), не решен, то это свидетельствует об элитарных тенденциях в области образования. Китайское руководство стремится к использованию научно-технических кадров из среды реэмигрантов, а также к организации массового обучения китайских студентов в капиталистических странах (называются цифры от 10 тыс. до 20 тыс. человек). Все эти мероприятия, проводимые под лозунгом «опоры на таланты», показывают верхушечный характер курса на модернизацию, проводимого китайским руководством, которое предпочитает технократические, а не демократические методы решения проблемы образования.

Обычно в китайской печати не публикуются сведения о военных НИИ, военных учебных заведениях и военной проблематике вузов. Однако в марте 1978 г. в КНР отмечалось 20-летие образования Академии военных наук, основанной в марте 1958 г. по личному указанию Мао Цзэдуна. Со дня основания до 1972 г. академию возглавлял маршал Е Цзяньин, который и в дальнейшем принимал активное участие в ее деятельности. На торжественном собрании, посвященном этой дате, выступил ректор Сун Шилунь, подытоживший опыт научно-исследовательской работы академии за время ее существования³⁴. В апреле газеты опубликовали краткое изложение решения военного совета ЦК КПК «О создании военных учебных заведений», суть которого такова: «исходя из нужд современной народной войны, поднять преподавание на современный уровень»³⁵. Известно, что научно-технический комитет обороны совместно с Академией военных наук занимается научными исследованиями в области военной техники. Этот комитет координирует свою работу с различными научно-исследовательскими институтами, отделами Госсовета и вузами, подключенными к военной проблематике. В конце года в Пекине было созвано совещание работников вузов, связанных с оборонной промышленностью, на котором присутствовало около 200 преподавателей³⁶. Подобные сообщения не случайны, они выражают требования той части руководства КНР, которая связана с военщиной. В острой борьбе за ассигнования эта группировка пытается объединить все силы, способные обслуживать нужды армии.

КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Культурные и научные связи КНР с внешним миром нацелены на решение как общеполитической задачи — осуществление маоистского великодержавного, гегемонистского курса Пекина, так и ее составной части — «четырёх модернизаций».

При сохранении прежних направлений и каналов культурных и научных связей в 1978 г. на первое место выдвинулись связи в области науки, техники и образования.

Важное место в этих контактах принадлежит ведущим странам капиталистического мира, и в первую очередь Японии и США, с которыми ведется активный обмен. Делегация ученых во главе с вице-президентом АН Китая, ректором Пекинского университета Чжоу Пэйюанем 26 сентября в НИИ физики плазмы Нагойского университета обсуждала с японскими коллегами проблемы освоения ядерного синтеза. В Японии Чжоу Пэйюань заявил, что Китай планирует за 8 лет увеличить число научных работников и инженеров до 800 тыс. человек³⁷. Глава китайского общества аэронавтики Жэнь Синьминь там же вел переговоры с президентом японо-китайской ассоциации по научным и техническим контактам и директором НИИ аэронавтики при научно-техническом управлении. В конце года в Японию вылетела делегация работников университетов (Уханьский, Нанькайский, Цинхуа), возглавляемая ректором Нанкинского университета Куан Ямином.

Япония представляет интерес для Китая не только как технически развитая страна, но и как пример использования передовой западной технологии, которую китайцы хотели бы заимствовать и внедрить у себя. В частности поэтому Китай форсировал заключение японо-китайского договора о мире и дружбе. Китайская пресса ссылалась на исторические факты о контактах между деятелями двух стран, подчеркивала их традиционность, писала о «продолжающемся укреплении дружбы двух народов»³⁸ и т. п.

Осуществляя разнообразные связи с США в 1978 г., китайская сторона подчеркивала настоятельную необходимость установления официальных дипломатических отношений между двумя странами. Член Политбюро ЦК КПК, вице-президент АН Китая Фан И заявил Фрэнку Прессу, советнику президента США по науке и технике, возглавлявшему делегацию в КНР в начале июля, что, как только будут окончательно нормализованы отношения двух стран, «откроются огромные возможности для расширения сотрудничества в области науки и техники»³⁹.

Китай обратился к ряду стран (США, Япония, Франция, ФРГ, Канада, Италия, Швейцария, Австралия) с просьбой принять на обучение китайских студентов. В первое время предполагалось послать за рубеж 10 тыс. студентов, из них по 500 в США, Канаду, Францию, ФРГ, 200—300 в Швейцарию и т. д. В 1977 г. во Франции обучалось около 400 китайских студентов, которые в основном занимались изучением литературы. Буржуазная пресса благожелательно относится к появлению китайской учащейся молодежи, которую она намеревается приобщить к своей идеологии. Канадская «Газетт» с удовлетворением отметила, что «Запад должен приветствовать появление китайских студентов в своих университетах, так как широкая модернизация китайской экономики к 2000 г. будет осуществляться под руководством инженеров и ученых, получивших образование на За-

паде и в той или иной мере находящихся под влиянием буржуазной идеологии».

По сообщению агентства Синьхуа, министерство образования КНР наметило пригласить уже в 1978 г. 200 иностранных специалистов и профессоров для чтения лекций в вузах. Специалисты по естественным и техническим наукам из США, Англии, Франции, ФРГ, Канады, Японии и других стран читают лекции в 16 вузах КНР в течение от 3—6 месяцев до 1 года.

Намерения Пекина расширять подобные формы обмена подтверждаются, в частности, агентством Киодо Цусин (30 октября), сообщившим, что Китай решил установить непосредственные контакты десяти своих ведущих вузов с университетами Японии и США.

Пекин активно подключает к налаживанию зарубежных связей своих ученых, ранее учившихся или работавших в США. После объявления об установлении дипломатических отношений между двумя странами в АН Китая состоялось собеседование, в котором приняли участие руководители и научные сотрудники НИИ химии, физики высоких энергий, динамики, полупроводников, физики, электроники, космической химии, ботаники и др. Подводя итоги собеседованию, директор НИИ математики Хуа Логэн сказал, что у каждого из присутствующих в США есть друзья, которые готовы способствовать подлинному укреплению китайско-американских связей и научно-технического обмена⁴⁰.

В китайско-американских научных связях преобладают контакты с американскими учеными китайского происхождения, часто приезжающими в КНР с лекциями. Сообщая о выступлении американского профессора Чжоу Ичуана в университете Цзяотун, газета призывает «всемерно расширять связи с зарубежными странами в области науки и техники»⁴¹. Фань Чжанъюнь, профессор Арizonского университета, с 1 июня по 15 июля работал в Цзыциньшаньской обсерватории (г. Нанкин). Эти и другие американские ученые: У Хунси, Чжу Чжуаншюй, а также канадский профессор Сюй Тайжань были приняты Фан И. Председатель ЦК КПК Хуа Гофэн принял американского лауреата Нобелевской премии Дин Чжаочжуна, а также Копрада Чжансю (Колумбийский университет) и профессора Юн Чжоувана, руководителя инженерно-механического отделения католического университета в Вашингтоне.

6 июня Дэн Сяопин имел «сердечную беседу» с главой делегации американского центра китайской медицины профессором Чжэнь Пинли.

По возвращении в США нобелевский лауреат Ян Чжэньпин заявил, что в Китае научному развитию «придают первоочередное значение».

В ходе научных контактов Китай в первую очередь проявляет интерес к военной технике, как это было, например, в случае с китайскими корреспондентами, посетившими в июне американ-

ский атомный авианосец «Энтерпрайз». Ради подобных разрешений китайской стороне приходится идти на уступки, допускать иностранцев туда, куда в течение последних лет они не допускались. Необычный эксперимент, продолжавшийся три недели (конец мая — начало июня), проведен в Китае американскими учеными-социологами. Им было разрешено провести обследование всех семей небольшой деревни Укун (пров. Хэбэй). Около 600 крестьян ответили на заданные четырьмя американскими учеными вопросы, касающиеся не только возраста, образования, социального положения, но и размеров дополнительных заработков и сумм их вкладов в сберкассы⁴². Разрешая подобные эксперименты, пекинское руководство не скрывает своей крайней заинтересованности в получении технической помощи от Запада.

Соглашением о научно-техническом сотрудничестве КНР и Великобритании, подписанным в Лондоне, предусматривается взаимный обмен делегациями ученых, исследователей, студентов, специалистов, техников, а также направление этих групп интеллигенции на учебу и практику⁴³.

Подписан меморандум о франко-китайском научном сотрудничестве. Аналогичные соглашения, включая также сотрудничество академий наук, подписаны в Белграде и Бухаресте.

В связи с расширением контактов с зарубежными странами большое внимание уделяется изучению английского языка. Во многих китайских вузах и средних школах действуют курсы ускоренного изучения английского языка⁴⁴.

26 июня агентство Синьхуа сообщило о работе китайско-австралийского симпозиума по тканевой культуре растений, в котором приняли участие также биологи Канады, ФРГ, Франции, Японии, Англии, Финляндии, КНДР и Румынии.

Активизируются научные связи и по линии международных организаций. В октябре подписано соглашение о расширении сотрудничества с Всемирной организацией здравоохранения, делегация работников образования КНР принимала участие в работе 4-й сессии ЮНЕСКО по делам образования и экономического планирования в странах Азии (г. Коломбо).

Китай заметно усилил свою активность на Европейском континенте. Уделяя подчеркнутое внимание состоявшейся в конце 1977 г. поездке китайских журналистов в Бельгию, Швейцарию, Данию, Италию, Англию, Португалию, пекинская пресса подчеркивала идею «общего языка» Китая и Западной Европы⁴⁵. В конце января в Париже началась демонстрация кинофильмов («Алсет Восток», «Поток революции», «Начало», «Красные цветы Тяньшаня» и др.), проникнутых духом антисоветизма. Ансамбль песни и пляски Тибета в конце лета — начале осени совершил гастрольную поездку в Швецию, Финляндию, Норвегию, Данию и Исландию.

Своими декларациями и некоторыми действиями, свидетель-

ствующими об отходе от прежней политики в области культуры, проводившейся при жизни Мао Цзэдуна, пекинское руководство пытается обелить себя и все взвалить на «четверку». На выставке «Современная живопись Китая» в Штутгарте (ФРГ) экспонировались произведения предававшихся анафеме во время «культурной революции» известных художников — Сюй Бэйхуна, Ци Байши, Фу Баоши, У Цзожэня. Но под видом «культурных связей» Пекин по-прежнему пытается навязывать другим народам маонетскую идеологию. В Бельгии на французском языке издан 5-й том «Избранных произведений Мао Цзэдуна». Журнал «Чжунго цзяньшэ» («Китай на стройке»), публиковавшийся до 1978 г. на английском, французском, испанском, русском и арабском языках, стал выходить и на немецком языке⁴⁶.

Другие регионы мира тоже не остаются вне поля зрения Пекина, где цели и тактика в вопросах культурного и научного обмена также остаются прежними. Китайская пресса в начале года широко освещала деятельность делегации журналистов во главе с Ван Шоужэнем в Сирии, Тунисе, Сомали, Бурунди. На другом конце Африки (Габон, Сан-Томе и Принсипи, Гана) гастролировал в конце 1977 — начале 1978 г. Гуансийский цирк.

Гуанчжоуский ансамбль песни и пляски во второй половине января возвратился из гастрольной поездки по Лаосу, Вьетнаму, Бирме и Бангладеш. Писательница Ян Мо возглавляла делегацию писателей, выезжавшую в начале года в Пакистан. Такие страны, как Таиланд и Сингапур, где довольно значительна прослойка выходцев из Китая и где, по-видимому, нынешняя китайская пропаганда находит отклик, посещаются особенно активно. Ансамбль песни и пляски «Дунфан» («Восток») приурочил свои гастроли в Бангкоке к 8-м азиатским спортивным играм. Хозяева, по утверждению китайской прессы, подчеркивали «большое сходство многих элементов в искусстве народов Китая и Таиланда, что подтверждает их родство и братство»⁴⁷. В Сингапуре, где китайцы составляют $\frac{3}{4}$ населения, в январе — феврале проходила китайская выставка-продажа продукции кустарной промышленности и художественных изделий (фарфор, картины, ковры, инкрустированные ширмы и т. д.).

Музыкально-танцевальный ансамбль Бирмы гастролировал летом в КНР. Сообщалось также, что бирманские медики с 1975 г. регулярно проходят в Китае курсы чжэньцзю-терапии (иглоукальвание)⁴⁸.

Из стран Латинской Америки КНР уже много лет наиболее активно сотрудничает с Мексикой. В начале года мексиканские археологи посетили КНР. В конце октября в Пекине подписано соглашение между двумя странами о культурном сотрудничестве и туризме⁴⁹.

Не со всеми странами социализма Китай поддерживает культурные связи. В 1978 г. наиболее активными они были с Югославией, Румынией и КНДР и выражались в форме взаимных

посещений работников печати, высшей школы, ученых, драматургов, организации выставок, гастрольных поездок художественных коллективов и т. д.

Между Албанией и КНР культурные и научные связи прекращены полностью. Китайские специалисты и техники, равно как и албанские студенты и практиканты, отозваны на родину⁵⁰. Прекращение этих связей создало ряд трудностей для КНР. Например, ретрансляционная радиостанция в Албании, принимавшая передачи из Китая, сейчас не функционирует. Китай ведет передачи на 39 стран и стремится расширить вещание.

Пекин начал уделять большое внимание налаживанию иностранного туризма как одному из путей получения валюты и привлечения внимания капиталистических стран к Китаю. «Четверку» критиковали за отрицание этого вида международных связей, за то, что она называла организацию экскурсий для иностранцев «обслуживанием буржуазии», а издание видовых открыток, альбомов — «возвратом к старому», «распространением феодального буржуазного хлама» и т. д. Однако, несмотря на «помехи», Китайское общество по иностранному туризму⁵¹, созданное в 1954 г., за 25 лет приняло туристов из 60 с лишним стран и районов мира.

В 1978 г. число японцев, посетивших КНР, составило 45—50 тыс. человек, а американцев — 5—10 тыс. Всего же в Китае за год побывало 100 тыс. зарубежных туристов и еще 30 тыс. иностранцев проехали транзитом, т. е. в 3 раза больше, чем в 1977 г. В это число не вошли 400 тыс. хуацяо, которые зачастую выступают в качестве важного источника политической, экономической и научно-технической информации о зарубежных странах. Им отводится особая роль в области зарубежных, культурных и научных связей Китая.

Вся деятельность китайского руководства в 1978 г. в области культурных и научных связей была подчинена великодержавным, гегемонистским целям и проводилась под флагом антисоветизма. Стремясь во что бы то ни стало получить от капиталистических стран помощь в области науки, техники и образования, маоистское руководство под видом ликвидации вековой отсталости страны, усыпляя бдительность народов, намеревается вывести Китай в число передовых в военно-экономическом отношении стран мира, чтобы потом с позиции силы диктовать свою волю другим народам.

Язык и письменность

В последние годы в КНР поставлена задача ликвидировать отсталость китайского языкознания, возобновить приостановленные «культурной революцией» систематические исследования в области общего и частного языкознания, активизировать изуче-

ние китайского и зарубежных языков, а также языков национальных меньшинств Китая — в плане синхроническом, сравнительно-историческом и сопоставительном. В мае 1978 г. после почти двенадцатилетнего перерыва вновь начал выходить журнал «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), помещающий научные и информационные материалы. В статьях таких известных лингвистов, как Люй Шусян, Чжу Дэси, Ван Ли, Ян Боцзюнь, Ли Жун, затронуты вопросы методики грамматических исследований, диалектологии, исторической фонетики, синтаксиса классической «Книги песен» («Шицзин»). Многие материалы 1-го номера посвящены достижениям языкознания КНР в годы, предшествовавшие «культурной революции», и планам на будущее. Перспективы развития лингвистики обсуждались на специальных научных конференциях, в которых приняли участие ряд лингвистов старшего поколения⁵².

Выполнение намеченной программы должно не только повысить общий научный и культурный уровень, но и способствовать осуществлению так называемых «четырёх модернизаций». Поэтому особое значение придается тем областям языкознания, которые непосредственно связаны с решением технических проблем, — экспериментальной фонетике, математической лингвистике, машинному переводу, разработка которых была начата еще в 50-х — начале 60-х годов. В Институте физики АН КНР проведены эксперименты по выяснению особенностей слухового восприятия фонетических единиц китайской речи, которые позволили сделать некоторые практические выводы⁵³.

Одним из основных направлений китайской лингвистики признана нормализация китайского языка. Хотя многое в этой области уже было сделано ранее, тем не менее значительная часть проблем осталась нерешенной. Так, в дальнейшей конкретизации нуждается вопрос о фонетических, грамматических и лексических нормах путунхуа. До сих пор нет четкого разграничения между нормативным пекинским литературным произношением и пекинским просторечием, не определены критерии нормативной грамматики байхуа. Наименее разработанными являются лексические нормы, поскольку признанные в качестве основы путунхуа северные диалекты имеют весьма неоднородную и недостаточно изученную лексику⁵⁴.

Важнейшей задачей, поставленной еще в 1955 г. на конференции по нормализации современного китайского языка, является создание нормативного толкового «Словаря современного китайского языка», работа над которым возобновлена к 1977 г. Первые варианты словаря были подготовлены словарной группой Института языкознания АН КНР и изданы для служебного пользования в 1960 и 1965 гг., однако публикация словаря, намеченная на 1966 г., не состоялась. В дальнейшем словарь подвергся переработке, а в мае 1974 г. стал объектом ожесточенной критики. Разъяснению необоснованного характера этой критики,

а также общим принципам лексикографии посвящен ряд материалов первых номеров журнала «Китайский язык». В конце 1978 г. был издан вариант «Словаря современного китайского языка», включающий 56 тыс. лексических единиц разного уровня.

Большое внимание в 1978 г. уделялось подготовке лингвистических кадров и пересмотру языковых программ высших учебных заведений и школ. Учебные материалы вузовского курса «Современный китайский язык» обсуждались на специальных совещаниях. В ряде статей журнала «Китайский язык» подчеркивается необходимость научной разработки методики преподавания китайского языка, которое в период «культурной революции» было, в сущности, превращено в уроки политграмоты. При этом требуется не только ликвидировать последствия «культурной революции», но и преодолеть отрицательные стороны традиционных методов, укоренившихся на почве иероглифической письменности и взъерья. Модернизацию преподавания предполагается осуществлять в тесной связи с распространением путунхуа. В сентябре 1978 г. сообщалось, что в уведомлении министерства просвещения, направленном провинциальным органам образования, поставлена задача добиться, чтобы в течение 5 лет школьные преподаватели китайского языка в основном перешли на путунхуа; преподаватели остальных дисциплин также должны шире использовать путунхуа, а не диалекты, как это имеет место до сих пор.

В 1978 г. в КНР взят курс на активное изучение иностранных языков, необходимость которого связывается с использованием иностранного опыта⁵⁵. В рамках новой программы составлены два комплекта школьных учебников иностранных языков. Один рассчитан на 8-летнее обучение, начиная с третьего класса недавно созданных школ для одаренных детей, другой — на 5-летний срок, начиная с шестого года обучения в общеобразовательных школах. В 1978 г. в стране насчитывалось 136 факультетов или институтов иностранных языков. Кроме того, повсюду создавались двухлетние училища для подготовки школьных учителей. Иностранные языки изучаются также на курсах и в группах, организованных на предприятиях. Китайские радио- и телевизионные станции начали транслировать уроки английского языка.

Рубрика «Реформа письменности» газеты «Гуанмин жибао» продолжала в 1978 г. помещать материалы о практических мероприятиях по языковому строительству. В первом полугодии большая часть статей была посвящена второму проекту упрощения китайской письменности, опубликованному в декабре 1977 г. Со второго полугодия дискуссия по поводу нового проекта в газете «Гуанмин жибао» была приостановлена. Одновременно в журнале «Китайский язык» появилась статья, содержащая указания на то, что употребление в газетах упрощенных иероглифов из второго проекта непосредственно после его публикации

было слишком поспешным, а похвалы в адрес нового упрощения — чрезмерными. Автор статьи подчеркивал необходимость учитывать при обсуждении проекта мнение специалистов-языковедов и широких масс интеллигенции, указывая вместе с тем на проблемы, которые возникнут при введении новых иероглифов. Возможно, это свидетельствует об известном отступлении от идеи реформы иероглифической письменности⁵⁶.

К наиболее значительным мероприятиям 1978 г. следует также отнести постановление Госсовета о переходе на унифицированное латинское написание китайских фамилий, имен, географических названий, некоторых специфических терминов при посредстве алфавита «пиньинь цзыму», которое с 1 января 1979 г. применяется во всех изданиях и документах КНР на иностранных языках, использующих латинскую графику. Неизменным осталось только слово «Китай», сохраняющее традиционную форму и написание. Официальная транскрипция названия столицы КНР — «Бэйцзин» (Beijing) вместо традиционной «Пекин» (Peking). В текстах на языках, пользующихся другими графическими системами, написание китайских слов изменено незначительно. Так, в русских текстах двусложные имена пишутся не через дефис, а слитно: Ци Байши, Мэй Ланьфан.

Введение единого написания китайских слов при помощи алфавита «пиньинь» призвано ликвидировать разноречивость, обусловленную наличием в европейских языках многочисленных систем транскрипции, созданных в разное время разными авторами. Это стало возможным благодаря тому, что за последние годы «пиньинь», официально принятый в КНР в 1958 г., получил некоторое распространение на Западе. Он достаточно удобен, при его создании учтен опыт всех существующих иностранных транскрипций и китайских латинизированных алфавитов, в том числе алфавита «латинхуа», разработанного в СССР в 30-х годах. Кроме того, «пиньинь» ориентирован на пекинское произношение, признанное в качестве фонетической нормы путунхуа. Поэтому он достаточно широко применяется при изучении китайского языка, в некоторых научных сочинениях, библиографических изданиях, словарях, на картах и в атласах. В 1977 г. «пиньинь» был принят 3-й конференцией ООН по стандартизации географических названий в качестве международной нормы. И все же применение этого алфавита в массовых изданиях сопряжено со значительными трудностями, поскольку он не знаком широкому кругу читателей, для которого имена хорошо известных деятелей или наиболее распространенные географические названия в новой записи непривычны, а в некоторых случаях могут остаться неопознанными. Это обстоятельство вынуждает, во всяком случае на первых порах, приводить в скобках также традиционные варианты написаний в английской транскрипции Уэйда (ср., например, Tianjin — T'ienchin). Вместе с тем такие имена, как Конфуций, Мэнцзы, в новом китай-

ско-английском словаре предполагается дать только в традиционной форме: Confucius, Mencius. Следует также отметить, что не до конца решены и многие проблемы орфографии «пиньинь».

Из изложенного ясно, каких значительных усилий потребует выполнение программы в области теоретической и прикладной лингвистики. По некоторым вопросам (например, реформа китайской письменности) до сих пор не достигнуто полной ясности и единства взглядов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Жэньминь жибао», 2.II.1978.
- 2 «Жэньминь жибао», 21.V.1978.
- 3 «Жэньминь жибао», 23.XII.1978.
- 4 «Жэньминь жибао», 24.V.1978.
- 5 «Гуанмин жибао», 5.XI.1978.
- 6 «Жэньминь жибао», 7.VI.1978.
- 7 «Гуанмин жибао», 5.XI.1978.
- 8 «Жэньминь жибао», 10.XII.1978.
- 9 Пусть летящие на юг гуси передадут мои слова. — «Жэньминь жибао», 11.XII.1978.
- 10 «Жэньминь жибао», 14.I.1978.
- 11 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 9, с. 3.
- 12 Там же.
- 13 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 7, с. 11.
- 14 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 10, с. 31.
- 15 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 9, с. 36.
- 16 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 11, с. 10.
- 17 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 10, с. 32.
- 18 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 11, с. 7.
- 19 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 10, с. 6.
- 20 «Жэньминь сицзюй». 1978, № 11, с. 4.
- 21 «Мэйшу». 1978, № 3, с. 35.
- 22 «Мэйшу». 1978, № 6, с. 44.
- 23 «Мэйшу». 1978, № 1, с. 43.
- 24 «Мэйшу». 1978, № 2, с. 2.
- 25 «Гуанмин жибао», 7.IV.1978.
- 26 «Жэньминь жибао», 17.II.1978.
- 27 «Гуанмин жибао», 25, 27, 29.I; 1.II.1978.
- 28 «Жэньминь цзяоюй». 1978, № 6, с. 11.
- 29 «Жэньминь жибао», 30.VI.1979.
- 30 «Жэньминь жибао», 7.VI.1978.
- 31 См. раздел «Наука».
- 32 Учебные заведения при заводах, появление которых связано с директивой Мао Цзэдуна от 21 июля 1968 г.
- 33 В 1975 г. насчитывалось 5160 «университетов 21 июля».
- 34 «Гуанмин жибао», 16.III.1978.
- 35 «Жэньминь жибао», 24.IV.1978.
- 36 «Жэньминь жибао», 31.XII.1978.
- 37 «Гуанмин жибао», 15.I.1978.
- 38 Там же.
- 39 «Жэньминь жибао», 8.VII.1978.
- 40 «Жэньминь жибао», 18.XII.1978.
- 41 «Гуанмин жибао», 15.IX.1978.
- 42 «Washington Post», 19.VI.1978.

⁴³ «Гуанмин жибао», 19.XI.1978.

⁴⁴ «Жэньминь жибао», 23.VII.1978.

⁴⁵ «Жэньминь жибао», 18, 20.I.1978. и др.

⁴⁶ «Жэньминь жибао», 20.I.1978.

⁴⁷ «Жэньминь жибао», 17.I.1978.

⁴⁸ «Гуанмин жибао», 31.I.1978.

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 28.X.1978.

⁵⁰ «Жэньминь жибао», 23.XII.1978.

⁵¹ В 1964 г. переименовано в Управление по делам туризма Китая.

⁵² См., например, Чжан Цзялу. Языкознание и «четыре модернизации». — «Чжунго юйвэнь». 1978, № 2, с. 93—95 (на кит. яз.).

⁵³ «Гуанмин жибао», 5.V.1978.

⁵⁴ «Гуанмин жибао», 8.XI.1978.

⁵⁵ На совещании по вопросам преподавания иностранных языков выступили Ляо Чэнчи и вице-президент Академии общественных наук Китая Чжоу Ятун. См.: «Гуанмин жибао», 27.IX.1978.

⁵⁶ Юй Сялун. Некоторые замечания о работе со «Вторым проектом упрощения китайской письменности». — «Чжунго юйвэнь». 1978, № 2, с. 127—129 (на кит. яз.).

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК**

В 1978 г. пекинское руководство в связи с курсом «четырёх модернизаций» большое внимание уделяло изменению методов и лозунгов в экономической политике. Это нашло свое отражение в многочисленных публикациях по общим и частным проблемам политической экономии социализма. К числу авторов, выступивших с «программными» статьями (наряду с анонимными редакционными материалами в «Жэньминь жибао»), следует прежде всего отнести члена ЦК КПК, президента Академии общественных наук КНР Ху Цяому, директора Института экономики АН КНР Сюй Дисиня, бывшего директора того же института Сунь Ефана, заместителя председателя Государственного комитета по науке и технике, вице-президента АН КНР Юй Гуанюаня. Все они, кроме последнего, были репрессированы в период «культурной революции» либо попросту надолго «исчезли» с научной и общественной арены.

Появление статей и материалов по коренным проблемам экономической теории обусловлено желанием пекинского руководства создать у китайского и в не меньшей степени у зарубежного читателя впечатление, будто в области экономической науки возрождается творческая атмосфера. Касаясь путей экономического роста Китая, критической оценки и переоценки всего предыдущего опыта строительства в стране, авторы стремятся под видом научного анализа китайской действительности ревизовать марксистско-ленинскую экономическую теорию. Сохраняя в основе апологетический характер по отношению к маоизму, эти статьи по-прежнему культивируют махровый антисоветизм, проявляющийся в полном неприятии и отрицании советского опыта, якобы в свое время «догматически перенесенного на почву Китая со всеми его изъянами». Новым в этих статьях является попытка под видом критики Линь Бяо и «банды четырех» осудить некоторые наиболее одиозные стороны экономической политики маоизма («большой скачок», «культурную революцию») и в то же время добиться дискредитации реального социализма. Осуждается не только маоизм с его уродливыми проявлениями в области экономики, но и социалистическое планирование. Не желая разоблачить до конца свои преступления в осуществлении

поголовной уравниловки, маоисты «пекутся» об усилившемся технико-экономическом отставании, но при этом скрывают основную причину сложившегося положения — тотальную милитаризацию страны, поглощающую основные ресурсы государства, отвлекающую средства от решения коренных социально-экономических проблем.

Пытаясь вместе с негодной экономической политикой маоизма выплеснуть и богатейший опыт социализма, руководители меняют прежний псевдореволюционный стиль руководства на делаческий, действуя по принципу Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка — белого или черного, лишь бы мышей ловила». Ориентиром становится не социализм с его объективными закономерностями развития и системой планирования, а заимствование «эффективных методов управления крупных капиталистических фирм», «капиталистическая модернизация системы управления». За эталон в КНР принимаются не только технико-экономические показатели, достигнутые развитыми капиталистическими странами, но и система взаимоотношений между предприятиями, условия найма, подготовка специалистов, т. е. те сферы взаимоотношений людей, где социализм прочно утвердил свое превосходство над капитализмом. Своими статьями, дискуссиями, разоблачениями «четверки» маоисты создают видимость теоретического подхода к сложным экономическим явлениям, пытаются подвести идейный фундамент под прагматическую программу «четырёх модернизаций». Однако практика и высказывания по теоретическим вопросам пекинских лидеров, как и прежде далекие от социализма, марксизма-ленинизма, характеризуют маоизм как опаснейшего противника мирового социализма, мира и разрядки напряженности на земном шаре.

Важнейшие публикации 1978 г. по проблемам политической экономии сосредоточены на вопросах действия объективных законов в условиях Китая, на вопросах планомерности и пропорциональности развития китайской экономики, действия закона стоимости и распределения по труду.

Впервые за много лет в КНР появилось множество статей и материалов, в которых предлагается осуществлять все экономические мероприятия, «действуя в соответствии с объективными экономическими законами». Эта формула стала обязательной и в выступлениях нынешних руководителей (Хуа Гофэна, Ли Сяньиня, Дэн Сяопина), она звучит в выступлениях секретарей провинциальных комитетов партии, на многочисленных всекитайских совещаниях, в статьях, посвященных любому, даже мелкому хозяйственному вопросу. Смысл упоминания об объективных законах состоит в том, чтобы, во-первых, показать отход от авантюризма и субъективизма, который был присущ прежней политике при господстве «четверки» и теперь якобы сменился политикой, вытекающей из требований объективных экономических законов; во-вторых, в том, чтобы продемонстрировать «тео-

ретический» фундамент, якобы обосновывающий программу «четырёх модернизаций».

Наиболее значительной из этой серии является статья Ху Цяоу «Действуя в соответствии с экономическими законами, ускорить осуществление „четырёх модернизаций“» («Жэньминь жибао», 6.X.1978).

Автор констатирует, что «довольно многие кадровые работники не признают или фактически не признают объективность экономических законов, считают, что экономические законы можно изменять в соответствии с нуждами политики и что в этом и выражается главствующее положение политики по отношению к экономике».

Между тем вся практика маонистской экономической политики как в прошлом, так и в последние годы свидетельствует о попытках «опровергнуть» объективные законы, не считаться с ними, доказать, что «националистический дух» способен сотворить чудеса в экономике. Форсирование преобразований капиталистической промышленности и торговли, перескакивание через этапы в кооперировании крестьян, «большой скачок» и народные коммуны, раздувание значения мелкого производства как особого пути индустриализации, «опора на собственные силы», пресловутая «дачжаизация» деревни, уравниловка в оплате труда — все эти и многие другие зигзаги в экономической политике показали, насколько очевидно маонистское руководство попирало требования экономических законов социализма.

Что касается современной экономической политики, то в упомянутой статье Ху Цяоу делает попытку приписать капитализму видимость сознательного овладения объективными законами развития. «В этой сфере (сфере управления.— Авт.) буржуазия сознательно действует в соответствии с объективными экономическими законами. К тому же за длительный исторический период она накопила сравнительно богатый опыт использования этих законов, достигла в этом большого мастерства». В этих высказываниях автор также скатывается на субъективистские позиции, смешивая принципиально различные понятия о возможности планомерности в управлении в масштабах отдельных предприятий, фирм, концернов с невозможностью планомерности в масштабах всего капиталистического общества. Сумма «плановых действий» тысяч отдельных конкурирующих между собой капиталистических предприятий не означает планомерности и пропорциональности всей экономики, а, наоборот, лишь усугубляет ее хаотичность. Перенесение капиталистического опыта и мастерства в управлении отдельными предприятиями на почву социализма может лишь означать реставрацию капиталистических форм эксплуатации, которые процветали в Китае до образования КНР.

После смерти Мао Цзэдуна и особенно в 1978 г. в КНР систематически упоминают закон планомерного пропорционально-

го развития, причем его «реабилитация», как и в других случаях, осуществляется в ходе критики «банды четырех». В связи с этим постепенно передается забвению якобы открытый Мао Цзэ-дуну закон «волнообразного» развития. В докладе Сюй Дисиня «Использование экономических законов в социалистическом строительстве современного Китая» (сентябрь 1978 г.) утверждается, что этот закон является в КНР «обоснованием политики».

Значительную долю критики традиционного маоистского подхода к плановой экономике внес в своей статье Ху Цяому: «Последовательное осуществление планомерного пропорционального развития... позволит избежать явлений анархии и полуанархии и соответствующих им резких колебаний в темпах экономического развития»¹. В этом видны существенный пересмотр, корректировка маоистской установки на «скачкообразное» развитие социалистической экономики.

Огромные диспропорции в экономике вынуждена признавать официальная пропаганда, которая квалифицировала состояние народного хозяйства как «анархическое или полуанархическое». Чтобы вывести страну из кризисного состояния, нынешние руководители вынуждены отказываться от некоторых маоистских постулатов. Так, они пересматривают маоистское положение «опоры на собственные силы». В статье Ху Цяому содержится прямой призыв к обузданию центробежных тенденций, подчинению местной инициативы единому плану. «Местную инициативу также нужно подчинять единым государственным интересам...— пишет автор.— Каждая провинция должна индустриализироваться, это правильно, целесообразно, в каждой провинции развитие промышленности должно достигнуть определенного уровня, исходя из конкретных условий, она должна также производить самое необходимое из товаров широкого потребления и продукции для снабжения сельского хозяйства. Но это не означает, что каждая провинция должна иметь независимую целостную промышленную систему. Сегодня это и невозможно, а с точки зрения перспективной это даже и не обязательно, так как ресурсы каждой провинции далеко не одинаковы и это могло бы привести к огромным растратам человеческих и материальных ресурсов»². Тем самым пересматриваются некоторые лозунги, которые находились на вооружении в течение полутора десятков лет. Между тем в реальной жизни в Китае не могут отказаться от сотен тысяч мелких и мельчайших предприятий, находящихся в ведении провинциальных и уездных властей, в распоряжении народных коммун. На долю продукции промышленных предприятий народных коммун приходится значительный удельный вес в производстве в целом по стране (по добыче угля — 15%, по производству железной руды — 7,3, по производству кирпича, черепицы, извести, песка и гравия — свыше 80%). На этих предприятиях в народных коммунах занято свыше 20 млн. рабочих³.

Они производят продукции на 39,7 млрд. юаней. Наличие огромного количества мелких предприятий усложняет осуществление программы «четырёх модернизаций», предпринимаемой в стране.

В 1978 г. появился ряд статей и материалов о необходимости использовать товарно-денежные отношения и закон стоимости в современных условиях Китая. В них содержались общие призывы к расширению сферы применения и повышению роли стоимостных категорий, критиковалось прежнее пренебрежение к проблемам товарного производства. В частности, подчеркивалась необходимость перехода к эквивалентному обмену, ликвидации ножиц цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности. Однако если за истекшие годы индекс закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию возрос вдвое, а розничных цен на промышленные товары — лишь на 28% и при этом еще остается «огромный разрыв в ценах», то какой же период требуется для установления «эквивалентности обмена»? Ведь экономическая политика маоизма всегда была направлена на консервацию тяжелого ручного труда в сельском хозяйстве. Издержки живого и овеществленного труда в деревне огромны и не сокращаются, в самой промышленности резко возрастает различие производственных условий на современных и кустарных предприятиях, однако при многолетнем замораживании цен расхода в действительных издержках не сокращаются, а нарастают.

О колоссальных ножицах цен свидетельствует тот факт, что, по официальным данным, в начале 70-х годов доля сельского хозяйства в суммарных бюджетных поступлениях составляла лишь 10 с небольшим процентов, а доля промышленности и транспорта — свыше 80%. Между тем соотношение занятых в этих отраслях составляло 10:1 в пользу сельского хозяйства⁴. Это говорит об огромном разрыве в ценах и стоимости на продукцию промышленности и сельского хозяйства. Огромный разрыв между общественно необходимыми затратами труда и ценами на продукцию в современном Китае подтверждается, например, следующими данными. Отпускная цена на качественный цемент марки «500», производимый крупными цементными заводами, составляет 58 юаней на 1 т. Однако этот цемент для сельских районов недоступен, ибо он предназначен для приоритетных отраслей промышленности. Крестьяне же вынуждены приобретать низкокачественный цемент марки «100», производимый местными цементными заводами, по отпускной цене 120 юаней за 1 т⁵.

Маоисты пытались прикрывать противоречия между современной и кустарной промышленностью, между действительными издержками производства и общественно необходимыми затратами труда искусственной изоляцией города от деревни, крупной промышленности от мелкой, рабочего класса от крестьянства. Любая попытка расширения экономических и социальных кон-

тактов между промышленным и аграрным секторами, классами, общественными группами неизбежно обострит существующие противоречия, потребует их радикального разрешения. Вот почему призывы к расширению обмена между городом и деревней, к установлению эквивалентности обмена ради укрепления союза рабочего класса и крестьянства представляются нереалистичными.

После длительного перерыва в КНР стали чаще упоминать о категории прибыли. Если раньше прибыль ассоциировалась с «буржуазным поветрием», то сегодня о ней говорят как об объективной необходимости. Признают, что за последние годы большинство отраслей тяжелой индустрии было убыточным, государственный бюджет недополучил за 3 года (1974—1976) свыше 40 млрд. юаней. Официальная печать признает также, что прежде «выполнение плана по прибыли не отражало действительной работы предприятия, а сами фонды отчисления от прибыли были слишком малы, сфера их применения слишком узка, они слабо воздействовали на материальные интересы трудящихся»⁶.

Половинчатыми и малоэффективными выглядят принятые меры по восстановлению принципа распределения по труду и материальному стимулированию. В промышленности, в строительстве и на транспорте сдельная система оплаты труда вводится лишь на крайне ограниченных участках, главным образом при осуществлении тяжелых работ. Повременная система остается основной формой оплаты труда, а сдельная, по формулировке маоистов, — «вспомогательной». В центральных газетах упоминалось о премиях за результаты производства как об исключительных явлениях. Небольшое повышение заработной платы, осуществленное в октябре 1977 г. для низкооплачиваемых рабочих и рабочих с длительным производственным стажем, руководство КНР пытается блокировать принудительной мобилизацией вкладов населения в сберегательные кассы, чтобы частично сгладить противоречия между платежеспособным спросом населения и реальными товарными фондами.

В сельском хозяйстве КНР отход от уравнительной системы оплаты труда осуществляется еще более противоречиво. После почти 20 лет уравнительной системы распределения в народных коммунах восстановление нормирования труда и дифференциации оплаты по фактическим результатам производства представляет огромные трудности: официальная пресса признает, что «многие выступают против отмены уравниловки», а в ряде народных коммун «решительно протестуют против оплаты в соответствии с трудовыми нормо-затратами»⁷. Поэтому в китайской деревне продолжает доминировать система распределения по типу бригады «Дачжай», т. е. в соответствии с количеством отработанных человеко-дней вне зависимости от сложности, тяжести труда и квалификации работника. Само руководство вынуждено признавать негативные стороны подобной системы рас-

пределения, ибо стандартные человеко-дни нивелируют различия в интенсивности, качестве и результативности работы. Эта система, по признанию представителей народных коммун, является отражением уже укоренившегося отношения к труду — «работай спустя рукава». И хотя формально количество человеко-дней, которые записываются крестьянам, должно обсуждаться на общих собраниях бригад, тем не менее система от этого не обрела ни демократического, ни социалистического характера (по образному выражению крестьян, прежние «обсуждения до хрипоты» сменились «обсуждениями немых»).

Идеалом практически остается неизменный объем фонда потребления, в пределах которого осуществимо лишь незначительное перераспределение между слоями общества, между огромным уравнильным фондом и крошечным фондом «поощрения» трудящихся. Поэтому на вооружении остаются прежние маонистские постулаты, вроде: «Нужно одновременно уделять внимание и развитию производства, и улучшению жизни народа». Не менее абстрактным представляется и «подновленный» лозунг: «Если производство вырастет на вершок, то и благосостояние увеличится на фэнь (на копейку)»⁸.

В целом такая политика в области распределения в Китае является не временным мероприятием, а стратегией, рассчитанной на длительный период.

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

С первых лет образования республики перед Китаем остро стояла проблема преодоления унаследованной от прошлого научно-технической отсталости. Китай нуждался в срочных социально-экономических преобразованиях и ускоренном научно-техническом перевооружении всего народного хозяйства, что можно было сделать в исторически короткие сроки, лишь опираясь на опыт построения социализма, накопленный в СССР. Советский Союз оказал Китаю беспрецедентную в истории по своим количественным и качественным показателям безвозмездную помощь в создании научного, технического и производственного потенциала страны. Китаю были переданы новейшие по тем временам научные достижения и промышленная технология, включая техническую документацию и лицензии (стоимость последних могла бы составить по ценам мирового рынка того периода как минимум 10 млрд. долл.); с помощью советских ученых и специалистов был разработан 12-летний план развития науки и техники, в соответствии с которым Китай должен был по ряду показателей достигнуть мирового уровня или приблизиться к нему в большинстве отраслей.

Однако навязанный Китаю в конце 50-х годов Мао Цзэдуном

и его приспешниками шовинистический «особый курс» воспрепятствовал воплощению в жизнь этой открывавшейся перед КНР перспективы. В политике китайской администрации произошёл резкий поворот, характеризовавшийся раздуванием анти-советизма, проведением авантюристических экспериментов в области экономики, связанных с осуществлением «большого скачка», милитаризацией страны, свертыванием экономических и научно-технических связей с Советским Союзом и странами социалистического содружества. Результатом этой политики явилось то, что 12-летнему плану развития науки и техники не суждено было осуществиться. Несмотря на некоторые успехи, особенно в отраслях военно-прикладного характера, Китай не достиг намеченных планом рубежей ни в 1962 г., ни в последующие годы.

Чжоу Эньлай и его сторонники, понимая важность значения научно-технического прогресса для Китая, прилагали немало усилий для ликвидации экономической и научно-технической отсталости страны. Так, уже в 1964 г. на сессии ВСНП 3-го созыва Чжоу Эньлай выдвинул первоначальный вариант программы «четырёх модернизаций», в которой наряду с мероприятиями в военной области, сельском хозяйстве и промышленности предусматривалось также ускорение научно-технического прогресса. Однако претворение в жизнь планов в области науки и техники было задержано на многие годы «культурной революцией», а затем экономическими и политическими неурядицами, вызванными противоборством враждующих группировок внутри КПК. Лишь в январе 1975 г. на сессии ВСНП 4-го созыва Чжоу Эньлай смог вновь выдвинуть программу «четырёх модернизаций», подразделив ее на два этапа: первый этап (1976—1980 гг.) предусматривал «создание сравнительно целостного промышленного и народнохозяйственного комплекса»; второй этап (с 1981 г. и до конца XX столетия) — «всестороннее осуществление модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники». Наиболее подробно намечаемые программой меры для стимулирования науки и техники были изложены в так называемых «Тезисах к докладу Академии наук Китая», представленных для обсуждения на заседании Госсовета в сентябре 1975 г. Однако предлагаемые в тезисах мероприятия подверглись резкой критике со стороны приверженцев Цзян Цин и не осуществлялись до отстранения «группы четырех» от партийного и государственного руководства⁹.

После возвращения к власти Дэн Сяопина вновь была выдвинута программа «четырёх модернизаций». Проблемам науки и техники было отведено в этой программе особо важное место. На рабочем совещании АН Китая, проходившем с 20 июня по 7 июля 1977 г., было принято 10 решений, которые, по существу, явились развитием упомянутых тезисов и послужили в дальнейшем основой для составления планов в области науки и техники¹⁰.

Основные положения программы «четырёх модернизаций» и проекты плана развития науки и техники на 8-летний период и на последующие годы до конца столетия, к разработке которых с середины 1977 г. были привлечены 1200 ведущих ученых и специалистов, обсуждались в 1978 г. на специальной сессии ВСНП, всекитайском совещании по вопросам развития науки, всекитайском совещании по вопросам просвещения, а также на всевозможных городских и провинциальных научных конференциях. Эти обсуждения показали, что, хотя Китай и добился известных успехов, главным образом в области военной и ядерной техники, в целом КНР значительно отстает по своему экономическому и научно-техническому потенциалу от промышленно развитых стран мира. По признанию Дэн Сяопина, китайская наука и техника находились в состоянии застоя в течение 10—12 лет и это отставание будет проявляться в течение 20—30 лет.

Экономические и политические авантюры типа «большого скачка» и «культурной революции» и самоизоляция Китая на мировой арене в сфере научно-технического обмена (под прикрытием политики «опоры на собственные силы») нанесли огромный ущерб всем звеньям научно-технического потенциала Китая. В частности, на многие годы была дезорганизована система управления наукой и образованием, подорвана материально-техническая база большинства научных учреждений и вузов, прервался на ряд лет процесс обучения в высшей и средней школе, была прекращена разработка многих фундаментальных проблем науки и техники, закрылись многие научно-исследовательские организации и учебные заведения, десятки тысяч научно-технических работников, включая крупных ученых, инженеров и преподавателей, подверглись репрессиям либо принудительно выселению в деревню (численность научных сотрудников в Китае в 1978 г. составляла около 150 тыс.), одна треть выпускников вузов использовалась не по специальности¹¹, отношения в области международного научно-технического обмена со многими социалистическими странами были прекращены либо сведены к минимуму, а с капиталистическими странами носили ограниченный характер.

Учитывая состояние китайского экономического и научно-технического потенциала, по мнению многих экспертов, выполнение как самой программы «четырёх модернизаций», так и планов в области науки и техники неосуществимо по многим аспектам ввиду ограниченности внутренних резервов и валютных средств. По заключению Национального совета американо-китайской торговли, реализация всей экономической программы 1978—1985 гг. потребует расходов в сумме 600 млрд. долл., в том числе около 350 млрд. капиталовложений и 40—43 млрд. для закупки иностранной технологии¹². По оценкам западных экспертов, Китай располагает валютными и золотыми запасами немногим

более 2 млрд. долл., а его максимальные экспортные возможности в ближайшем будущем могут составить 13—15 млрд. долл. ежегодно¹³.

С большими трудностями столкнется также намечаемая китайским руководством форсированная подготовка научно-технических кадров. Так, исходя из возможностей высшей школы КНР и 5-летнего срока обучения, к 1982 г. в стране может быть подготовлено лишь около 200—300 тыс. и к 1985 г.— 400 тыс. специалистов. Из них за счет народного хозяйства удастся выделить около 175 тыс. человек для работы в области науки, а общее число научных работников будет доведено до 325—350 тыс. человек, но уровень их подготовки окажется сравнительно низким, и они не будут располагать опытом научной работы и современными методами научных исследований. В то же время Китай едва ли может позволить себе дорогостоящую подготовку значительного числа специалистов в западных странах. К примеру, по существующим в США расценкам обучение 10 тыс. китайских студентов, которых предполагается послать за границу, обойдется Китаю в 400 млн. долл.¹⁴.

Что касается возлагаемых Китаем больших надежд на получение значительных валютных поступлений за счет возрастания экспорта нефти, то они, по оценке западных экспертов, также явно преувеличены. Только для приобретения зарубежного оборудования и технологии, а также частичного финансирования разработок нефтяных ресурсов на восточном побережье Китая с привлечением иностранного капитала потребуются 25—50 млрд. долл., а валютной выручки от нефти, даже если эти месторождения окажутся равноценны «второму Кувейту», хватит лишь на покрытие расходов по намечаемой Китаем экономической программе в течение 2—3 лет¹⁵. Об очевидной переоценке китайским руководством своих возможностей свидетельствуют также аннулирование КНР миллиардных контрактов с Японией и наметившийся, по сообщениям китайской печати, пересмотр 8-летнего плана развития науки и техники и программы «четырёх модернизаций»¹⁶.

К сказанному необходимо добавить, что при создавшемся положении Китай вряд ли может рассчитывать на значительную помощь капиталистических стран для развития своего экономического и научно-технического потенциала. Принимая во внимание политику ограничения распространения передовой технологии, которую проводят западные страны с целью оградить себя от нежелательной конкуренции на мировом рынке, Запад едва ли станет помогать превращению Китая в мощную державу с собственной современной промышленной и научной базой. Деловые круги капиталистического мира Китай больше устраивает как перспективный поставщик сырья и как военный противобес-

8-ЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ КИТАЯ И ЕГО ВЫПОЛНЕНИЕ В 1978 г.

В июне 1977 г. ведомства Госсовета КНР, организации Военного совета ЦК КПК и соответствующие управления провинций, городов центрального подчинения и автономных районов приступили к составлению отраслевых планов развития науки и техники на 1978—1985 гг. Как сообщалось в «Уведомлении ЦК КПК» от 18 сентября 1977 г. о созыве всекитайского совещания по науке, требовалось разработать «оптимальные, реально выполнимые планы, тесно увязанные с нуждами строительства и содержащие конкретную программу научных исследований на 3 года и 8 лет, а также долгосрочную программу развития науки и техники на 23 года». Государственному плановому комитету и вновь созданному Государственному комитету по науке и технике поручалось проанализировать, свести вместе и сбалансировать планы всех ведомств, организаций и управлений и на их основе составить общегосударственный план развития науки и техники, который явится частью плана развития народного хозяйства¹⁷.

После многократных обсуждений на отраслевых совещаниях и в ведомствах Госсовета КНР были подготовлены «Основные положения плана развития науки и техники на 1978—1985 гг.», в марте 1978 г. рассмотренные и скорректированные на всекитайском совещании по науке.

План ставит целью за 8 лет сократить разрыв между КНР и передовыми странами в научном и техническом уровне, приблизиться или достичь передового уровня 70-х годов в некоторых важнейших областях науки и техники, довести численность научных сотрудников и техников до 800 тыс. человек, организовать ряд современных научно-экспериментальных баз, создать общегосударственную многоотраслевую систему научных исследований, в течение последующих 15 лет (1986—2000) в ряде отраслей науки достичь и превзойти мировой уровень развития. Как отмечалось на всекитайском совещании, Китай отстал от передового мирового уровня во многих областях науки и техники на 15—20 лет¹⁸, а в некоторых областях (физика высоких энергий, физика тяжелых ионов, управляемый термоядерный синтез, молекулярная биология, включая гениую инженерию) — на 30 лет.

В плане намечено проведение широких научных исследований в 27 областях, таких, как ядерная физика, природные ресурсы, сельское хозяйство, промышленность, оборона, транспорт, океанология, охрана окружающей среды, медицина и др. Выделено 108 наиболее важных научно-исследовательских проблем по 8 важнейшим областям науки, а именно: сельскому хозяйству, энергетическим ресурсам, материалам, вычислительной технике, лазерам, космической науке и технике, физике высоких энергий и гениой инженерии.

Предусматривается организовать комплексное изучение, рациональное освоение и использование ресурсов сельского хозяйства, улучшить агротехнику, создать ряд научно-экспериментальных сельскохозяйственных баз, обеспечить защиту экологической системы.

Намечено дальнейшее изучение закономерностей формирования и распределения месторождений нефти и газа, открытие новых залежей каменного угля, механизация и создание основы для автоматизации технологических процессов в угольной промышленности, строительство ряда крупных ГЭС и тепловых электростанций на угле. Решено вплотную заняться проблемами использования солнечной энергии, приливов, отливов и ветра. Особое внимание предполагается обратить на научные исследования в области управляемого термоядерного синтеза в магнитном поле.

Ставится задача достичь мирового уровня по производству титана и ванадия, приблизиться к этому уровню в технологии производства меди, алюминия, никеля, кобальта и редкоземельных металлов; увеличить производство цемента и легких высокопрочных материалов многоцелевого назначения; улучшить технологию производства пластмасс и синтетических волокон; повысить уровень автоматизации в нефтехимической промышленности; освоить технологию синтеза органического сырья на базе нефти, природного газа и каменного угля.

В области вычислительной техники КНР намерена ускорить фундаментальные исследования, разработать большую ЭВМ на интегральных схемах, наладить в стране производство ЭВМ; к 1985 г. подготовить необходимые научные и инженерные кадры для этой отрасли.

Предусмотрено расширить научные исследования по лазерной физике, лазерной спектроскопии и нелинейной оптике, решить ряд научно-технических проблем передачи информации с помощью лазеров, разработать лазерные устройства нового типа для научных, промышленных и других целей, создать научно-исследовательскую базу лазерных устройств, построить экспериментальную линию оптической связи, расширить прикладные исследования, связанные с разделением изотопов и термоядерным синтезом.

Специалистам по космической науке и технике поручается ускорить разработку ИСЗ для научных и специальных целей, активизировать научно-исследовательскую работу по запуску космической лаборатории и космических зондов; серьезное внимание уделить изучению космической науки и освоению космического пространства; создать современный центр космических исследований.

В области физики высоких энергий КНР рассчитывает создать современную научно-исследовательскую и экспериментальную базу физики высоких энергий и подготовить необходимые

научные кадры, к 1982 г. построить протонный ускоритель мощностью 30—50 Гэв, к 1987 г. ввести в строй более мощный протонный ускоритель.

Предполагается развернуть фундаментальные исследования в области генной инженерии, создать соответствующие научно-исследовательские лаборатории, приступить к комплексным исследованиям по генной инженерии, молекулярной биологии, молекулярной генетике и биологии клеток, изучить имеющиеся возможности применения генной инженерии в медицине, фармакологии, а также выведения новых высокоурожайных сортов различных сельскохозяйственных культур, способных фиксировать азот¹⁹.

В 8-летнем плане перед Академией наук Китая и ведомствами Госсовета КНР поставлена задача восстановить и укрепить ряд ведущих научно-исследовательских институтов и организовать новые институты целевого назначения. Академии наук Китая поручено создать научно-экспериментальные базы физики высоких энергий, физики тяжелых ионов, управляемого термоядерного синтеза в магнитном поле, физики твердого тела, физики полупроводников, астрофизики, молекулярной биологии, включая генную инженерию. Академии также вменяется в обязанность развивать производство научной аппаратуры, внедрять ЭВМ в научно-исследовательской работе, издавать научную литературу.

Академия наук Китая как центр научных исследований в области естественных наук основное внимание должна сконцентрировать на развитии математики, физики, химии, астрономии, наук о Земле и биологии. Важнейшими направлениями ее работы должны стать физика высоких энергий, управляемый термоядерный синтез в магнитном поле и молекулярная биология. В области технических наук основной задачей Академии наук является дальнейшее развитие полупроводниковой, вычислительной, лазерной и космической техники.

Значительная роль в выполнении фундаментальных и прикладных исследований отводится вузам. Ряд лабораторий вузов оснащается современным научно-экспериментальным оборудованием, позволяющим проводить научные исследования на современном уровне.

Задачи отраслевых научно-исследовательских институтов и ведомств Госсовета КНР и других организаций ограничиваются прикладными исследованиями. Крупным промышленным предприятиям, особенно в горнодобывающей промышленности, рекомендуется создавать собственные научно-исследовательские институты. Средние и мелкие предприятия в соответствии с имеющимися возможностями организуют отдельные или совместные лаборатории.

В провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах создаются свои отраслевые научно-исследователь-

ские институты, учреждаются отделения Академии наук Китая или местные академии наук.

На уровне уездов предлагается организовывать сельскохозяйственные научно-исследовательские лаборатории.

Важная роль в осуществлении программ, намеченных в 8-летнем плане, отводится научным центрам Пекина и Шанхая. В Пекине намечается усилить работу 20 научно-исследовательских институтов, 4 научно-экспериментальных комплексов и выполнить исследования по 58 наиболее важным проблемам из 108, предусмотренных 8-летним планом. В Шанхае предполагается создать несколько научных баз фундаментальных исследований, оснащенных современным экспериментальным оборудованием. Шанхайскому научному центру поручается решать проблемы в области металлургии, нефтехимии, электроники, автоматизации и ядерных исследований.

В 8-летнем плане подчеркивается, что в научно-исследовательской работе следует учитывать интересы страны в целом. В первую очередь необходимо обеспечить выполнение общегосударственных задач и основных программ. Надо развивать инициативу в центре и на местах. Научным работникам не следует распылять силы и действовать в одиночку. Необходимо развивать сотрудничество между отраслями и научно-исследовательскими организациями.

Особое внимание обращается на укрепление и развитие службы научно-технической информации. В качестве первых шагов рекомендуется создавать региональную и отраслевую сеть научно-технической информации. Используя многочисленные каналы, следует в широких масштабах наладить сбор зарубежных научных и технических материалов.

С целью повышения эффективности научным сотрудникам «необходимо уделять пять шестых рабочего времени» выполнение научно-исследовательской работы. Для того чтобы обеспечить научным работникам возможность в свободное время повышать квалификацию, их не рекомендуется отвлекать на какие-либо мероприятия, кроме комсомольских и партийных собраний. Будущим научным работникам следует предоставить помощников.

В научно-исследовательских организациях, занятых выполнением особо важных заданий, ставится задача упорядочить административное звено. Руководителями таких организаций рекомендуется назначать лиц, компетентных в данной области науки и техники²⁰.

В отличие от 10-летнего плана развития науки и техники на 1976—1985 гг., подготовленного в 1975 г., 8-летний план рассчитан на максимальное использование западной технологии и техники, на участие иностранных ученых и специалистов в выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, обмен программами и результатами научных исследований с за-

рубежными странами, подготовку китайских специалистов за границей. Курс «зарубежное — на службу Китаю» провозглашен основой внешней экономической политики китайского руководства на 1978—1985 гг.

В 1978 г. Китай активизировал научные и технические связи с Францией, ФРГ, Англией, Швейцарией, США, Канадой, Японией и Австралией. На основе частных контрактов и межгосударственных соглашений и протоколов иностранные ученые и специалисты принимают участие в ядерных исследованиях в Китае, исследовании космического пространства, проектировании протонного ускорителя и ускорителя тяжелых ионов, строительстве и расширении металлургических, нефтехимических и машиностроительных предприятий, производстве и совершенствовании авиационных двигателей, организации добычи и переработки нефти, газа, угля и цветных металлов. Как сообщает американская печать, с этой целью Китай заключил с зарубежными странами контракты на сумму 30 млрд. ам. долл., в том числе на 13,5 млрд. ам. долл. с Францией²¹.

Сферы научных и технических связей с Китаем в основном поделены между пятью капиталистическими странами: Франция — ядерная, ракетная и космическая технология и техника; ФРГ — машиностроение, металлургия, нефтехимия; Англия — авиационная и бронетанковая техника; США — физика высоких энергий, космическая техника, энергетика и сельское хозяйство; Япония — электроника, гидроэнергетика, химия, черная и цветная металлургия. Научные и технические контакты Китая с Францией и Англией носят милитаристский характер. Против некоторых аспектов такого сотрудничества выступили конгресс США и Пентагон. Американская газета «Крисчен сайенс монитор», комментируя франко-китайское соглашение о продаже Китаю двух ядерных реакторов для АЭС, построенных по лицензиям американской фирмы «Вестингауз», сообщает, что некоторые официальные лица Пентагона выразили недовольство схожестью конструкции этих реакторов с конструкцией реакторов, применяемых на американских подлодках. Это может позволить Китаю создать свои собственные ядерные подлодки²². Как отмечала «Вашингтон пост», конгресс США выступил против этой сделки в связи с тем, что из отработанного топлива атомных реакторов Китай сможет получать плутоний для производства ядерного оружия²³. Однако, несмотря на принятый конгрессом США в 1977 г. закон о нераспространении ядерного оружия, американское правительство в конце декабря 1978 г. дало согласие на продажу этих атомных реакторов.

В 1978 г. из Китая в западные страны, Японию и Австралию непрерывно направлялись группы ученых и представительные делегации гражданских и военных специалистов. В течение года только ФРГ посетили около 100 китайских делегаций, Японию — 50. Китайские визитеры особый интерес проявляли к программе

ядерных исследований. Основными объектами их пристального изучения были в Швейцарии протонный ускоритель мощностью 400 Гэв Европейской организации ядерных исследований в Женеве, во Франции — реактор с высокой плотностью нейтронного потока франко-германского института им. Макса Лауэ и Поля Ланжевена и Центр ядерных исследований в Гренобле, строящийся завод по обогащению урана для АЭС в Трикастене, в ФРГ — немецкий электронный синхротрон в Гамбурге, в США — протонный ускоритель мощностью 500 Гэв Национальной лаборатории им. Э. Ферми, под Чикаго, Брукхейвенская национальная лаборатория и другие центры. 12 ученых Научно-исследовательского института физики высоких энергий АН Китая принимали непосредственное участие в большом эксперименте на немецком электронном синхротроне в Гамбурге.

В 1978 г. в соответствии с программой обмена студентами и научными работниками в вузы и научные центры 28 стран были направлены на 2—3 года около 500 научных сотрудников, инженеров, преподавателей, врачей и студентов старших курсов. К 1985 г. в западных странах пройдут подготовку 10 тыс. китайцев²⁴.

Свыше 200 вузов и 145 научно-исследовательских институтов Китая приняли 9 тыс. аспирантов²⁵. Как заявил вице-президент АН Китая Чжоу Пэйюань во время визита в Японию в сентябре 1978 г., в Китае насчитывается всего 300—400 тыс. научных и технических сотрудников. Около 90% из них подготовлено после 1949 г. В 1978 г. в научных исследованиях было занято 130 тыс. научных сотрудников и техников, примерно в 10 раз больше, чем в 1952 г. Из них 43% имеют высшее образование и 38% — среднее специальное²⁶.

В 1978 г. расходы на научно-исследовательские работы и создание научно-исследовательской базы Китая составили 5,3 млрд. юаней, или 4,7% всех расходов по статьям госбюджета, в том числе расходы на научные исследования АН Китая и НИИ Государственного комитета по науке и технике (без научно-исследовательских институтов и лабораторий министерств Госсовета КНР) превысили 560 млн. юаней.

В 1978 г. в соответствии с 8-летним планом развития науки и техники Китай активно приступил к выполнению программы ядерных исследований. Наиболее интенсивно ведутся работы по проектированию протонного ускорителя мощностью до 50 Гэв. Однако из-за отсутствия в Китае соответствующей материально-технической базы, научных и инженерных кадров и пересмотра приоритетов очередности программ, ввод в строй плутонного ускорителя переносится с 1982 г. на конец 1985 г. Этот ускоритель будет аналогичен сильно фокусирующему синхротрону мощностью 30 Гэв Брукхейвенской национальной лаборатории. С этой целью в окрестностях Пекина сооружаются экспериментальный завод и здание научно-экспериментальной базы Научно-иссле-

довательского института физики высоких энергий АН Китая. В создании протонного ускорителя участвуют свыше 10 министерств и ведомств Госсовета КНР и несколько сот научно-исследовательских институтов, вузов и заводов Китая²⁷, а также Европейская организация ядерных исследований из Швейцарии и Национальная лаборатория им. Э. Ферми, Аргонская национальная лаборатория, Стамфордский центр линейных ускорителей, Брукхейвенская лаборатория и лаборатория им. Лоуренса из США. Одновременно исследовательские учреждения КНР совместно с французскими организациями разрабатывают ускоритель тяжелых ионов диаметром 6 м.

Как сообщала японская печать, в Китае формируются исследования в области управляемого термоядерного синтеза в магнитном поле. Японские ученые, первые иностранцы, посетившие исследовательские установки Научно-исследовательского института физики АН Китая в Пекине и Синаньский институт физики в Лошане (пров. Сычуань), заявили, что для этих целей используются установки «Такомак» средних размеров. В Лошане завершается монтаж более мощной установки (но меньшей, чем японская, по размерам). В Пекине разрабатывается установка прямоугольного поперечного сечения. В Научно-исследовательском институте точных оптических приборов АН Китая в Шанхае японцам показали эксперимент, в ходе которого получали плазму с помощью лазерного луча. Плазму генерировали и подвергали уплотнению, направляя шесть лучей лазера на небольшой стеклянный шарик диаметром 100 микрон.

По данным китайской печати, только научно-исследовательские институты АН Китая за первое полугодие 1978 г. выполнили свыше 400 научно-исследовательских работ, в том числе такие, как разработка метода разделения изотопов способом экстракции; получение двух соединений с индексом тория; разработка топливных батарей для космического летательного аппарата; разработка двух видов больших интегральных схем; комплексное исследование континентального шельфа Восточно-Китайского моря. При этом основное направление научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ АН Китая и ведомств Госсовета КНР — решение военно-стратегических задач

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Жэньминь жибао», 6.X.1978.
- 2 Там же.
- 3 «Жэньминь жибао», 4.XI.1978.
- 4 «Жэньминь жибао», 20.VIII.1978.
- 5 «Жэньминь жибао», 8.XII.1978.
- 6 «Жэньминь жибао», 2.IX.1978.
- 7 «Жэньминь жибао», 18.X.1978.
- 8 «Жэньминь жибао», 3.VII.1978.

- ⁹ «Чжунгун яньцзю». 1977, № 129, с. 117—121.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ «Жэньминь жибао», 16.III.1978.
- ¹² «U. S. News and World Report». 1979, vol. 86, № 1, с. 15.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ «New York Times», 27.IX.1978.
- ¹⁵ «Nature». 1978, V. 274, с. 831.
- ¹⁶ «Frankfurter Allgemeine», 5.III.1979.
- ¹⁷ «Жэньминь жибао», 23.IX.1977.
- ¹⁸ «Жэньминь жибао», 29.III.1978.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ «U. S. News and World Report», 22.I.1979; «Business America», 29.I.1979.
- ²² «Christian Science Monitor», 8.XII.1978. «New York Times», 27.XI.1978.
- ²³ «Washington Post», 27.XI.1978.
- ²⁴ «Washington Star», 27.VIII.1978.
- ²⁵ «Жэньминь жибао», 26.VII.1978.
- ²⁶ «Жэньминь жибао», 23.X.1978.
- ²⁷ «Жэньминь жибао», 1.VI.1978.

В ОБЩЕСТВЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

В 1978 г. Общество советско-китайской дружбы провело 3-ю Всесоюзную конференцию, в работе которой приняли участие более 200 делегатов от республиканских, краевых, областных, городских отделений ОСКД. 17 февраля конференция заслушала и обсудила доклад Центрального правления «Ленинская интернациональная политика Советского Союза в отношении Китая и деятельность Общества советско-китайской дружбы» о работе с 1959 г., т. е. со времени 2-й Всесоюзной конференции. При этом было отмечено, что вся деятельность Общества была направлена на сохранение, укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики, на широкое ознакомление советской общественности с ленинской интернациональной политикой КПСС и Советского государства в отношении Китая.

В Постановлении 3-й Всесоюзной конференции подчеркивалось: «Считать и впредь главной задачей Общества содействие восстановлению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Продолжать работу по ознакомлению советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой.

Оказывать содействие ознакомлению трудящихся Китая с успехами советского народа в коммунистическом строительстве, с интернациональной политикой КПСС и Советского государства в отношении Китая».

Конференция выступила с инициативой восстановления и развития контактов с Обществом китайско-советской дружбы на основе Соглашения о сотрудничестве Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Общества советско-китайской дружбы и Общества китайско-советской дружбы, подписанного в Москве 12 ноября 1959 г. «Мы готовы восстановить обмен информацией о проводимой работе, — подчеркивалось в постановлении, — готовы обмениваться делегациями и специализированными группами туристов — активистов общества дружбы, готовы направлять в адрес Общества китайско-советской дружбы литературу, кинофильмы, фото и другие иллюстративные материалы о жизни нашей страны и получать от него такие же материалы».

На конференции был избран новый состав Центрального правления ОСКД. В день открытия была развернута фотовыставка «Ленинская интернациональная политика Советского Союза в отношении Китая», а также выставка книг по проблемам Китая, изданных в СССР в последнее десятилетие. На конференции присутствовали представители посольства КНР в СССР во главе с советником посольства Тянь Цзинпэем.

В практической повседневной деятельности ОСКД по-прежнему заметное место занимали вечера и заседания, посвященные памятным и юбилейным датам в истории и культуре Китая. Были проведены вечера общественной жизни в связи с 90-летием со дня рождения великого китайского коммуниста и интернационалиста Ли Дачжао, видных деятелей революционного и национально-освободительного движения Чжан Тайля и Ляо Чжункая; специальными заседаниями были отмечены 55-летие одного из массовых выступлений китайского пролетариата — Пекин-Ханькоуской забастовки, 50-летие

VI съезда КПК и др., 70-летие со дня рождения известного литературоведа и переводчика русской и советской литературы Чжэн Чжэньдо и другие даты. С большим интересом советская общественность ознакомилась с выставкой «Классическая живопись Китая», на которой экспонировалось свыше ста работ известных китайских художников XII—XX вв. из фондов Государственного музея искусств народов Востока и из собраний Киевского государственного музея западного и восточного искусства (выставка была организована ОСКД и Музеем искусств народов Востока). Активисты общества приняли участие в вернисаже выставки «Цветы и птицы в искусстве стран Дальнего Востока», экспозиция которой также была развернута в Музее искусств народов Востока.

По случаю 29-й годовщины КНР ССОД и ОСКД организовали кинофестиваль, на котором присутствовал и посол КНР в СССР.

Как и в 1977 г., Общество организовывало просмотр кинофильмов КНР из числа хранящихся в Госфильмофонде, а также предоставлявшихся посылком КНР в СССР.

Контакты с Центральным правлением Общества китайско-советской дружбы по-прежнему ограничивались направлением телеграмм по случаю государственных праздников КНР и СССР.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Внутриполитическая жизнь

Январь

- 4—26 — В Пекине проведено 3-е всекитайское совещание по вопросам механизации сельского хозяйства, созданное Госсоветом КНР.
- 12 — Агентство Синьхуа сообщило о всекитайском совещании по работе издательств.
- 15—22 — В г. Яньтай проведено всекитайское совещание по обмену опытом технического новаторства в системе промышленности и транспорта.
- 16 — В Пекине завершило работу всекитайское совещание по металлургии.
- 22 — В Пекине проведено всекитайское совещание работников угольной промышленности, которое проходило под девизом «Учиться у Дацина и догнать Кайлуань».
- 22—30 — В Пекине проведено всекитайское совещание по вопросам физкультуры и спорта.
- 25 — В Пекине закончилось всекитайское совещание по работе госхозов. На совещании одобрен план развития госхозов на 1978—1985 гг.
- 26 — В КНР запущен искусственный спутник Земли (возвращен на землю 30 января).

Февраль

- В Пекине проведено всекитайское совещание по вопросам развития промышленности строительных материалов. На совещании разработана 10-летняя программа развития промышленности строительных материалов в КНР.
- 4 — В КНР создан Государственный комитет по науке и технике, приравненный к министерству. Председателем назначен вице-президент Академии наук Китая Фаи И.
- 15 — В февральском номере «Хунци» опубликована статья, в которой снимаются обвинения с Дэн Сяопина, предъявленные ему после того, как 5 апреля 1976 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине произошли массовые выступления.

- 16—18 — В Пекине состоялось 8-е заседание ПК ВК НПКСК 4-го созыва, на котором присутствовали Вэй Гоцин и Уланьфу.
- 18—23 — В Пекине состоялся 2-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. Пленум рассмотрел вопрос о досрочном проведении сессии ВСНП 5-го созыва, одобрил «Доклад о работе правительства», новый состав руководящих государственных органов КНР и другие документы предстоящей сессии.
- 24 — В Пекине состоялась 1-я сессия НПКСК 5-го созыва. Вопросы: 1) отчетный доклад; 2) изменения в уставе НПКСК и др.
- Опубликована информация о состоявшемся всекитайском совещании работников гражданской авиации.
- 26 февраля — 5 марта — В Пекине работала 1-я сессия ВСНП 5-го созыва.

Март

- 4 — В Пекине состоялось торжественное собрание, организованное Всекитайской федерацией женщин по случаю 8 Марта. На собрании присутствовала Чэнь Мухуа.
- 15 — В КНР проведено новое ядерное испытание.
- 17 — По сообщению агентства Синьхуа, Госсоветом КНР утвержден документ министерства просвещения о восстановлении ученых званий профессора, доцента, старшего преподавателя и ассистента в вузах страны.
- 18—31 — В Пекине проведено всекитайское совещание по науке. На совещании одобрен план развития науки и техники КНР на 1978—1985 гг.
- 20 — Академия общественных наук КНР провела совещание «по планированию научных исследований в области национального вопроса».

Апрель

- 6 — «Гуанмин жибао» сообщила, что министерство образования КНР составило единую для всех провинций, городов центрального подчинения и автономных районов программу вступительных экзаменов в вузы страны на 1978 г. В программе содержатся конкретные требования к абитуриентам по восьми аспектам: политическое образование, грамотность, математика, физика, химия, история, география, иностранный язык. К политическим требованиям относится «умение критиковать контрреволюционную ревизионистскую линию „четверки“». Впервые повсеместно вводится сдача экзамена по иностранному языку.
- 13—14 — В Пекине состоялось совещание членов ПК ВСНП, проживающих в столице. На совещании был заслушан доклад Фан И о мерах по реализации решений всекитайского совещания по науке.
- 14—15 — В Пекине состоялось 1-е заседание Постоянного комитета ВК НПКСК 5-го созыва. Заседание проходило под руководством Уланьфу.
- 15—23 — В Пекине состоялось всекитайское совещание по распространению передового опыта Дачина в системе железных дорог.
- 16—21 — В Пекине состоялся 6-й расширенный пленум Исполкома Всекитайской федерации женщин 3-го созыва. Пленум принял решение созвать 4-й съезд Всекитайской федерации женщин в сентябре 1978 г.

- 22—24 — В Пекине проходило 7-е расширенное заседание Исполкома Федерации профсоюзов КНР.
- 22 апреля—
16 мая — В Пекине проходило всекитайское совещание по вопросам просвещения. Выступили министр просвещения Лю Сяю и Дэн Сяопин.
- 24 апреля—
22 мая — В Пекине проходило 8-е всекитайское рабочее совещание работников юстиции.
- 25 апреля — Госсовет КНР провел «срочное всекитайское селекторное совещание по мобилизации кадровых работников и масс на борьбу с засухой».
- 27 апреля—
6 июня — В Пекине проходило всеармейское совещание по политработе. На совещании с «важными речами» выступили Е Цзяньпин, Хуа Гофэн, Дэн Сяопин.

Май

- 2 — В китайской печати помещено сообщение о состоявшемся «недавно» в Пекине всекитайском совещании по вопросам экономики.
- 2—25 — В Дацине проведено всекитайское совещание работников транспорта.
- 6—10 — В Пекине проходило 1-е заседание подготовительного комитета X съезда Коммунистического союза молодежи Китая.
- 10 — Помещено сообщение о созванном «недавно» в Пекине всекитайском рабочем совещании по капитальному строительству, в работе которого приняли участие Ли Сяньпинь, Юй Цюли, Чэнь Юнгуи.
- 10—23 — В Тяньцзине проведено всекитайское совещание по распространению передового опыта Дацина в текстильной промышленности.
- 10 — Военный совет ЦК КПК издал постановление об «Усилии воспитания и обучения войск».
- 23—25 — В Дацине проходило 2-е всекитайское совещание по распространению передового опыта Дацина в нефтяной и химической промышленности. На совещании выступил министр химической промышленности Сунь Цзэнвэнь.
- 23—24 — В Пекине под руководством Е Цзяньпина состоялось 2-е заседание ПК ВСНП 5-го созыва.

Июнь

- 1—10 — В Пекине состоялось всекитайское совещание по распространению передового опыта Дацина в легкой промышленности.
- 2—12 — В Пекине работало всекитайское совещание по вопросам медицины и здравоохранения. Совещание обсудило и приняло «Основные положения плана развития науки и техники в области медицины и фармакологии КНР на 1978—1985 гг.» (проект).
- 12 — В Пекине на 86-м году жизни скончался член ЦК КПК, заместитель председателя ПК ВСНП, заместитель председателя Всекитайского комитета НПКСК, президент Академии наук Китая, председатель Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства Го Можо.
- 16 — Закрылись три генеральных консульства Социалистической Республики Вьетнам в китайских городах Гуанчжоу, Куньмин и Наньнин.

- 20 июня—
9 июля — В Пекине проходило всекитайское совещание по распространению передового опыта Дацина и Дачжая «на фронте финансов и торговли». С речью выступил Хуа Гофэн.
- 30 — В Шанхае создано общество ядерной науки и техники. Председатель правления — Чжан Цзяхуа.

Июль

- 1 — Исполнилась 57-я годовщина создания КПК.
— Опубликована речь Мао Цзэдуна от 30 января 1962 г. на «совещании 7 тысяч» (столько делегатов присутствовало на расширенном заседании ЦК партии).
- 4 — В Пекине вышел первый номер новой газеты — «Цаймао чжаньсянь» («Финансово-торговый фронт»).
- 9 — По сообщению агентства Синьхуа, учреждена новая руководящая группа по вопросу планирования семьи при Госсовете КНР. Руководитель группы — заместитель премьера Госсовета Чэнь Мухуа, заместители руководителя — Ван Шоудао, Цзян Ичжэнь, Су Цзин, Ли Сючжэнь и др.
- 15 — Возобновляется издание газеты «Вэнь бао» («Литература и искусство»).
- 22 июля—
1 августа — Состоялось всекитайское совещание по «капитальному строительству на полях». С «важной речью» выступил Ли Сяньнинь.

Август

- 1 — Исполнилась 51-я годовщина создания Народно-освободительной армии Китая.
- 4—10 — В Пекине состоялось всекитайское совещание народного ополчения. На нем с «важной речью» выступил заместитель председателя Военного совета ЦК КПК Не Жунчжэнь, с докладом — заместитель начальника генерального штаба НОАК Ян Юн. В ходе совещания были обсуждены и переработаны документы, среди них — «Положение о народном ополчении».
- 10—24 — В Пекине состоялось всекитайское совещание по распространению передового опыта Дацина среди машиностроителей.
- 11—31 — В Пекине состоялось 3-е всекитайское совещание по обеспечению охраны общественного порядка.
- 17—19 — В Пекине проходило 2-е заседание ПК ВК НПКСК 5-го созыва.
- 29 августа—
13 сентября — В Шанхае состоялась 3-я всекитайская конференция астрономического общества КНР и научная конференция этого же общества.

Сентябрь

- 6 — В Пекине состоялось расширенное заседание президиума Всекитайской федерации женщин 3-го созыва, на котором были рассмотрены доклад о работе, представляемый съезду, пересмотренный проект устава Всекитайской демократической федерации женщин.
- 8—18 — В Пекине состоялся IV всекитайский съезд женщин. На съезде также присутствовали: Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Ван Дунсин, Дэн Инчао. С отчетным докладом выступила заместитель председателя Всекитайской федерации женщин Кан Кэцин. С докладами о науке, технике, просвещении и о положении

- нии в народном хозяйстве выступили заместители премьера Госсовета КНР Фан И и Юй Цюли. Принят новый устав Всекитайской федерации женщин КНР, избран новый Исполком Всекитайской федерации женщин 4-го созыва. Кан Кэцин избрана председателем Всекитайской федерации женщин.
- 15—27 — В Пекине проходило всекитайское совещание по вопросам гражданской администрации. С докладом на совещании выступил Ли Сяньнянь.
- 17 — Помещена информация агентства Синьхуа о проходившем в Пекине совещании, созванном министерством культуры. На совещании подведены итоги проделанной работы и поставлены новые задачи работникам литературы и искусства.

Октябрь

- 1 — Исполнилась 29-я годовщина провозглашения Китайской Народной Республики.
- 6 — В Пекине вновь начала издаваться газета «Гунжэнь жибао» («Рабочая газета»), орган Всекитайской федерации профсоюзов. Газета не выходила 12 лет.
- 7 — В Пекине вновь начала издаваться газета «Чжунго циннянь бао» («Китайская молодежь»), которая не выходила 12 лет.
- 11—21 — В Пекине состоялся IX всекитайский съезд профсоюзов. Присутствовали: Хуа Гофэн, Дэн Сяопин, Е Цзяньин, Ли Сяньнянь, Ван Дунсин. С отчетным докладом выступил Ни Чжифу, с приветственной речью — Дэн Сяопин. Об изменениях в уставе профсоюзов Китая доклад сделал заместитель председателя Всекитайской федерации профсоюзов Кан Юнхэ. Съезд принял новый устав профсоюзов КНР. Избран новый руководящий орган профсоюзов КНР — Исполнительный комитет Всекитайской федерации профсоюзов 9-го созыва. Председателем Всекитайской федерации профсоюзов стал Ни Чжифу.
- 16—26 — В Пекине состоялся X съезд Коммунистического союза молодежи Китая. Присутствовали: Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь. С отчетным докладом выступил председатель подготовительного комитета съезда Хань Ин, с докладом об изменениях в уставе — Ху Цили. На съезде принят новый устав КСМК. Хань Ин избран первым секретарем ЦК КСМК. Сформирован Центральный комитет КСМК.
- 27 — На 1-м пленуме ЦК КСМК 10-го созыва был принят новый устав организации юных пионеров Китая.
- 31 октября — 8 ноября — Начал работу 8-й всекитайский съезд профсоюза железнодорожников. На съезде выступил член Политбюро, председатель Всекитайской федерации профсоюзов Ни Чжифу и заместитель министра железных дорог Лю Цзяньчжан.

Ноябрь

- 4 — В Пекине закрылось 3-е Всекитайское совещание по вопросам противовоздушной обороны, на котором выступил заместитель председателя ЦК КПК Е Цзяньин; на совещании присутствовали Хуа Гофэн, Дэн Сяопин, Ван Дунсин и др.
- На заседании Постоянного комитета ВСНП выступил Е Цзяньин; Ляо Чэнчжи сделал доклад о поездке китайской делегации во главе с Дэн Сяопином в Японию.

- 8 — В «Жэньминь жибао» помещено изложение доклада министра гражданской администрации Чэнь Цзыхуа на всекитайском совещании по гражданско-административной работе.
- 10 — В «Жэньминь жибао» опубликована статья о значении поддержания общественного порядка для осуществления «генеральной задачи нового периода».
- 12 — В Пекине, Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу, Ухани и других городах прошли мероприятия в связи со 112-й годовщиной со дня рождения Сунь Ятсена.
- 15 — В «Жэньминь жибао» помещена статья «По-деловому подходить к работе, исправлять ошибочные взгляды», в которой ставится вопрос о завершении к 30-летию КНР реабилитации руководящих кадров.
- 16 — Сообщение «Жэньминь жибао» о принятом ЦК КПК решении «О снятии ярлыков „правых элементов“ с лиц, причисленных к ним в 1957 г.».
- Возобновлено издание журнала «Шицзе вэньсюе» («Мировая литература»).
- 19 и 21 — В Пекине появились дацзыбао с критикой Мао Цзэдуна (по сообщениям японских газет).
- 20 — В «Жэньминь жибао» помещена статья «Исторические примеры пересмотра несправедливых дел».
- 21 — Агентство Синьхуа опубликовало постановление Госсовета КНР о введении единой системы транскрипции китайских фамилий и имен, а также географических названий латинскими буквами. Постановление вступило в силу 1 января 1979 г.
- 23 — В Пекине впервые появилась дацзыбао в поддержку Лю Шаоци (по сообщениям японских газет).
- 24 — Государственный экономический комитет, комитет по деталям науки и техники Госсовета, министерства сельского хозяйства и здравоохранения приняли решение о возобновлении действия «Положений о вознаграждении за техническое новаторство».
- ЦК комсомола и Пекинский горком комсомола провели собрание (присутствовало 1800 человек), на котором с речью о переоценке событий на площади Тяньаньмэнь выступил первый секретарь ЦК КСМК Хань Ин.
- 25 — В Пекине (по сообщению японской газеты «Акахата») появилась дацзыбао, в которой критикуются антисоветский курс внешней политики Мао Цзэдуна и теория «трех миров».
- 28 — В Пекине впервые проведена всекитайская научная конференция по проблемам демографии, организованная НИИ демографии и китайским народным университетом.

Декабрь

- 1 — В 29 провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах Китая были назначены главные прокуроры и их заместители.
- 6 — «Жэньминь жибао» сообщила о том, что 24 октября официально возобновили свою деятельность военные трибуналы НОАК.
- 10 — В Пекине завершило работу (начавшееся 31 октября) всекитайское совещание по вопросам направления образованной молодежи в горные и сельские районы страны.
- «Жэньминь жибао» сообщила о реабилитации видного деятеля КПК Тао Чжу; ранее было сообщено о реабилитации видного экономиста Бо Ибо и бывшего заведующего общим отделом ЦК КПК Ян Шанкуня.
- 11 — Решения всекитайского совещания по вопросам образованной

- молодежи были одобрены на заседании Политбюро ЦК КПК.
- Агентство Синьхуа сообщило о создании новых исследовательских учреждений в КНР: НИИ финансов, ресурсов и экологии при Академии общественных наук Китая, Финансового института при Народном банке Китая, Института финансовых наук при министерстве финансов и Института международной торговли при министерстве внешней торговли.
- 13 — «Цзефанцзюнь бао» сообщила, что Главное политуправление НОАК приняло решение до конца года завершить «в основном» проведение НОАК массового движения по разоблачению и критике «банды четырех».
- Опубликована речь Мао Цзэдуна «Об обследовании деревни» (13.IX.1941, Яньань). Эту речь рассматривают как «острое идеологическое оружие критики ревизионистской линии Линь Бяо, „четверки“, оружие борьбы за постановку практики во главу угла, соединения теории с практикой».
- 14 — «Жэньминь жибао» сообщила, что сотрудники центрального аппарата ЦК КПК, ведомств Госсовета и НОАК сформировали «рабочие группы», которые будут заниматься «наведением порядка» в местах проживания персонала центральных партийных, государственных и военных организаций.
- 15 — Помещена в «Жэньминь жибао» статья председателя Верховного народного суда КНР Цзян Хуа «Строго соблюдать законность и дисциплину, выправлять необоснованные и ошибочные дела».
- 18—22 — В Пекине проходил 3-й пленум ЦК КПК. Пленум решил с будущего года «переместить центр тяжести работы» на осуществление программы «четырёх модернизаций».
- 19 — Агентство Синьхуа сообщило о возобновлении деятельности министерства юстиции, народных судов и других юридических организаций и учреждений, упраздненных во время «культурной революции».
- 23 — По сообщению агентства Синьхуа, в Пекине созданы Всекитайское научное общество по технико-экономическим проблемам и Всекитайское научное общество по проблемам модернизации в управлении.
- 26 — В Пекине состоялось 5-е заседание Постоянного комитета ВСНП. На заседании выступил Хуан Хуа с докладом о нормализации китайско-американских дипломатических отношений. Принято также обращение к «соотечественникам на Тайване». Принято решение о назначении Ван Жэньчжуна заместителем премьера Госсовета КНР, а Го Вэйчэна и Ван Цзыгана — министрами железных дорог и связи.
- 27 — В Пекине закрылось (начавшееся 16 декабря) 7-е всекитайское совещание работников народной прокуратуры. На совещании выступили Хуан Хоци, Генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры, и Ху Яобан, член Политбюро ЦК КПК.
- 28 — В Пекине закрылись всекитайское совещание по делам китайских эмигрантов (начавшееся 22 декабря) и 2-й всекитайский съезд возвратившихся из-за границы китайцев. С речью выступил Ли Сяньнянь.
- 30 — Главное политическое управление и Главное управление тыла НОАК издали совместный документ о необходимости повышения общеобразовательного и культурного уровня военнослужащих

Внешнеполитические связи

Январь

- 19—24 — В КНР находился премьер-министр Французской Республики Р. Барр. Встретился с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином.
25—31 — В Бирме находился заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин. Встретился с президентом Бирмы У Не Вином.
26 — В Шэньяне КНР и КНДР подписали соглашение о навигации на пограничных реках.

Февраль

- 2—13 — В КНР находился Тухами Хасан — специальный представитель президента Египта А. Садата, заместитель премьер-министра по делам президентства и политический советник президента. Состоялись переговоры с Ли Сяньнянем, Хуан Хуа, Хэ Ином и др. Встретился с Хуа Гофэном.
3—5 — В Непале находился Дэн Сяопин. Был принят королем Непала Бирендрой. Встретился с премьер-министром Непала К. Н. Бистой.
24 — Президиум Верховного Совета СССР направил ПК ВСНП Обращение, в котором предложил, чтобы СССР и КНР выступили с совместным заявлением о принципах взаимоотношений между двумя странами.

Март

- 18—21 — Заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь находился в Бангладеш. Встретился с президентом З. Рахманом. Подписаны соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Бангладеш и КНР.
29 марта—
4 апреля — В КНР находился премьер-министр Таиланда К. Чаманан. Встретился с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином, Е Цзяньином. Подписано соглашение о торговле и научно-техническом сотрудничестве.

Апрель

- 14—18 — В КНР находился президент Сомалийской Демократической Республики М. С. Барре. Встретился с Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем, Хуан Хуа и др. Подписано китайско-сомалийское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.
24—28 — В КНР находился премьер-министр НДРП Али Насер. Встретился с Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем, Хуан Хуа. Подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.
27 апреля—
3 мая — В КНР находился начальник штаба обороны Великобритании маршал королевских ВВС Н. Камерон. Встретился с Хуа Гофэном.
29 апреля—
3 мая — В КНР находился президент Республики Сейшельские острова Ф. А. Рене. Встретился с Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем. Подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.

Май

- 5—11 — В КНДР находился Хуа Гофэн. Встретился с генеральным секретарем ЦК ТПК Ким Ир Сеном.
- 14—15 — В КНР находился король Непала Бирендра Бир Бикрам Шах Дева. Встретился с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином, Хуан Хуа.
- 15—20 — В КНР находился президент Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску. Встретился с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином, Е Цзяньином, Ли Сяньнянем и др. Подписано долгосрочное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.
- 20—23 — В КНР находился советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский. Встретился с Хуа Гофэном, Хуан Хуа, Дэн Сяопином.
- 25—31 — В КНР находился президент Народной Республики Мозамбик С. Машел. Встретился с Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем, Гэн Бяо.
- 26 — Установлены дипломатические отношения между КНР и Оманом.

Июнь

- 8—15 — В КНР находился президент Руандийской Республики Ж. Хабьялиман. Встретился с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином.
- 11—14 — В КНР находился премьер-министр Фиджи К. Мара. Встретился с Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем.
- 11—15 — В Турции находился министр иностранных дел КНР Хуан Хуа.
- 16—21 — В КНР находился король Испании Хуан Карлос. Встретился с Е Цзяньином, Дэн Сяопином, Хуан Хуа.

Июль

- 7 — МИД КНР направил посольству Албании в Китае ноту о прекращении помощи Албании и отзыве китайских специалистов.
- 12—15 — В Республике Тринидад и Тобаго находился заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. Встретился с премьер-министром республики Э. Ю. Уильямсом и президентом Э. Кларком.
- 16—20 — На Ямайке находился заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо.
- 20—24 — В Гайане находился заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо. Встретился с премьер-министром Кооперативной Республики Гайана Л. Ф. Бернхэмом.
- 29 июля—
2 августа — На Мальте находился заместитель премьера Государственного совета КНР Гэн Бяо. Встретился с премьер-министром Мальты Л. Минтоффом, заместителем премьер-министра Мальты И. Кассара.

Август

- 4—11 — В КНР находился член Генерального секретариата Всеобщего народного конгресса Ляньин А. Джеллуд. Встретился с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином. Установлены дипломатические отношения между двумя странами.
- 8—13 — В КНР находился министр иностранных дел Японии С. Сонода. Встретился с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином, Хуан Хуа. 12 августа Хуан Хуа и С. Сонода подписали договор «о мире и дружбе».

- 16—21 — В Румынии находился председатель ЦК КПК Хуа Гофэн. Встретился с президентом Н. Чаушеску. В ходе визита подписано 9 соглашений.
- 21—29 — В СФРЮ находился председатель ЦК КПК Хуа Гофэн. Встретился с президентом СФРЮ И. Броз Тито.
- 29 августа—
1 сентября — В Иране находился председатель ЦК КПК Хуа Гофэн. Встретился с шахом Ирана Р. Пехлеви.

Сентябрь

- 8 — В КНДР находилась партийно-правительственная делегация КНР, возглавляемая заместителем председателя ЦК КПК, заместителем премьера Госсовета КНР Дэн Сяопином и членом Политбюро ЦК КПК Пэн Чуном. Делегация встретила с Ким Ир Сенем.
- 12—15 — В Пекине находился премьер-министр Объединенной Республики Танзании М. Сокоине. Встретился с Хуа Гофэном, Ли Сяньнянем и Чэнь Мухуа. Подписан протокол о технико-экономическом сотрудничестве между КНР и Танзанией.

Октябрь

- 5—10 — В Италии находился министр иностранных дел КНР Хуан Хуа. Встретился с президентом республики А. Пертини, председателем Совета министров Дж. Андреотти, министром иностранных дел Италии А. Форлани. Подписаны соглашения о культурном и научном сотрудничестве.
- 5—16 — В ФРГ находился заместитель премьера Госсовета КНР Фан И. Встретился с президентом ФРГ В. Шеелем и федеральным канцлером Г.-Д. Шмидтом. Подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве между КНР и ФРГ, а также протокол, в котором определены области будущего сотрудничества.
- 13—20 — Во Франции находился заместитель премьера КНР Фан И. Был принят президентом В. Жискар д'Эстеном, встретился с премьер-министром Р. Барром. Подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве.
- 22—26 — Состоялся визит Дэн Сяопина в Японию для обмена ратификационными грамотами подписанного ранее договора «о мире и дружбе».

Ноябрь

- 3 — Хуа Гофэн направил телеграмму премьер-министру государства Доминика в связи с провозглашением независимости страны.
- 4 — Хуа Гофэн принял заместителя премьера Австралии Д. Антони.
- 4—17 — В Пекине находился министр сельского хозяйства США Р. Берглэнд.
- 5—9 — Состоялся официальный визит в Таиланд заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина, возглавлявшего делегацию из 35 человек.
- Китайская партийно-правительственная делегация во главе с заместителем председателя ЦК КПК Ван Дунсином и заместителем премьера Госсовета Юй Цюли находилась в Кампучии.
- 4—6 — Состоялся визит министра энергетики США Дж. Шлессинджера в КНР. Был принят Хуа Гофэном.

- 7 — Посол Советского Союза в КНР И. С. Щербаков устроил в Пекине прием по случаю 61-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. На приеме присутствовал заместитель министра иностранных дел КНР Юй Чжань.
- МИД КНР вручил ноту посольству СРВ в Пекине по поводу инцидента на границе 1 ноября.
- 9—11 — Состоялся официальный визит заместителя премьера Госсовета Дэн Сяопина в Малайзию.
- 12—14 — Состоялся визит Дэн Сяопина в Сингапур.
- 14 — По пути из Сингапура Дэн Сяопин сделал остановку в Рангуне, где встретился с президентом У Не Вином.
- В Пекин возвратился заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо, совершивший визиты в Конго, Гвинею, Мали, Гану, Нигерию, Руанду, Сомали.
- 14—18 — Состоялся официальный визит в АРЕ правительственной делегации КНР во главе с заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП Уланьфу.
- 16 — Хуа Гофэн и Дэн Сяопин приняли японскую парламентскую делегацию во главе с заместителем председателя палаты представителей С. Миякэ (по сообщению «Токио симбун»).
- 17 — Завершился 10-дневный официальный визит в Великобританию заместителя премьера Госсовета КНР Ван Чжэня; он был принят премьер-министром Великобритании Дж. Каллаганом.
- Министр коммуникаций КНР Е Фэй отбыл с визитом в Голландию, Бельгию, ФРГ.
- 18—23 — Состоялся официальный визит заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Уланьфу в Судан.
- 22—27 — Китайская военная делегация во главе с заместителем начальника генштаба НОАК У Сююанем находилась в Бирме.
- 23—28 — Состоялся официальный визит заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Уланьфу в Турцию. Он был принят президентом Турции Фахри Корутюрком.
- 24 — Заместитель премьера Госсовета Ван Чжэнь прибыл с однодневным визитом в Белград.
- 25 — Заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо принял находившегося с визитом в КНР председателя американского еврейского конгресса Г. Скуадрона.
- 28 — Опубликовано интервью Дэн Сяопина американским журналистам Р. Новаку и Р. Эвансу, в котором Дэн Сяопин заявил, что «без Мао Цзэдуна не было бы нового Китая». В интервью затронуты также вопросы Тайваня, китайско-американских отношений и другие проблемы.
- В Багдад с официальным визитом прибыл заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфэй. Он был принят президентом Ирака.
- Закончился 10-дневный визит в КНР военной делегации Мали.
- 29 — Хуа Гофэн направил генеральному секретарю РКП и президенту СРР Н. Чаушеску телеграмму по случаю 60-летия создания объединенного национального государства Румыния.

Декабрь

- 1 — В Пекине вновь открыто посольство Кении (было закрыто в 1967 г.).
- 2 — МИД КНР в ноте дипломатическим представителям в Пекине сообщил, что с 1 января 1979 г. при переводе дипломатических документов будет «использоваться система транскрипции китайских фамилий, имен и географических названий латинскими буквами».

- 2—10 — В КНР находился с визитом министр почт и телеграфа Бан-
гладеш Моудул Ахмед.
- 3 — В Бонн с двухнедельным официальным визитом прибыл ми-
нистр коммуникаций КНР Е Фэй.
— Представитель МИДа СРВ выразил протест временному по-
веренному в делах КНР в СРВ по поводу клеветнической
кампании, провокационных беспорядков в пограничных с
Вьетнамом районах Китая.
- 4 — Правительственная делегация Швеции во главе с министром
промышленности Э. Хуссом была принята заместителем премь-
ера Госсовета КНР Кан Шиэнем.
— Завершив недельный официальный визит в Иран, заместитель
председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфей при-
был в Нигер.
- 4—6 — Президент Габона Омар Бонго по приглашению китайского
правительства находился с официальным визитом в КНР. Был
принят Хуа Гофэнем и Дэн Сяопином.
- 5 — В Ханой выехал новый посол КНР в СРВ — Ян Гунсу.
- 8—23 — Визиты заместителя председателя ПК ВСНП Цзи Пэнфэя в
Бенин, Того, Сьерра-Леоне, Гамбию.
- 10 — Завершился визит в Румынию, Югославию, Италию, Швейцар-
ию, ФРГ и Францию китайской делегации во главе с минист-
ром 1-го министерства машиностроения Чжоу Цицзяном.
- 13 — Нота МИД КНР посольству СРВ, в которой Вьетнам обвин-
ялся в провоцировании конфликтов на границе.
— Китайская делегация во главе с заместителем начальника
Центрального управления радиовещания КНР Ли Яньшоу за-
вершила 10-дневный визит на Филиппины. Президент Филип-
пин потребовал прекращения передач Пекинского радио с вы-
падами в адрес правительства Филиппин. Филиппинское ин-
формационное агентство и Синьхуа подписали соглашение об
обмене информацией.
- 14 — Ли Сяньнянь встретился в Пекине с делегацией Всеамерикан-
ского координационного комитета Ассоциации дружбы между
США и КНР.
- 15 — Заместитель министра иностранных дел СРВ выразил послу
КНР в Ханое протест против нарушения китайской стороной
границы между двумя странами.
- 16 — В Пекине опубликовано совместное китайско-американское
коммюнике об установлении с 1 января 1979 г. дипломатиче-
ских отношений между КНР и США и об обмене послами с
1 марта 1979 г.
— Опубликовано заявление правительства КНР об установлении
дипломатических отношений с США.
— В Пекине проведена пресс-конференция Хуа Гофэна для ки-
тайских и иностранных журналистов в связи с установлением
дипломатических отношений между КНР и США.
— Хуа Гофэн принял находившуюся в КНР с визитом сель-
скохозяйственную делегацию Югославию.
- 19 — В Пхеньянь прибыла делегация министерства здравоохранения
КНР во главе с министром здравоохранения Цзян Ичжэнем.
- 20 — Из Пекина в Лаос отбыла с официальным визитом в связи
с 3-й годовщиной провозглашения республики делегация Об-
щества китайско-лаосской дружбы во главе с заместителем
председателя НПКСК Ван Шоудао. Делегация была принята
президентом ЛНДР Суфанувонгом. Хуа Гофэн направил пре-
зиденту республики поздравительную телеграмму.
- 22 — Китай в одностороннем порядке сообщил о прекращении же-
лезнодорожного сообщения между КНР и СРВ (под предло-
гом ремонтных работ).

- 30 — Представитель МИД КНР сделал заявление относительно принадлежности КНР островов Спратли, Парасельских, Мак-Клесфильд-бэнк и Пратас.
 — Ли Сяньнянь и Тань Чжэньлинь посетили посольство Алжира и выразили соболезнование в связи со смертью Х. Бумедьена. Были присланы венки от Е Цзяньпина и Хуа Гофэна.
- 31 — В ответ на ноту МИД КНР относительно суверенитета над островами Спратли МИД Филиппин сделал повторное заявление о том, что эти острова и примыкающий к ним район банки Рид находятся на континентальном шельфе Филиппин и в пределах их экономической зоны эксплуатации.

Внешнеэкономические связи

Январь

- 9 — В Пекине подписано китайско-бразильское торговое соглашение, которое рассчитано на 3 года, с последующим продлением на год.
- 14 — В Софии подписано соглашение о товарообмене и платежах между Народной Республикой Болгарией и КНР на 1978 г. Соглашением предусматривается увеличение товарообмена на 22% по сравнению с 1977 г.
- 20 — В Берлине подписано соглашение между ГДР и КНР о товарообмене и платежах на 1978 г. Предусматривается увеличение взаимного товарообмена.
- 21 — В Пекине подписано научно-техническое соглашение между правительствами КНР и Французской Республики.

Февраль

- 3 — В Белграде подписан протокол представителями союзного комитета по транспорту и связи СФРЮ и гражданской авиации КНР. Согласно протоколу с мая 1978 г. устанавливается регулярное воздушное сообщение между Пекином и Белградом.
- 16 — В Пекине подписано долгосрочное торговое соглашение между КНР и Японией. Согласно соглашению в течение ближайших 8 лет каждая из сторон поставит другой товаров на сумму 10 млрд. долл.
- 25 — В Пекине подписано соглашение между КНР и Малайзией о закупках в 1978 г. 100 тыс. т китайского риса.

Март

- 1 — В Пекине подписано венгеро-китайское соглашение о товарообмене и платежах на 1978 г. В соответствии с соглашением товарооборот между двумя странами по сравнению с 1977 г. значительно возрастет и превысит 200 млн. швейцарских франков.
- В Пекине подписан протокол о товарообмене между правительствами КНР и МНР на 1978 г.
- 14 — В Маниле подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве между КНР и Филиппинами. Соглашение предусматривает обмен между двумя странами техническими и другими специалистами, а также научными данными.
- 21 — В Дакке подписано соглашение между КНР и Бангладеш. Согласно соглашению КНР предоставит Республике Бангладеш беспроцентный заем в размере 100 млн. юаней (59 млн. долл.). Заем предоставляется с 12-летним периодом отсрочки

- и с 10-летним периодом погашения. Подписано также соглашение о научно-техническом сотрудничестве и об обмене специалистами и результатами научных исследований.
- 25 — В Каире подписан торговый протокол на 1978 г. между АРЕ и КНР. Общий товарооборот будет составлять 120 млн. долл. Согласно протоколу АРЕ будет импортировать из КНР текстиль, готовое платье, табак и ряд других товаров в обмен на хлопок (поставки которого составят 47 млн. долл.) и другие товары.
- 31 — В Пекине подписаны торговое соглашение и соглашение о научно-техническом сотрудничестве между правительствами КНР и Таиланда.

Апрель

- 3 — В Брюсселе подписано торговое соглашение между КНР и ЕЭС.
- 17 — В Пекине подписано соглашение о товарообмене и платежах между КНР и СССР на 1978 г.
- 18 — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Сомали.
- 26 апреля—
4 мая — В Белграде проходила 3-я сессия объединенной китайско-югославской торговой комиссии. Подписан протокол переговоров.
- 26 — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и НДРГ.

Май

- 2 — В Пхеньяне подписан протокол о товарообмене между КНР и КНДР на 1978 г.
- В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Республикой Сейшельские острова.
- 19 — В Пекине подписано долгосрочное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СРР и КНР.
- 28 — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Мозамбиком.
- 30 — В Пекине подписано торгово-экономическое соглашение между КНР и Аргентиной.

Июнь

- 10 — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Руандой.
- 19 — В Пекине подписано торговое соглашение между Испанией и КНР.

Июль

- 21 — Все китайские специалисты и техники, работавшие в Албании, возвратились на родину.

Август

- 9 — В Пекине подписаны соглашения об экономическом, техническом и научном сотрудничестве и соглашение о торговле между КНР и Ливией.
- 26 — В Белграде подписаны соглашения о долгосрочном экономическом и научно-техническом сотрудничестве и о создании

- югославо-китайского комитета по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.
- 31 — В Тегеране подписано ирано-китайское соглашение по вопросам культуры.

Сентябрь

- 24 — В Исламабаде подписано соглашение между Пакистаном и КНР, согласно которому на карачинской судовой верфи будет построено 10 грузовых судов для КНР грузоподъемностью по 4 тыс. т. Выполнение заказа рассчитано на 5 лет.

Ноябрь

- 9 — В Бангкоке подписаны: протокол о создании китайско-тайландского торгового комитета; протокол о товарообороте на 1979 г. (КНР будет поставлять нефть, увеличит закупки кукурузы, каучука и тапиоки); соглашение о техническом и культурном сотрудничестве.
- В Пекине КНР и Бразилия заключили первое долгосрочное торговое соглашение (на 5 лет) о поставках китайской сырой нефти.
- 13 — Заключено соглашение с американской фирмой «Интерконтинентал хотелс корпорейшн» о строительстве и эксплуатации отелей в Шанхае, Гуанчжоу, Пекине, Ханчжоу, Сиани, Сучжоу, Тяньцзине.
- 15 — После месяца работы в Гуанчжоу закрылась осенняя ярмарка китайских экспортных товаров.
- В Пекине заключен крупный контракт с западногерманской фирмой «Лургигезельшафтен» на строительство 22 заводов по переработке цветных металлов.
- В Лондоне подписано китайско-английское соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Намечено, что товарооборот между двумя странами с 200 млн. ф. ст. увеличится к 1985 г. до 600—700 млн. ф. ст.
- В Джорджтауне (Гайана) подписан контракт на закупку Китаем древесины на сумму 2 млн. гайанских долл.
- 20 — В Пекине опубликовано сообщение о том, что в результате переговоров с министром энергетики США Дж. Р. Шлессинджером разработан план сотрудничества между КНР и США в целях развития энергетических ресурсов и в осуществлении совместных научных исследований в области энергетики.
- 22 — Подписан протокол о сотрудничестве в области науки и техники между КНР и Венгрией.
- 27 — В Буэнос-Айресе китайская торговая делегация подписала контракт на закупку в Аргентине 40 тыс. т труб, 10 тыс. стальных заготовок и 1600 т проволоки; подписано также и соглашение о закупке бесшовных труб.
- Министр нефтяной и энергетической промышленности Норвегии Б. Гьерде по возвращении из КНР (после двухнедельного визита) заявил, что Норвегия и КНР подписали соглашение о совместном развитии нефтяных ресурсов в проливе Бохай и в Южно-Китайском море.
- 28—29 — В Пекине проходило заседание китайско-японского торгового комитета. Принято решение об открытии японскими компаниями представительств в Пекине. В свою очередь, 20 китайских торговых и промышленных компаний откроют представительства в Токио; Банк Китая будет также иметь свое представительство в Токио.

- 30 — В Пекине подписано правительственное соглашение между КНР и Бангладеш о морских перевозках.

Декабрь

- 4 — В Пекине министр внешней торговли КНР Ли Цян и министр внешней торговли Франции Ж. Денно подписали долгосрочное соглашение о развитии экономических связей и сотрудничестве, которое предусматривает увеличение товарооборота между двумя странами на ближайшие 7 лет до 60 млрд. фр. Достигнута договоренность о предоставлении Францией Китаю кредита на сумму 30 млрд. фр. сроком на 7 лет. Подписаны также соглашения, закрепляющие сотрудничество в ряде отраслей промышленности, дополнительные контракты по 11 проектам на закупку во Франции современной технологии (среди них сталелитейный комбинат, гидроэлектростанция, ТЭЦ и др.). Китай закупит во Франции также 2 атомные электростанции (на сумму 10 млрд. фр.).
- 5 — В Пекине подписано долгосрочное (на 10 лет) китайско-шведское соглашение о промышленном, научном и техническом сотрудничестве.
- Американская печать сообщила о заключении контракта компанией «Батлихем стил корпорейшн» на разработку железорудного месторождения Шаньчан. Сумма контракта — более 100 млн. долл.
- 6 — Японская «Асахи» сообщила, что три компании, входящие в группу «Сумитомо», подписали с китайскими внешнеторговыми организациями контракт на сумму 23 млрд. иен на поставку оборудования и строительство медеплавильного завода в пров. Цзянси.
- Министр 4-го министерства машиностроения КНР Цянь Минь и министр промышленности Франции подписали соглашение о сотрудничестве в области информатики и электроники (сроком на 5 лет).
- В Пекине подписан протокол о китайско-французском сотрудничестве в космосе.
- По сообщению «Файнэншл таймс» от 7 декабря, представители семи английских банков подписали с Банком Китая раздельные соглашения о предоставлении последнему депозитов на общую сумму 1,25 млрд. долл.
- 11 — В Пекине подписан протокол о торговле между КНР и Бангладеш на 1979 г.
- 12 — По сообщению американской печати, компания «Флюор корпорейшн» заключила контракт (примерно на 8 млн. долл.) на модернизацию крупного медного рудника в Китае и сооружение завода по обогащению меди.
- 14 — В Маниле президент Филиппин Маркос и министр внешней торговли КНР Ли Цян подписали соглашение о поставках в КНР медного концентрата.
- 15 — В интервью агентству Синьхуа председатель Управления по делам туризма КНР Лу Сюйчжан сообщил, что в 1978 г. Китай посетили 100 тыс. иностранных туристов; кроме того, 30 тыс. иностранцев находились в КНР транзитом. В это число не входят 400 тыс. постоянно проживающих за границей китайцев, носивших КНР с «ознакомительными целями».
- 16 — В Пекине подписан контракт с авиастроительной компанией «Боннг» на поставку в КНР трех самолетов «Боннг-747SP».
- Английская печать сообщила, что Банк Китая заключил с десятью английскими банками соглашения о кредите на сумму 1,2 млрд. долл.

- 23 — В Пекине подписан протокол о товарообороте между КНР и КНДР на 1979 г.
- 24 — Министерство сельского хозяйства США сообщило, что Китай закупил в США дополнительно 406,5 тыс. т пшеницы, доведя объем закупок зерновых в 1978/79 финансовом году до 6,1 млн. т; закуплено также 2,7 млн. т кукурузы.
- 26 — В Коломбо подписан протокол о товарообороте на 1979 г. между КНР и Республикой Шри Ланка. Кроме того, заключен контракт на поставку в 1979 г. каучука в КНР. Шри Ланка будет импортировать продукты нефтехимии. Общий объем товарооборота между странами должен составить 110 млн. долл.
- 28 — По сообщению индийской «Экономист таймс», индийская торговая делегация, находящаяся с двухнедельным визитом в КНР, заключила контракт на поставку Китаю железной руды, хромовой руды и чугуна на общую сумму 55 млн. рупий. Китай закупит в Индии также 50 тыс. т сахара.

ПЕРСОНАЛИИ

Дэн Инчао

Член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, второй секретарь Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва (вдова Чжоу Эньлая).

1903 г. рождения, уроженка г. Наньнина (ГЧАР).

В 1937—1945 гг. вместе с Чжоу Эньлаем работала в представительстве КПК в Ханькоу, а затем в Чунцине. В 1945 г. на VII съезде КПК была избрана кандидатом в члены ЦК. В 1947 г. заняла пост заместителя секретаря Отдела ЦК КПК по работе среди женщин. В это же время была избрана членом Исполкома Всемирной федерации женщин.

В апреле 1949 г. была избрана заместителем председателя Исполкома Всекитайской федерации женщин, а в сентябре введена в состав Постоянного комитета ВК НПКСК 1-го созыва.

После образования КНР Дэн Инчао занимала ответственные посты в аппарате ЦК КПК, в государственных органах и общественно-политических организациях КНР (была заместителем секретаря, а затем вторым секретарем Отдела ЦК КПК по работе среди женщин, членом законодательной комиссии Государственного административного совета, возглавляла Центральное правление Общества китайско-советской дружбы (ОКСД), секретариат Всекитайской федерации женщин (ВКФЖ), была заместителем председателя ВКФЖ, членом китайского комитета защиты мира и т. д.).

На VIII, IX, X и XI съездах КПК Дэн Инчао избиралась членом ЦК КПК. В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК доизбрана в члены Политбюро ЦК КПК и назначена вторым секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

Была депутатом ВСНП и членом Постоянного комитета ВСНП 1, 2, 3, и 4-го созывов. На 3-м заседании Постоянного комитета ВСНП 4-го созыва в начале декабря 1976 г. Дэн Инчао была утверждена заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП. В декабре 1978 г. избрана депутатом ВСНП 5-го созыва, на I-й сессии которого в марте 1979 г. утверждена заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП. В сентябре 1978 г. утверждена одним из трех почетных председателей Всекитайской федерации женщин.

Ни Чжифу

Член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, председатель Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов, секретарь комитета КПК, заместитель председателя ревкома, председатель совета профсоюзов Пекина, руководитель главного штаба народного ополчения столицы, по совместительству второй секретарь комитета КПК и первый заместитель председателя ревкома Шанхая.

1933 г. рождения, уроженец шанхайского предместья, из семьи «низшего середняка». Мальчиком работал на шанхайском нефтеочистительном заводе. В 1945—1948 гг. учился в начальной школе. В 1948 г. начал работать на фабрике по производству типографского оборудования.

После образования КНР — токарь-сверловщик на частной фабрике. В 1950 г. вступил в профсоюз. Был направлен на рабочие курсы повышения квалификации, после окончания которых командирован на 1-й станкостроительный завод в Пекине (Юнтинский завод). В 1953 г. поступил на вечернее отделение университета при этом заводе. В 1958 г. вступил в КПК. В 1962 г. был назначен на должность инженера, а в 1964 г. стал главным инженером 1-го станкостроительного завода.

Активный участник «культурной революции». Руководил цзюфаневскими организациями столицы. Возглавлял конференцию представителей «революционных рабочих-цзюфаней» Пекина, созданную после разгрома профсоюзов столицы. В 1968 г. был назначен заместителем председателя ревкома Юнтинского станкостроительного завода.

В апреле 1969 г. на IX съезде КПК был избран членом ЦК. В марте 1971 г. был введен в состав Постоянного комитета парткома Пекина. В октябре 1972 г. утвержден заместителем секретаря парткома Юнтинского завода.

В апреле 1973 г. утвержден председателем пекинского городского совета профсоюзов, а в августе того же года на X съезде КПК избран членом ЦК, на 1-м пленуме которого утвержден кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК. 28 августа 1973 г. утвержден секретарем комитета КПК Пекина и одновременно назначен руководителем главного штаба столичного ополчения. В ноябре назначен заместителем председателя ревкома Пекина.

В конце 1974 г. был избран депутатом ВСНП 4-го созыва. Во второй половине октября 1976 г. назначен по совместительству вторым секретарем комитета КПК и первым заместителем председателя ревкома Шанхая. С ноября 1976 г. по март 1977 г. принимал активное участие в митингах и совещаниях, которые проводились в Шанхае в связи с борьбой против сторонников устранившейся «четверки». В мае — июне 1977 г. участвовал в работе всекитайского совещания по распространению опыта Дацзиня. В июле 1977 г. участвовал в работе 3-го пленума ЦК КПК 10-го созыва.

В августе 1977 г. на XI съезде КПК снова избран членом ЦК, на 1-м пленуме которого утвержден членом Политбюро ЦК КПК. В декабре 1977 г. избран депутатом ВСНП 5-го созыва.

В феврале — марте 1978 г. участвовал в работе 2-го пленума ЦК КПК, а также сессий ВСНП и ВК НПКСК 5-го созыва, в марте принимал участие в работе всекитайского совещания по вопросам развития науки, а в июле — во всекитайском совещании по финансам и торговле.

В октябре 1978 г. руководил работой IX всекитайского съезда профсоюзов, сделал отчетный доклад съезду, избран членом Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов (ВФП), на 1-й сессии которого введен в состав Постоянного комитета Исполкома и утвержден председателем Исполкома ВФП.

В декабре 1978 г. в дацзыбао, расклеенных в Пекине, подвергался нападкам. Принимал участие в работе 3-го пленума ЦК КПК (18—22 декабря 1978 г.).

Ху Яобан / Китайская Народная Республика
в 1978 году: Политика, экономика, идеология.
М.: Нука, 1980.

Ху Яобан

Член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, заведующий секретариатом и отделом пропаганды ЦК КПК, третий секретарь Центральной комиссии ЦК по проверке дисциплины.

1913 г. рождения, уроженец пров. Хунань. С 1933 г. работал в аппарате ЦК китайского комсомола. В 1937 г. учился в Антияпонской академии в Яньани. Во время войны против Японии занимался организационно-политической работой в частях 8-й армии, в 1941 г. стал начальником орготдела политуправления 8-й армии (18-й армейской группы).

В 1947 г. занял пост начальника орготдела главного политуправления НОАК.

В декабре 1949 г. стал начальником политотдела 18-го корпуса, входившего в состав 2-й полевой армии. В феврале 1950 г. был назначен политкомиссаром Северосычуаньского военного округа и руководителем Северосычуаньского административного управления, а в июле того же года введен в состав Юго-Западного военно-административного комитета и одновременно назначен председателем финансово-экономической комиссии Северосычуаньского административного управления.

В 1952 г. занял пост секретаря ЦК Новодемократического союза молодежи Китая. В июле 1953 г. во главе делегации выезжал в Бухарест на конгресс Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ), избран заместителем председателя ВФДМ.

В сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК выступал с докладом о работе Союза молодежи и об идеологическом воспитании молодежи; избран членом ЦК КПК. В мае 1957 г. избран членом ЦК КСМК и назначен его секретарем.

В марте 1965 г. по совместительству занял посты третьего секретаря Северо-Западного бюро ЦК КПК и первого секретаря комитета КПК пров. Шэньси.

Ху Яобан был депутатом ВСНП, членом Постоянного комитета ВСНП 1, 2 и 3-го созыва, членом ПК Всекитайского комитета НПКСК 1, 2, 3 и 4-го созыва.

В октябре 1966 г. в Пекине появились дацзыбао, в которых Ху Яобан назывался «черным бандитом», в декабре прошли митинги с критикой в его адрес. В январе 1967 г. вместе с другими руководителями КСМК был обвинен в проведении линии Лю Шаоци и Дэн Сяопина, а затем репрессирован.

14 апреля 1972 г. Ху Яобан впервые после длительного перерыва был упомянут в «Жэньминь жибао». С апреля 1972 по январь 1975 г. периодически упоминался в официальных китайских мероприятиях в Пекине (в списке «членов ПК ВСНП и ПК Всекитайского комитета НПКСК»). С января 1975 вплоть до августа 1977 г. Ху Яобан был известен как ответственный сотрудник Академии наук Китая. С апреля по декабрь 1976 г. подвергался критике как «не желающий перевоспитываться каплурист в сфере науки и техники».

В 1978г. 3-ий Пленум ЦК КПК 11-го созыва «дополнительно избрал» в члены Политбюро ЦК КПК Чэнь Юня, Дэн Инчао, Ху Яобана и Ван Чжэня.

Член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, первый секретарь парткома и командующий ВВС НОАК.

Старше 60 лет. Служит в армии с юношеского возраста. В 1928—1936 гг. находился в рядах китайской Красной армии. В 1955 г. награжден орденом

«Освобождение» 1-й степени. В октябре 1956 г. был назначен заместителем начальника штаба ВВС, а в июле 1963 г. — начальником штаба (в чине генерал-майора авиации). В феврале 1964 г. занял пост заместителя командующего ВВС НОАК.

В феврале 1967 г. был подвергнут чистке. Длительное время центральной китайской печатью не упоминался. С 1973 г. периодически начал появляться на политических мероприятиях, проводимых в Пекине.

В апреле 1977 г. назначен командующим ВВС НОАК; в июне того же года участвовал в переговорах с прибывшими в Китай военными делегациями Вьетнама и Румынии. В августе 1977 г. на XI съезде КПК избран членом ЦК, на I-м пленуме которого введен в состав Политбюро ЦК КПК. 23 октября 1977 г. участвовал в работе Постоянного комитета ВСНП 4-го созыва.

В январе 1978 г. руководил работой совещания представителей ВВС НОАК, в том же месяце принял участие в ряде всекитайских отраслевых совещаний (представителей металлургической промышленности, госхозов, угольной промышленности и др.). В феврале 1978 г. участвовал в работе 2-го пленума ЦК КПК, а также сессий ВСНП и НПКСК 5-го созыва. В марте — апреле 1978 г. принимал участие во всеармейском совещании по вопросам полнотрудов в НОАК, в июне — июле принимал участие во всекитайском совещании по работе с ополчением.

В «Жэньминь жибао» 23 сентября 1978 г. за подписью Чжан Тинфа опубликована статья, в которой подчеркивается необходимость форсирования модернизации НОАК (впервые Чжан назван первым секретарем комитета КПК и командующим ВВС). В октябре — ноябре 1978 г. участвовал в работе 3-го всекитайского совещания командиров и полнотрудовиков ПВО. В декабре 1978 г. участвовал в работе 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.

Чжао Цзыян *

Член ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК; первый секретарь комитета КПК, председатель ревкома, первый политкомиссар военного округа пров. Сычуань, первый политкомиссар Чэндуского регионального военного округа, заместитель председателя Постоянного комитета ВК НПКСК 5-го созыва.

1918 г. рождения, уроженец пров. Хэнань, сын помещика, окончил среднюю школу. В 1932 г. поступил в комсомол. В феврале 1938 г. принят в КПК. 1940 г. — секретарь местного комитета КПК в 3-м специальном подрайоне Хэбэй-Шаньдун-Хэнаньского погранрайона. 1947 г. — заместитель секретаря комитета КПК района Тунбаошань. 1948 г. — секретарь комитета КПК Хэнань-Хубэй-Аньхойского погранрайона. В 1950 г. был назначен секретарем комитета КПК спецрайона Наньян пров. Хэнань.

В декабре 1951 г. был назначен начальником секретариата и заведующим Отделом по работе в деревне Южнокитайского подбюро ЦК КПК, заместителем председателя комиссии по проведению земельной реформы народного правительства пров. Гуандун.

В 1955 г. стал заместителем секретаря комитета КПК пров. Гуандун, в феврале того же года введен в состав народного комитета провинции. В 1956 г. стал секретарем комитета КПК и первым политкомиссаром военного округа пров. Гуандун. В мае 1962 г. был назначен вторым секретарем комитета КПК пров. Гуандун.

С июня 1965 г. — секретарь Центрально-южного бюро ЦК КПК, первый секретарь комитета КПК, председатель союза бедняков и низших середняков пров. Гуандун.

В начале «культурной революции» подвергся ожесточенной критике, был назван «второй преданной собакой Тао Чжу», критиковался как «контрреволюционный ревизионист», «представлявший группу высокопоставленных, обладавших властью в гуандунской партийной организации лиц, шедших по

* Известен также как Чжао Сюэни.

капиталистическому пути», «всегда выступавший против идей Мао Цзэдуна». В апреле 1967 г. был смещен со всех постов.

Чжао прошел унижительную процедуру «самопроверки» и признания ошибок, что, однако, не помогло ему. Он был направлен в «школу 7 мая» по перевоспитанию кадровых работников, откуда вернулся лишь в 1971 г.

В мае 1971 г. был утвержден секретарем комитета КПК и назначен заместителем председателя ревкома Автономного района Внутренняя Монголия. В марте 1972 г. занял пост секретаря комитета КПК и заместителя председателя ревкома пров. Гуандун. В августе 1973 г. на X съезде КПК был избран членом ЦК. В апреле 1974 г. вновь стал первым секретарем комитета КПК и председателем ревкома пров. Гуандун. В конце 1974 г. избран депутатом ВСНП 4-го созыва. В октябре 1975 г. переведен в Сычуань, где занял пост первого секретаря комитета КПК и председателя ревкома провинции, одновременно назначен первым политкомиссаром военного округа пров. Сычуань. В апреле — августе 1976 г. подвергался критике как «крупнейший каппутист в пров. Гуандун». В дацзыбао, развешанных в Гуанчжоу, утверждалось, что Чжао после инцидента на площади Тяньаньмэнь не последовал указанию «председателя Мао» углублять «кампанию критики правого уклона» и пытался пресечь «стихийные» демонстрации «народных масс». В августе 1977 г. на XI съезде КПК также избран членом ЦК, на 1-м пленуме которого утвержден кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК. В конце 1977 г. стал одновременно первым политкомиссаром Чэндуского регионального в/о.

В январском 1978 г. номере журнала «Хунци» опубликована за его подписью статья, призывающая ускорить темпы строительства в пров. Сычуань, чтобы превратить ее в прочную тыловую базу страны. В феврале — марте 1978 г. участвовал в работе 2-го пленума ЦК КПК, а также сессий ВСНП и БК НПКСК 5-го созыва; утвержден заместителем председателя Постоянного комитета ВК НПКСК 5-го созыва. Во второй половине августа 1978 г. в составе делегации, возглавляемой Хуа Гофэном, посетил Румынию, Югославию и Иран. В «Жэньминь жибао» от 13 октября 1978 г. опубликованы выдержки из выступления Чжао на семинаре, проведенном сычуаньским провинциальным парткомом для секретарей окружных и уездных парткомов (пров. Сычуань) по теме «Практика — единственный критерий истины». В декабре 1978 г. участвовал в работе 3-го пленума ЦК КПК.

Чэнь Мухуа

Член ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, заместитель премьер-министра Госсовета, министр внешних экономических связей КНР.

Старше 55 лет. С 1962 г. — ответственный работник Главного управления экономических связей Госсовета КНР, а с 1964 г. — в Комитете внешних экономических связей. В сентябре 1965 г. сопровождала министра иностранных дел Чэнь И в поездке в Мали. В начале «культурной революции» центральной китайской печатью не упоминалась. Лишь в сентябре 1969 г. стала снова появляться публично. В октябре 1969 г. участвовала в переговорах о заключении соглашения по экономическому и техническому сотрудничеству между КНР и Гвинеей.

В апреле 1970 г. была назначена заместителем министра внешних экономических связей. С того времени постоянно участвует в переговорах с зарубежными правительственными и торгово-экономическими делегациями, приезжающими в Пекин (в том числе с делегациями Сомали, Судана, Танзании, Пакистана, Ирана и др.). В июле 1970 г. присутствовала на встречах Мао Цзэдуна и Линь Бяо с делегациями Танзании, Замбии, Конго. Неоднократно присутствовала на переговорах Чжоу Эньлая с зарубежными делегациями, принимала активное участие в протокольных мероприятиях, связанных с пребыванием Р. Никсона в КНР (февраль 1972 г.).

В декабре 1971 г. находилась в Танзании и Замбии в качестве заместителя руководителя делегации на 5-м совещании по вопросам строительства железной дороги «Танзам».

В августе 1973 г. на X съезде КПК была избрана членом ЦК. В марте 1975 г. во главе делегации выезжала в Перу на сессию ООН по промышленному развитию. Выступала на пленарном заседании с речью, в которой содержались антисоветские выпады. В январе 1977 г. назначена министром внешних экономических связей КНР. В июле 1977 г. принимала участие в работе 3-го пленума ЦК КПК 10-го созыва. В августе 1977 г. на XI съезде КПК также избрана членом ЦК, на I-м пленуме которого утверждена кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК, в том же месяце участвовала в переговорах с югославской партийно-правительственной делегацией, возглавляемой И. Броз Тито. В конце февраля — начале марта 1978 г. участвовала в работе 2-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, а также сессии ВК НПКСК и ВСНП 5-го созыва; 5 марта 1978 г. решением сессии ВСНП назначена заместителем премьера Госсовета и министром внешних экономических связей КНР. В апреле 1978 г. во главе делегации находилась в Румынии, имела встречи и беседы с Н. Чаушеску и другими румынскими деятелями; в мае в составе делегации, возглавляемой Хуа Гофэном, посетила КНДР, участвовала в переговорах с корейскими руководителями; в том же месяце принимала участие в переговорах Хуа Гофэна с прибывшей в Пекин румынской партийно-правительственной делегацией во главе с Н. Чаушеску. В июле 1978 г. участвовала в работе всекитайского совещания по финансам и торговле; назначена руководителем группы при Госсовете КНР по вопросам планирования рождаемости в Китае. В августе 1978 г. во главе делегации посетила Сомали, Габон и Камерун, имела встречи и беседы с руководителями этих стран. В декабре 1978 г. участвовала в переговорах с румынской делегацией, возглавляемой П. Никулеску, участвовала в работе 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.

Постоянный комитет ВСНП 5-го созыва

Председатель:

Е Цзяньпин — член ЦК, заместитель председателя ЦК КПК, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК, депутат ВСНП от НОАК.

Заместители председателя:

1. Вэй Гоцинь — член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, начальник Главного политуправления НОАК, заместитель председателя ПК ВК НПКСК 5-го созыва, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, по национальности чжуан, депутат от НОАК.
2. Го Можо — член ЦК, президент АН Китая, заместитель председателя ПК ВК НПКСК 5-го созыва, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от пров. Сычуань. (Умер 12 июня 1978 г.)
3. Дэн Инчао — член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, вдова Чжоу Эньлая. Была заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от пров. Хэнань.
4. Ли Цзиньцюань — член ЦК КПК, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от пров. Шаньси.
5. Лю Бочэн — член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от НОАК.
6. Ляо Чэнчжи — член ЦК КПК, советник МИД КНР, председатель Общества китайско-японской дружбы, был членом ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от пров. Гуандун.
7. Нганод Нгагван-дзигмэд — заместитель командующего ВО, заместитель председателя ревкома ТАР, был заместителем председателя ПК ВСНП 3-го и 4-го созыва, тибетец по национальности, из знатного тибетского рода, депутат от ТАР.
8. Не Жунчжэнь — член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя Военного совета ЦК КПК, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от НОАК.

9. Сайфуддин — член ЦК, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, уйгур по национальности, депутат от СУАР.
 10. Сун Цинлинь — вдова Сунь Ятсена, заместитель председателя ЦК Революционного комитета гоминьдана, была заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от Шанхая.
 11. Сюй Дэхэн — председатель Общества 3 сентября, заместитель председателя ПК ВК НПКСК 5-го созыва, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от Тяньцзиня.
 12. Тань Чжэньлинь — член ЦК КПК, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от пров. Хуань.
 13. У Дэ — член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от Пекина.
 14. Уланьфу — член ЦК, член Политбюро ЦК КПК, заведующий Отделом единого фронта ЦК КПК, заместитель председателя ПК ВК НПКСК 5-го созыва, монгол по национальности, депутат от АРВМ.
 15. Ху Цзюэвэнь — заместитель председателя Ассоциации демократического строительства государства, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от Шанхая.
 16. Цай Чан — член ЦК КПК, была заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от пров. Хуань, вдова Ли Фучуна.
 17. Цзи Пэнфэй — член ЦК КПК, был членом ПК и начальником секретариата ПК ВСНП 4-го созыва, начальник секретариата ПК ВСНП 5-го созыва, депутат от Пекина.
 18. Чжан Динчэн — член ЦК КПК, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от пров. Фуцзянь.
 19. Чжоу Цзяньжэнь — член ЦК КПК, заместитель председателя ПК ВК НПКСК 5-го созыва, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от Пекина, ученый-биолог, брат Лу Синя.
 20. Чэнь Юнь — член ЦК, заместитель председателя ЦК, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, первый секретарь Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, был заместителем председателя ПК ВСНП 4-го созыва, депутат от Шанхая.
В Постоянный комитет ВСНП входят помимо перечисленных 175 членов, в том числе:
- Ба цзинь — заместитель председателя Шанхайского городского НПКС, известный писатель, в годы «культурной революции» был репрессирован, депутат от Шанхая.
- Бэй Шичжан — директор НИИ физики АН Китая, председатель общества по изучению технических наук, был членом ПК ВСНП 3-го и 4-го созыва, депутат от Тяньцзиня.
- Ван Куньлунь — член ПК ЦК Революционного комитета гоминьдана, член ПК ВК НПКСК 5-го созыва, был членом ПК ВСНП 2-го и 3-го созыва, депутат от Пекина.
- Го Фэньлянь — кандидат в члены ЦК КПК, секретарь комитета КПК, председатель ревкома Дачжая, избрана депутатом от пров. Шаньси.
- Ли Чан — был кандидатом в члены ЦК КПК 8-го созыва, с 1966 по 1975 г. китайской центральной печатью не упоминался, в марте 1978 г. назначен вице-президентом АН Китая, депутат от Шанхая.
- Лю Даянь — до «культурной революции» занимал пост заместителя директора Института современной истории АН Китая, был репрессирован в 1966 г., реабилитирован в 1974 г., депутат от Шанхая.
- Ма Чуньгу — заместитель председателя Исполкома ВКФП, перед «культурной революцией» занимал посты заместителя председателя и секретаря Всекитайской федерации профсоюзов. В 1967 г. был репрессирован, реабилитирован в 1972 г., был членом ПК ВСНП 3-го и 4-го созыва, депутат от Шанхая.
- Су Буцин — известный математик, профессор Фуданьского университета, во время «культурной революции» подвергался критике, был репрессирован

- в период 1968—1975 гг. в центральной китайской печати не упоминался, депутат от Шанхая.
- Сюй Дисинь — директор НИИ экономики АН Китая, до «культурной революции» был заместителем заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК, с 1966 по 1975 г. центральной китайской печатью не упоминался, депутат от пров. Гуандун.
- Тао Чжиюэ — бывший генерал гоминьдановской армии, в 1949 г. сдался НОАК, в 1955 г. присвоено звание генерал-полковника; перед «культурной революцией» был командиром синцзяньского производственно-строительного корпуса, с 1969 по 1974 г. центральной китайской печатью не упоминался, член ПК ВК НПКСК 5-го созыва, депутат от НОАК.
- Тун Дичжоу — вице-президент АН Китая, член ПК ЦК Демократической лиги Китая, ученый-биолог, директор НИИ океанологии АН Китая, был членом ПК ВСНП 3-го и 4-го созыва, заместитель председателя ПК ВК НПКСК 5-го созыва, депутат от Пекина.
- У Лэнси — кандидат в члены ЦК КПК, заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК и ответственный работник редакции газеты «Жэньминь жибао»; перед «культурной революцией» был директором агентства Синьхуа и главным редактором газеты «Жэньминь жибао», в 1968 г. репрессирован, реабилитирован в 1972 г., был членом ПК ВСНП 3-го и 4-го созыва, депутат от Шанхая.
- Фань Чжунчжи — герой труда, депутат от пров. Хубэй.
- Ху Цяому — член ЦК КПК (донзбран на 3-м пленуме ЦК КПК в декабре 1978 г.); историк, Президент Академии общественных наук, был членом ПК ВСНП 1, 2 и 3-го созыва, репрессирован в 1967 г., в 1967—1974 гг. центральной печатью не упоминался, депутат от Тяньцзиня.
- Цао Юй — драматург, депутат от Пекина.
- Цзи Фан — бывший председатель ЦК крестьянско-рабочей демократической партии, был членом ПК ВСНП 2, 3 и 4-го созывов, депутат от пров. Цзянсу.
- Цзян Наньсян — заместитель председателя Госкомитета по науке и технике, до «культурной революции» был министром высшего образования, репрессирован в 1967 г., до 1974 г. центральной китайской печатью не упоминался, депутат от Тяньцзиня.
- Чжан Бингуй — продавец универмага «Ванфуцин», герой труда, депутат от Пекина.
- Чжао Чжуяо — физик, заместитель директора НИИ ядерной физики АН Китая, был членом ПК ВСНП 3-го и 4-го созывов, депутат от Шанхая.
- Чжоу Пэйюань — вице-президент АН Китая, профессор Пекинского университета, физик, депутат от Пекина.
- Чжуан Силюань — и. о. председателя Всекитайской ассоциации возвратившихся в КНР китайских эмигрантов, был членом ПК ВСНП 3-го и 4-го созывов, депутат от Тяньцзиня.
- Юань Сюефэн — актриса, была проректором Восточнокитайского театрального института, членом постоянного комитета Ассоциации театральных работников Китая, членом китайского комитета защиты мира, депутатом ВСНП 3-го созыва от Шанхая, длительное время центральной китайской печатью не упоминалась, депутат от Шанхая.
- Ян Мо — с 1961 г. известна как ответственный сотрудник Союза писателей Китая, была депутатом ВСНП 3-го созыва, осенью 1967 г. подверглась острой критике со стороны Цзян Цин, затем репрессирована, в 1967—1977 гг. центральной китайской печатью не упоминалась, депутат от Пекина.
- Янь Цзиньцзи — известный физик, вице-президент АН Китая, председатель отделения технических наук АН Китая, председатель Северо-Восточного филиала АН Китая, заместитель председателя Общества 3 сентября, был членом ПК ВСНП 3-го и 4-го созыва, депутат от пров. Ляонин.

КНИГИ О КИТАЕ, ИЗДАНЫЕ В СССР В 1978 г.

История

- Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. Изд. 2-е. М., 1978, 302 с.
- Вельгус В. А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов. Китайские источники ранее XI в. М., 1978, 302 с.
- Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII—XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978, 136 с.
- Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней. 1898—1901. М., 1978, 363 с.
- Костяева А. С. Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX в.). М., 1978, 189 с.
- Кривцов В. А., Краснова В. А. Ли Да-чжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978, 166 с.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978, 342 с.
- Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978, 282 с.
- Машкина И. Н. Китай и Вьетнам (III—XIII вв.). М., 1978, 352 с.
- Никифоров В. Н. Сунь Ят-сен, октябрь 1896. Две недели из жизни китайского революционера. Документальная повесть. М., 1978, 61 с.
- Остриков П. И. Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 годах. М., 1978, 227 с.
- Революция 1925—1927 гг. в Китае. Отв. ред. Л. П. Делюсин. М., 1978, 236 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. I. 1700—1725. Сост. Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников. Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1978, 703 с.
- Семенов Г. Г. Три года в Пекине. Записки военного советника. М., 1978, 296 с.
- Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1978, 384 с.
- Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978, 335 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978, 216 с.

Внутриполитическое положение, экономика

- Богословский В. А. Тибетский район КНР. 1949—1976. М., 1978, 200 с.
- Босев К. Тайфун. Записки из Китая. Пер. с болг. М., 1978, 344 с.
- Волкогонов Д. А. Милитаристский характер идеологии и политики маоистов. М., 1978, 64 с.
- Давыдов А. П. Профсоюзы КНР. 1953—1958 гг. Из истории идеологической борьбы в Китае. М., 1978, 152 с.
- Инако Цунэо. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. Пер. с яп. М., 1978, 295 с.
- Китайская Народная Республика в 1975 году. Политика, экономика, идеология. Глав. ред. М. И. Сладковский. М., 1978, 375 с.
- Китайская Народная Республика в 1976 году. Политика, экономика, идеология. Гл. ред. М. И. Сладковский. М., 1978, 358 с.
- Маоизм: военная теория и практика. Под ред. Д. А. Волкогонова и А. В. Антосяка. М., 1978, 222 с.
- Опасный курс. Вып. 8. Китай после Мао Цзэдуна. М., 1978, 319 с.
- Сельское хозяйство КНР. 1949—1974. Под общ. ред. М. И. Сладковского. Отв. ред. И. Н. Коркунов, В. И. Потапов. М., 1978, 366 с.
- Сладковский М. И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978, 301 с.

Социально-экономический строй и экономическая политика КНР. 1949—1975.
Под общей ред. М. И. Сладковского. Отв. ред. М. М. Никольский. М.,
1978, 261 с.

Культура, литература, искусство, языкознание

- Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978, 595 с.
- Бо Цзюй-и. Стихотворения. В пер. с кит. Л. Эйлина. М., 1978, 302 с.
- Го Жо-сюй. Записки о живописи: что видел и слышал (пер. с кит. и коммент. К. Ф. Самосюка). М., 1978, 240 с.
- Дважды умершая. Старые китайские повести. Пер. Д. Воскресенского. М., 1978, 406 с.
- Завадская Е. В. «Беседы о живописи» Ши-тао. М., 1978, 208 с.
- Задоевко Т. П., Хуан Шу-ин. Учебник китайского языка для студентов институтов и факультетов иностранных языков. 3-е изд., испр. М., 1973, 755 с.
- Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. Тексты, грамматика, лексич. комментарий. М., 1978, 512 с.
- Лю Фэнь-лань. Учебное пособие по китайскому разговорному языку. Для IV курса. М., 1977, 344 с.
- Малявин В. В. Жуань Цзи. М., 1978, 167 с.
- Москалев А. А. Язык дуаньских яо: (Язык ну). М., 1978, 134 с.
- Самосюк К. Ф. Го Си. Л., 1978, 102 с.
- Сорок поэтов. Китайская лирика 20—40-х годов. Пер. с кит., статьи об авторах и предисл. Л. Е. Черкасского. М., 1978, 342 с.
- Судьбы культуры КНР (1949—1974). Отв. ред. В. А. Кривцов. М., 1978, 382 с.
- Сутра о мудрости и глупости. (Дзанлундо). Пер. с тибет. введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. М., 1978, 326 с. (АН СССР. Отд. истории. Ия-т востоковедения. Памятники письменности Востока. 7).
- Федоренко Н. Т. Древние памятники китайской литературы. М., 1978, 320 с.

Внешняя политика

- Апалин Г. В. Великодержавный курс Пекина — угроза миру и безопасности народов. М., 1978, 46 с.
- Артемьев П. Проблемы развивающихся стран и маоистская дипломатия в ООН. М., 1978, 224 с.
- Богословский В. В. Пронски Пекина в Африке. Киев, 1978, 207 с.
- История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977. Гл. ред. С. Л. Тихвинский. Хабаровск, 1978, 558 с.
- Каткова З. Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны. 1937—1945. М., 1978, 240 с.
- Кузьмин В. В. Китай в стратегии американского империализма. М., 1978, 271 с.
- Международные отношения в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. 1955—1965. Отв. ред. М. С. Капица. М., 1978, 269 с.
- Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Ред. Е. М. Жуков, М. И. Сладковский, Г. В. Астафьев, М. С. Капица. М., 1978. Т. 1. 1945—1957 гг., 279 с. Т. 2, 1958—1976 гг., 286 с.
- Носов М. Г. Японо-китайские отношения. 1949—1975. М., 1978, 216 с.
- Политика Пекина — угроза миру. М., 1978, 32 с.
- Сергеева Э. А. Внешняя политика и внешнеполитическая пропаганда руководства КПК. М., 1978, 190 с.

Китаеведение

Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1—3. М., 1978.

Проблемы Китая (Материалы Международной конференции по новейшей истории Китая. Апрель 1977 г.). Ч. I. Гл. ред. В. А. Кривцов. М., 1978, 216 с.

Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы и доклады восьмой научной конференции. М., 1978.

Третья научная конференция по проблемам истории Китая в новейшее время. Тезисы докладов. М., 1978, 340 с.

Абу аль — Холль 195
 Аз Завазн 195
 Ай Цин 276
 Андреотти Дж. 331
 Антони Д. 222, 331
 Асуката И. 221

Ба Цзинь 269, 273, 344
 Бай Шоун 263, 265
 Барр Р. 211, 329, 331
 Барре М. С. 195, 329
 Белинский В. Г. 278
 Беннет Ф. 215
 Бергленд Б. 206, 331
 Берихэм Л. Ф. 330
 Бжезинский З. 180, 197, 201, 203, 206,
 207, 215, 330

Билак В. 179
 Бирендра Бир Бикрам Шах Дева 191,
 329, 330

Биста К. Н. 191, 329
 Блюменталь М. 206
 Бо Ибо 42, 46, 327
 Бонго О. 195, 333
 Бондарев Ю. 277
 Брежнев Л. И. 166, 173
 Бумедьен Х. 334
 Бхутто З. А. 191
 Бэй Шичжан 344
 Бянь Цзянь 36

Ваджпан А. Б. 188—190
 Ван Биннань 188—191
 Ван Бичэн 39
 Ван Дунсин 44, 47, 55, 60, 67, 183, 325,
 326, 331

Вань И 40
 Ван Жэньчжун 37, 328
 Ван Куньлушэ 344
 Ван Ли 298
 Ван Лэй 37
 Ван Лишэн 39
 Ван Миндэ 56
 Ван Миньшэн 60
 Ван Мэйли 65
 Ван Мэн 38
 Ван Фэн 77, 78
 Ван Хункушэ 40
 Ван Цыган 37, 38, 328

Ван Цзыу 286
 Ван Чжаохуа 60
 Ван Чжицзе 56
 Ван Чжэн 37
 Ван Чжэнь 37, 47, 48, 190, 215, 216,
 332

Ван Чундунь 56
 Ван Шоудао 325, 333
 Ван Шоужэнь 296
 Ван Ян 36
 Ван Япин 276
 Ванг Пао 239
 Вань Ли 36, 40
 Вейман Э. 194
 Войнич Э. 276
 Вэй Гоцин 48, 51, 53, 323, 343

Габсбург О. 213
 Гай Цзяотянь 279
 Ганди И. 189
 Гао И 290
 Гас Хоулян 39
 Гао Чжаньсян 60
 Гао Шулань 65
 Герног Х. 194
 Го Вэйчэн 37, 38, 328
 Го Можо 27, 39, 265, 269, 277, 280,
 281, 324, 343
 Го Фэнлянь 344
 Го Шудэ 57

Гоголь Н. В. 277
 Горький А. М. 270, 277
 Гу Дачунь 55
 Гу Му 37, 178, 222
 Гу Эртань 281
 Гуань Цзянь 68
 Гьерде Б. 336
 Гэн Бяо 37, 48, 190, 192, 195, 201,
 202, 212, 330, 332

Далай — лама 79
 Де Голль 214
 Денно Ж. 337
 Десай М. 189, 190
 Джеймсон Д. 223
 Джеллуд А. 193, 195, 330
 Джосан Н. 180
 Ди Цышай 56

Дич Вэйчжи 260, 264
Дин И 281
Дин Лин 273
Дин Чжаочжун 294
Добролюбов Н. А. 278
Ду Идэ 40
Ду Сюань 281
Ду Фу 277
Дуань Цзюньи 37
Дун Бянь 68
Дун Синь 56
Дэн Х. 221
Дэн Инчао 34, 35, 47, 48, 67, 68, 183,
234, 325, 338, 343
Дэн Сяопин 29, 37, 46, 52, 53, 55, 58,
59, 63, 75, 152, 170, 179, 180, 183,
184, 186—188, 191, 197, 205, 207,
211, 213, 218, 225, 230, 231, 238,
246—249, 274, 289, 294, 304, 310,
311, 322, 326, 327, 329—333, 340
Дэн То 273

Е Фэй 38, 332, 333
Е Цзяньбин 24, 26, 27, 31—34, 36, 47,
50, 51, 55, 60, 67, 174, 246, 247,
292, 324, 325, 326, 327, 329, 330,
334, 343
Е Цзяньхой 284
Е Шуйфу 278

Живков Т. 177
Жискар Д'Эстен 331
Жэнь Синьминь 220, 293

Ибсен Г. 281
Иенг Сари 183, 185, 202, 230, 231, 234
Икэда И. 220
Инаяма Е. 219, 220
Искендери И. 194
Иомба — Опанго Ж. 195

Каллагэн Дж. 214, 332
Камерон Н. 213, 214, 329
Кан Кэцин 67, 68, 325
Кан Шиэнь 36, 37, 60, 333
Кан Юнхэ 55, 56, 326
Карлос Хуан 330
Картер Дж. 193, 205, 207, 219
Кассара И. 330
Кастро Ф. 175
Ким Ир Сен 330, 331
Кларк Э. 330
Клонски М. 257
Конфуций 260—263, 265, 266, 300
Корутюрк Ф. 332
Косыгин А. Н. 232
Комото Т. 220
Крепс Х. 206
Куан Ямин 293
Кубильос Э. 199

Лао Шэ 272
Ламбсдорф О. 217
Ле Зуан 173
Ленин В. И. 32, 247, 253, 256
Лермонтов М. Ю. 278
Ли Баогуан 68
Ли Баохуа 38
Ли Бо 277
Ли Дачжао 321
Ли Дэшэн 39, 48
Ли Жун 298
Ли Куан Ю 188
Ли Кучань 286
Ли Кэ 196
Ли Сувэнь 35, 65
Ли Сючжэнь 325
Ли Сяньнянь 24, 37, 47, 55, 60, 67,
113—115, 125, 148, 183, 184, 187,
191, 220, 231, 304, 324—326, 328
—331, 333—334
Ли Фучунь 67, 344
Ли Хайфэн 60
Ли Цзебо 55
Ли Цзи 273
Ли Цзиньцюань 343
Ли Цзитай 36
Ли Цинь 68
Ли Цитао 290
Ли Цян 38, 141, 184, 222, 337
Ли Чан 344
Ли Чжэндао 229
Ли Чэнфан 36
Ли Шу 265
Ли Шуйцин 36, 39
Ли Шучжэн 68
Ли Юн 57
Ли Яньшоу 333
Линмайе М. 189
Линь Бяо 45, 56, 72, 73, 116, 123, 171,
245, 247, 249, 251, 263, 265, 269,
273, 274, 303, 328, 342
Линь Лиюнь 68
Линь Мохань 273, 279
Линь Хуцзя 220
Линь Цяочжи 68
Ло Цинчан 229
Ло Цюнь 68
Ло Чуньди 65
Ло Шинкао 196
Лу Синь 260, 264, 278, 344
Лу Сюйчжан 337
Луначарский А. В. 270
Лэй Цзешонг 68
Лю Айфэн 290
Лю Байюй 273
Лю Бочэн 48, 343
Лю Вэй 38
Лю Вэймин 60
Лю Гуантао 40
Лю Данянь 344
Лю Кайцюй 284

Лю Сивэнь 220
Лю Синьу 276
Лю Сяю 38, 289
Лю Сяппин 36, 65
Лю Цзяньсюнь 40
Лю Цзяньчжан 326
Лю Чжэнь 39
Лю Шаоци 327, 340
Лю Юйэ 56
Люй Дун 38
Люй Чжэнцао 39
Люй Шусян 298
Лян Лингуан 38
Ляо Моша 273
Ляо Чжункай 321
Ляо Чэпчжи 35, 228, 326, 343

Ма Ваньшуй 57
Ма Люхай 56, 57
Ма Ляньлян 279
Ма Хэнчэи 56, 57
Ма Чуньгу 54—56, 344
Манур 68
Маллума Ф. 195
Мао Дунь 269
Мао Цзэдун 3, 25, 26, 28, 33, 44, 46, 49, 51, 52, 57, 58, 61, 62, 72, 74, 76, 77, 92, 115, 117, 152, 167—169, 171—173, 226, 231, 238, 242—253, 255, 259, 261, 262, 264—266, 269—275, 277—279, 281—283, 285, 287, 289, 292, 296, 305, 306, 309, 325, 327, 328, 332, 342

Мара К. 330
Марнам М. Х. 198
Маркос И. 184, 337
Маркс К. 246—248, 253, 256, 260
Машел С. 195, 330
Менцель А. 284
Минтоф Д. 212, 330
Миякэ С. 332
Мо Вэньхуа 39
Мобуту 197, 205
Мольер Ж. — Б. 281
Моудуд Ахмед 333
Муран Э. 220
Мухаммед А. Н. 195
Мэй Ланьфан 300
Мэнеску М. 180
Мэницзы 261—263, 301

Накамура С. 220
Нарита 221
Насер А. 329
Нганод Нгагван-дэнгмэд 343
Нганод Цэтань-джолкар 68
Не Жунчжэнь 48, 325, 343
Не Фэнчжи 39
Ни Чжифу 48, 55, 56, 58, 326, 339
Никсон Р. 343

Никулеску П. 343
Новак Р. 332

Оуэн Д. 212

Пантелеев Л. 276
Пертини А. 331
Пехлеви Р. 331
Пол Пот 183, 185, 202, 230, 231, 234
Портильо Х. Л. 200
Потачар С. 181
Пресс Ф. 206, 209, 293
Пу Сунлин 277
Пуивату Н. 184
Пэн Дэхуай 42, 46
Пэн Чун 48, 53, 331

Рам Дж. 238
Рахман З. 191, 329
Рацирака Д. 195
Рейнер К. 284
Рембрандт 284
Рене А. 195, 329
Ритхауддин А. 184

Садат А. 193, 195, 329
Сайфуддин 48, 344
Сасаки Т. 219
Свами С. 237
Се Сюегун 40
Се Цзиньги 65
Сервантес М. 277
Сёдер К. 212
Скуадрон Г. 332
Сокоине Э. 56, 331
Сонода С. 330
Сталин И. В. 256
Станиславский К. С. 279, 280
Су Буцин 344
Су Цзин 325
Су Чжэньхуа 39, 48
Су Шулянь 281
Су Юй 179
Сун Жэньцюн 38
Сун Каньфу 56
Сун Цинлин 67, 68, 344
Сун Чжэньмин 38
Сун Чэнчжи 39, 40
Сун Шилунь 292
Сунь Вэйши 279
Сунь Ефан 303
Сунь Цзиньвэнь 38, 324
Сунь Цзянь 36
Сунь Ятсен 67, 327, 344
Суфанувонг 333
Сюй Бэйхун 284, 296
Сюй Диньинь 303, 306, 345
Сюй Дэхэн 50, 344
Сюй Сянциань 35, 37, 48
Сюй Тайжань 294
Сюй Циньциань 36

Сюй Чн 222
Сюй Шню 39, 48
Сюнь Хойшэн 279
Ся Янь 269, 275, 279
Сян Чжунхуа 40
Сяо Бай Юйшуан 279
Сяо Хань 38
Сяо Цзиньгуан 39

Тан Кэ 38
Танака 236
Тань Чжэньлинь 334, 344
Тань Шаньхэ 39
Тао Чжиюэ 345
Тао Чжу 42, 46, 327, 341
Тито И. Б. 181, 331, 343
Толберт Р. 148, 195
Толстой Л. Н. 277
Толстой И. Л. 277
Тун Дичжоу 345
Тун Дун 265
Тун Эньчжэн 277
Тургенев И. С. 277
Тухами М. Х. 195, 329
Тянь Бао (Санггэз Изшэ) 79
Тянь Сюэцюань 68
Тянь Хань 273
Тянь Цзэньпэй 321
Тянь Чжуань 281

У Гуйсянь 36
У Дэ 44, 48, 75, 344
У Ифан 68
У Кэхуа 39
У Лэнси 345
У Не Вин 329, 332
У Сюцюань 183, 332
У Таньбао 279
У Хань 269, 280
У Хунси 294
У Цзожэнь 284, 296
У Цзусян 278
У Цзян 262
У Цюаньхэн 68
Уильямс Э. Ю. 330
Уланьфу 48, 50, 53, 193, 195, 323,
332, 344

Фам Ван Донг 187, 236
Фан И 36—38, 48, 60, 68, 293, 294,
322, 326, 331
Фан Ли 55
Фан Мин 55
Фан Хунъюй 281
Фан Чэн 286
Фань Сюэцзюй 65
Фань Цзыюй 36
Фань Чжапгюнь 294
Фань Чжунчжи 345
Форлани А. 331
Фу Баоши 296
Фу Чуаньцзо 40

Фукуда Т. 219
Фэн Му 270, 273, 279

Хабнаримана Ж. 195, 330
Хай Мо 272
Хань Жунхуа 56
Хань Ин 60—63, 326, 327
Хань Няньлуя 189
Хань Сяньчу 39
Хао Цзяньсю 56, 57, 68
Хилл Э. 223
Хнёупек Б. 179
Хонеккер Э. 178
Хоу Гуандэ 79
Ху Дэхуа 60
Ху Цзюэвэнь 344
Ху Цили 60, 326
Ху Цяому 27, 39, 98, 120, 159, 303,
305, 306, 345
Ху Яобан 47, 48, 328, 340
Хуа Гофэн 22, 24—27, 32, 36, 37, 44,
47, 49, 51, 55, 60, 67, 75—78, 80,
87, 92, 102, 108, 139, 152, 159, 169,
170, 174, 179—181, 187, 194, 195,
201, 204, 210, 220, 223, 246—248,
258, 261, 268, 270, 271, 277, 282,
285, 294, 304, 325, 326, 329—334,
342, 343
Хуа Логэн 294
Хуа Цзюньу 286
Хуан Ганьин 68
Хуан Миньвэй 55, 56
Хуан Синьтин 39
Хуан Хоцин 27, 39, 328
Хуан Хуа 37, 184, 187, 191, 195—197,
199, 210, 211, 224—226, 236, 328—
331
Хуан Чжэнь 38, 272, 279
Хуан Юньюй 286
Хусс Э. 333
Хэ Гуанъюй 40
Хэ Ин 195, 329
Хэ Лун 281
Хэ Цзинчжи 273, 279
Хэ Чжэньвэнь 196

Цай Жохун 284
Цай Чан 66—68, 344
Цай Чушэн 283
Цай Шумэй 65
Цао Юй 279—281, 345
Цвейг С. 277
Цеденбал Ю. 174
Цетинич М. 181
Цзи Дэнкуй 37, 48
Цзи Пэнфэй 35, 195, 196, 200, 223,
237, 332, 333, 344
Цзи Сяньлинь 278
Цзи Фан 345
Цзинь Жубай 39
Цзинь Цзипфан 265
Цзоу Дифань 277

Цзоу Янь 40
Цзун Фусянь 281
Цзэн Сяюй 39
Цзэн Сянъчжи 68
Цзэн Шаошань 40
Цзян Ичжэнь 38, 325, 333
Цзян Наньсян 345
Цзян Хуа 27, 39, 328
Цзян Цинь 269, 310, 345
Цзяо Цзюйинь 281
Ци Байши 284, 296, 300
Ци Яоминь 52
Циммерман Ф. 213
Цинь Шинхуан 264, 265, 266
Цянь Минь 37, 38, 337
Цянь Чжигуан 38
Цянь Чжэньинь 38, 107
Цянь Шаоу 286
Цяо Гуаньхуа 36

Чай Цзэминь 207
Чай Шуфань 38
Чаманан К. 184, 187, 329
Чан Жуйай 196
Чаушеску Н. 180, 330—332, 343
Чернышевский Н. Г. 278
Чжан Айпин 214
Чжан Вэйчжан 55
Чжан Вэньби 40
Чжан Бингуй 345
Чжан Гэн 279
Чжан Дачжи 40
Чжан Динчэн 344
Чжан Дэчэн 279
Чжан Жуйинь 56
Чжан Пинхуа 279
Чжан Сючжу 55
Чжан Тайлэй 321
Чжан Тинфа 39, 48, 340, 341
Чжан Цайцзянь 200, 219
Чжан Цзиньфу 38
Чжан Цзяхуа 325
Чжан Чжэнь 38, 40
Чжан Чуньцяо 36
Чжансю Конрад 294
Чжао Гоцянь 55
Чжао Гою 57
Чжао Цанби 38
Чжао Цзыян 48, 53, 341, 342
Чжао Чжунъяо 345
Чжао Шули 272
Чжоу Вэйчжи 279
Чжоу Жунсинь 36
Чжоу Ичунь 294
Чжоу Линь 290
Чжоу Лицинь 65
Чжоу Пэйлюань 293, 318, 345
Чжоу Пэнчэн 60
Чжоу Синьфан 272, 279, 280
Чжоу Хуэй 78
Чжоу Цзинцзян 333

Чжоу Цзыцзянь 38
Чжоу Цзяньжэнь 344
Чжоу Чуньинь 40
Чжоу Эньлай 34, 36, 51, 52, 67, 171,
232, 236, 261, 281, 283, 284, 310,
338, 343, 345
Чжоу Ян 269, 273, 275, 279, 280, 282
Чжу Дэ 34, 67
Чжу Дэси 298
Чжу Сюэфань 54—56
Чжу Чжуанцюй 294
Чжуан Сицюань 345
Чжун Фусян 37
Чжуан Цзэдун 36
Чжэн Сикунь 56
Чжэн Чжэньдао 322
Чжэнь Пинли 294
Чжэнь Цзюньли 272
Чи Хаотянь 196, 198
Чунхаван Ч. 184
Чэн Цзыхуа 38
Чэнь Бода 251
Чэнь Годун 38
Чэнь И 281, 342
Чэнь Минцяо 39
Чэнь Мухуа 37, 38, 48, 60, 195, 323,
325, 331, 342
Чэнь Силян 37, 39, 44, 48, 75
Чэнь Тецзянь 264
Чэнь Цзайдао 39, 40
Чэнь Цзе 196
Чэнь Цзыхуа 327
Чэнь Чу 224
Чэнь Шаокунь 13
Чэнь Юй 55, 56
Чэнь Юнгуй 37, 48, 324
Чэнь Юнь 46, 47, 344
Чэнь Юэ 220

Ша Тин 270
Ша Фэн 36
Шан Ян 265
Шао Цзинва 55
Шеель В. 331
Шекспир У. 277, 281
Шефер Б. 181
Ши Да 233
Ши Лян 68
Ширак Ж. 214
Шлесинджер Дж. 206, 209, 331, 336
Шмидт Г. 331

Щербиков И. С. 332

Эванс Р. 332
Энгельс Ф. 248, 253, 256

Ю Тайчжун 40, 78
Юань Вэньшу 283
Юань Сюэфэн 345

Юй Гуанюань 303
Юй Лин 279, 283
Юй Хуэйюн 36
Юй Цюли 37, 48, 55, 68, 324, 326, 331
Юй Чжань 200, 214, 332
Юн Чжоуван 294
Юнь Вэньтао 290

Ян Боцзюнь 298
Ян Гунсу 333
Ян Дэчжи 39
Ян Лигун 38
Ян Мо 296, 345
Ян Полань 65
Ян Сянкуй 265

Ян Ханьшэн 273
Ян Цзинжэнь 38, 77, 179
Ян Цюнь 196
Ян Чжэньнин 231, 294
Ян Чуньфу 65
Ян Чэнъю 39, 40
Ян Шанкунь 46, 327
Ян Юн 325
Янь Фэнъин 279
Янь Цицы 345
Яно Д. 221
Яо Вэньюань 269
Яо Илинь 37, 38
Яо Ляньвэй 35

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австралия 145, 146, 222, 223, 293, 317, 331
 Автономный р-н Внутренняя Монголия (АРВМ) 40, 41, 44, 77—80, 120, 122, 159, 342, 344
 Аддис-Абеба, г. 132, 198
 Азия 168, 169, 173, 179, 182, 184, 206—208, 217—219, 258, 295
 Албания (Народная Социалистическая Республика Албания, НСРА) 131, 144, 175, 297, 330, 335
 Алжир 334
 Америка 230
 Англия 140, 144—148, 211—214, 216, 233, 288, 294, 295, 317, 329, 332
 Ангола 176, 197, 198
 Аньхой-Цзяннская ж. д. 129
 Аньхой, пров. 36, 84, 87, 107, 110, 112, 120, 129, 156, 157, 340, 341
 Аньшань, г. 276
 Аньшаньский мет. комб. 32, 82, 109
 Аньян, г. 16
 Ломэнь см. Макао
 Арабский Восток 192
 Аравийский п-ов 194
 Аргентина 131, 147, 200, 335, 336
 Афганистан 5
 Африка 132, 175, 182, 195—199, 201, 213, 281, 286, 296
 Африканский Рог, р-н 182, 196—198, 202
 Багдад, г. 193, 332
 Балканы (Балканский п-ов) 175, 178, 181
 Бангкок, г. 296, 336
 Бангладеш 148, 191, 296, 329, 333, 334, 337
 Баотоуский мет. комб. 135
 Баошань, г. 220
 Басо, г. 15
 Бахрейн 194
 Белград, г. 132, 202, 210, 295, 332, 334, 335
 Бельгия 146, 205, 295, 296, 332
 Бенин 149, 195, 196, 333
 Берлин, г. 334
 Бирма 5, 149, 172, 183, 184, 231, 238, 282, 296, 329, 332
 Ближний Восток 182, 194, 204, 213
 Болгария (Народная Республика Болгария, НРБ) 143, 166, 176, 177, 334
 Бонн, г. 333
 Ботсвана 148, 196
 Бохайский зал. 6, 106, 336
 Бразилия 148, 199, 336
 Брюссель, г. 335
 Бурунди 296
 Бутан 5, 238
 Бухарест, г. 180, 295, 340
 Буэнос-Айрес, г. 200, 336
 Бэйхай, г. 15, 130
 Вампу, порт, см. Хванпу
 Вашингтон, г. 207, 219, 294
 Великобритания, см. Англия
 Венгрия (Венгерская Народная Республика, ВНР) 143, 166, 176, 178, 336
 Венесуэла 200, 231
 Внутренняя Монголия 7, 78, 80, 122
 Восточная Азия 281
 Восточная Африка 195
 Восточная Европа 176, 181
 Восточно-Китайское море 236, 319
 Восточно-Синьцзянский в. о. 80
 Восточный Китай 8, 10
 Вьетнам (Социалистическая Республика Вьетнам, СРВ) 5, 144, 169, 172—174, 182, 183, 185—188, 199, 202, 204, 208, 230, 231, 234—236, 239, 258, 278, 296, 324, 332, 333, 341
 Габон 195, 296, 333, 343
 Гавана, г. 196, 202, 203
 Газа, р-н 193
 Гайана 201, 330, 336
 Гамбия 196, 333
 Гамбург, г. 318
 Гана 195, 296, 332
 Ганьсу, пров. 40, 118, 156, 159, 160
 Гвинея 195, 332, 342
 Гвинея-Бисау 196

- Гдыня, г. 131
Германская Демократическая Республика (ГДР) 143, 166, 176—178, 213
Гималаи, горы 5
Голландия 216, 284, 332
Гонконг (Сянган), г. 8, 16, 20, 29, 49, 131, 132, 142, 147—149, 184, 185, 227, 229, 284
Гренобль, г. 318
Греция 210, 212
Гуандун, пров. 6, 8—14, 19, 20, 41, 42, 65, 84, 96, 111, 120, 131, 228, 229, 284, 341, 342, 343, 345
Гуанси-Гуйчжоу, ж. д. 128
Гуанси-Чжуанский авт. р-н (ГЧАР) 8—14, 19, 78, 105, 107, 109, 111, 120, 128, 130, 338
Гуантанамо, база 201
Гуанчжоу (Кантон), г. 5, 6, 8, 10, 12—15, 17—19, 82, 110, 128, 131, 132, 149—151, 173, 324, 327, 336, 342
Гуанчжоуская экон. зона 16, 18
Гуанчжоуский в. о. 39, 40
Гуйци, г. 129
Гуйчжоу, пров. 18, 42, 44, 110, 120, 126, 128
Гунлю, у. 122
Гуюань, у. 157
Гээрму (Голмо), г. 128
Даган, нефт. пр. 6, 106
Даган — Тяньцзинь — Пекин, нефт. пр. 6
Далянь, г. 6, 106
Дадухэ, р. 126
Дакка, г. 334
Дали-Байский авт. окр. 126
Дальний Восток 179, 180, 204, 209
Дания 295
Дацин, г. 6, 106, 276, 324
Дацин, нефт. пр. 6, 55, 77, 95, 101, 106, 108, 109, 138, 322, 323, 325, 339
Дацин — КНДР, нефт. пр. 6
Дацин — Люйда, нефт. пр. 6
Дацин — Циньхуандао — Пекин, нефт. пр. 6
Дачжай, б. произв. бр. 78, 95, 113, 138, 308, 325, 344
Дели, г. 189, 190
Джомолунгма, г. в. 5
Джорджтаун, г. 336
Доминика 331
Дунтинху, оз. 9
Дунтинху, рав. 7
Дэлинха, г. 128
Дэсин, у. 109
Европа 176, 178, 179, 181, 210, 211, 213, 230, 277, 295
Египет (Арабская Республика Египет) 192—195, 329, 332, 335
Женева, г. 318
Жэньцзю, м-ние 106
Заир 195—198, 205
Замбия 342
Западная Африка 195
Западная Германия 213
Западная Европа 167, 177, 203, 209—211, 213—216, 225, 295
Израиль 192—194
Иминьхэский кам. у. бас. 129
Индийский океан 191, 205, 222
Индия 5, 188—192, 204, 237, 238, 338
Индокитай 186—188, 202, 204, 205, 239
Индонезия 185
Инкоу, г. 6
Иордан, р. 193
Иордания 195
Ирак 149, 195, 332
Иран 194, 195, 205, 331, 333, 342
Исламабад, г. 336
Исландия 295
Испания 132, 210, 212, 256, 330, 335
Италия 131, 145, 147, 212, 214, 257, 284, 293, 295, 331, 333
Кайлуань, г. 276
Кайлуаньский кам. у. бас. 82, 322
Кайфын, г. 16, 17
Каир, г. 335
Камерун 195, 343
Кампучия 168, 169, 172, 174, 183, 185, 230, 234, 331
Канада 145, 146, 200, 221, 223, 224, 293—295, 317
Каобанг, пров. (СРВ) 234
Каодун, у. 138
Карамайские нефт. пр. 6
Каракорум, хр. 190, 191, 238
Карачи, г. 132, 191
Карибский бассейн 200
Катманду, г. 192
Кашмир, р-н 190, 191
Кения 196, 197, 332
Коломбо, г. 295, 338
Конго 195, 196, 332, 342
Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) 5, 179, 180, 295, 296, 329—331
Корейский п-ов 205
Корея 180
Красное море 194
Крым 166
Куба 175, 176, 182, 198—203
Кувейт 194, 195
Кунлон, г. 238

- Куньмин, г. 173, 324
 Куньминский в. о. 39
 Курля, г. 129
 Кэмп-Дэвид, г. 193
- Ладак, территория 238
 Ланьчжоу, г. 7, 129
 Ланьчжоуский в. о. 39
 Лаос (Лаосская Народно-Демократическая Республика, ЛНДР) 5, 132, 238, 239, 296, 333
 Латинская Америка 148, 175, 176, 199, 200, 231, 296
 Лёссовое плато 121
 Либерия 148, 195, 196
 Ливия 193, 330, 335
 Лобнор, оз. 7
 Ломань, ж.-д. ст. 128
 Лондон, г. 215, 295, 336
 Лошань, г. 319
 Лоян, г. 13, 16, 17, 103
 Луаньхэ, р. 125
 Лунхайская ж. д. 15, 17
 Лучжоу, г. 106
 Лхаса, г. 78, 80, 107, 128
 Люйда (Порт-Артур — Дальний), г. 6
 Люксембург 146, 258
 Люцзяся, ГЭС 7
 Лючжоу, г. 13, 15, 19
 Люпаньшуйский кам. у. бас. 105
 Ляньюньган, г. 130
 Ляонин, пров. 6, 35, 41, 65, 107, 110, 117, 121, 284, 345
 Ляохэ, р. 7, 106, 125
- Мадагаскар 195
 Макао (Аомэнь), г. 8, 20, 29, 49, 142, 149, 227, 229
 Макклесфилд-бэнк, отмель 334
 Малайзия 149, 172, 183—185, 187, 188, 332, 334
 Мали 195, 196, 332, 342
 Мальта 212, 330
 Манила, г. 184, 334, 337
 Маомин, г. 12, 13, 15, 19
 Мексика 200, 201, 296
 Мизорам, территория 238
 Мозамбик 195, 196, 330, 335
 Монгольская Народная Республика (МНР) 5, 6, 123, 166, 170, 174, 175, 232
 Москва, г. 173, 188, 321
- Нагаленд, штат (Индия) 238
 Намибия 199
 Накин, г. 106, 110, 294, 327
 Наккинский в. о. 36, 39
 Напанин, г. 14, 19, 173, 324, 338
 Напьян, г. 65
 Напьян, р.-н 341
 Напьян, горы 9, 13
- Народно-Демократическая Республика Йемен (НДРИ) 195, 329, 335
 Непал 5, 132, 149, 191, 192, 238, 329, 330
 Нигер 196, 333
 Нигерия 195, 332
 Нинся—Хузэйский авт. р.-н (НХАР) 42, 77, 121, 125, 129
 Норвегия 131, 212, 216, 295, 336
- Объединенные Арабские Эмираты 194
 Оман 194, 195, 330
- Пакистан 130, 190, 191, 238, 296, 336, 342
 Палестина 193
 Панама 231
 Паньчжихуа, мет. комб. 108
 Парасельские о-ва 131, 236, 237, 334
 Париж, г. 214
 Паньшань, г. 6
 Пекин, г. 5—7, 15, 17—19, 23, 24, 41, 45, 50, 60, 64, 66, 67, 79, 86, 87, 109, 110, 117, 128, 129, 131—133, 138, 148, 153, 158, 159, 170, 189, 192, 194, 195, 206, 209, 212, 217, 219, 220, 222, 223, 230, 232, 246, 258, 276, 280, 283, 285, 288, 290, 292, 296, 299, 316, 318, 319, 321—328, 331—345
 Пекинский в. о. 39
 Пекин-Гуанчжоуская ж. д. 15, 17—19, 128
 Персидский зал. 182, 192, 194
 Перу 231, 343
 Пинго, у. 109
 Пиндиншань, г. 12, 16, 17
 Пномпень, г. 234
 Польша (Польская Народная Республика, ПНР) 143, 166, 176, 178
 Португалия 210, 295
 Поянху, рав. 7
 Пратас, о-ва 334
 Пхеньян, г. 333, 335
- Рангун 238, 332
 Родезия 199
 РСФСР 32
 Руанда 195, 196, 330, 332, 335
 Румыния (Социалистическая Республика Румыния, СРР) 143, 144, 166, 179, 180, 258, 295, 296, 330—333, 335, 341—341
- Сан-Томе и Принсипи 296
 Саньмэнься, ГЭС 7
 Санься, ущелье 9
 Саудовская Аравия 194
 Сахара, пустыня 195
 Северная Америка 223
 Северный Китай 106, 125, 129, 276

- Северо-Восточный Китай 8, 65, 129, 290
Северо-Западный Китай 6, 7, 118, 157, 159
Северосычуаньский в. о. 340
Северохэнаньская экон. зона 16
Сейшельские острова 148, 195, 196, 329, 335
Сенкаку, о-ва 217, 219, 236, 237
Сиань, г. 336
Сикким 238
Сикюаншань, г. 13
Сикюаншань, м-ние 9
Синайский п-ов 193
Сингапур, г. 172, 183—185, 187, 188, 296, 332
Синин, г. 78, 128
Синьган, порт 130
Синьсянь, у. 112
Синьцзян 106, 122, 191, 238
Синьцзян-Уйгурский авт. р-н (СУАР) 41, 64, 66, 77, 78, 80, 106, 122, 129, 131, 160, 344
Синьцзянский в. о. 39
Сирия 195, 296
Сицзян, р. 5, 7
Сомали 195, 196, 296, 329, 332, 335, 342, 343
София, г. 177, 334
Спратли, о-ва 236, 334
Средиземное море 212
СССР (Союз Советских Социалистических Республик) 5, 6, 29, 51, 52, 60, 76, 81, 118, 121, 123, 143, 166—174, 176—178, 180, 182, 186—189, 192, 194, 198—201, 204—206, 208, 210—215, 217—219, 221—227, 232, 233, 254—258, 278, 281, 284, 286, 309, 310, 321, 322, 329, 332, 335
Судан 195, 332, 342
Сунхуацзян (Сунгари), р. 125
Сучжоу, г. 336
США (Соединенные Штаты Америки) 121, 145—147, 167, 168, 176, 180, 186, 190, 192, 193, 195, 197, 199, 200—209, 213, 215, 216, 218, 219, 222, 223, 225, 229, 239, 282, 284, 288, 293, 312, 317—319, 330, 331, 333, 336, 338.
Сычуань, пров. 6, 7, 15, 23, 43, 106, 108, 109, 112, 120, 122, 126, 128, 156, 157, 319, 341, 342, 343
Сьерра-Леоне 196, 333
Сюньи, у. 112
Сянсян, у. 93, 97, 113, 156
Сянтань, г. 18
Сяньфань, г. 128, 129
Сянцзян, р. 18
Тайвань, г. 129
Тайвань, о. 5, 55, 149, 204, 207, 208, 227, 236, 328, 332
Тайваньский прол. 208
Тайюань, г. 128, 129
Тайюань-Цзяоцзо, ж. д. 128
Тайюаньский мст. комб. 109
Танзания 149, 195, 196, 331, 342
Таншань, г. 107, 125
Таньян, г. 238
Тегеран, г. 336
Тибет 7, 23, 80, 128, 238, 295
Тибетский авт. р-н (ТАР) 23, 64, 77—80, 109, 128, 192, 343
Тибетское плато 109
Тихий океан 168, 184, 186, 187, 208, 217, 223
Того 196, 333
Токио, г. 231, 237, 336
Трикастен, г. 318
Тринидад и Тобаго 201, 330
Тропическая Африка 198
Тунбаошань, р-н 341
Тунис 296
Тунляо, г. 129
Турфан, г. 129
Турфанская впадина 5
Турция 195, 330, 332
Тяньцзинь, г. 5—7, 23, 40, 41, 65, 107, 110, 117, 125, 130, 324, 336, 344, 345
Урумчи, г. 129, 132
Уси, у. 92
Ухань, г. 8, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 86, 103, 130, 321, 327, 338
Уханьская экон. зона 16, 17
Уханьский мст. комб. 13, 108, 135
Уханьский в. о. 39
Уху, г. 129
Уян, г. 128
Федеративная Республика Германия (ФРГ) 18, 108, 140, 144—147, 178, 211, 213, 217, 288, 293—296, 317, 318, 331—333
Фиджи 330
Филиппины 148, 183, 184, 187, 205, 231, 333, 334, 337
Финляндия 295
Флоренция, г. 257
Фошань, г. 6, 19
Франция 132, 144, 145, 147, 205, 211, 214—216, 288, 293—295, 317, 318, 329, 331, 333, 334, 337
Фуцзянь, пров. 43, 65, 105, 228, 344
Фуцжоуский в. о. 39, 40
Фуцжун, г. 13
Хайкоу, г. 14
Хайлар, г. 129

- Хайнань, о. 9, 15, 131
 Ханой, г. 333
 Ханчжоу, г. 109, 129, 336
 Ханьдань, г. 129
 Ханькоу, г., см. Ухань
 Ханьшуй, р. 17
 Холиньхэский кам. у. бас. 129
 Хуайнашский кам. у. бас. 153
 Хуайхэ, р. 7, 125
 Хуанпу, порт 15, 130, 153
 Хуанхэ, р. 5, 7—9, 16, 125, 157, 159
 Хуанши, г. 13, 17, 18
 Хубэй, пров. 8—12, 64, 66, 105, 118, 128, 135, 156, 284, 341, 345
 Хунань, пров. 8—11, 15, 18, 41, 93, 97, 105, 107, 113, 120, 125, 128, 138, 156, 228, 285, 340, 344
 Хух-Хото, г. 79
 Хэбэй, пров. 106, 120, 129, 220, 228, 295, 341
 Хэйлуцзян, пров. 6, 7, 40, 43, 64, 65, 111, 117, 118, 120, 122, 129, 156, 233
 Хэнань, пров. 8—12, 14, 16, 40, 41, 84, 107, 120, 128, 341, 343
 Хэнъян, г. 13
 Хэси, коридор 118
- Цайдам 276
 Цайдамская впадина 118, 129
 Цанчжоу, г. 106
 Центральная Африка 195
 Центральная Европа 210
 Центрально-Хэбэйская рав. 106
 Центрально-Южный Китай 4, 8—16, 19
 Цзиньинь (Гирин), пров. 107, 117, 129, 290
 Цзиннань, г. 153
 Цзинаньский в. о. 39
 Цзиньюань, г. 129
 Цзянмынь, г. 19
 Цзянси, пров. 65, 84, 108, 109, 120, 121, 129, 337
 Цзянсу, пров. 23, 92, 107, 120, 228, 345
 Цзянханьская рав. 7
 Цзянцзинь, у. 157
 Цзяоцзо, г. 12, 15, 16, 128
 Циндао, г. 6, 65, 106, 159
 Цинтуань, ГЭС 7
 Цинхай, пров. 6, 109, 128, 228
 Циньхуандао, г. 6, 106, 130
 Цинхэ, г. 107
 Цюрних, г. 132
- Чад 195, 196
 Чанду (Чамдо), окр. 109
 Чанчунь, г. 265
 Чанпин, г. 129
 Чанчжи, г. 128, 129
- Чанша, г. 13, 15, 18
 Чанша — Сянтань — Чжучжоуская экон. зона 16, 18
 Чаншоу, у. 110
 Чехословакия (Чехословацкая Социалистическая Республика, ЧССР) 143, 166, 176, 179
 Чжаньцзян — Маомин, нефтепр. 15
 Чжаньцзян, г. 6, 15, 19
 Чжичэн, г. 128
 Чжичэн-Лючжоу, ж. д. 128
 Чжужэхэ, г. 129
 Чжунвэй, у. 125
 Чжуннин, у. 125
 Чжунцзябао, жел. руд. м-ние 108
 Чжуцзян, р. 9, 12, 14, 15, 18, 106, 125
 Чжучжоу, г. 13, 18, 129
 Чжэнчжоу, г. 13, 16, 17
 Чжэцзян, пров. 42, 106, 107, 120, 121, 228
 Чикаго, г. 257, 318
 Чили 182, 199
 Чумби, долина 238
 Чунцин, г. 7, 128, 129, 338
 Чэнду, г. 7, 129, 151
 Чэнду, рав. 7
 Чэндуский в. о. 39, 341, 342
- Шаба (Катанга), Заирская пров. 197, 202
 Шанхай, г. 5, 6, 23, 40, 41, 82, 86, 87, 104, 110, 117, 129, 130, 132, 153, 220, 280, 284, 316, 319, 325, 327, 336, 339, 344, 345
 Шанская обл. (Бирма) 238
 Шаньдун, пров. 6, 23, 40, 64—66, 105, 120, 126, 129, 156, 159, 341
 Шаньси, пров. 42, 120, 128, 129, 343, 344
 Шаньтоу, г. 14, 15, 19
 Шаньчан, жел. руд. м-ние 337
 Шаогуань, г. 13, 19
 Швейцария 131, 132, 214, 293, 295, 317—319, 333
 Швеция 144, 212, 214, 295, 333
 Шифан, у. 156
 Шицзячжуан, г. 129
 Шри Ланка 192, 338
 Штутгарт, г. 296
 Шуйкоушань, г. 13
 Шэнли, нефт. пр. 6, 106
 Шэнли—Циндао, нефтепр. 6
 Шэньси, пров. 35, 41, 112, 340
 Шэньян, г. 329
 Шэньанский в. о. 39, 40
- Эфиопия 196, 198
- ЮАР 197, 199
 Юго-Восточная Азия 16, 69, 148, 149,

- 168, 172, 173, 182—188, 198, 204,
208, 215, 230
- Юго-Западный Китай 7, 9, 15, 105
- Югославия (Социалистическая Федеративная Республика Югославия, СФРЮ) 131, 132, 143, 144, 179, 181, 258, 296, 331, 333, 334, 342
- Южная Азия 182, 188, 190, 191, 215
- Южная Африка 182, 198, 199
- Южная Корея 179, 180, 204
- Южно-Китайское море 6, 8, 9, 236, 336
- Южный Вьетнам 172
- Юймэньские нефт. пр. 6
- Юйэргоу, г. 129
- Юньнань, пров. 9, 109, 126
- Ямайка 201, 231, 330
- Янбацзинь, г. 107
- Янцзы, р. 5, 7, 9, 15, 17, 123, 125, 126, 130
- Яньань, г. 328, 340
- Яньтай, г. 322
- Яньчжоуский кам. у. бас. 105
- Япония 18, 108, 121, 130, 131, 140, 145—147, 151, 168, 180, 185, 186, 190, 203—205, 207, 213, 217—221, 231, 236, 237, 284, 288, 293—295, 312, 317, 318, 327, 330, 331, 334, 340

The Yearbook "The People's Republic of China: Politics Economics, Ideology" has been published by the Institute of the Far East since 1973. The Yearbook is a reference publication which pursues the objective of systematising the important data for the current year, analyses the country's public and political life, its ideology, economic position and its main foreign-policy trends. The Yearbook has a permanent structure — with some variations when additional survey articles are included.

In its Preface the Editorial Board stresses that the year 1978 has yielded convincing evidence of the far-reaching degeneration of the policy of the Beijing (Peking) leadership, of the utter ideological degradation of Mao's successors and followers, of the danger to the world peace with which the present political course of Beijing is fraught. The year 1978 is also marked by the Maoist leadership's demonstration of its determination to use all possible means to fulfil its ambitious plans of making China a strong militarist state by the beginning of the 21st century. All the sections of the Yearbook expose and analyse this process, which involves every aspect of China's public and political life.

The Yearbook opens with a survey of the *geographical features* of the PRC, giving information on its territory, relief, boundaries, largest cities, the trends of population growth and the administrative division of the PRC.

In the same section there is a survey of the location of productive forces that took shape in the 70s: after the havoc wrought by the cultural revolution, certain changes emerged due to the discovery and tapping of new oil deposits in the east of the country, the building up of China's rocket and nuclear potential, the organisation of market agriculture bases, and the reopening and completion of a number of large industrial plants.

The article on Central-South China follows up the series on "The Economic Regions of the PRC", started in 1976. It gives an account of the natural wealth and manpower resources of that region, its industry, agriculture, transport and economic ties, and also presents its four main economic zones (North Henan, Wuhan, Changsha-Xiangtan-Zhuzhou, Gongzhou). It is stressed that the district as a whole has a low economic development level. In respect of the industrial potential the district occupies the fourth place among the

country's six regions, and with regard to gross agricultural output—the second place. Its estimated share in the total industrial and agricultural output is 15 and 27 per cent respectively. As to the population, it takes the second place in the country (approximately 26.5 and 27 per cent respectively of the total population of the PRC). The region as a whole has an industrial-agrarian character, the share of industrial output and that of agriculture being nearly the same.

The main event in *the building up of the state* was the convening of the First Session of the Fifth National People's Congress (NPC), February 26- March 5, 1978. The Yearbook analyses the preparation for the Session, the composition of its membership, the proceedings of the Session and the essence of its resolutions, stressing that in the formation of the highest representative body of state power the elementary principles of democracy were disregarded. The membership of the National People's Congress reveals first of all the growth of the Army's role, the increase in the number of the Chinese bourgeoisie representatives and the decrease in the number of the workers', peasants' and soldiers' deputies. The decisions taken at the Session were directed at the consolidation through legislation of a series of important state institutes, indispensable for increasing the efficiency of the state machine in the implementation of the "Four Modernisations" programme. The membership of the supreme state bodies elected at the Session reflects the confrontation that was going on between different groups in the Beijing upper crust and the growing influence of the rehabilitated cadres who had pushed aside the "cultural revolution" cadres.

In a special article on the Constitution of the PRC, adopted by the First Session of the Fifth National People's Congress, the conclusion is made that the Constitution combines a declaration of loyalty to Maoism with an attempt by the Chinese leaders to continue their old nationalistic and hegemonistic course by subtler means, using certain rational ways and methods so as to camouflage the true nature of their policy.

The activities of *the political parties and public organisations* had unfolded under the slogan of „introducing order" in the country. Above all it concerned the Communist Party of China, where fractional strife was still going on, with preference for local interests and sectarianism rife. The year saw a large-scale purge among leaders of different rank and at the same time a rehabilitation of the old cadres and their return to their jobs. Some measures were taken to strengthen party discipline, to "improve" the composition of the party, to induce its organs to be more active in solving economic problems. All these measures were accounted for by the fact that the Beijing leadership was in need of a viable political organisation, which would implement the Maoist political course and also veil by its authority the un-popular character of the PRC military-bureaucratic regime.

The same goal was pursued through the activation of the mass public organisations, such as the trade unions, the Communist Youth League, the women's associations and the People's Political Consultative Conference of China. Their sessions and congresses were convened after a significant break (sometimes after 20 years). It is stated in the Yearbook that the reopening of the mass public organisations in 1978 was actually effected on a new basis.

The political situation continued to be involved and contradictory: on the one hand, the post-Mao leadership without any notable success had tried to achieve "stability and unity" in the country in order to mobilise all forces to fulfil the hegemonistic militarist programme of the "Four Modernisations"; on the other hand, the leadership had tried to strengthen the vitality of "Maoism without Mao" by introducing a "new" meaning into some of "Mao Zedong's ideas", while strengthening at the same time their reactionary and chauvinistic elements.

The situation in the national minority districts continued to be tense, in spite of the steps taken by the CPC leadership and the local authorities to normalise it. According to Beijing's thinking, the show of "unity" and "equality" of all the nationalities of China should help not only in building up a mighty power, but also in carrying out their expansionist policy, since nearly all the minority districts are near the country's borders.

A special survey is devoted to the role and place of the working class, peasants, scientists intellectuals and the cadre personnel of the administration ("*ganbu*") in China's social and class structure. The features of the course *vis-à-vis* these classes are shown in the light of the Beijing leadership's social policy, and the main trends of their development in 1978 are analysed.

The economic section takes stock of the new elements of *the economic policy* brought about by the need to overcome stagnation in the national economy. It is stressed that the course of the rapid up-building of the military-industrial potential has damaged the civil branches of the PRC economy. It is also stated that the announced "radical" reorganisation of the system of management in the national economy with the aim of accommodating it to the needs of the "Four Modernisations" does not represent in itself an integral and well-grounded programme.

The same section takes stock of the measure of progress observed in industrial development, as well as its causes and the condition of the main branches of industry. It is also pointed out that the data published in the summer of 1979 (for the first time after an interval of 20 years) concerning the key industrial items produced in 1977 and 1978, seem to be higher than the actual data and in many instances do not tally with the previously published data on the total and relative volume of the annual production increments.

The development of the weakest link in China's economy that of agriculture (where over two-thirds of the gainfully employed popu-

lation are engaged and which yields over a half of the revenues), did not fully correspond to the actual requirements of the country even less to the ambitious plans of the leaders. The estimates published in the Yearbook show that the rosy picture of agriculture in the year 1978, drawn by the Beijing propaganda, is far from reality, and the data published on the gross yield of grain and cotton were obviously exaggerated.

The situation in other branches of the national economy was far from satisfactory in 1978. They were again subjected to "readjustment": the data on the planned growth rates of irrigation projects are not very convincing, the normalisation of the functioning of the transport facilities has not been complete, the country's financial system is extremely tense, shortages of the prime necessities are very acute on a nation-wide scale. At the same time, to the detriment of the country's economic development, 40 per cent of the state budget (taking into account the "concealed" items) was spent on military purposes.

Important changes have taken place in *foreign-economic relations*, which were widely and intensively employed in realising the ambitious plans of the "Four Modernisations". Analysing the foreign-economic policy of the PRC and its foreign trade, the authors of the article show that priority is given to the development of relations with the advanced capitalist countries; they also indicate the somewhat limited possibilities of Chinese "partnership" in this field.

The foreign policy of the PRC has become part and parcel of the imperialist reactionary policy, aimed at wrecking the détente and increasing world tension. China has revealed itself as an instigator of international conflicts and is now the only country which directs its policy towards provoking a new world war.

The Beijing leadership, cherishing its hegemonistic schemes to make China Nation No. 1, consider the USA and the other NATO countries, as well as Japan, their temporary allies in the struggle against the USSR and the other socialist countries, against the world revolutionary and national-liberation movements. Beijing has been trying hard to offer the "Chinese trump" to the ruling circles of the capitalist countries, hoping that the imperialist and reactionary forces would direct their efforts towards the instigation of a world nuclear conflict between the USSR and the USA, with China being just an onlooker.

The facts prove irrefutably that in pursuit of her aims China has come to occupy the same position as the forces that undermine the national-liberation movement on the three continents and has even taken on occasion an active part in the military offensive of neocolonialism. On the continent of Asia, China has assumed the role of the "local policeman" to supplement the American presence there. Actually there is not a single country left along her borderline which China does not confront with territorial claims and against which she does not direct subversive activities. The Chinese leaders

set great store by the ethnic Chinese abroad, trying to involve them into their hegemonistic schemes. The Yearbook shows that China's policy aimed as it if at undermining international cooperation and causing "great chaos" runs counter to the vital interests of all the nations, including the Chinese.

The ideological situation in China was very tense as an outcome of the contradictions in the Beijing leadership over the attitude to be taken towards the "aims" and the "line" of Mao Zedong. The feverish attempts of the Beijing leadership to patch up, to "modernise" Maoism and to adjust its new version, based on social chauvinism, to the political needs of today have merely revealed the theoretical failure of Maoism and its fundamental hostility to scientific socialism.

A deepening crisis has affected the pro-Beijing groups abroad — the "ideological followers" of Maoism, who in the eyes of the public in many countries are just Beijing's agents and have actually neither any significant social base nor any constructive programmes.

Another volte-face has been made by Beijing in its policy line with regard to *culture*. This time the purpose was to make literature, art and education serve the current tasks of the Maoist line the tasks of the "Four Modernisations". In doing so the blame for the victimisation of the intellectuals in the past years was placed by Beijing only on the "gang of four" while Mao Zedong — the direct organiser and instigator of a series of campaigns against the intellectuals — has been sheltered from the fire of criticism. A most significant event in the cultural life was the rehabilitation of the writers, art workers and scientists as well as their works, though it did not overstep certain limits. As the Yearbook indicates, the Beijing leadership still upholds "Mao Zedong course" with its characteristic utilitarian approach to culture. It does not aim to give up the practice of widely using literature and the arts in the interests of its anti-socialist, hegemonistic policy.

The development of science in the PRC has become part of the "Four Modernisations" programme. Beijing has officially acknowledged that the country lags behind world standards in science, and due to this it has advanced large-scale plans of scientific research in various fields, aimed in the long run at the total militarisation of China. It is noted in the Yearbook that research work in China has a military trend, with an obvious orientation on the advanced capitalist countries, the rehabilitation of a number of leading scientists, and the publication of many "theoretical" articles in support of Beijing's "new course". At the same time it is underlined that many of the plans have a faulty scientific and financial groundwork and have only narrowly pragmatic aims, ignoring the objective laws of economic development.

The supplement to the Yearbook comprises reference material, including the detailed factual account of events in China and the column presenting the profiles of key figures in the PRC leadership.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Общие сведения	5
Краткая географическая характеристика	5
Изменения в размещении производительных сил	6
Экономические районы КНР. Центральнo-Южный Китай	8
Государственный строй	21
1-я сессия ВСНП 5-го созыва (К. А. Егоров)	21
Конституция КНР 1978 г. (Л. М. Гудошников)	28
Постоянный комитет ВСНП (Н. Н. Трубочкин)	34
Новый состав Госсовета (Н. Н. Трубочкин, Ю. А. Шварев)	36
Изменения в командовании Народно-освободительной армии (А. М. Туманов)	39
Политические партии и общественные организации	41
Положение в КПК (Г. А. Степанова)	41
Изменения в составе Политбюро ЦК КПК (Н. Н. Трубочкин)	47
Сессия Всекитайского комитета НПКСК (К. А. Егоров)	48
Состав ВК НПКСК 5-го созыва (Н. Н. Трубочкин)	53
IX съезд профсоюзов (А. П. Давыдов)	54
X съезд Коммунистического союза молодежи Китая (Ю. Е. Гомолов, Б. П. Барахта)	60
Деятельность женских организаций. IV съезд Всекитайской федерации женщин (Т. М. Емельянова)	64
Внутриполитическое положение	72
Основные тенденции внутриполитического развития (Б. П. Барахта)	72
Национальный вопрос (В. А. Богословский)	76
Социальная структура КНР и социальная политика (П. Б. Капранов, А. В. Островский, А. М. Круглов)	81
Экономика	92
Программа «четырёх модернизаций» и экономическая политика (А. М. Круглов, А. В. Островский)	92
Реорганизация системы управления народным хозяйством (В. Н. Рельга)	98
Промышленность (А. П. Морозов)	102
Сельское хозяйство (Е. В. Бубенцов, З. А. Муромцева, Ю. В. Миняков, Б. Г. Портненко)	112
Водохозяйственное строительство (А. А. Садиков, Р. Д. Щурова)	124
Транспорт (С. Л. Ширяев)	127
Финансы (С. М. Вовк)	133
Внутренняя торговля (Н. С. Наумова)	137
Внешнеэкономические связи (Г. В. Жданов, О. А. Иванов, А. В. Скородумов)	139
Ярмарка экспортных товаров в Гуанчжоу (Ю. С. Борисов)	149
Вопросы материального стимулирования в политике китайского руководства (И. Н. Наумов)	151
Внешняя политика и международные отношения	166

Пекин: усиливающаяся угроза миру и безопасности народов (А. Г. Яковлев)	166
КНР и социалистические страны (Д. М. Поспелов, Е. А. Григорьева)	169
КНР и развивающиеся страны	182
КНР и страны Юго-Восточной Азии (Ф. С. Быков, В. К. Абушаев)	183
КНР и страны Южной Азии (Н. С. Кулешов, А. В. Педин)	188
КНР и страны Арабского Востока и Персидского залива (В. Г. Горикова)	192
КНР и страны Африки (А. С. Красильников)	195
КНР и страны Латинской Америки (А. В. Кудрявцев)	199
КНР и движение неприсоединения (В. С. Степанов)	201
Отношения КНР с капиталистическими странами	203
КНР и США (В. И. Петухов, В. К. Вольский)	209
КНР и страны Западной Европы (А. Г. Ларин)	209
КНР и Япония (Р. Ш. Алиев)	217
Отношения КНР с Австралией и Канадой (В. А. Захваткина)	222
КНР и ООН (В. К. Хомяков)	224
Новый этап политики Пекина в отношении китайцев, проживающих за границей (Т. М. Котова)	226
Пограничная политика руководства КНР (Е. Д. Степанов)	231
Идеология	242
Идеологическая ситуация (Г. Н. Яценко, В. Ф. Феоктистов)	242
Подрывная деятельность зарубежных пропекинских группировок (Р. М. Асланов, И. В. Виноградова)	254
Вопросы исторического наследия в политической жизни КНР (Л. С. Переломов, М. Л. Асланова)	259
Культура и просвещение	268
Основные направления развития культуры (В. Ф. Сорокин)	268
Политика в отношении интеллигенции (С. Д. Маркова)	271
Литература (А. Н. Желоховцев)	275
Театр (И. В. Гайда)	278
Кино (С. А. Торонцев)	282
Изобразительное искусство (В. Л. Сычев)	284
Начальная и средняя школа (Н. Е. Боревская)	286
Высшее и специальное образование (Н. В. Франчук)	289
Культурные и научные связи (А. А. Антиповский)	292
Язык и письменность (О. И. Завьялова)	297
Наука	303
Некоторые проблемы развития экономических наук (Е. А. Коновалов)	303
Тенденции развития естественных и технических наук (Л. В. Филатов)	309
8-летний план развития науки и техники Китая и его выполнение в 1978 г. (И. И. Сарафанов)	313
Приложения	321
В Обществе советско-китайской дружбы (Р. А. Мировицкая)	321
Хроника событий (А. Н. Богданова, Н. В. Ганшина)	322
Персоналии (И. И. Трубочкин, З. Ф. Трудолюбова)	338
Книги о Китае, изданные в СССР в 1978 г. (А. С. Новгородская, Г. Г. Сверцевская)	346
Указатель имен (Л. А. Романова)	349
Указатель географических названий (Л. А. Романова)	355
Summary (Д. Т. Капустин)	361

КИТАЙСКАЯ
НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
В 1978 ГОДУ

Политика, экономика, идеология

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР*

*Редактор В. В. Кунин
Младший редактор Н. А. Перли
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор М. В. Погоскина
Корректоры К. Н. Драгунова и Л. М. Кольцина*

*Сдано в набор 25.12.79. Подписано к печ. 22.07.80.
А-01872. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. л. 23,5. Уч.-изд. л. 26,64. Тираж 25 000 экз.
Изд. № 4713. Заказ № 681. Цена 1 р. 90 к.*

*Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1*

*Набрано в Полиграфическом объединении «Полиграфист»
Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Мосгорисполкома
Москва, ул. Макаренко, 5/16.*

*Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10. Зак. 3360.*